

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В. П. ЯЙЛЕНКО

**АРХАИЧЕСКАЯ
ГРЕЦИЯ
И
БЛИЖНИЙ
ВОСТОК**

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3(0)3
Я43

Рецензенты

Т. В. БЛАВАТСКАЯ, С. Ю. САПРЫКИН

Ответственные редакторы

И. С. КЛОЧКОВ, В. Н. ЯРХО

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
АН СССР*

Яйленко В. П.

Я43 Архаическая Греция и Ближний Восток. — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы,
1990. — 271 с.: ил.
ISBN 5-02-016456-9

В монографии рассматриваются формирование раннеклассового общества в Греции XI—VII вв. до н. э. и ее связи с ближневосточной цивилизацией. Рассмотрены материальное и социальное развитие раннегреческих центров, черты земельного строя, социальный механизм колонизационного движения в VIII—VII вв. как основной формы раннеклассовой социально-политической коммуникации греческого общества. Впервые дан систематический очерк связей Греции со странами Ближнего Востока, оказавшими значительное воздействие на формирование раннегреческой цивилизации.

0503010000-035
Я 013(02)-90 22-89

ББК 63.3(0)3:

ISBN 5-02-016456-9

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

Крушение микенской цивилизации на рубеже XIII—XII вв. до н. э.* под натиском северо-западных греков и сопредельных народов радикально изменило процесс исторического развития Греции. Этническая и политическая карта страны полностью перекроилась. Почти на всех раскопанных поселениях, где представлены слои с микенской и геометрической керамикой, отмечается разрыв в культурной традиции: оба слоя изолированы друг от друга. Лишь в отдельных случаях (например, Карфи на Крите) подобного разрыва не наблюдается. Поэтому почти все исследователи с полным основанием говорят об отсутствии преемственности между микенской Грецией и последующей эпохой, наступившей в начале I тысячелетия. Длительный период между концом XIII—IX в. известен нам преимущественно по археологическим данным; ввиду отсутствия достоверной синхронной письменной традиции этот период с легкой руки Дж. Мюррея получил название «темных веков». Разумеется, исследователи полностью сознают, что это понятие ни в коей мере не является историческим, свидетельствуя лишь о скудости наших источников¹.

С какого же времени следует начинать тот период греческой истории, который пришел на смену «темным векам» и который обычно называют архаическим? Многие ученые, как правило, начинают его с VIII или VII в. Например, В. Эренберг в специальной статье о периодизации ранней истории Греции говорит о «темных веках», приходящихся на XI—IX вв., а архаический период относит к VII—VI вв.² К сожалению, в схеме В. Эренберга не нашел себе места VIII век — поворотный во всех отношениях для греческой цивилизации, так что можно понять позицию тех ученых, которые, подобно Л. Джеффери,

* Далее все даты — до н. э., за исключением специально оговоренных случаев.

Эта книга — дань моей признательности дорогим учителям, как здравствующим, так и покойным, которым я обязан многим: Виктору Никитичу Лазареву, Анатолию Михайловичу Сахарову, Клавдии Андреевне Морозовой. Хотелось бы вспомнить добрым словом также и других преподавателей Московского университета, которые щедро делились со мною и моими товарищами обширными знаниями, — Л. Н. Годовикову, Л. П. Паняеву, М. Н. Славятинскую, А. Н. Попова, А. Ч. Козаржевского (классические языки), А. Б. Долгопольского (сравнительное языкознание), В. Д. Блаватского (античная археология), В. М. Василенко, В. Н. Гращенкова, Ю. К. Золотова, М. А. Ильина, Р. С. Кауфмана, В. В. Кириллова, Ю. Д. Колпинского, И. Л. Маца, В. Н. Прокофьева, Д. В. Сарабьянова, А. А. Федорова-Давыдова (история искусства).

относили начало архаического периода именно к VIII в.³ По мнению английской исследовательницы, четыре фактора указывают на это: появление греческого алфавита, начало колонизации греками Запада, широкое развитие производства изделий из железа, оформление гомеровских поэм в дошедшем до нас виде.

Все эти факторы, однако, были продолжением и в конечном счете результатом предшествующего развития страны. Первые века I тысячелетия в истории Греции — стадияльно единый исторический процесс, и начало архаической эпохи, безусловно, лежит не в VIII в.: такие общеэллинские события взрывного характера, как Лелантинская война (см. Приложение I) и ускорение колонизационного движения во второй половине века были результатом длительного предшествующего развития, подготовившего также и такие консолидирующие факторы, как повсеместное распространение геометрического стиля в керамическом производстве, учреждение Олимпийских игр, широкое распространение греческого алфавита и гомеровского эпоса — от Ионии до Питекусс на крайнем Западе⁴.

На мой взгляд, основным признаком начала архаической эпохи служит окончание миграционных движений внутри греческого мира, когда, по меткому выражению Фукидида, «Эллада прочно успокоилась» (I, 12, 4), поскольку такие движения препятствовали поселенческой и экономической стабильности (ср. характеристику миграционной эпохи в той же «Археологии» Фукидида: сельскохозяйственное производство удовлетворяло лишь кратковременный спрос; ввиду отсутствия товаров не было торговли; не было сколько-нибудь значительных городов и материальных средств — I, 2, 2). Vice versa развитие всех этих факторов началось лишь с окончанием миграционной эпохи, археологически приходящимся на X в.⁵

В результате миграций XIII—XI вв. этническая и политическая карта Греции существенным образом перекроилась, и к X в. в основном сложились те территориально-этнические области, которые определили в дальнейшем лицо собственно исторической Греции. Именно с этого времени, на мой взгляд, и берет свое начало архаическая эпоха истории страны.

Другим признаком начала новой эпохи в истории страны служит возникновение и распространение протогеометрического стиля в наиболее массовом виде ремесленного производства — керамике, который представляет собой первый известный нам феномен общеэллинского характера. По наиболее распространенной археологической классификации его возникновение приходится на вторую половину XI в.⁶

Таким образом, начало архаической эпохи следует отнести примерно на рубеж XI—X вв. По содержанию эта эпоха представляет собой весьма сложное явление, и правильнее разделить ее на два периода — раннеархаический и собственно архаический (можно назвать его также «высокой» архаикой по

аналогии с Высоким Возрождением), рубеж между которыми приходится на VIII столетие (о его важнейшем значении речь шла выше). Этот век с полным основанием можно назвать гесиодовским, ибо поэма Гесиода «Труды и дни» дает нам основную сумму данных для его характеристики.

Раннеархаический период (X—VIII вв.) характеризуется стабилизацией населения материковой Греции, сходным в целом по стране уровнем жизни — при некотором имущественном расслоении в экономически развитых областях (например, «погребения эвпатридов» на афинском Керамике), которое, видимо, сопровождалось формированием аристократических родов; далее — хозяйственной самостоятельностью индивидуума («ойкос») в коллективном кругу, началом урбанистического становления города, наконец, эолийской и ионийской колонизацией западной части Малой Азии, экономическим и культурным лидерством Афин.

VIII столетие, гесиодовский век, во многом принадлежит к раннеархаическому периоду, став как бы итогом развития последнего. Вместе с тем если в раннеархаическом периоде свет цивилизации вновь (после микенской эпохи) еще только забрезжил над Элладой, то на VIII век приходится также и утренняя заря исторической Греции: гесиодовский век характеризуется теми экономическими, социально-демографическими и политическими явлениями, которые определили дальнейшее сложение облика собственно античной Греции. Для него характерны: начало формирования полиса как гражданского сообщества, а в материальном плане — более широкое становление урбанистических элементов на поселениях; выделение индивидуума из коллектива в мировоззренческом плане; социальная диффузность каждого отдельного сообщества, обусловленная отсутствием твердых социальных преград, т. е. слабо выраженная его словность; господство аристократии (монархия); экономическое и торговое лидерство Евбеи, Афин и Коринфа, их углубленные контакты с Восточным и Западным Средиземноморьем: посредством установления торговых факторий в Аль-Мине и на Питекуссах; наконец, относительное перенаселение, приведшее к колонизации Сицилии и Южной Италии.

Собственно архаика (VIII—VI вв.) характеризуется экономическим расцветом Ионии, Коринфа, Родоса, Эгины и ряда других городов, основанием, а затем и подъемом городов Великой Греции, Северной Эгеиды, Понта и Кирены, социальной активностью масс, окончательным оформлением сословной стратификации и главным образом — полиса как основной формы политической организации греческого общества, происходившей в целом эволюционно, но иногда и в условиях конфронтации олигархии, аристократии и демоса; кодификацией права, падением аристократического строя, учреждением полисных магистратур, упрочением олигархических и раннедемократических режимов, возникновением эсимнетий и тираний. Разработка не-

которых упомянутых выше вопросов и составляет предмет исследования данной монографии, причем главное внимание уделено двум проблемам — внутреннему развитию Греции в X—VIII вв. и ее контактам с Востоком.

Исследованию внутренней истории архаической Греции посвящена первая часть предлагаемой читателю монографии. Становление и развитие архаической Греции в X—IX вв. подготовило «открытие» греками на рубеже IX—VIII вв. Востока, которое в свою очередь оказало огромное влияние на последующее культурное и экономическое развитие греческого мира. Торговые связи с ближневосточным регионом, основание там факторий, а в Киликии — колоний повлекло за собой многообразное по своим проявлениям усвоение греками достижений цивилизаций этого региона. Конкретная разработка ближневосточной истории эллинов в VIII—VI вв. составляет вторую часть монографии.

Различные аспекты истории архаической эпохи нашли отражение в источниках как синхронных, так и последующих времен. При этом в трудах более поздних древнегреческих авторов эпизоды архаической истории Греции трактуются, как правило, в духе своего времени, что хорошо видно на примере сообщений Аристотеля («Афинская полития») и Плутарха (биография Солона) о кризисе в Афинах на рубеже VII—VI вв.⁷ В науке нового времени тем не менее часты случаи некритического восприятия подобных материалов, что приводило и приводит к построению таких социально-политических конструкций (например, о рабовладении как экономической основе социального устройства и материальных условий архаического греческого общества), которые не отвечают исторической действительности ранней Греции. В связи с этим в главах 3—5, трактующих вопросы социально-политического развития архаической Греции, мы придерживались ригористического метода отбора источников, который можно назвать ориентацией на «чистый» археологический комплекс⁸, т. е. опирались главным образом на данные источников архаической эпохи; сведения же из позднейших источников служили вспомогательным материалом. Такая методика предопределила основной упор на использование данных ранних лириков — Архилоха, Алкея, Солона, Тиртея и других, но, к примеру, существенные на первый взгляд сведения Феогнида не привлекались, поскольку феогнидовский корпус наряду с материалом VI в. включает также материалы V и даже IV в., вычленив которые невозможно.

По аналогичной причине исключены из круга источников гомеровские поэмы. Известно, что «Илиада» и «Одиссея», в особенности последняя, вобрала в себя реликты исторического опыта трех эпох — микенской, миграционной и архаической. Поскольку современное гомероведение не располагает твердыми критериями для соответствующего разграничения данных обеих поэм о греческом обществе, опирающийся на них иссле-

дователь архаической Греции всегда рискует привнести негомогенное явление в трактуемую им проблему. Не имея возможности детального разбора вопроса об историзме гомеровских поэм, отсылаю читателя к специальным работам по этой теме Ф. Хампля и А. Снодграсса⁹. Мне представляется методически обоснованной позиция этих ученых, сомневающих в исторической достоверности данных «Илиады» и «Одиссея». Конечно, нельзя не видеть определенных оснований для мнения об историзме сведений гомеровских поэм (в отечественной литературе оно нашло наиболее полное отражение в работах Ю. В. Андреева¹⁰): в них действительно частично отражена архаическая эпоха, но, повторим, они содержат реалии и предшествующих эпох, так что характеристика архаической эпохи по гомеровским данным неизбежно ведет исследователя к проецированности на II тысячелетие. Кроме того, отраженная в гомеровских поэмах архаическая Греция предстает единой, тогда как на протяжении X—VI вв. она прошла разные этапы развития, т. е. данные обеих поэм не позволяют увидеть рассматриваемый феномен — реалии архаической Греции — в последовательном развитии.

Конечно, оставляя за пределами круга используемых источников данные гомеровских поэм, Феогнида, Пиндара, мы несем определенные потери, однако полагаем, что лучше недосчитаться каких-либо черт в описываемом феномене, нежели исказить его чужеродными элементами. К счастью, отвлечение от гомеровских поэм в значительной мере компенсируется поэмой Гесиода «Труды и дни», анализ которой предоставляет в распоряжение исследователя филологические, текстуальные и исторические основания для выделения первоначального ядра поэмы — «Труды», аутентичного архаическому времени и тем самым становящегося ценнейшим историческим источником.

Сказанное, конечно, не означает, что источники позднейшего времени совсем не привлекались к работе: исследователю архаической Греции в любом случае приходится широко пользоваться позднейшими источниками, как, например, бесценной сокровищницей фактов «Политикой» и политиями Аристотеля. Главы 1 и 2 части I настоящей работы, к сожалению, написаны на основе данных источников разного времени по причине незначительного количества аутентичных сведений X—VIII вв. Но характер развития общества архаической эпохи и оценка протекавших в нем социально-политических процессов определялись по возможности исключительно данными самой эпохи, что позволило, как надеется автор, дать действительно аутентичную архаической Греции картину, не искаженную инновациями последующих эпох. Сказанное, конечно, не означает, что наши оценки во всем бесспорны — к сожалению, хороших источников по истории архаической Греции немного, так что ряд выводов неизбежно гипотетичен. Еще Плутарх в связи с тезеевскими, т. е. раннеархаическими временами, справедливо заме-

тил: «Неудивительно, что история сбивчиво повествует о столь древних событиях» (Thes. 27, 6), а между тем в его распоряжении было куда больше источников.

Остается отметить, что ограниченный объем работы не позволил остановиться подробно на всех основных вопросах истории ранней Греции — одним из них уделено меньше внимания, другим больше. В связи с этим минимально излагается и историография тех или иных затронутых вопросов.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Глава I

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА РАННЕАРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Филы

В результате так называемого дорийского вторжения в эпоху миграций произошло перераспределение мест обитания различных греческих и негреческих племен Эллады (ср. Thuc. I, 2, 1: «Каждое племя легко оставляло свою землю под давлением более многочисленного противника»). Освоение новых территорий — путем завоеваний или же заселения «ничейного» пространства — сопровождалось разделом их между родоплеменными общностями. Раздел осуществлялся на **разных** уровнях — от крупных разделов между племенами или их группами (спартанцы в Пелопоннесе, тетрады Фессалии — Arist. fr. 497) до относительно мелких разделов между отдельными генетильными сообществами — филими, фратриями, родами¹.

Мигрировавшие греческие общности делились на *филы*. Наиболее поздний образец такой структуры — три дорийские филы (диманы, гиллеи, памфилы). Название одной из них — памфилы — определенно указывает на ее относительно позднейшее происхождение, так что первоначально в дорийском обществе можно предполагать универсальную для первобытного состояния дуальную организацию — разделение на две филы².

Традиционная точка зрения о греческих филах как родоплеменных подразделениях³ в последнее время была подвергнута сомнению Д. Руселем, который развил гипотезу Э. Сданто об изначально территориальном происхождении и характере фил⁴. Эта теория, однако, совершенно игнорирует лингвистический аспект проблемы, определенно свидетельствующий против нее. В связи с этим напомним прежде всего о соответствии слова *phylē* глаголу *phuein*, не имеющему никакого отношения к территориальным признакам, что ясно указывает на первоначальную семантику слова «фила», относящуюся к понятиям «рождать», «род», «расти»⁵. Далее, греческое *phylon* (*phylē*) среди индоевропейских языков имеет соответствие только в ил-

илирийском, т. е. в северобалканском языковом ареале (ср. далматские племенные названия *Bulini*, *Buliones* [Scyl. 27] и географическое название *Tribulium* [Plin. N. h., III, 26, 2] = греч. *Triphylia*)⁶. Эта греко-илирийская изоглосса, бесспорно свидетельствующая о родо-племенном характере древних фил, была инновацией, сменившей индоевропейское **ceik*— «племя», «клан»⁷. Более того, илирийское племя булионы имело еще одно название— *Hylloi*, т. е. называлось так же, как и дорийская фила гиллеев (Scyl. 22), и это обстоятельство дало основание ряду ученых предполагать, что дорийская фила гиллеев первоначально включала элементы илирийского происхождения⁸. Я придерживаюсь традиционной точки зрения о первоначально родо-племенном характере фил, который в силу своей нематериальной субстанции в процессе общения фил на определенной территории подвергался стиранию и мог приобретать территориальный характер. Поэтому от фил как изначально родо-племенных образований (две, затем три основные дорийские филы) следует отличать позднейшие территориальные, искусственно созданные филы (вроде клисфеновских в Сикионе и Афинах)⁹.

Освоение территории филами

Рассмотрим сначала крупные формы раздела. Ряд отрывочных данных различного времени— от гомеровских поэм до поздних лексикографов— позволяет, на мой взгляд, предполагать, что в миграционную эпоху (по X в.) освоение территории крупными общностями сопровождалось разделом ее между филами. Из этого, конечно, не следует, что, к примеру, по завоевании Лаконики три филы дорийцев разделили страну на три части: распределение земель между ними носило более дробный характер, видимо, в зависимости от природных особенностей осваиваемых территорий, так что члены филы поселялись совместно в пределах отдельной ландшафтной микрозоны, разделявшейся чересполосно между филами, как это имело место в позднейшей афинской колонизационной практике V в. (Нурег. 4, 16—17). Применительно к той же Лаконике можно предположить, что распределение территории между филами происходило в пределах позднейших *об*, на землях каждой из которых чересполосно поселялись члены всех трех фил (ср. Plut. Лус. 6, 2—3).

Рассмотрим данные, позволяющие полагать, что в дорийской среде существовала практика раздела земель на три части соответственно трем филам. Упоминающиеся в числе населявших Крит народов *Dōriees te trichaikes* (Od. XIX, 177), по наиболее вероятной этимологии эпитета *trichaikes*,— это «дорийцы, поселившиеся тремя частями»¹⁰. Такая этимология имеет надежные соответствия в раннегреческих источниках. В ге-

снодовском корпусе (fr. 191 Rz.) дорийцы «зовутся поселяющимися тремя частями (trichaikes) потому, что разделили натрое землю вдали от отечества» (т. е. выйдя из Дориды)¹¹. Также и на Годосе дорийские пришельцы «были поселены тремя частями (морями) соответственно филам» (II. II, 668). Эти три моря — города Линд, Ялис, Камир, которые «они населяли, разделенные на три части» (II. II, 655—656. То же и у Pind. Ol. 7, 74—77). Аналогичным образом освоение дорийцами Пелопоннеса, согласно традиции, также сопровождалось разделом захваченных земель на три части (Plat. Leg. 683e. Isocr. 12, 177. Paus. IV, 3, 3—6; Apollod. Bibl. II, 8, 4).

Следы такой практики могут быть усмотрены и в ритуале дорийского праздника Карнеи, связанного с культом Аполлона Карнейского, «предводителя» дорийцев в их походах¹². Это празднество включало два основных ритуала военного и хтонического характера, которые в совокупности сами по себе указывают на имитацию раннедорийских обычаев миграционной эпохи, когда в результате военной победы производилось освоение захваченных территорий. Военный ритуал Карнеи в Спарте включал устройство девяти навесов, в которых размещалось по девять человек, причем каждая девятка состояла из трех представителей от каждой фратрии (Dem. Scer. apud Athen. IV, 141 ef.). Поскольку известно, что до VII в. спартанские воинские подразделения формировались на основе трех фил (Tyrt. fr. 1, 51 Diehl: три филы сражаются по отдельности), следует предполагать, что эти девять навесов устраивались филами по отдельности, т. е. каждая фила ставила по три навеса только для своих представителей. Другой ритуал включал празднество урожая, причем магические действия осуществлял жрец, называвшийся *agetas* («предводитель»), т. е. в нем воплощался Аполлон-предводитель. Из этой взаимосвязи военного и земледельческого ритуалов, как и размещения навесов по филам, тоже можно вывести заключение, что первоначально дорийцы делили занятую территорию на три части соответственно трем филам.

На связь филы с территорией ее проживания указывает ряд глосс Гесихия, трактующих содержание термина *оба*. С одной стороны, *ōbai* — это филы: *ōbatas: tous phyletas* (Hesych. s. v.), *ouai: phylai, Kyprioi* (Hesych., s. v.; здесь *ouai* — то же, что и *ōbai*, где дигамма представлена бэтой). С другой стороны, *оба* — это деревня, поселок: *ōas: tas kōmas* (Hesych., s. v. *ōas* (*ōbas*), *oiatan: kōmētōn: Oiai gar hai kōmai* (Hesych., s. v. *eiatan*, где *oiai* = *ōbai*)¹³. Эти глоссы равным образом могут рассматриваться как реликт древнего обычая селиться по филам либо как отражение более поздней практики образования территориальных фил, но совокупное поселение членов одной филы на определенной территории безусловно явствует из того, например, факта, что Галикарнас был основан переселенцами из Трезена лишь членами филы диманов (Callim. apud St. Byz.,

s. v. Halikarnassos). Далее, на проживание филы в своем районе указывает еще одна глосса Гесихия: *Dymē:en Spartēi phylē kai topos*, свидетельствующая, что фила диманов какой-то своей частью некогда обитала на определенной территории, вследствие чего и дала местности свое название¹⁴. Фила диманов, как указывалось, была изначально племенным образованием дорийцев, и приведенные примеры показывают двустороннюю сущность фил, характеризовавшихся внутренними гентильными связями их членов на определенной территории. Территориальные филы, образовывавшиеся в греческом мире примерно с VII—VI вв., наглядно демонстрировали древний обычай связи филы с определенной территорией обитания ее членов.

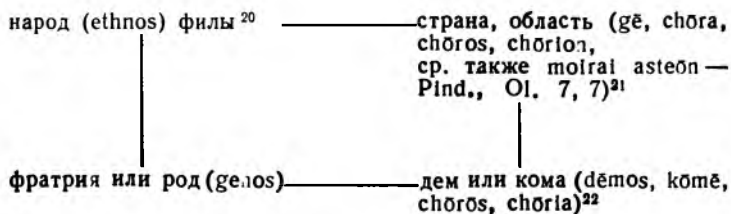
В ионийской среде следы первоначального раздела территорий по филам не просматриваются — ввиду того, что четыре основные ионийские филы сложились очень давно, еще до переселения ионийцев в Малую Азию. В принципе процесс освоения западной части Малой Азии и прилегающих к ней островов мог быть связан с разделом земель по филам, но об этом никаких данных нет, кроме того, что здесь были образованы дополнительно к четырем древним филам две новые. Население Аттики в раннеархаическое время, видимо, территориально распределялось уже не по филам, а по демам. Чересполосица фил предклисфеновского времени, когда члены одной филы проживали в различных частях Аттики, была результатом длительных, причинно различных внутриаттических переселений индивидуального и коллективного характера на протяжении всей архаической эпохи. Древнее представление о связи филы с определенной территорией составило основу клисфеновской реформы, являвшейся «реставрацией» обычая глубокой старины, но уже не на племенном, как встарь, а новом — полисном уровне. Особенно четко обязательная связь филы с определенной территорией выступала при освоении новых земель в процессе афинского колониационного движения V—IV вв., когда раздел земель производился сначала между филами, а затем уже внутри филы, между ее членами¹⁵.

Демы, комы

Основной формой поселения в раннеархаической Греции был сельский поселок. В ионийско-аттической среде эти поселки с прилегающей сельскохозяйственной территорией обозначались словом *dēmos*. Уже в гомеровских поэмах это слово означало как «страну», «край», «местность», так и население этой (крупной или небольшой) территории; сопоставляемое с глаголами *daiomai*, *daizō* «разделять», оно первоначально обозначало «часть», «доставшуюся долю земли»¹⁶. По Аристотелю (Poet. 1448a, 36), дорийским эквивалентом ионийско-аттического слова *dēmos* является *kōmē* — «сельский поселок», «деревня». Это сло-

во неизвестно гомеровскому эпосу и впервые встречается у Гесиода (Op. 639) и в гесиодовском корпусе (fr. 18). Этимологически оно (традиционное сближение с *keimai* «лежать», «находиться», как резонно заметил П. Шантрэн, не имеет смысла)¹⁷, по мнению Л. Палмера, восходит к основе **kei* — «разделять» (*keiō, keazō*), т. е. *kōmē* первоначально означало «разделенную землю»¹⁸. Таким образом, и слово *kōmē*, пришедшее из дорийской и северо-западной диалектной среды, и ионийско-аттическое *dēmos* семантически одинаково восходят к понятию «разделять», первоначально означая «разделенную землю», а затем население каждой из этих разделенных частей. Типологическую параллель семантической паре слова *dēmos* «территория» — «ее население» составляет и слово *polis*, уже в гомеровских поэмах означавшее как «территорию вокруг укрепления» (первоначально — «укрепление»), так и население этой территории¹⁹. Следовательно, и лингвистические данные свидетельствуют, что греческая практика освоения новых территорий была связана с обычаем раздела угодий между сообществами (оба слова во втором значении выражают сообщество людей — демос или же село).

Как соотносились между собой гентильные и территориальные общности? Исходя из подразделения фил на *фратрии* — роды (II, II, 362), гипотетически можно построить следующую схему взаимных соответствий между родо-племенными подразделениями и формами освоения территории:

Первая пара соответствий рассматривалась в предыдущем параграфе. Соответствия фратрии или геноса (ее подразделения или эквивалента)²³ дему (коме) проявляется в обозначении многих аттических демов по проживавшим в них родам, т. е. род имел фиксированное место проживания, которому он и давал свое имя²⁴. Ср. также формулу записи в число афинских граждан: «В какую пожелает записаться филу, дем и фратрию»²⁵; здесь с демом территориально соотносятся фратрии, а не филы, поскольку в филу территориально входило несколько демов.

Идеальное государство Платона, собственно, и строится по изложенной схеме: территория полиса делится на 12 частей, каждая из которых отводится одной из 12 фил. Подразделениям каждой филы — фратриям — соответствуют демы и комы (Plat. Leg. 745d—746d). Эта схема — не результат философско-

го абстрагирования, а слепок с клифеновского устройства афинского государства, с той лишь разницей, что фил у Платона 12, а не 10, как в Аттике²⁶.

В источниках сохранились различные указания, в основном отражающие местную традицию, на первоначальное расселение греков в послемиграционный период по небольшим поселкам — демам или комам (Thuc. I, 5, 1; 10, 2; II, 15; III, 94, 4; Strabo VIII, 3, 2; 7, 4; Paus. VIII, 45, 1; Plut. Mor. 295bc и т. д.)²⁷.

Таковыми поселками в послеархаическое время (до 314 г.) жили, не образуя полисов, акарнанцы (Diod. XIX, 67, 4), этоляне, озольские локры (Thuc. I, 5; III, 94, 4) и другие народности Северной и Северо-Западной Греции. Арханческим комам или демам соответствует ряд поселений XI—VIII вв., раскопанных в различных областях Греции. По заключению исследователей, в этот период археологически не просматривается какое-либо различие в государственно-правовом статусе между поселком и городом²⁸. Собственно, полиса как гражданского сообщества в это время еще не было (см. с. 59 и сл.); одинаковым образом лишь несколько археологически известных нам значительных поселений (Фест, Врокастрон, Карфи на Крите, Эмпорион на Хиосе, Врулия на Родосе, Старая Смирна)²⁹ могут быть отнесены к числу поселков городского типа. Да и эти поселки невелики по размерам.

Археологически выясненная планировочная система раннеархаических центров, включающая отдельный *ойкос*, группу ойкосов, поселение, хорошо согласуется с трехступенчатой аристотелевской схемой развития форм человеческого общежития — от семьи через деревню к полису: «Сложившееся по природе ради повседневных нужд сообщество — семья (*oikos*)... Сложившееся же из множества семей вначале не ради только повседневных нужд сообщество — село (*kōmē*). Более всего, кажется, по своей природе село является выселком рода (*hē-kōmē aroikia oikias epai*), состоящего из тех, кого называют сородичами (*homogalaktas*), детьми и внуками... В древности жили по отдельным селениям... Сообщество же, сложившееся из большого числа сел, — законченное и вполне автаркичное образование, полис» (Pol. I, 1, 6—8).

Применительно к раннеархаическому времени полис аристотелевской схемы присутствует лишь физически — только в Старой Смирне нам известны представленные одновременно в совокупности почти все градообразующие элементы полиса: ойкосная застройка, общественный сакральный центр — теменос, а также оборонительные стены. Поселки геометрического времени наряду с ойкосной застройкой имеют отдельные признаки города: агору (Дрерос, Амнисос, Врулия, Загора), культовый центр (Эмпорион, Фест, Элевсин, Загора, Врулия, Латурса), дворец правителя (Эмпорион, Кима эолийская), оборонительные стены (Фест, Мелия, Эмпорион, Латурса)³⁰.

На греческих поселениях раннеархаического времени известны две планировочные структуры: 1) беспорядочный, как бы сотовый, конгломерат ойкосов и 2) расположенные по одной оси в ряд строения³¹. Эти две планировочные структуры предполагают два типа гентильной связи. Сотовую планировочную структуру могли образовывать члены одной или более фил, фратрий, геносов (родов); осевую же структуру, как показывают этнографические параллели, составляли члены одного геноса³². Эта осевая планировка имеет безусловную параллель в упомянутой Аристотелем (Pol. I, 1, 7) большой семье из трех колен (родители, дети, внуки) и сородичей, но большая семья, конечно, могла составлять и сотовый конгломерат. Таким образом, в ряде случаев можно предполагать, что кома была конкретным выражением геноса, фратрии или какой-то части филы³³.

Кома и дем непосредственно связаны с владевшимися и обрабатывавшимися ими участками³⁴, они являются материальным выражением системы землепользования. Исторически чрезвычайно существенно выявленное раскопками обстоятельство, что наиболее часто встречающимся строительным типом этого времени был ойкос — самостоятельный хозяйственный организм, конгломерат которых и составлял поселение³⁵. Иными словами, в раннеархаическое время индивидуум уже целиком выделился в хозяйственном отношении из коллектива и экономическое развитие ранней Греции полностью основывалось на частной инициативе.

Раннее хозяйственное выделение индивидуума в процессе становления земельного строя архаической Греции, сосуществовавшее одновременно с коллективной земельной собственностью, обуславливалось различными причинами: 1) трудоемким характером земледелия на большей части пригодных для обработки земельных массивов Греции, приведшим к частной собственности на возделанную землю; 2) традициями индивидуального землевладения, имевшего место еще в микенскую эпоху³⁶; 3) особенностями захвата земли в миграционную эпоху, в частности разделом ее по филам. На связь частного присвоения земли с миграционными передвижениями и индивидуальным приложением труда указывал К. Маркс: «...чем дальше племя удаляется от своего первоначального поселения и захватывает *чужие* земли, следовательно, попадает в существенно новые условия труда, где энергия каждого отдельного человека получает большее развитие... тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником* земли — особой парцеллы, обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье. Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия. Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его

членами являются работающие земельные собственники, парцелльные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины, использованием *ager publicus* для общих потребностей, и общей славой и т. д. Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но как член общины каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей частной собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины, и наоборот, и т. д.»³⁷.

Фила как племенное и затем территориальное образование выступала в еще одной функции — она служила основой формирования войсковых подразделений. Из этой функции и произошло новое, производное значение слова *phylē* как «военный контингент, сформированный из членов одной филы» (Herod. VI, 111; Xen. Hell. IV, 2, 19 и др.). Это была изначальная функция филы, состоявшей из фратрий (ср.: II, II, 362—363: Нестор советует Агамемнону построить войско по филам и фратриям. См. также: Eurip. Suppl. 653: три филы трех отрядов).

Взаимосвязь филы как отряда воинов с оформлением системы землевладения видна на примере Спарты. Складывавшаяся в раннеархаическое время спартанская система землевладения оттачивалась от первоначального деления на три филы, но с учетом изменений в военной организации. Если первоначально дорийцы выступали тремя отрядами соответственно числу фил (Turt. fr. 1, 51 Diehl: памфилы, диманы и гиллеи сражаются врозь, отдельно друг от друга), то в дальнейшем число их отрядов увеличивалось безотносительно к числу фил — до четырех и пяти (Arist., fr. 541), а в Пелопоннесскую войну — до семи и даже восьми (Thuc. V, 68, 3).

Интересен тот момент, когда таких отрядов было шесть. По Эфору, спартанские цари Эврисфен и Прокл, которым досталась по завоевании Пелопоннеса Лаконика, разделили ее на шесть частей (apud Strabo VIII, 5, 4), что можно сопоставить с шестью тысячами участков (6 по 1000), на которую, по преданию, поделил Лаконику Ликург (Plut. Lys. 8, 6)³⁸. С другой стороны, Аристотель в «Лаконской политике» свидетельствует о шести лохах, на которые были поделены все лакедемоняне (fr. 541)³⁹. Отсюда можно предположить, что где-то в архаическую эпоху, когда у спартанцев имелось шесть лохов, было произведено перераспределение земельных участков в соответствии с числом воинов.

Подобная практика распределения участков не была специфически дорийской. На ионийском Теосе население и соответственно территория делились на *pyrgoi* («башни» — в первоначальном смысле), т. е. «военные отряды» (подобные подразделения упоминаются уже в II, IV, 347: «десять колонн ахей-

цев»). Эти теосские «башни» соответствуют аттическим демам, согласно представляющейся мне наиболее вероятной интерпретации А. Бека⁴⁰. Отметим также, что принятие в город новых поселенцев-солдат (эпойков) сопровождалось выделением им земельных участков⁴¹.

Глава 2

ПРОТОПОЛИС

От комы к протополису: социально-политическое развитие поселка раннеархаического времени

Политическое устройство греческого общества первых трех веков I тысячелетия крайне неясно и известно лишь в отдельных чертах. По мнению Фукидида (II, 15, 1), «при Кекропе и первых царях до Тезея Аттика была заселена по городам (poleis), каждый из которых имел свой пританей и правителей, и когда не было какой-либо угрозы, их население не сходилось для совета к царю, но каждый город сам по себе управлялся и обсуждал свои дела». Если оставить в стороне хронологию Фукидида, в принципе эта картина соответствует тем немногим данным о политическом устройстве раннеархаической Греции, которыми мы располагаем.

Решающим фактором складывавшейся в Греции в послемиграционную пору политической системы были особенности раздела земли по филам. Фила в силу своей не более чем гентильной и сакральной сущности, т. е. вследствие того что ее внутренние связи носили не материальный, а кровный и религиозный характер, не могла служить основой для возникновения крупных автономных образований. Равным образом в силу указанных факторов, а также из-за отсутствия управленческих органов фила не могла стать базой формирования раннегреческого города. Распределение земли по филам носило в результате чисто номинальный характер, все более превращаясь в формальный ритуал. Фактически формы землевладения складывались на уровне подразделений фил — фратрий и родов (в материальном выражении — на уровне демов и ком), поскольку внутрифилые связи носили не базисный, а надстроечный характер. Даже в том единственном случае, когда можно предположить, что разделение территории по филам привело к образованию трех родосских городов — Линда, Камира и Ялиса, мы находим подразделения фил — ktoinai, соответствующие аттическим демам. Естественно предположить, что и в данном случае основой возникновения трех указанных полисов, как и в остальном греческом мире, послужили эти материализованные в виде поселков и сообществ подразделения фил.

Итак, комы (демы) были основной ячейкой общественных связей в раннеархаической Греции, на базе которых зиждился ее политический строй и его дальнейшая эволюция¹. Для характеристики этих поселений мы располагаем лишь скудными данными об аттических демах.

Свою мысль о независимом характере ранних аттических поселений Фукидид подтверждает ссылкой не только на наличие у них собственных пританеев и правителей, но и на имевшую в то время место войну между Элевсином и Афинами (II, 15, 1)². О том же говорит и традиционное отсутствие в классическое время браков между жителями демов Паллены и Гангунта, связанное с прежними враждебными отношениями этих демов между собой в период их независимого существования (Plut. Thes. 15; ср. также: Herod. IX, 73 о декелейцах). Гекатей упоминает Торик, аттический дем, как бывший некогда полисом (apud St. Byz. s. v. Thorikos). Самостоятельную общину составлял и Саламин (Strabo IX, 1, 11). Наличие во многих древнейших поселках собственного культа богов и героев-основателей также определенно указывает на первоначальную их самостоятельность³.

Поскольку демы были независимыми, можно предположить, что в пределах своей территории они обладали собственным *jus soli*. Позднее, в классическое время, демы владели земельной собственностью, которая служила объектом аренды в первую очередь для членов данного дема⁴. Собственность эта ограничивалась пределами дема, что позволяет предполагать ее древнее происхождение, восходящее к земельной собственности автаркичных аттических поселений X—VIII вв.⁵.

По количеству населения древние аттические демы, как можно полагать, не особенно отличались от демов классического времени, среди которых были и мелкие и относительно крупные. Но в абсолютном выражении демы были не очень большими: известно, например, что в Галимунте во времена Демосфена кворум демотов насчитывал всего 73 человека (Dem 57, 9), а в Мирринунте — даже 30⁶. По всей вероятности, в сведениях Аристотеля о том, что каждая из четырех древних аттических фил состояла из трех фратрий, каждая фратрия — из 30 родов, а каждый род — из 30 мужчин (Ath. pol., fr. 5—6 Blass. Moeris, s. v. *gennētai*), последней цифрой в общем отражается усредненное оценочное число населения архаического аттического дема. К примеру, аттическое поселение IX—VII вв. Латуреса включало 25 небольших помещений и святилище⁷.

Картина социально-политического и экономического развития аттических демов X—VIII вв., чрезвычайно отрывочная и неясная вследствие скудости источников, может быть предположительно очерчена следующим образом. Согласно традиции, восходящей к Аристотелю, в «тезеевы времена» население Афин состояло из трех «классов» — эвпатридов, геоморов (*geōtōroi*, *geōrgoi*) и демиургов (Arist. Ath. pol., fr. 5 Blass); при-

чем свидетельства, собранные Ф. Блассом в указанном фрагменте, показывают, что традиция о трех «классах» в ранних Афинах не была устоявшейся: Патмосские схолии к Демосфену (p. 152 Sak.), аттический лексикон Мойрида (s. v. *gennētai*) и схолии к псевдоплатоновскому «Аксиоху» (371d) упоминают только два «класса» — земледельцев и ремесленников, эвпатридов же добавляет Плутарх (Thes. 25). По представляющейся мне очень вероятной мысли Г. Т. Уэйд-Гери, сначала афиняне разделялись на первые два «класса», а после синойкизма знать других аттических поселений, принадлежавшая к двум перечисленным «классам», переселилась в Афины и образовала здесь правящее сословие эвпатридов⁸. На мой взгляд, в сложении сословия эвпатридов существенную роль сыграло происходящее на вторую половину X в. последнее крупное миграционное движение, связанное с поселением в Аттике пришельцев из северо-балканского ареала, которые образовали здесь на протяжении IX в. привилегированный слой, насаждали свои вкусы и обычаи, в частности погребальный обряд с оружием. Количество вещей в погребениях IX в. увеличивается, и среди них попадаются даже чрезвычайно богатые⁹. Не исключено, что в какой-то своей части синойкизм аттических поселений и был следствием этого миграционного передвижения. В VIII в. оружие уже исчезает из погребений, на огромных вазах дипилонского стиля появляются сцены из жизни аристократии, в частности протесис — выставление тела покойного¹⁰. Это указывает на то, что в VIII в. аристократический строй после неспокойного IX в. окончательно утвердился. Вместе с тем если в IX в. население Афин в целом, судя по погребениям, жило по довольно высокому унифицированному стандарту, то в VIII в. на Керамике и Агоре уже преобладают сравнительно бедные захоронения, контрастирующие с богатыми аристократическими погребениями¹¹.

Эти данные помогают понять, что неадекватность дефиниций сословия эвпатридов в источниках, породившая дискуссию среди исследователей, носит хронологический характер¹². Именно начальная часть определения «Большого этимологика»: «Эвпатридами назывались те, кто проживали в самом городе», отражает древнейшее состояние сословия эвпатридов как вообще горожан IX в. или, скорее, традицию проживания знати в городах в последующие века, восходящую к этому древнейшему состоянию¹³. К VIII и последующим векам применимы уже прочие дефиниции¹⁴. Именно с оформлением эвпатридов в особое сословие в VIII в. их стали хоронить отдельно от остального населения¹⁵.

Характеристика афинского населения IX в. *en masse* как сословия эвпатридов основана на отмечавшейся выше практике поселения по фратриям-родам, каждый из которых восходил к определенному предку (ср.: *patria Eupatridōn* — «фратрия эвпатридов» у Афиней [IX, 410a]; отсюда и само слово «эвпатриды», т. е. «потомки благородных отцов»). Совокупность членов

такого рода (если брать идеальную схему) образовывала поселение на принадлежавшей им территории, и все его жители, за исключением местного покоренного пришельцами населения, составляли общину фиктивной знати. Подобный обычай выделения массы первых поселенцев в качестве привилегированного сословия засвидетельствован для Феры со времени поселения на ней дорийцев (Arist. Pol. IV, 3, 8) и далее в греческой колонизационной практике архаической эпохи¹⁶, что позволяет связывать выделение сословия эвпатридов в Афинах с появлением пришельцев во второй половине X в. Становление сословия аттических эвпатридов — иначе говоря, населения аттических поселений X—IX вв. — вероятно, включало процесс сращивания пришельцев как знати по положению со старой местной родовой знатью, а также низведение проживавшего в хоре рядового автохтонного населения до положения зависимых землевладельцев (ср. антитезу к дефиниции эвпатридов в «Большом этимологике»: γεῖργοι de hoī tēs allēs chōras oikētores — «земледельцы же — насельники остальной [помимо asty — поселения. — В. Я.] части страны», т. е. Аттики)¹⁷. Разумеется, в действительности четких демаркационных зон обитания знати и рядового туземного населения не было, не было еще разницы между городским и сельским населением, как это представлено в дефиниции «Большого этимологика», что и выразилось в соседстве рядового и эвпатридского некрополей VIII в. в Афинах.

Изложенным процессом формирования сословия эвпатридов, на наш взгляд, и объясняется разница между унифицированно богатым в целом некрополем Афин X—IX вв. и афинским же имущественно дифференцированным некрополем VIII в.

Привилегированное положение сословия эвпатридов — они занимали правящие должности, толковали законы и отправляли культы — подчеркивалось их кодифицированными погребальным и очистительным обрядами¹⁸. Случайным образом — благодаря Афинию (IX, 409f—410b) — до нас дошли два отрывка «отеческих установлений» эвпатридов, трактующих моменты их погребального и очистительного обрядов: «Равным образом у афинян слово ἀροπίττα (очистительная вода. — В. Я.) употребляется в связи с ритуалом почитания мертвых по поводу очищения проклятых, как сообщает Антиклид в сочинении, озаглавленном „Толковник“. Ибо, изложив материалы о заупокойном ритуале, он пишет следующее: „Сделай приямок в западной части могилы. Затем, став у приямка, оборотись на запад и проливай воду на него, говоря следующее: „Очистительная вода вам, которым нужно и которым должно“. После этого снова проливай на приямок миро“. Упоминает подобный ритуал и Дороеф, пишущий, что в „отеческих установлениях“ эвпатридов по поводу очищения молящих об убежище говорится следующее: „Затем очищайся с помощью воды — и сам и остальные, евшие внутренности жертвенного животного; смывай кровь вина с очищаемого и после этого, взболтнув очиститель-

ную воду, лей на то же место“ (по-видимому, имеется в виду :прямок.— В. Я.)».

На мой взгляд, древнейшая лапидарная надпись VIII в. из Аттики, содержащая обрывки двух строк, по-видимому, соотносится с этими *ta tōn Euratridōn patria* и регламентирует обряд их погребения¹⁹. Такая регламентация согласуется с отмечаемым исследователями фактом, что аристократические погребения VIII в. сохраняли больше традиций IX в., нежели захоронения других слоев общества, т. е. отличались относительным консерватизмом²⁰. В материальной сфере погребальный обряд эвпатридов породил монументальный дипилонский стиль VIII в. Ограничение пышности погребального обряда эвпатридов было одной из задач реформы Солона.

Вопрос об оформлении в Аттике сословия демиургов (ремесленников) в некоторой степени поясняется археологическими данными. Со второй половины XI и по X в. включительно Аттика становится наиболее значительным центром производства протогеометрической керамики. Широко развивается и железоделательное производство: изделия из железа входят в повсеместное употребление²¹. Экономический подъем Аттики отражается в общем возрастании инвентаря в могилах. Бедных погребений мало; появляются, напротив, очень богатые погребения, особенно в позднепротогеометрическое время²². На рубеже X—IX вв. возникает геометрический стиль в тех же керамических мастерских, которые производили изделия протогеометрического стиля²³. В VIII в. керамическое производство возрастает²⁴.

Малоплодородная почва Аттики способствовала раннему развитию ремесла (Plut. Sol. 22, 1). Формирование ремесленного сословия происходило здесь, видимо, не столько в среде местных уроженцев, сколько за счет пришлых элементов, как и в остальных греческих городах (ср. Arist. Pol. III, 3, 2: сословие ремесленников составляют рабы и чужестранцы). Как пришельцы, ремесленники селились вне пределов города — этим и объясняется то обстоятельство, что ремесленные очаги археологически носят периферийный характер на поселениях²⁵. Четвертая ионийско-аттическая фила гоппетов, по наиболее вероятному толкованию ее названия, включала иммигрантов различного происхождения²⁶. На этом основании можно думать, что традиционное преобладание иностранцев в ремесленном производстве Аттики восходит еще к геометрическому времени. Этот феномен должен был проявлять себя по всей стране: люди, в силу тех или иных причин оказавшиеся вне круга земельных собственников, вынуждены были на чужбине или у себя на родине заниматься ремеслом или посреднической торговлей. Поэтому в социальном плане ремесленники как стоявшие вне круга землевладельцев или просто «чужеземцы» (ксены) стояли на низшей общественной ступени (ср. Arist. Pol. III, 2, 8: в древние времена ремесленники не имели доступа к должностям).

Лишь спорадическое включение представителей сословия демиургов в число граждан афинского полиса, возможно, имело место еще в досолоновское время (ср. *Plut. Sol.* 24, 4, также *Arist. Pol.* III, 3, 3—4: при аристократическом режиме ремесленники не относятся к числу граждан, а при олигархическом возможна спорадическая их адаптация). Во всяком случае, известно, что один из законов Солона предоставлял права гражданства тем из пришлых ремесленников, которые у себя на родине были осуждены на вечное изгнание, а также лицам, переселившимся в Аттику со всем домом на постоянное проживание (*Plut. Sol.* 24, 4). Другой солоновский закон поощрял развитие ремесла в среде самих афинских граждан (там же, 22, 1). В обратной перспективе этот закон также может свидетельствовать о превалировании чужеземцев среди ремесленников Атики.

Полученные характеристики двух социальных слоев аттических поселений IX—VIII вв., видимо, могут быть распространены и на остальные поселения тех областей Греции, которые, во-первых, подверглись непосредственному миграционному воздействию и, во-вторых, обладали развитым ремесленным производством.

Можно полагать, что кома (дем) как форма общественной коммуникации в раннеархаической Греции базировалась на соответствующем уровне хозяйственного развития, вначале не превышавшем в целом по своей активности пределы мелких ландшафтных микрозон, столь характерных для гористой Греции. Археологические материалы, прежде всего керамика, позволяют полагать, что дополисная стадия архаической Греции характеризовалась нарастанием уровня производства, увеличением числа ком²⁷, укрупнением интерлокальных экономических связей, что, возможно, повлекло за собой в конце концов сдвиги в формах политического устройства — образование союзов ком. Применительно к экономической обусловленности подобного процесса в Аттике можно сослаться на раннее образование *trikōtia* — союза трех ремесленных демов Эвпириды, Кропия и Пелекес, расположенных по реке Кефис; во главе этого гончарно-кузнечного объединения стоял *trikōmarchos*²⁸.

Другая существенная причина образования союзов ком лежала в религиозной сфере: так, вследствие совместно отправляемого культа Геракла составили тетракомию пирейцы, фалеряне, ксипетеоны и тиметады (*Pollux IV*, 105; *Hesych. s. v. tetragōmos*). Совместный культ отправлял и тетраполь, включавший Марафон, Эною, Трикоринф и Пробалинф (*Strabo VIII*, 7, 1; *St. Byz., s. v. tetrapolis*)²⁹. Известно также объединение других демов — трикомия Еракриа *chōra* (*Suida s. v. Eraptria chōra*). Едва ли не основную роль в процессе образования союзов демов играли причины военного характера.

Такие *systemata demōn* подготовили объединение всей Атики вокруг Афин³⁰. Аттическая традиция, рассматривавшая си-

нойкизм как произведенный Тезеем единовременный акт объединения, не содержит ничего достоверного, за исключением самого факта синойкизма. Мне представляется, что этот процесс в синхронной аттической среде, видимо, назывался (*synthesis* — «складывание вместе», «сложение» (от *syn-tithēmi*), откуда и могло возникнуть в позднейшей традиции имя *Thēseus*, связываемое с этим синойкизмом (см. Приложение II). Считается, что аттический синойкизм происходил более мирным путем, нежели посредством войн вроде Элевсинской, поскольку ни один дем не был сведен на положение подчиненного, а знатные местные роды, подобно элевсинским Эвмолпидам и Керикам, сохранили свои привилегии³¹.

Вместе с тем не исключено, что часть местной знати была переселена в Афины (*Plut. Thes.* 32, 1) и синойкизм вызывал центробежную реакцию (ср. там же, § 32—35 — о волнениях, закончившихся уходом Тезея из Афин). Начало синойкизма, как и время его окончательного завершения, приблизительно может быть установлено по археологическим данным. Распространение позднепротогеометрической керамики из Афин на остальные центры Аттики, в которых она производилась на менее высоком, чем в Афинах, уровне, может свидетельствовать о начале процесса синойкизма в X в.³² Однако в раннем геометрическом материале первой половины IX в. из разных аттических центров не проявляется слепое копирование афинских образцов³³, что может в какой-то мере указывать на самостоятельное существование таких поселений в это время, еще не подвергшихся синойкизму, при безусловном экономическом выделении Афин из их числа. В целом можно полагать, что процесс аттического синойкизма завершился в VIII столетии — веке унитарного движения по всей Греции³⁴.

Синойкизм был одним из трех путей материального формирования полиса в раннеархаическое время и полиса как гражданского сообщества в последующие столетия (два других пути — естественный рост поселка или образование колонии). *Systēmata dêton*, положив начало объединительному процессу, послужили основой возникновения различных греческих городов³⁵. Так, Тегея и Герея возникли из объединения 9 поселений каждая, Дима — из 8, Эгий — из 7—8, Патры — из 7, Мантинея — из 5³⁶ (*Strabo* VIII, 3, 2; *Paus.* VIII, 45, 1), Мегара — также из 5 (*Plut. Mor.* 295b—c). Танагра как полис сложилась на основе первоначальной тетракомии (там же, 299c)³⁷. На Родосе в 408 г. три города и поселки объединились в единый полис путем синойкизма (*Diod.* XIII, 75, 1; *Strabo* XIV, 2, 11). Мегалополь был основан путем синойкизма 39 ком (*Arist.* fr. 483). Посредством слияния поселений образовались и другие греческие города (Коринф, Элида, Эгион и др.). При возникновении города каждая отдельная его община могла составлять самостоятельную филу и проживать в отдельном городском квартале. Известно, например, что в Коринфе в результате си-

нойкизма в раннеархаический период было образовано восемь фил (видимо, из восьми ком), каждая из которых проживала в своем квартале (*Suida s. v. panta oktō*)³⁸. В Аргосе фила Памфилов занимала отдельный городской квартал, т. е. и здесь четырьмя филам, видимо, соответствовали четыре городских квартала (*Plut. Mor. 245e*). Как следствие такой практики городские кварталы назывались *kōtai* — «деревнями» (*Isocr. 7, 46, ср. Plato Leg. 746d*)³⁹.

Материальная характеристика протополиса

В силу автономного характера древних аттических поселений античные писатели обозначали их словом *polis*, как, например, элидские деревни классического и эллинистического времени, хотя, конечно, в остальных отношениях они не были адекватны полисам-городам в полном смысле этого слова.

Мы уже упоминали изначальную терминологическую адекватность слов *dēmos*, *kōtē*, *polis*, одинаково обозначавших в первом значении «разделенную (освоенную) территорию», а во втором — «население этой территории». При этом *dēmos* и *kōtē* этимологически первоначально обозначали только неукрепленное поселение (позднее *kōtē* употреблялось применительно к любому поселению)⁴⁰, а *polis* — лишь укрепленное, в котором в случае опасности укрывалось население окрестных ком⁴¹. К примеру, афиняне обычно называли свой акрополь полисом (*Thuc. II, 15, 6*), и в архаическое время он служил убежищем для населения нескольких ком, расположенных у его подножья.

Формирование раннегреческого города, протополиса, шло главным образом на основе естественного роста комы или группы ком, слившихся путем синойкизма, о чем свидетельствует ряд раскопанных в разных областях Греции поселений IX—VIII вв.⁴² Обычно это неукрепленные селения, примыкающие, однако, к естественным убежищам — холмам, грядам, скальным выходам — или же расположенные на мысу. Укрепленный акрополь или оборонительная стена отмечены в Старой Смирне, хиосском Эмпорионе, карийских Иасосе и Мелии, родосской Врулии, критском Фесте. Во всех случаях основной элемент планировочной структуры — ойкос, индивидуально-семейный хозяйственный и жилой комплекс. В Эмпорионе, Старой Смирне и других центрах ойкосы состоят из одного помещения овального или апсидального типа, но чаще — прямоугольной формы; в Кавуси (Крит), Врулии и на других поселениях — из двух или трех помещений, в Загоре (Андрос), Цикаларио (Накос) и др. — из нескольких помещений. К помещениям может примыкать двор, коридор (Торик, Пресос и др.). В планировке различаются беспорядочные сотообразные конгломераты ойкосов, характерные для критских селений, а также Загоры, Цикаларио, и ойкосы, поставленные в ряд (Сифнос, Ксоборго, Врулия)⁴³.

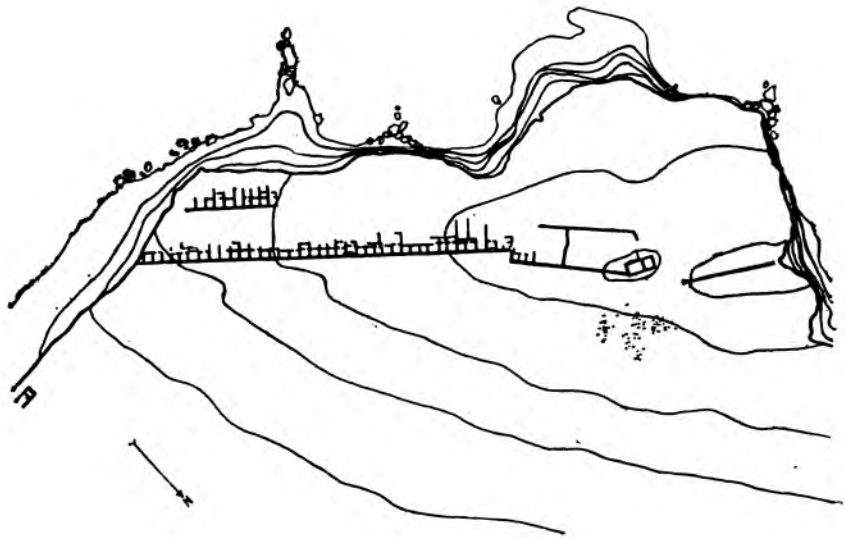

Рис. 1. План поселения Врулия

Планировочная структура раннегреческих селений лучше всего проявляется на примере наиболее раскопанных центров — Врулии, Эмпориона и Старой Смирны.

Поселение Врулия на Годосе было основано на рубеже VIII—VII вв. Оно расположено на мысу, отгороженном прямой оборонительной стеной длиной в 300 м, от берега к берегу (рис. 1)⁴⁴. С внутренней стороны к стене примыкают 40 идущих в ряд помещений. Площадь их почти одинакова, некоторые помещения-ячейки имеют также внешние дополнительные пристройки. В юго-восточной части поселения имеется еще один ряд из десяти помещений, также пристроенных к общей стене, причем восемь из них — с дополнительными пристройками. Внутри стен расположено и святилище. Отличительная черта этого исключительно регулярного по планировке поселения — унифицированный характер полусотни составляющих его ойкосов. Без сомнения, Врулия — идеальное материализованное воплощение исомойрии колонистов, это колониальное поселение (апойкия).

Зато Эмпорион на Хиосе — образец свободной планировки, обычной для раннегреческих поселений⁴⁵. Эмпорион расположен близ укрепленного акрополя и обладает удобной гаванью. Существовал на протяжении всего VIII в. и позднее. Состоит из акрополя с оборонительной стеной и самого поселения у его подножия. На акрополе — скалистом холме, обведенном по овалу стеной 230×85 м, расположен культовый комплекс и дворец правителя (по представляющейся нам правильной интерпретации Дж. Боурдмена). Собственно поселение состоит примерно из 50 ойкосов, из которых исследовано 10. Дома распо-

лагались параллельно идущими террасами, прослежены остатки улиц. Дома — двух основных типов: в антах и одно- или двухкамерные небольшие квадратные и прямоугольные помещения с входным проемом.

Самое изученное архаическое поселение — Старая Смирна, дающая наиболее полную картину греческой поселенческой практики и экономического развития раннегреческого поселения. Чтобы у читателя сложилась более отчетливая картина того, что представляла собой Старая Смирна, предоставим слово руководителю раскопок Дж. Куку⁴⁶.

Старая Смирна расположена на холме, немного отстоящем от моря, у западного края плодородной равнины, уходящей в глубь материка. До прихода греков на этом месте находилось туземное поселение. Наиболее ранние образцы протогеометрической керамики соответствуют древнейшей фазе афинского протогеометрического стиля и по преобладающей ныне хронологии могут быть датированы временем около 1000 г. Древнейшая Смирна занимала почти весь холм, за исключением полого спускающегося южного склона, который обживался менее интенсивно. Строительные остатки протогеометрического периода насчитывают три слоя. Несмотря на некоторую удаленность от моря, смирнейцы были связаны с ним: здесь найдены на акрополе морской песок и обкатанные в воде черепки.

Протогеометрическая керамика Смирны родственна афинской по репертуару форм, но в некоторых изделиях, подобных скифосам, просматривается оригинальный характер трактовки форм, прямо не связанной с керамическими центрами материковой Греции. Отсюда Дж. Кук заключает, что в Смирне на протяжении всего протогеометрического периода существовало собственное керамическое производство.

Другую раннюю группу составляет монохромная керамика, обнаруживающая известное сходство с эолийской с Лесбоса. Здесь следует обратить внимание на то, что преобладающая в источниках древняя традиция связывает возникновение Смирны с эолийцами (позднее Смирна была захвачена ионийцами из Колофона, о чем подробно повествует Геродот [I, 149—150]. См. также: *Mittp. fr. 12 Diehl*). Таким образом, большое количество монохромной керамики, найденной в самых нижних слоях поселения, подтверждает эту традицию.

К концу протогеометрического стиля, примерно в раннем IX в., расписная керамика численно кажется еще равной монохромной, если не превосходит ее; на протяжении же остальной части столетия она уже доминирует, так что VIII век представлен гораздо меньшим количеством монохромной керамики. На этом основании, заключает Дж. Кук, трудно судить, постепенно ли Смирна становилась ионийской, или же это было какое-то единовременное событие. Ясно, однако, что к началу VIII в. Смирна была уже ионийским городом.

Сначала город не был хорошо укреплен. Около середины

IX в. со стороны суши была возведена мощная стена, видимо, с воротами и башней. Во второй половине VIII в. стена была замкнута в виде кольца вокруг города. Ионийская Смирна VIII в. была маленьким компактным городом, насчитывавшим к концу столетия примерно 450 хозяйств, состоявших из однокомнатных глинобитных построек, тесно лепившихся друг к другу. Слой второй половины VIII в. содержит фрагменты хиосских и серых (вероятно, лесбосского происхождения) амфор, а также шарообразные амфоры, в которых, как полагают, перевозилось аттическое оливковое масло. Найдены также протокоринфская керамика, несколько черепков отличной хиосской посуды и аттических ваз дипилонского стиля. Таким образом, в VIII в. становится ощутимым импорт дорогих вещей как из восточной, так и западной частей Эгеиды.

На рубеже VIII—VII вв. город подвергся разрушению, вероятней всего, в результате землетрясения. Город вновь отстроился, за исключением восточной части холма, но количество хозяйств внутри стен сократилось примерно до 200, и в отличие от предыдущих однокамерных построек это были удобные жилища из нескольких комнат. Дж. Кук предполагает, что в это время приблизительно половина жителей города могла проживать за пределами акрополя, который легко достижим из любой точки хоры города, очерченной естественными границами. Есть основания полагать, что в раннем VII в. северо-западный склон холма и побережье к северу от него уже были городскими кварталами. Это был период наибольшего освоения местности, сопровождавшегося сравнительно высокой интенсивностью частного и общественного строительства. Примерно в начале века в северной части холма появилось место для городского святилища. Улучшения в строительстве наблюдаются на протяжении всего VII в. В целом жизненный уровень населения выглядит высоким, что засвидетельствовано Аристотелем для близлежащего Колофона (Pol. IV, 3, 8).

Смирна не участвовала в колонизационном движении, нет сведений и о ее морской деятельности. Как и Колофон, она была связана прежде всего с сельскохозяйственным производством. Тем не менее ввоз в город предметов роскоши включал родосские и левантийские изделия, в общем употреблении была коринфская керамика. Примечательно, что монеты в это время еще не были в ходу. Смирна была средним по масштабам ионийским городом, значительно уступавшим Колофону, Милету, Эрифрам и др., но более крупным, нежели ряд эолийских центров Малой Азии, за исключением Кимы.

Такова, по Дж. Куку, Старая Смирна. Из приведенного описания явствует ряд моментов, существенных для понимания проблемы развития греческого полиса в целом. Прежде всего это — постепенность, эволюционный характер роста города на протяжении IX—VII вв. — роста, основанного на естественном увеличении сельскохозяйственных и демографических ресурсов.

Далее, высокий жизненный уровень в целом, включающий импорт предметов роскоши, а в случае с коринфской керамикой — и обиходной посуды. Наконец, явное возникновение общественных сооружений с начала VII в. указывает на этот век как на начальную хронологическую ступень формирования здесь полисных институтов.

Социально-политическая история ранней Смирны нам почти неизвестна, несмотря на обильный легендарный материал. Как и другие эолийские города, она, вероятно, управлялась царями⁴⁷. По Геродоту (I, 150), город захватили колофоняне, изгнанные из Колофона в результате междоусобицы, но применительно к VIII в., как мы увидим далее, здесь вряд ли можно говорить о политической борьбе. Существовавший в раннем Колофоне социально-политический строй — городом правила тысяча состоятельных людей, составлявших большинство его населения (Arist. Pol. IV, 3, 8; Xenoph. fr. 3 Diehl), — видимо, имел место и в Смирне, которой могли править несколько сот зажиточных горожан, составивших большинство населения (ср. количество унифицированных хозяйств — от 450 до 200 — для Смирны VIII—VII вв., приведенное Дж. Куком). Как и в Колофоне, смирнейское зажиточное население составляло всадническое сословие, в бою разделявшееся на фаланги (ср.: Strabo XIV, 1, 28; Mimn. fr. 12a; 13, 3; 14)⁴⁸. Социально-политические трения VII—VI вв., затронувшие ряд греческих центров⁴⁹, видимо, не коснулись Смирны, если к ней относятся слова Мимнерма: «Да пребудет меж мной и тобой истина, справедливейшее достояние всех людей» (fr. 8) и если справедливо полагать, что элегический характер поэзии Мимнерма или Ксенофана так же определялся мирным процветанием Смирны, как беспокойная политическая обстановка в Митилене того времени определила страстный политический накал поэзии Алкея.

Дж. Кук предполагал, что процветание ранней Смирны основывалось на труде подневольных туземцев, подобно гергитам в Милете или приенским педнеям⁵⁰. Можно предположить, что было какое-то зависимое население и в Смирне, но, хотя в «Лидийской истории» Досифея, повествующей об осаде Гигесом Смирны в раннем VII в., активную роль играют рабыни (Plut. Mor. 312e—313a), это вряд ли аутентичный данному времени мотив, судя по всему, что известно о рабстве VIII—VII вв. (см. с. 87—88).

Все, что мы знаем или предполагаем о Старой Смирне и что позволяет считать ее полисом, относится к VII в.; каков был ее политический строй в VIII в., неизвестно. К счастью, как уже отмечалось, в нашем распоряжении имеется ценнейший источник — поэма Гесиода «Труды», рисующая греческое общество VIII в. в его различных социальных и политических аспектах, которая позволяет определенно заключить, что греческие центры того времени находились еще на протопалисской стадии развития.

ГЕСИODOVCKИИ ВЕК

Поэма «Труды и дни»
как исторический источник

Основным нарративным источником для характеристики греческого общества раннеархаического времени является поэма Гесиода «Труды и дни». Исследователь, обращающийся к данному произведению как к историческому источнику, неизбежно должен предварительно рассмотреть основные источниковедческие вопросы, в первую очередь первоначальный состав и время возникновения поэмы.

Уже в древности было известно, что гесиодовский корпус — явление сложное и гетерогенное (ср.: Paus. II, 26, 7: поэты, вставлявшие свои стихи в поэмы Гесиода). Ряд приписываемых поэту сочинений, дошедших до нас во фрагментах («Щит», «Каталог» и др.), в действительности ему не принадлежит¹. Еще в древности бытовало мнение, что и основные поэмы, приписываемые Гесиоду — «Теогония» и «Труды», принадлежат разным поэтам (ср.: Paus. IX, 27, 2). Жившие на Геликоне беотийцы утверждали, что Гесиоду принадлежат только «Труды и дни» (Paus. IX, 31, 5). Обе поэмы содержат как сходные, так и различающиеся мотивы. Так, сопоставление мифа о Пандоре в «Теогонии» и «Трудах» обнаруживает смысловую путаницу²: в «Теогонии», к примеру, говорится об одной Эриде (ст. 225), а в «Трудах» их две (ст. 11—12)³. С другой стороны, пассажи о благоразумном царе, справедливо вершащем правосудие, близки по смыслу (Th. 80—92 — Op. 225—237). Б. А. Гронинген обратил внимание на лексическое сходство указанного места «Теогонии» и с другим пассажем «Трудов», повествующем о разборе тяжбы царями: *neikos* Th. 87 — Op. 29—35; *ithēiēisi dikēsīn* Th. 86 — Op. 36; *agoreuōn, agorēphī* Th. 86, 89 — *agorē (agorai)* Op. 29—30; *kydainōn* Op. 38 находит свою преувеличенную форму в *theon hōs hilaskontai*⁴. Более того, по гипотезе Э. Бредли, ст. 654—659 «Трудов» о доблестном (или благоразумном — *daiphōn*) халкидянине Амфидаманте имеют в виду пассаж «Теогонии» о благоразумных владыках (ст. 80—92)⁵. Если ранее считалось, что «Теогония» написана на дельфийском говоре, а «Труды» — на древнеэолийском диалекте (А. Фик), то в последнее время специально исследовавший этот вопрос Г. Эдвардс пришел к выводу, что в языке обеих поэм нет ничего такого, что давало бы основание думать об их различных авторах⁶. Существенно и другое его наблюдение: негоммеровские элементы, содержащиеся в обеих поэмах, — одни и те же.

С дешифровкой хеттских религиозно-мифологических текстов рядом классиков (начиная со статьи Ф. Дорнзайфа в 1934 г.)

были вскрыты древневосточно-малоазийские элементы многих мифологем «Теогонии»⁷. Взаимосвязь с ближневосточной дидактической литературой обнаруживает и поэма «Труды и дни»⁸. Эти существенные обстоятельства склоняют к мысли о принадлежности обеих поэм Гесиоду: по справедливому замечанию А. Лески, не следует забывать, что отец Гесиода происходил из Кимы⁹, пограничной с малоазийско-ближневосточным миром.

Состав обеих поэм очевидным образом гетерогенен, они носят как бы лоскутный характер, будучи скроенными из множества стихотворных кусков. Что касается поэмы «Труды и дни», то это впечатление в первую очередь объясняется включением в ткань повествования множества стихотворных пословиц и поговорок; например, стихи (далее — ст.) 342—380 представляют собой непрерывно идущие одна за другой сентенции в один-два-три стиха, бытовавшие в древнегреческой крестьянской среде.

Присутствуют в поэме и явные вставки. Так, несомненным позднейшим прибавлением считаются ст. 1—10, вступление к поэме: Павсаний (IX, 31, 4) видел у живущих около Геликона беотян древнюю свинцовую плакетку с текстом «Трудов» без этого вступления. Ст. 120, отсутствующий в рукописях, приводится Диодором. Ст. 169, отсутствующий в ряде рукописей и в древних же воспроизведениях всего пассажа, вставлен в «прокловскую» схолию. Более того, в папирусном списке Невилля примерно V в. н. э. имеются ст. 169 b—e, отсутствующие в рукописях, схолиях и ранних средневековых текстах поэмы.

Примеры подобного рода можно было бы умножить, но и без того ясно, что поэма «Труды и дни» представляет собой сложное и многославленное произведение, содержащее наряду с основным ядром многочисленные позднейшие интерполяции.

Вопрос о первоначальном составе поэмы «Труды и дни» — один из наиболее сложных в классической филологии, еще далекий от окончательного решения. В литературе по этому поводу были высказаны самые различные мнения. Согласно А. Фикку, первоначальная поэма содержала лишь 144 стиха (введение: ст. 11—24, 42—46, 298—302; земледелие: 383—394, 405, 407, 410—421, 423—429, 432—442, 444—447, 458—460, 465—473, 479—490; мореходство: 618—622, 624—642, 663, 665—676, 678—688, 694)¹⁰. Отдельными произведениями он считал стихи о праве и неправом и земледельческий календарь (ст. 448—616)¹¹. Высказывались мнения о поэме как о двух отдельных произведениях («Труды», «Дни»), искаженных интерполяциями и разбавленных сборником сентенций, первоначально расположенных в алфавитном порядке (Ф. С. Лерс), о составляющих ее восемь отдельных песеня, скомпонованных в одно произведение вокруг древнейшего гесиодовского ядра (А. Кирхгофф), о строфах, содержащих обращение к Персу, как несомненно гесиодовских местах (В. Христ) и т. д.¹²

В то же время П. Мазон, как и М. Круазе, отстаивал единство поэмы в целом, считая, что она включает лишь незначи-

тельное число вставок, в основном же композиция ее непрерывна и логично развивает изложение¹³. Фактически такой позиции соответствует точка зрения и тех исследователей, которые подобно Т. Синклеру полагают, что вопрос о первоначальном составе поэмы неразрешим и нам лишь остается принять ее в таком виде, в каком она дошла до нас¹⁴. Однако такой подход к составу поэмы антиисторичен, и в целом в литературе преобладает мнение о составном ее характере¹⁵.

Так, по Г. Т. Уэйд-Гери, сначала поэтом в период тяжбы с Персом была написана поэма о правом и неправом суде; когда же спор был окончен, Гесиод продолжил поэму наставлением брату о полезных, богоугодных делах (*erga*); что же касается «Дней», то они были добавлены к сочинению Гесиода его неким продолжателем¹⁶. В. Николаи насчитал в поэме 69 сильно различающихся блоков, связанных между собой скобами так, что изложение следует непрерывно, но эти связи вторичны. По мнению этого ученого, основной принцип построения поэмы — «чередование тона»¹⁷.

Сразу отмечу, что вопрос о первоначальном виде поэмы прежде всего зависит от ее замысла, который определяется анализом ст. 27—39, повествующих о тяжбе Перса и Гесиода, т. е. излагающих суть положенного в основу поэмы конфликта и потому безусловно аутентичных первоначальному ядру произведения. Всесторонний анализ этого пассажа провел Б. Гронинген, данные которого приводят к определенному пониманию замысла поэмы — дать Персу наставления к земледельческому труду (подробней см. ниже). Отсюда к первоначальному тексту поэмы, на мой взгляд, принадлежат следующие стихи: ст. 11—24 (соревновательная Эрида)¹⁸ и 27—49 (экспозиция поэмы: спор с Персом за наследство; далее легкомысленному Персу внушается мысль о богоданной необходимости труда)¹⁹; 202—209 (притча о ястребе и соловье, долженствующая следовать за ст. 41)²⁰, 213—309, 311—316, 320—341 (увещания Перса)²¹. Следующие далее ст. 342—380 представляют собой добавленную позднее подборку стихотворных народных пословиц и поговорок²². Со ст. 383 начинается основная часть поэмы — *erga*, причем отдельные ее части переставлены местами²³. Далее следует ряд сентенций и поговорок на различные темы (ст. 695—764), не относящихся к основному ядру поэмы²⁴. Возможно, в развитие *erga* (ст. 381—614) был позднее добавлен раздел о благоприятных для различных дел днях — *ēmata* (ст. 765—828)²⁵.

Таким образом, ст. 11—24, 27—49, 202—209, 213—309, 311—316, 320—341, 383—560, 564—694 относятся, на мой взгляд, к гесиодовскому ядру поэмы. Композиционно первоначальный текст произведения состоял из *prooimion* (экспозиция) — тяжба с Персом, и *erga*, *nautiliē* — этические наставления, побуждавшие Перса к земледельческому труду и мореходной торговле.

Что касается остальных стихов поэмы, то здесь следует раз-

личать пояснительные вставки античных филологов и поэтов послегесиодовского времени (отмечены в примеч. 18—24), а также золотой фонд народной мудрости (ст. 342—380, 695—764), включающий стихотворные пословицы и поговорки. Хронологически эти образцы крестьянской мудрости могут быть как старше или младше, так и синхронными поэме, вряд ли выходя далеко за пределы архаической эпохи.

Время составления поэмы может быть определено приблизительно. Античные источники по-разному определяли время жизни Гесиода. Так называемая «Биография Гесиода» через Иоанна Цеца синхронизирует его с архонтатом третьего Кодрида, т. е. указывает приблизительно на рубеж XI—X вв. «Паросская хроника» (§ 28) дает дату ок. 936 г. По Плинию (N. h. XIV, 1, 2), советам Гесиода — тысяча лет. По данным Геродота (II, 53), выходит, что Гесиод жил в IX в. Евсевий приводит три даты из жизни Гесиода — 1017, 809 и 767 гг. (вторая дата — со ссылкой на Порфирия [Euseb.—Hier., Chron., pp. 71, 84, 87 Helm]). Веллей Патеркул (1, 7) дает дату 801 г., а Аполлодор — 846 г.²⁶ Попытки астрономического исчисления времени составления «Трудов» по указанию на 60-й день восхода Арктура после зимнего солнцеворота (ст. 564—565), наиболее подробно обоснованные у Т. Оллена, хоть и не считаются бесспорными, но все же согласуются с большей частью свидетельств античных источников, указывая на раннеархаическое время²⁷.

Хронологические реперы, содержащиеся в поэмах Гесиода, указывают на предпочтительность отнесения жизни поэта к VIII в. Так, упоминание сицилийской Этны в «Теогонии» (ст. 860) подразумевает в качестве *terminus post quem* третью четверть VIII в., когда на острове были основаны древнейшие греческие колонии (см. ч. I, гл. 4), или предшествующие отрезки того же века. Хотя чтение *Aitnēs* в указанном стихе восстановлено по *aitnēs* двух рукописей комментария Цеца к Ликофрону (Alex. 688), при *aidnēs* «мрачной (горы)» схолий, такое чтение выглядит органичным на фоне широкого географического кругозора «Теогонии», в которой упоминаются даже Истр и колхидский Фасис (ст. 339—340), ставшие известными в греческом мире, во всяком случае, не раньше Сицилии²⁸.

Чрезвычайно существенна для определения времени жизни Гесиода ссылка Плутарха на Лесха, повествовавшего о состязании Гомера и Гесиода на похоронах знатного халкидянина Амфидаманта (Plut. Mor. 153e—154a)²⁹. Лесх же, лесбосский автор «Малой Илиады», был, по Фаниаду Перипатетику (ученик Аристотеля), современником Архилоха, но состязался и с Арктином (apud Clem. Alex. Strom. 1, 144)³⁰. Таким образом, версия о состязании Гомера и Гесиода бытовала уже во второй половине VIII — первой половине VII в.³¹, что является надежным *terminus ante quem* для времени жизни Гесиода. Синхронизации Гесиода с Арктином соответствует также синхронизация его с

коринфским поэтом середины — второй половины VIII в. Эвмелом, которому приписывалось прозаическое переложение произведений Гесиода (Clem. Alex. Strom. 6, 267)³². С такой нижней границей творчества Гесиода согласуется вскрытый Т. Брентенштейном факт влияния гесиодовских поэм на произведения Архилоха, поэта второй четверти — середины VII в., которые содержат ряд точек соприкосновения, в том числе и текстуальных, с «Теогонией» и «Трудами»³³.

Подытоживая приведенные свидетельства, время жизни Гесиода мы, как и большинство исследователей, относим к VIII в.

Биография Гесиода

При ретроспективном взгляде в глубь истории архаической Греции первой реальной личностью предстает Гесиод, сообщавший в своих поэмах сведения автобиографического характера. В дальнейшей традиции эти сведения подверглись переосмыслению, в результате чего личность поэта обрела мифический ореол.

Имя Гесиод — не обязательно настоящее имя автора поэм «Труды» и «Теогония»; скорее, судя по этимологии имени, это апеллятив, профессиональное прозвище. По этимологии Ф. Г. Велькера, приведенной в его издании «Теогонии» 1865 г. и поддержанной впоследствии Ф. Зольмзенем, имя Hēsiodos (эолийское Aisiōdos, новоботийское Heisiodos) следует понимать как hieis ōidēn — «поющий песнь», «певец»³⁴. Аналогичным образом, согласно «Состязанию Гомера и Гесиода», имя другого великого поэта — Гомера, по одному из объяснений, происходит из субстратного малоазийского слова, означавшего «слепца»; попав в греческий язык, оно стало обозначать исполнителя эпических песен, рапсода (Certamen 9—10)³⁵. Таким образом, имя Гесиод условно.

Автор поэмы «Труды», не назвавший себя по имени, сообщает некоторые сведения автобиографического характера. Так, ст. 631—640 повествуют об отце Гесиода:

В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такую
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться,
Как это делал отец наш с тобою, о Перс безрассудный,
В поисках добрых доходов на легких судах развезжая.
Некогда так и сюда вот на судне заехал он черном
Длинной дорогой морской, эолийскую Киму покинув.
Не от избытка, богатства иль счастья оттуда бежал он,
Но от жестокой нужды, посылаемой людям Кронидом.
Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной³⁶

По-видимому, не только отец, но и сам Гесиод происходил из Кимы эолийской. Об этом могут свидетельствовать источники (Strabo XIII, 3, 6. St. Byz. s. v. Kymē) и такие побочные обстоятельства, как сильное влияние восточной культуры на

произведения поэта, а также сопоставление в эксцерпте Гераклида Понтийского из «Кимейской политии» Аристотеля пословицы «Не погиб бы бык, если б не был плохим сосед» (Op. 348) с обычаем кимейцев, по которому при пропаже чего-либо потерпевшему возмещали убыток соседи (Arist. fr. 611. 38). Эолийские элементы в языке Гесиода также могут быть обязаны его происхождению из Кимы³⁷ (если это не общеэпические моменты).

Кима была древним городом, основанным эолийцами из фрикийской области Локриды, соседней с Беотией (Strabo XIII, 1,3; 3,3). Возвращение отца Гесиода из Кимы в Беотию может указывать, что в основании Кимы приняли участие и беотийцы³⁸. В занятии морской торговлей, весьма рискованном тогда, отцу Гесиода не повезло, и тогда он обратился к земледельческому труду в Беотии, который давал более гарантированный заработок: бежав в свое время из Кимы от нищеты, он смог оставить здесь наследство двум своим сыновьям. Раздел этого наследства между Персом и Гесиодом и послужил поводом для написания поэмы «Труды и дни».

Перипетии тяжбы с братом Гесиод излагает во введении в поэму (ст. 27—39). Обычно суть дела понималась следующим образом: по смерти отца имущество было разделено между братьями, причем Перс с помощью подкупа «дароядных царей» сумел заполучить большую часть наследства. Он быстро спустил свою долю и, обеднев, решил предъявить свои претензии на отошедшую к Гесиоду часть отцовского имущества с помощью тех же взяточлюбивых басилеев, в чем и преуспел. Гесиод, не полагаясь на возможность справедливого суда, предостерегает Перса, что есть высший — божий суд, воздающий по справедливости действующим несправедливым образом³⁹.

Однако в последнее время Б. Гронинген существенным образом уточнил характер взаимоотношений Перса и Гесиода, что сделало более ясной цель написания последним поэмы «Труды». Он обратил внимание на временную разницу в ст. 37—38 пассажа, излагающего суть тяжбы: *ēdē men gar klēron edassameth', alla te polla haḡrazōn ephogeis*. Голландский ученый напомнил, что аорист *edassametha* здесь выражает факт в его материальной сущности и фраза в целом означает, что Перс только пытался получить больше, чем ему полагалось по закону, но не преуспел, поскольку *haḡrazōn ephogeis* — это имперфект, противопоставляемый предшествующему аористу и выражающий усилие в прошлом (если бы это усилие было успешным, здесь читался бы новый аорист)⁴⁰. Это наблюдение в сочетании с рядом других соображений позволило Б. Гронингену дать следующую характеристику взаимоотношений между братьями⁴¹.

После раздела отцовского имущества Перс прилагал усилия для получения большей доли, чем ему полагалось по закону. Ему в этом было отказано, и Перс стал публично выражать свое недовольство в общественных местах; его охотно слушали

те, кто занимался главным образом политическими и судебскими делами,— лица из знати, симпатии которых он старался приобрести для более удачного исхода новой тяжбы с братом. Занимаясь этим, Перс упустил благоприятную для земледельческих занятий пору (ст. 30—32: не много времени на тяжбы и речи у того, у кого мало прожиточных годовых запасов, приносящих земель). Гесиод не внушает мысль, что Перс просто ничего не делает, он говорит лишь, что Перс в своей бессистемной деятельности упускает благоприятные моменты, установленные для различных дел Зевсом. Первый процесс и образ жизни Перса обедняли его все более (он просто выпрашивал у Гесиода и других людей средства — ст. 394—404). По мнению Гесиода, положение брата — а он ему остается братом — улучшится, если тот будет регулярно работать.

Исходя из этой, данной Б. Гронингеном, интерпретации взаимоотношений между братьями, можно заключить, что Гесиод и составил в качестве наставления Персу поэму о земледелии и морской торговле. На основании такой целенаправленности поэмы я и попытался выше определить ее первоначальный состав.

Следующий эпизод автобиографического характера, приведенный Гесиодом в поэме, связан с его поездкой на Евбею, где он принял участие в состязании поэтов на похоронах халкидского правителя Амфидаманта (ст. 646—662)⁴²:

Если же в плаванье вздумаешь ты безрассудно пуститься,
Чтоб от долгов отвертеться и голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаванье я не искусен.
В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал,
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму
Пережидали ахейцы, собирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои,
На состязание в память разумного Амфидаманта
Ездил туда я в Халкиду; заране объявлено было
Призов немало сынами его большедушными. Там-то,
Гимном победу стяжав, получил я ушатый треножник.
Этот треножник в подарок я Музам принес Геликонским,
Где они звонкому пенью впервые меня обучили,
Вот лишь насколько я ведаю толк в кораблях многогвоздных,
Все ж и при этом тебе сообщу я, что в мыслях у Зевса,
Ибо обучен я Музами петь несравненные гимны⁴³.

Прокл добавляет в комментарии к данному пассажию, что Амфидамант погиб в морской битве с эретрийцами у Лелантинской долины, которая произошла при афинском архонте Арксиппе, сыне Акаста. Состязание с Гомером на похоронах царя Амфидаманта Гесиод начал стихом 383 поэмы «Труды», т. е. прямо с описания земледельческих работ. По решению царя Панида, брата Амфидаманта, и сыновей последнего — Ганиктора и других, победа была присуждена Гесиоду как воспевшему мир и земледельческий труд, а не Гомеру, прославлявшему войну и чинимые ею бедствия⁴⁴.

Плутарх в своем комментарии к поэме «Труды и дни», дошедшем до нас в многочисленных фрагментах, выразил мнение, что все, касающееся поездки Гесиода в Халкиду на похороны Амфидаманта, состязания и победы в нем, не содержит ничего достоверного (fr. 84 Sandbach). В новое время одни филологи следовали мнению Плутарха (Э. Роде и его последователи), другие указывали на органичность данного пассажа в контексте поэмы (А. Кирххоф, П. Мазон), третьи воздерживались от определенного суждения по этому вопросу⁴⁵.

Следует признать, что аргументы сторонников подлинности данного эпизода поэмы «Труды и дни» более весомы. По мнению Т. Оллена, нет оснований подвергать сомнению аутентичность указанного места на основании одного лишь эстетического суждения Плутарха⁴⁶. Плутарх отказывается принимать этот эпизод за чистую монету, однако в другом своем сочинении сам приводит цитату из Лесха, повествовавшего о состязании Гесиода и Гомера на похоронах Амфидаманта (Mog. 153e—154a).

Исследования последнего времени подтвердили справедливость мнения сторонников аутентичности данного пассажа. Сначала Г. Т. Уэйд-Гери, как упоминалось выше (примеч. 5), высказал предположение, что ст. 654—659 «Трудов», повествующие об Амфидаманте, подразумевают исполнение поэтом на состязании в Халкиде также «Теогонии». Затем У. Минтон и М. Уэст показали, что музы не случайно присутствуют в обсуждаемом отрывке: первоначально это были божества погребального характера; в ранней эпической поэзии их присутствие может не только акцентировать насилие или смерть, но также конкретность случая, в связи с которым такие героические темы отмечались⁴⁷. После этого Э. Брэдли указал, что у Гесиода сложилась концепция *klea* (славы) героя — славное соперничество среди земных царей в правосудии и гармонии, идущих от их родства с Зевсом (Th. 80—92), — это то, о чем Гесиод сообщал в своей эвлогии Амфидаманту⁴⁸. Наконец, Дж. Тедески детально рассмотрел этот пассаж в различных аспектах и пришел к выводу о его аутентичности поэме⁴⁹.

Приведенные данные свидетельствуют об аутентичности указанного пассажа первоначальному тексту поэмы. Остается добавить, что Амфидамант погиб в Лелантинской войне (Plut. Mog. 153f), наиболее аргументированная датировка которой приходится на VIII в. (см. Приложение I), что согласуется с наиболее вероятным временем жизни Гесиода.

Что касается хронологического соотношения поэм Гомера и Гесиода, то, как справедливо указал В. Николаи, мы не в состоянии определить, какие из них были созданы раньше, а какие позже⁵⁰. Можно лишь констатировать, что «Илиада», «Одиссея», «Теогония» и «Труды» близки по набору поэтических приемов: проведенное Ф. Крафтом сопоставление «Трудов» с гомеровскими поэмами обнаружило мощный слой общих

формул-связей, намного превосходящий слой специфически гесиодовских формул⁵¹.

Остальные сведения о жизни Гесиода в основном связаны с обстоятельствами его насильственной смерти и столь же многочисленны, сколь и мало достоверны, за исключением, может быть, изгнания и самого факта гибели поэта⁵².

Гесиодовский полис — Феспии

Н. И. Новосадский много лет спустя после того, как побывал на родине поэта, опубликовал статью с характерным названием «Реализм Гесиода», в которой указывал на специфически беотийский колорит поэмы «Труды и дни»⁵³. Описание природы здесь специфически беотийское: как и указано в поэме, тут очень холодно осенью, когда в соседней Аттике еще стоит жара; сосна и дуб (Ор. 509) типичны для Беотии, тогда как в Аттике преобладают маслина и платан. Ясень и лавр также характерны для Беотии (Ор. 435), но редки в Аттике. Даже басня о ястребе носит местный колорит — именно эта птица, а не орел, по сведениям путешественников, особенно часто встречается в беотийских горах.

Эти наблюдения Н. И. Новосадского указывают на реалистический характер поэмы: в ней мы имеем дело с реальной обстановкой, реальным обществом, реальной областью Греции, хотя и дидактически обобщенными. Именно поэтому, надо думать, язык «Трудов» стремится к прозаическому изложению, как отметил Г. Т. Уэйд-Гери, в отличие от «Теогонии», написанной чисто поэтическим языком⁵⁴.

Гесиодовское общество обозначается в поэме словом «полис» (Ор. 189, 222, 227, 240, 269, 527). Хронологически отстоящая недалеко «Одиссея» рисует довольно близкое общество, но сравнительно с гесиодовским полисом она в силу своего чисто эпического характера дает как бы сценический его образ⁵⁵. Эпический полис «Одиссеи» сродни театральному: так мы сейчас воспринимаем на театре мир героев классической трагедии; полис же Гесиода заземлен — к примеру, на городской площади дерут горло тяжущиеся и спорщики (Ор. 29—30), ведутся суды и раздоры из-за чужого имущества (Ор. 33—34). Полис «Одиссеи», в сущности довольно близкий полису «Трудов и дней»⁵⁶, дается как бы в классицистической манере эпического повествования; гесиодовский же полис намного реалистичней, хотя поэт пользуется теми же средствами — эпическим языком и формулами. Итак, если полис «Одиссеи» — былинный по характеру, то полис Гесиода — реальный греческий полис VIII в. Более того, можно установить и его название: по Страбону (IX, 2, 25), Аскра, в которой поселился отец Гесиода (Ор. 640), расположена в области Феспий. Единственная альтернатива свидетельству Страбона — довольно ранние предания о том, что

сама Аскра была городом. Таким образом, согласно источникам, гесиодовский полис — это либо Феспии, либо сама Аскра. Уточним это обстоятельство.

В Орхомене на могиле Гесиода было написано элегическое двустишие: «Аскра, богатая хлебом,— родная земля Гесиода» и т. д. (пер. С. П. Кондратьева), которое дошло к орхоменьям от Херсия; произведений его ко времени Павсания уже не сохранилось, но эту эпитафию со ссылкой на Херсия приводил автор «Истории Орхомена» Каллипп (Paus. IX, 38, 3; 6). Поздний эпический поэт Херсий жил, по Плутарху (Mor. 156e), во времена Периандра, т. е. во второй половине VII в. Эпитафия Херсия свидетельствует о плодородии аскрейской земли и, похоже, согласуется с гесиодовским определением Аскры как деревни. Как и всякое раннее мало-мальски значительное поселение, Аскра имела своих легендарных основателей: согласно позднему эпическому поэту Гегесину, от брака Посейдона с Аскрой родился Эокл, основавший Аскру вместе с сыновьями Алоей Эфиальтом и Отом (Paus. IX, 29, 1). Известный же критик Зенодот читал в «Каталоге» (II, II, 507) *polystaphylon Askra* — «богатая виноградом Аскра» (Strabo IX, 2, 35) — вместо *Agpēn* рукописной традиции⁵⁷. На основании приведенных данных можно заключить, что Гесиод нигде не говорит о плохой почве Аскры: его негативная характеристика этой деревни (Op. 640: «дурной в зимнюю пору, мучительной летом, никогда не благоприятной») имеет в виду лишь климатические условия местности, так что предшествующее *oizygē kōtē* — «несчастливая деревня» (Op. 639) следует понимать не в смысле «скудная», применительно к почве, как это иногда встречается в поздней традиции (Прокл. и др.)⁵⁸, а как «тягостная» в том же климатическом отношении. Плодородие аскрейской почвы, видимо, было основным фактором роста благосостояния отца Гесиода.

Аскра, имевшая своих основателей и, похоже, даже упоминавшаяся в «Илиаде», была очень древним селением, со временем, в силу неизменяемости своего чисто земледельческого облика, оказавшимся в зависимости от более прогрессировавших Феспий, которые были не только сельскохозяйственным, но и торговым центром (гавань Феспий — Креуса в Крисейском заливе [Strabo IX, 2, 25]). Аскра не имела своей гавани, и на этом основании следует считать, что полис гесиодовских «Трудов», предоставляющий крестьянину возможность заниматься и морской торговлей, — это Феспии, древний город, упоминавшийся в «Илиаде» (II, 498)⁵⁹. Помимо входившей в состав этого полиса Аскры (она расположена всего в 40 стадиях от Феспий [Strabo IX, 2, 25]) известно и другое древнее сельское поселение феспийского полиса — Эвтресис, где, по преданию, жили Зет и Амфион до их воцарения в Фивах (Strabo IX, 2, 28); оно также упомянуто в «Каталоге» (II, II, 502). Известны и Сифы — еще одно селение на берегу Крисейского залива (Thuc. IV, 76, 3). Ранняя история Феспий нам почти неизвестна, за

исключением маловероятного предания о том, что в эпоху до-рийского переселения часть феспийцев вместе с афинянами отправилась в колонию на Сардинию (Paus. VII, 2, 2.X, 17, 5; Diod. IV, 29)⁶⁰.

Общая характеристика гесиодовского полиса

Наиболее общая форма социальной коммуникации гесиодовского общества — полис, причем это и социально-политический (240)⁶¹ и физический организм (222). В материальном смысле полис включает жилища (222), оборонительную стену (246), агору (29)⁶², гавань (подразумевается в ст. 671 и сл.). В социально-политическом плане полис является центром для жителей окрестных деревень (29—30, 639—640) и средоточием общественной жизни; здесь же происходит разбор судебных дел. Население полиса — *laoi, endēmoi* — «местные жители» (225—227) или же *dēmos* (261). Проживают в нем и ксены — чужеземцы (225, 327). Есть в полисе своя знать — *esthloi* (214), но это не только родовая аристократия, а и «славные» люди полиса в целом (см. ч. I, гл. 5, о демосе). Управляют полисом *басилеи*, чинящие также суд (38—39, 202, 248—249); они, так же как и знать вообще, подразумеваются под *andres dōrophagoi* (220—221, 264).

У Гесиода имеется представление как о хорошо, так и о дурно устроенном полисе. Хорошо устроенный полис процветает, его население благоденствует, внутреннее согласие способствует правильному воспитанию юношества, не гибнущего в сражениях; в таком полисе нет голодных и безумных. Процветание полиса является следствием заботливых трудов его жителей, земля приносит обильные плоды, имеется много скота, достаток ощущается во всем (225—237). Напротив, плохо устроенный полис, в котором коснеет дурная *hybris* и творятся ужасные дела, подвержен бедам, голоду и чуме; население его тает, разоряются хозяйства, женщины не рожают, войско гибнет, разрушаются городские стены, тонут в море корабли. Вся община (*xumpasa polis*) часто терпит зло от одного преступника, свершающего насилие и замышляющего бесчестные поступки (238—247).

Противопоставление Гесиодом хорошо и плохо устроенного полиса производит впечатление обобщенного снимка с исторической действительности Греции раннеархаического времени. Гесиод ставит четкие условия здорового функционирования полиса: прежде всего во взаимоотношениях между его жителями должна господствовать *Dikē* — Справедливость, дочь самого Зевса (256 и сл.); во-вторых, каждый член полиса обязан трудиться (299 и сл.). Отсутствие этих условий означает плохое устройство полиса — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Представление о полисе как политическом организме у Гесиода нечеткое: это только совокупность людей (как в ст. 240), не более. Понятие *politês* у него отсутствует. Народная масса обозначена собирательными эпическими понятиями *laoi*, *dêmos*, безличными и статичными. В поэме нет ни одного случая каких-либо коллективных действий. «Лаой» бездеятельны как масса, но отдельные составляющие его единицы активны (на агоре происходят тяжбы в присутствии слушателей — 29; земледелец грузит свою продукцию на корабль — 643 и сл., и т. д.). Иными словами, гесиодовское общество находится в том состоянии, когда оно разделено на множество индивидуальностей, еще не составляющих в массе активное целое. Каждый, подобно Гесиоду, стоит сам за себя в случае посягательств со стороны; каждый действует в одиночку — будь то предъявление иска на чужое имущество (33—34) или морская торговля (630 и сл.). Частная инициатива не ограничивается какой-либо регламентацией со стороны коллектива, общества; она — основной двигатель экономической деятельности. Наиболее полно эта существеннейшая черта гесиодовского общества раскрывается в поэме вокруг темы труда.

Экономика гесиодовского полиса: труд и хозяйство

Население полиса — прежде всего земледельческое (580—581: забрезжившая заря выводит множество людей на дорогу и на многих волов налагает ярмо). Основное условие существования земледельца — труд. Гесиод не воспевает физический труд как таковой, он — наказание для людей, ниспосланное им за Прометеев обман (47—49), но также и наилучшее средство к обретению богатства и положения в обществе (312—313)⁶³. Труд — источник годового пропитания человека (44—46), основа достатка (299—301); благодаря систематическому труду люди становятся зажиточными, богатыми мелким рогатым скотом (308), а с богатством приходят и почет и добрая слава (313). Трудящиеся люди угодны богам (309), на бездельников боги негодуют (303—304). С бездельем приходят голод (303), бедность (497—498) и спутник ее — позор (317—319); удел бездельника — нечестивые помыслы о чужом имуществе (498—499). Напротив, достигнутое человеком благодаря труду богатство — пример, поучительный для бездеятельного: он торопится землю вспахать или сад насадить, отлично поставить хозяйство (21—24). Если человек работает, очень скоро ему, разбогатевшему, позавидует бездельник (312—313).

Прославление труда Гесиодом, на наш взгляд, — первый совершенный им акт эпохального значения. Обычно полагают, что бедняки («бездельники» поэмы) — это представители рядового населения⁶⁴. Однако не следует упускать из виду, что в Феспиях господствовала аристократическая мораль: согласно «Поли-

тии феспийцев» Аристотеля, здесь считалось позорным заниматься земледелием или ремеслом, вследствие чего большинство населения было бедно и в долгу у «бережливых фиванцев» (fr. 611, 76). Аристократический характер этой морали сам по себе предполагает ее очень древний характер, восходящий к древним временам господства аристократии, т. е. к архаической эпохе. Наставления же Гесиода брату шли вразрез с этой моралью, были направлены не только против нее самой, но и против ее носителей: *aergoi*, притча во языцех поэмы,— это не кто иные, как обедневшие знатные люди, не желавшие трудиться для обретения былого достатка.

Гесиод различает два вида бедности—данную от богов и происшедшую от нежелания трудиться. Первая—священного происхождения (638), согласно народной морали она—вне людского осуждения (717—718); вторая как следствие безделья (411—413) достойна поношения: недобрая хула сопутствует бедному ленивцу (317). Бедность бездельника толкает его к богопротивным поступкам (часто он, уже ни на что не надеясь, но нуждаясь в пропитании, замышляет в душе дурные дела—498—499), например к присвоению чужого добра путем насилия или сутяжничества (321—323, если связывать их со ст. 317—319). Но достигнутое таким путем богатство непрочно—его легко разрушают боги (325).

Этой, по мнению Гесиода, неугодной богам и людям (аристократической, добавим мы) морали поэт противопоставляет стихийно возникшую в процессе экономической деятельности индивидуума мораль, идущую, собственно, из народных глубин. Прежде всего она гласит: «Нет никакого позора в труде, позорно безделье» (311). Гесиод объявляет такой принцип богоугодным (боги назначили людям в удел труды—398). Далее поэт приводит свой идеал—трудолюбивого земледельца (ибо его труд дает наиболее гарантированный достаток) и его хозяйство.

Вопрос о размерах идеального гесиодовского хозяйства специально не исследовался и породил различные мнения: одни считали его мелким⁶⁵, другие крупным⁶⁶, третьи—средним⁶⁷. В этой связи следует отметить, что в зависимости от приложенного труда (312—313) Гесиод различает богатое хозяйство (33—34, 312—313), среднее (31—32, 475—477) и бедное (451). Идеал Гесиода—умеренный средний достаток, обеспечивающий годовой прожиточный минимум (*bios hōgaios*, 31—32). Зажиточное хозяйство земледельца, по Гесиоду, включает следующие средства производства: земельный участок (341), тягловую силу (волы—453), транспортную (ослы—607) и рабочую (*dmōes*, см. с. 46 и сл.), транспортные средства (455), сельскохозяйственные орудия (432, 573), посевной фонд (471) и т. д. Сельскохозяйственная деятельность направлена на производство зерновых и виноградарство (571 и сл.). Дом (405) включает хозяйственные постройки (301, 599) с различной утварью (475).

Трудовой процесс предполагает личное участие в нем владельца средств производства и включает пахоту (459, 467—468), жатву (480), ремесленную деятельность (430 и сл.), работу по дому (495). Крестьянин не только производитель, но и организатор работ в своем хозяйстве, поскольку в поле наряду с ним заняты различные категории зависимых от владельца лиц. Организаторские функции хозяина проявляются в том, что он определяет трудовые задания (597—600, 606—608 и др.), дает указание начать в подходящее время соответствующие, главным образом полевые работы (573 и сл.), печется об инвентаре (573), транспортировке урожая (576—577) и о многом другом. Наиболее показательна в этом отношении пахота: в основном ее осуществляет работник (441), но с наступлением установленного для пахоты времени крестьянин начинает ее лично (458—459). Свободный крестьянин — двигатель не только сельскохозяйственного производства, но и межполюсной торговли: успешно завершив полевые работы, он загружает судно продуктами своего труда и отправляется торговать (630—632, 671—673)⁶⁸.

Для Гесиода труд и земледельческий и корабельный — источник годового пропитания (44—46); лишь из страха перед морем сам он предпочитает земледелие (236—237, 681—685). Основной стимул морской торговли (*emporiē* — 646) — желание получить прибыль (*kerdos* — 632); она не только способ обогащения, овладевшего душами людей (685—686), чего Гесиод не одобряет, но и средство рассчитаться с долгами и избежать голода (647). «Предпочитай при загрузке товара малому судну большое: больше товара — и на прибыль больше товара придется», — советует он (643—645).

Само наличие у крестьянина судна (624—630), конечно, не является показателем того, что гесиодовское идеальное хозяйство — крупное: как известно, в прибрежных местностях почти все имеют плавучие средства, так что достаток определяется лишь размерами судна. Вообще можно отметить, что гесиодовское крестьянское хозяйство, как во все времена, сильно зависит от благоприятных природных условий (465—466); земля дает годовой запас продовольствия (32), и на продажу шли только излишки (Гесиод рекомендует пускать в торговый оборот морем меньшую часть излишков — 690)⁶⁹.

Даже при наличии торгового обмена в ближней области гесиодовское хозяйство тем не менее носит прежде всего натуральный характер. Производство зерновых и вина предназначено в первую очередь для собственного потребления (231—232, 559—560, 589 и сл.). Основные предметы первой необходимости производятся дома (обувь, одежда — 536 и сл.). Крестьянин сам заготавливает лес (420—421) для различных поделок и изготовления орудий труда на дому (ступка, соха — 422 и сл.). Ремесло выделено очень слабо: первоначальный текст поэмы упоминает лишь кузнечное дело (493)⁷⁰.

Слабое выделение ремесла и личное участие крестьянина в торговле предполагает примитивный меновой характер экономических взаимоотношений в гесиодовской Греции. Статьями обмена были изделия из металла (что предполагается упоминанием кузницы — 493), скот (436—437), предметы сельскохозяйственного производства (689), земля (341).

Земельный строй и социальные отношения

Поэма «Труды» не дает связной и подробной картины земельного строя гесиодовской Греции. Ее единичные свидетельства, однако, могут служить основанием для реконструкции некоторых элементов системы земельных отношений в Греции раннеархаического времени. Наиболее интересная попытка такой реконструкции была сделана Эдуардом Вилем, который подверг всестороннему анализу ст. 341 поэмы: *orph' allōn onēi klēgon, mē ton teon allos*⁷¹. Французский исследователь напомнил читателю, что понимание здесь глагола *ōneisthai* в классическом значении «покупать» (как во всех переводах, в том числе и у В. В. Вересаева: «Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие») приводило в смущение комментаторов, поскольку данный стих становился единственным свидетельством отчуждаемости земли в архаической Греции. Из суммы свидетельств, главным образом аристотелевской «Политики», обычно делался вывод, что в Греции до конца V в. земельная собственность была неотчуждаема: ее можно (лучше сказать, должно) было передать сыновьям, но нельзя было ни купить, ни продать, ни подарить, ни завещать кому-либо другому, кроме как естественному наследнику. Эд. Виль указал, однако, что мы не располагаем достоверными свидетельствами о том, что законы препятствовали или поощряли отчуждение земли. Закон локров, запрещающий продажу клера кроме как в случае крайней необходимости (Arist. Pol. II, 4, 4), во-первых, относится к гораздо более позднему сравнительно с гесиодовским времени, во-вторых, представляет собой достаточно исключительное явление (других примеров хорошо знавший законодательство греческих городов Аристотель не сумел отыскать). Отсюда Эд. Виль делает справедливый вывод, что слова Аристотеля о спартанском законодательстве, согласно которому приобретение или продажа имущества явно не одобрялись (*ou kalon* — Pol. II, 6, 10), следует понимать как противоречащий религиозным нормам поступок и что именно такое отношение к продаже наследственного надела имело место в архаической Греции. Иными словами, понятие неотчуждаемости клера носило не столько юридический, сколько морально-религиозный характер.

Если отчуждение клера все же происходило, как предполагает ст. 341, то было ли это актом купли-продажи, можно ли

думать о «стоимости» земли в условиях отсутствия денежного эквивалента такой стоимости? Эд. Виль сопоставляет впервые упоминающееся у Гесиода *ōneisthai* с гомеровским *ōpos* и приходит к выводу, что *ōneisthai* в раннеархаическое время означало «сношение по торговому делу, предложение обмена» с побочным значением «приобретать-уступать» на меновой основе. Таким образом, *ōpēi* в ст. 341 следует понимать, как «ты можешь попытаться приобрести», «ты можешь предложить своему ближнему уступить свой клер».

Далее Эд. Виль отмечает, что в гесиодовское время началось сильное колонизационное движение, сопровождавшееся оттоком населения, и это повлекло за собой расширение практики отчуждения наследственных клеров. Истоки социального кризиса архаической Греции следует искать в обычае наследственного раздела, он — результат непрерывного расщепления первоначальной семьи. С каждым поколением положение крестьян ухудшалось, и «Труды» свидетельствуют об их сильном обеднении. У кого же бедный крестьянин мог добыть средства к существованию, как не у ближайшего аристократа, обладавшего излишками земли? — спрашивает Эд. Виль. Это была фатальная неизбежность: богатый кредитовал бедного под залог его земли, и при невозвращении долга эта земля переходила к кредитору. Следствием такой примитивной ипотечной практики была известная ситуация, сложившаяся в Афинах при Солоне; такой контекст имеет и ст. 341: приобретает имущество ближнего. По мнению Эд. Вилья, этот стих подразумевает процесс превращения свободного собственника, крестьянина-должника, в ипольщика на своей земле. Этот новый юридический статус ухудшал его экономическое положение, и в будущем из ипольщика крестьянин становился долговым рабом.

Изложенная концепция встретила возражения со стороны другого французского ученого Эрнеста Вилья⁷². Прежде всего Эрн. Виль указал, что тяжба между Персом и Гесиодом — это не социальный конфликт, а обычная житейская ситуация, спор между братьями за наследство. Разве при этом из-за продажности властей пострадал Гесиод, как полагали обычно? Ничуть, пострадал Перс, но только вследствие своей бездеятельности. Предположение о задолженности как причине порабощения свободных не имеет никакой основы в тексте поэмы, отмечает Эрн. Виль. Перс задолжал (ст. 394—397), и Гесиод предупреждает его, что если он и впредь будет оставаться должником, то не найдет себе более заимодавца (ст. 401—402). Иными словами, то, о чем трактует Гесиод, может быть, представляет собой нередкую практику, но данные поэмы не позволяют говорить о собственно задолженности, а лишь о займе. Эрн. Виль указывает, что ст. 349—351 о «доброй мере» при отдаче долга достаточно показательны в этом отношении: они касаются займа продуктов питания и в целом сводятся или должны сводиться к естественному материальному обмену между соседями в одном

селении. Таким образом, по Эрн. Вилю, контекст поэмы не подразумевает никакого социального кризиса. Ни о задолженности мелкого крестьянства, ни о его ограблении свидетельств в «Трудах» нет.

Эрн. Виль считает, что хозяйство Гесиода довольно крупное: земля под посевами и виноградник, ойкос, функционирующий почти полностью на собственные средства, тягловая сила, рогатый скот. Все это хозяйство основано на труде шести-семи рабов и рабынь. Так где же у Гесиода образ бедного крестьянина, который многие пытались увидеть в поэме? Отсюда можно сделать лишь один вывод, продолжает исследователь: положение гесиодовского крестьянина искажалось под впечатлением двух факторов — аграрного кризиса солоновской эпохи и образа крестьянина XIX в., работавшего вместе с семьей от зари до зари. Проведенный анализ поэмы, заключает он, позволяет утверждать, что в гесиодовской Беотии не было никакого аграрного кризиса. Глубинная атмосфера «Трудов» фундаментально оптимистична: работай — и ты преуспеешь, будешь богат и уважаем. Но это ведь евангелие скорее мелкого буржуа, нежели революционера, замечает Эрн. Виль.

В заключение Эрн. Виль рассматривает вопрос о «борьбе классов» на основании данных поэмы. По его мнению, абсурдно звать Гесиода революционером. Как и все древние, Гесиод верил в доблесть иерархического общества. Он ни разу не обращается к аристократии с упреками в узурпации юридической или политической власти. Напротив, он подчеркивает, что аристократия должна правильно осуществлять правосудие. «Борьба классов» присутствует у Гесиода только в том смысле, что он призывает правящее сословие относиться с уважением к отправлению правосудия при разборе дел крестьян со средним и малым достатком. Рамки этого феномена трудно определить, но примечательно, что «классовая борьба» подобного рода как бы воспроизводит себя: среднее и малое крестьянство поднимает голову и требует своих прав. Не следует ли говорить в таких условиях об отступлении аристократии? — спрашивает ученый и указывает, что в поэме нет никаких упоминаний, хоть как-нибудь связанных с военным делом. Отступление аристократии, важнейшей функцией которой являлось военное дело, видимо, было связано с отсутствием войн, с условиями мирного времени. Если крестьянин не стремился в гоплиты, значит, он не хотел оставить знати всю экономическую и, может быть, политическую власть.

Мы не случайно столь пространно изложили концепции Эдуарда и Эрнеста Вилей. Во-первых, анализ социального устройства гесиодовского общества вообще небогат литературой: многие охотно скользили по этой теме, но мало кто давал себе труд серьезно разобраться в ней⁷³. Во-вторых, обе концепции как в зеркале отражают два подхода к пониманию раннеархаического общества (напомним — речь идет о Греции по VIII в.):

модернизаторский (Эд. Виль, М. Детьян и многие др.) и критический (Эрн. Виль). В сущности, это продолжение давнего спора между Э. Мейером и К. Бюхером. На мой взгляд, холодный душ Эрн. Вилья на давние, идущие еще от Р. Пельмана, утверждения о «борьбе классов», «революционном духе» поэмы и «аграрном кризисе» в гесиодовской Греции во многом способствует формированию более адекватного представления об исторической действительности зрелого раннеархаического времени. Я не отрицаю возможности ни аграрного, ни социального кризиса в отдельных областях архаической Греции, но считаю, что говорить о них можно применительно ко второй половине VII—VI вв., не ранее, да и то с большими оговорками о масштабах кризиса. Иными словами, необходимо более четкое разграничение данных феноменов во времени и пространстве для того, чтобы характеристики позднего VII—VI вв. (досолоновская Аттика) не переносились на предшествующую эпоху.

В свете проблематики, затронутой в обеих изложенных статьях, рассмотрим два кардинальных вопроса: 1) соотношение труда свободных и зависимых, 2) характер зависимости. От решения указанных вопросов во многом зависит определение характера производственных отношений и в конечном счете — типологии общества раннеархаической Греции. О роли свободного собственника в производственном процессе речь уже шла выше — организуя производство и участвуя в нем личным трудом, эта фигура является основой и движущей силой гесиодовского хозяйства, а в целом — экономической жизни Греции. Вместе с тем, по данным поэмы, производственный процесс включает физический труд не только владельца средств производства, но и зависимых лиц — *dmōes*. Это обозначение встречается в поэме восемь раз (430, 459, 470, 502, 573, 608, 766).

Участие *dmōes* в трудовом процессе связано с пахотой (459), жатвой (573) и молотью зерна (597); при пахоте за упряжкой и пахарем следует *dmōis*-подросток с однозубой мотыгой, укрывающий посеянное зерно землей от птиц (469—471). Таким образом, полевые работы, связанные с зерновыми, по сути дела, осуществлялись *dmōes*. Еще один стих, связанный с трудовой деятельностью *dmōes* (502): «Указывай *dmōes*, пока лето в разгаре, что не вечно оно будет длиться, наполний закрома (*poieisthe kalias*)», требует специального рассмотрения. Слово *kalia* встречается в поэме пять раз. В трех случаях оно имеет бесспорное значение «амбар, закрома, кладовая» (301, 307, 411); для двух других упоминаний словарь Лиддела—Скотта—Джоунза дает значение «хижина» (374, 503). Что касается ст. 374, то здесь нет особых оснований приписывать слову иное содержание, нежели в других частях поэмы, — контекст ст. 373—374 согласуется с обычным его значением («Чтобы разодетая женщина не вскружила тебе голову своими бедрами и, заморочив болтовней, не обшарила твои закрома»). Таким образом, интересующее нас значение *kalia* в ст. 503 следует понимать в

общем для поэмы смысле: *poieisthe kalias* означает не «стройте хижины», а «устраивайте себе закрома», иначе говоря, это выражение — эквивалент *pimplēsi kaliēn* (301, 411) и *plēthōsi kaliai* (307) — «наполняют амбары»⁷⁴.

Чьи закрома подразумеваются в ст. 502—503 — хозяйские или дмоев? Создается впечатление, что указание хозяина дмоям на необходимость наполнения закровов скорее имеет в виду принадлежность его последним; но равным образом можно думать, если считать дмоев рабами, что благосостояние их зависит от степени наполненности хозяйских кладовых. Поскольку медиальность залога здесь ни о чем не говорит, выяснение принадлежности этих закровов упирается в вопрос о статусе дмоев: если это рабы, то здесь скорее могут иметься в виду хозяйские амбары; если же дмои не рабы, а батраки, то следует считать, что речь идет о пополнении их собственных закровов.

Определенный ответ на вопрос о социальном статусе дмоев, на мой взгляд, дает ст. 441 из пассажа, включающего советы по наилучшей организации пахоты. Здесь (432—447) Гесиод указывает, что надо иметь под рукой две сохи, которые можно сделать самому; следует приобрести двух быков-девятiletок: такие быки не станут драться при пахоте и не сломают соху. К совету о быках примыкает и следующая рекомендация: желательно, чтобы за ними следовал сорокалетний молодец (*aizēos* — 441), хорошо поевший для усердной работы; такой работник вкладывает душу в свой труд, в то время как более молодой возбуждается в присутствии сверстников, т. е. трудится невнимательно. Данная рекомендация очевидным образом подразумевает возможность выбора хозяином работника для пахоты аналогично выбору пары девятилетних быков при покупке (*boe... kektēsthai* — 436—437). Подобный совет, естественно, подразумевает возможность такого выбора при наличии работников разного возраста, что могло иметь место либо в крупном рабовладельческом хозяйстве, либо при широком предложении батрацкой силы. Поскольку поэма не содержит ни единого намека на наличие крупного рабовладельческого хозяйства, поскольку совет Гесиода явным образом подразумевает широкую практику выбора работника для пахоты, не соответствующую возможностям мелкого рабовладения, постольку мы должны заключить, что под дмоем-пахарем подразумевается наемный работник.

В пользу этого существенного в ряде отношений вывода свидетельствуют и другие обстоятельства. Так, дмои в поэме упоминаются только в связи с полевыми работами, никакими другими делами, что естественно было бы ожидать от рабов, они не занимают. Это само по себе указывает на временный, т. е. наемный, характер их деятельности, ограниченной полевым сезоном. Пассаж поэмы (600—608), содержащий советы хозяину в связи с окончанием полевых работ, не оставляет никакого сомнения в таком характере работы дмоев⁷⁵: как свезешь уро-

жай домой и заготовишь корм для скотины (601, 606—607), советую тебе затем распрячь волов, а дмои пусть будут свободны от работы (досл. «дадут отдохнуть милым коленям» — 607—608), ты же раздобудь себе бездомного фета и бездетную служанку (602—603). Независимо от того, как понимать выражение *thēta t'aoikon poieisthai* (602) — «раздобудься бездомным фетом» или «рассчитай фета», здесь дмои предстают в качестве временнонаемных работников, поскольку вплоть до следующей весны они исчезают из трудового процесса на последующее время, отнюдь не праздное (ср. 495: у деятельного хозяина и зимой много работы дома).

Далее, не случайно дмои в «Трудах» только мужчины и их удел — полевые работы. Если бы они были рабами, ожидалось бы присутствие у Гесиода и столь характерных для гомеровских поэм женщин — *dmōai*, сфера деятельности которых — домашняя работа, естественно необходимая и в гесиодовском хозяйстве. Место таких *dmōai* в поэме заступает *erithos* (602—603) — наемница, т. е. не рабского состояния служанка.

Наконец, данные поэмы, взятые в своей совокупности, позволяют восстановить связную картину функционирования наемного труда. Основная его сфера — полевые работы: пахота, жатва, обмолот и транспортировка зерна в закрома. За свою работу батрак получает ежедневный рацион (442) из расчета месячного довольствия ([765—767], ср. 559—560). Судя по указанным ст. 765—767 из негомогенных «Дней», начисление месячного довольствия вперед происходило, видимо, на основании размеров выполненной за предшествующий месяц работы. Помимо довольствия наемники получали за свой труд условленную плату — *misthos eirēmenos* [370]. С окончанием полевого сезона заканчивалась их служба (608), и они получали расчет. Ст. 502—503 о пополнении закромов дмоями, принимая во внимание их наемный статус, следует понимать в том смысле, что речь идет о закромах дмоев, и в любом случае бесспорно, что размеры получаемого дмоями конечного вознаграждения обуславливались не в абсолютных величинах, а в определенной доле собранного урожая, чем поддерживался взаимовыгодный как для хозяина, так и для дмоев стимул к получению как можно большего урожая.

Вывод о наемном характере труда дмоев предполагает не рабский, а относительно свободный их статус, фактически это феты⁷⁶. Присутствие в поэме обоих обозначений (слово фет упоминается только один раз⁷⁷) может указывать на какие-то различия в статусе дмоев и фетов — при их общем положении наемников, — но для нас они неуловимы. Решительное преобладание термина *dmōes*, на мой взгляд, стоит в тесной зависимости от традиционного, во многом формульного эпического языка поэмы. При этом необходимо иметь в виду, что дмои гомеровских поэм — очень неясное по своей этиологии явление, и трудно разделить уверенность Я. А. Ленцмана в том, что основой

труда дмоев было внеэкономическое принуждение — пиратство и обращение в рабство военнопленных, навеянное главным образом народной этимологией слова *dmōs*, которая производила его от глаголов *damnēmi*, *damāō* — «одолеваю, покоряю»⁷⁸.

Здесь дело даже не в этимологии слова, хотя этимология Э. Буасака (связь с основой **domo* — «дом»), принятая Г. Глотцем, В. Берингером, Г. Нуссбаумом, открывает другие, более широкие перспективы на понимание института дмоев. Дело скорей состоит в антиисторизме сведений гомеровских поэм в социально-политическом плане, задающих историку такую, например, головоломку, как упоминание дмоев-мужчин исключительно в «Одиссее»⁷⁹. Здесь не место исследовать вопрос о гомеровских дмоях, нам достаточно констатации факта различной этимологии института дмоев «Одиссеи», которая содержит существенное для гесиодовских дмоев упоминание о *dmōes anagkaioi*, трудившихся в хозяйстве Лаерта (XXIV, 210). Этимология этого «рабства по нужде» ясна — экономическая необходимость, но статус таких дмоев неясен: то ли отработочная кабала, то ли издольщина, то ли просто батрацкий найм, но в любом случае — не рабство. Таким образом, в эпическом языке как «Одиссея», так и «Трудов» нерабский, но близкий ему зависимый статус метафорически определялся «рабским» термином.

Заключение о нерабском статусе дмоев предполагает чрезвычайно существенный для определения типологии гесиодовского общества вывод: рабский труд здесь отсутствовал, и поскольку экономическая жизнь Греции раннеархаического времени зиждилась не на нем, исторически это общество стояло на дорабовладельческой стадии развития. Уместно напомнить здесь сообщение Геродота (VI, 137) о том, что первоначально в Греции рабов не было; это подтверждается и указанием Тимея (арх. Ролуб. XII, 5, 7) на то, что в древности у греков не было обычая приобретать рабов. Так же и в историческое время, согласно Тимею, рабов не было в таких небогатых областях, как Фокида и Локрида (арх. Афин. VI, 264с). Очень показательна в этом отношении справка Афиней (VI, 267 е—f): драматурги старшей комедии указывают, говоря о древних временах, что тогда не пользовались рабами, в подтверждение чего Афиней приводит ряд примеров из Кратина, Кратета и др.

Соответственно социальная структура гесиодовского общества включала различные градации полусвободных — полузависимых состояний, определявшихся в целом, но не единственно, имущественным положением индивидуума. В этом отношении данные «Трудов» свидетельствуют, что имущественная дифференциация гесиодовского общества была значительной, если брать не общество в целом, а его малоимущую часть, но социальное положение индивидуума не стояло в прямой связи с обеднением — напомним по этому поводу, что обедневший Перс (395 и сл.), согласно Б. Гронингену, пользовался тем не менее симпатиями знати (ср. ст. 38).

Количественная пропорция малоимущей части населения в гесиодовском полисе, естественно, остается неопределимой. Но открываемая поэтом перспектива: работай и преуспеешь — очевидным образом предполагает превалирование достаточно сносного уровня жизни. Напомню в связи с этим археологически засвидетельствованный для VIII в. высокий жизненный уровень населения Старой Смирны в целом.

Минимальные составные части крестьянского хозяйства, согласно Гесиоду, — дом, жена, вол (405). Это бедное хозяйство: Аристотель, приведя данный стих, указал, что у бедняков вол заступает место раба (Pol. I, 1, 6), т. е. применительно к гесиодовскому времени — батрака. Отсутствие и раба и вола — это следующая ступень нужды (апег aboutès), однако при этом существенно, что у «безволового мужика» был земельный участок (появление весной журавлей — знак начала пахоты — «кусают» ему сердце (450—451), что означает, по существу, наличие земли у безволового). Волы служили предметом торгового обмена (436—437)⁸⁰, так что отсутствие их у крестьянина указывает на его сильную материальную нужду. Вообще в подобном случае оставшийся без тягловой силы землевладелец рассчитывал на «прокат» чужих волов (453), но Гесиод тут же выдвигает альтернативу: а что, если будет получен отказ (например, вола-де в работе — 454)? В такой ситуации как будто правомерно предположить, что бедняк мог закладом или продажей части своей земли добыть себе вола и возделывать оставшийся участок. Действительно, упоминание в поэме thēs aïkos — «бездомного фета» (батрака) указывает, что крайней степенью бедности было отсутствие не только вола, но и дома, что, видимо, сопровождалось потерей и земельного участка⁸¹. В схолии к выражению «бездомный фет» (ad 602 Pertusi) указано, что это человек, «не имеющий ни жены, ни ребенка», т. е. у фета, находившегося на крайней ступени нищеты, отсутствовали все составные части минимального крестьянского хозяйства (дом, семья, вол — 405).

Таким образом, данные поэмы рисуют нам три состояния бедности: 1) наличие дома, семьи, вола и отсутствие средств для найма батраков. В таком хозяйстве все делается руками крестьянина и его семьи. Наличие вола подразумевает владение земельным участком. 2) наличие дома, семьи, земли и отсутствие тягловой силы, необходимой для вспашки земли и транспортировки урожая. 3) отсутствие дома, семьи, вола, земли.

Третье состояние бедности служило основным источником формирования батрацкого контингента, игравшего значительную роль в экономической жизни гесиодовского общества, поскольку зажиточное хозяйство основывалось на труде нескольких батраков в полевой сезон⁸².

Можно ли считать наличие некоего слоя обезземеленных крестьян показателем социального кризиса гесиодовской Гре-

ции, как полагал Эд. Виль, или нельзя, как считает Эрн. Виль? Данные поэмы позволяют определенно высказаться на этот счет: оба исследователя правы лишь отчасти. Как указывалось выше, Эд. Виль полагал, что истоки социального кризиса архаической Греции крылись в обычае наследственного раздела, приводившего к непрерывному расщеплению первоначальной семьи и ее земельной собственности. Нельзя вместе с Эд. Вилем обобщать эту мысль и класть ее в основу реконструкции «социального кризиса»: поговорка, вставленная в текст поэмы, достаточно четко указывает, что при наличии в семье нескольких наследников печалиться не следует: каждый из них может приобрести достаток (378—379).

С одной стороны, обезземеленные батраки составляли существенную часть трудовых ресурсов архаической Греции, с другой же — не они определяли лицо ее аграрного строя, и Эрн. Виль с полным основанием отмечал, что положение человека в первую очередь определялось его отношением к труду; в этом плане достаточно показателен пример отца Гесиода, из-за бедности осевшего в климатически тяжелой, но плодородной почве Аскре и оставившего в конце концов приличное наследство двоим сыновьям. Данные «Трудов» не предвзято свидетельствуют, что человек в гесиодовском обществе зависел главным образом от двух факторов — своего отношения к труду и стихии (неурожай). В то же время поэма не содержит никаких указаний на то, что общественный строй препятствовал бедняку перейти в категорию более зажиточных. Поэма рисует множественность имущественных состояний: преуспевание и зажиточность (320 и др.), умеренность хозяйства (31—32 и т. д.) и бедность (451 и др.), но последняя определялась не столько социальным устройством архаического общества, сколько ограниченным характером его естественных экономических возможностей⁸³. Достаточно было неурожая, чтобы умеренное хозяйство пошатнулось и появились долги, которые надо было выплачивать (403). Задолженность, согласно поэме, не носила всеобщего характера (что следовало из реконструкции Эд. Вилля), но она была и не без социальных последствий (против чего возражал Эрн. Виль).

Иными словами, мы не можем быть уверены, что труд батраков в гесиодовском хозяйстве был целиком вольнонаемным, а не вытекал из различного рода обязательств. Ведь Перс с семьей уже исчерпал возможности соседской и родственной помощи (394 и сл.) и стоял перед необходимостью решать, каким способом расплатиться с долгами и избежать голода (403—404). Гесиод не ставил вопроса, что же будет с Персом, — это задача историка, но поскольку поэт рисует нам три состояния бедности, мы вправе полагать, что бедность, задолженность и батрачество — явления взаимосвязанные.

Фетская проблема была актуальной уже в гесиодовское или непосредственно следовавшее за ним время в главном городе

Беотии Фивах. Приведу в этой связи пассаж из «Политики», трактующий законодательную деятельность здесь коринфянина Филолая из рода Бакхиадов (II, 9, 7): «Филолай был законодателем у них [фиванцев] касательно разных вопросов и деторождения. Эти законы фиванцы называют *thetikoi*. При этом особым образом им были установлены законоположения, направленные на сохранение числа клеров». Тут привлекает внимание прилагательное *thetikos*, в своем обычном значении «определенный, положительный» не имеющее смысла в данном контексте⁸⁴. С. Я. Лурье переводил выражение *nomous thetikous* как «нормативные законы» и приводил одну из статей филолаевских законов в переложении Элиана (V. h. II, 7), полагая, что речь идет об установлении определенной нормы наличия детей в семье⁸⁵. Элиан, однако, определенно говорит не о норме деторождения, а о бедных, вовсе не имевших средств кормить ребенка. В порядке обсуждения апории⁸⁶ отмечу, что здесь не исключена ошибка в передаче слова, и предлагаю чтение *nomous thētikous* — «фетские законы, законы, относящиеся к фетам». Разница в написании минимальна, и замена эпсилоном эты в рукописной традиции — частое явление. Если учесть, что у Аристотеля нигде более слово *thetikos* не встречается (а *nomoi thetikoi* вообще не засвидетельствованы в источниках), в то время как *thētikos* в той же «Политике» отмечается многократно, думается, что такая конъектура имеет основания, тем более что в этом случае она четко разъясняет смысл фразы: «Эти законы фиванцы называют фетскими». Законы Филолая о деторождении трактовали эту проблему не в смысле регулирования деторождения для сохранения определенного количества земельных наделов, как обычно полагают (законы о сохранении числа клеров были установлены им отдельно — *idiōs*); иначе говоря, законы о деторождении, как полагал Г. Бузольт, не были связаны с законами о числе клеров. Они назывались фетскими в том смысле, что имели в виду фетов, о которых и идет речь в отрывке, сохраненном Элианом⁸⁷.

Бесспорно, вывод Эрн. Виля о фундаментально оптимистичной идее «Трудов» — работай и преуспеешь — справедлив; но бесспорно и то, что в поэме также присутствуют зачатки социального кризиса в виде крайней степени бедности — батрачества. Нельзя целиком согласиться с высказыванием Г. Уэйд-Гери о том, что Гесиод лично столкнулся с такой исторической ситуацией, с которой встретился столетие спустя афинянин Солон⁸⁸, — это не совсем так. Солон действительно имел дело с кризисом, Гесиод же присутствовал при возникновении его начатков, не обязательно должных вылиться в социальный кризис, подобный афинскому. Уже древними была подмечена тонкая связь произведений обоих поэтов (например, Clem. Alex. Strom. 5, 129, p. 414). Г. Уэйд-Гери более прав в другом своем заключении: Солон так часто заимствует язык Гесиода, что мы должны видеть в последнем его предшественника⁸⁹.

Близость стихотворений Солона и поэмы Гесиода проявляется главным образом в сфере сетований на порчу нравов, алчность людей, несправедливость суда, так что атмосфера произведений обоих авторов сходна по тематике и тональности. «Изменчивы решения Зевса Эгиоха, смертным людям в его помыслы не проникнуть» (Op. 483—484) — «Во всем неведомы смертным помыслы богов» (Sol. fr. 17)⁹⁰. «Не награбленное богатство, а богоданное многим лучше. Если кто насилем добудет большое богатство... то боги омрачат ему ум, разрушат хозяйство» (Op. 320—326) — «Богатство, данное богами, прочно у людей от основания до вершины, добытое же насилем не по порядку приходит, но, повинувшись несправедным деяниям, нехотя следует, ибо быстро примешивается безумье» (Sol. fr. 1, 9—13). «Кто коснет в дурной надменности и ужасных делах, тому воздаст по заслугам Кронид» (Op. 238—239) — «Недолго у смертных обретаются дела насилья, Зевс всему видит конец» (Sol. fr. 1, 16—17). Эта мысль сопровождается и лексической близостью — ср.: (Dikē) kakon anthrōpōisi pherousa (Op. 229) — Moira de toi thnētoisi kakon pherei (Sol. fr. 1, 63).

Описание процветающего полиса у Гесиода, в котором властвует законность, так же как и картина дурно устроенного города (Op. 225 и сл.), находит близкую параллель в «Эвномии» Солона (fr. 3, 30 и сл.). Близки также темы о беспределности жажды наживы у людей и связанной с нею морской торговли (Op. 618 и сл. — Sol. fr. 1, 43—46), о бедствиях, приносимых полису сильными и несправедливыми (Op. 240—241 — Sol. fr. 10, 3—4), и ряд других параллелей.

Эти многочисленные «общие места» у поэтов, разделенных одним-двумя столетиями, обусловлены их сопричастностью к одной и той же атмосфере полиса, процесса, происходившего в обстановке социальных и политических противоречий в греческих обществах предполисного периода. Но если у Солона столкновение этих противоречий в силу условий специфически аттического, необязательного для других областей Греции, социального кризиса выражено ярко и коллизионно, то у Гесиода как бы под сурдинку слышится тема не столько социального, сколько имущественного неравенства и во весь голос звучит идея необходимости соблюдения справедливых законов — тема юридического, а в конечном итоге и политического равноправия.

Право и суд

Правосудие в гесиодовском полисе предстает более развитым сравнительно с полусказочным гомеровским. Технически оно отправлялось следующим образом. Тяжущиеся стороны обращались к *басилеям* — облеченной юридическими правами знати, которые решали, подлежит ли дело судебному разбирательству⁹¹. Слушание дела было открытым и происходило на

агоре («тарашит глаза на агоре, слушая разбираемое дело»,— 29). В тяжбах, разбиравшихся открыто, могли участвовать и ксены (чужестранцы) (225). Помимо клятв, приносимых тяжущимися, заслушивались показания свидетелей, также дававших клятвы (282). Судьи производили разбор дела на основании обычного права — *dikē*, освященного богами (248 и сл.). Отсюда система судебного рассмотрения дел носила волюнтаристский характер и зависела от состава судей⁹². Приговор — *themis* (221) был обязательным⁹³.

Согласно описанию поэмы, в гесиодовском полисе было много тяжб и судебные разбирательства происходили часто (27—39), что указывает на активность социальных контактов людей между собой и многообразие имущественных отношений. Проследим за решением темы суда Гесиодом.

Ныне у смертных стремление к богатству «стало их душой»,— горестно отмечает поэт (686). Нажива лишает людей разума, бесстыдство вытесняет стыд, и они захватывают чужое добро прямым насилием либо глоткой в суде (320—324). А там порядки такие, что честному человеку плохо приходится, и чем неправедней человек, тем он успешней добьется выгодного для себя решения тяжбы (271—272). Правдивые показания одних свидетелей переменяются лжесвидетельством других (278—285), а сами судьи — взяточники (39, 221, 264). Насмотревшийся на подобного рода суды человек приумножает «тяжбы и раздоры» из-за чужого имущества (33—34). У малоимущего же нет времени на раздоры и тяжбы (30—32). Так и получается, что не только простой смертный, а и целый город страдает от дурного человека, совершающего преступление и замышляющего беззаконие (240—241). Вот почему Дика (Справедливость), путь которой сопровождается ропотом (вариант: извилист, как горная тропа), оплакивает полис и жилища людей, которые изгоняют ее и вершат неправедный суд (222, 224).

Но при всем этом поэт остается оптимистом. Во взаимоотношениях между людьми должна царить Дика; ведь она — дочь самого Зевса, который карает людей за нечестивые поступки (256—260). За неправильными судебными решениями тотчас следует Орк, бог Клятвы (219—221). Берегитесь гнева богов, взяточники-басилеи, оставьте навсегда дурное правосудие (263—264), поразмыслите сами о справедливости: ведь боги видят тех, кто неправым судом разоряет других, не обращая внимания на взоры богов (248—251). Надзор за соблюдением божьего правосудия, по Гесиоду, осуществляют Зевсовы стражи-демоны (*Zēnos phylakes*), повсюду присутствующие на земле. Они следят за соблюдением справедливости абсолютно во всех человеческих делах, поскольку их бесчисленное множество (три мириады — 252—255). Там же, где суд справедливо разбирает дела и местных жителей и чужестранцев, не преступая справедливости, там процветает полис (225—227).

Поэт обращается к брату в таком духе: слушайся правды,

Перс, не умножай насилия (*hybris*), ибо оно — зло для простого смертного, ведь и знатному нелегко его снести: отягчает оно его, когда повстречается он с бедой. Лучше другой дорогой идти к справедливости — она в конце концов превозможет насилие (213—218).

Основная тема вступления к поэме, откуда взяты приведенные пассажи, — злоупотребления судьей и необходимость установления справедливого для всех судебного разбирательства. Явственно ощущается, что Гесиод положил в основу темпераментного описания современного ему правосудия свой личный случай — тяжбу с братом, которую, по мнению поэта, судьи неправильно рассудили. У историка нет никаких оснований считать нарисованную поэтом картину полного господства беззакония в правосудии целиком соответствующей действительности: во-первых, это личностное, пристрастное изображение; во-вторых, это прежде всего мастерски исполненное художественное полотно, сотканное по всем законам эпического повествования, усиливавшее воздействие на слушателя посредством употребления ярких олицетворений (плачущая Дика (222); Дика, восседающая рядом с Зевсом (259), и т. д.), звучных метафор (*Dikēs rothos* (220) — «извилистая тропа справедливости», по Плутарху, или, по другому толкованию, шум недовольства неправедными судами, подобно шуму волны сопровождающий шествие Дики)⁹⁴, эпических обобщений (описание процветающего и дурно устроенного полисов), частых повторов (*skoliai dikai* (219, 221, 250, 262, 264), *schetlia erga* ([124], 238, 254) и т. д.) и других литературных приемов. Лейтмотив вступления к поэме — несправедливость современного поэту суда — несколько раз поясняется мыслью, что суд — это средство присвоения чужого имущества (33—34, 250—251, 320—324), т. е. судебное беззаконие рассматривается единственно через призму все той же личной тяжбы с братом, который хотел, по мнению Гесиода, отнять через суд достояние, не принадлежавшее ему (37—39). *Dikē* — справедливости — Гесиод противопоставляет *hybris* (213, 217) — насилие, несправедливое стремление к чужому достатку; именно *hybris* как желание присвоить добро брата поэт вменяет в вину Персу (213—214, где *hybris* — квинтэссенция, основа действий Перса, изложенных в ст. 34—39).

Правосудие во времена Гесиода основывалось не на твердо фиксированном кодексе писаных законов, а на зыбкой почве обычного права. *Nomos* — письменный закон последующих веков — у Гесиода еще только установление богов или обычай людей (276, 388), но не юридическое понятие. Аналогичным образом и *дике* у него божество справедливости либо сама справедливость и, как объясняет М. Гагарин, «судебный процесс, закон», но отнюдь не правосудие — обобщенное понятие о форме деятельности, состоящей в разрешении социальных и бытовых конфликтов⁹⁵. М. Гагарин отметил, что «Труды» — это поэма о достижении процветания в трудных условиях, и важным

элементом этого является *ди́ке* — эффективный мирный способ решения споров. Люди должны повиноваться *ди́ке*, избегать насилия и придерживаться клятвы, цари обязаны разбирать дела мудро и честно. Соблюдение *ди́ке*, справедливости, по концепции Гесиода, приводит к выгодам, насилие же над нею ведет к общему упадку. Но действие *ди́ке*, отмечает М. Гагарин, далее не распространяется — это не мораль или правосудие в целом, *ди́ке* имеет более узкое значение: «закон, судебный процесс». Подчеркивая важность судебного процесса в установлении правильных взаимоотношений между людьми, Гесиод определенно подготавливает путь для дальнейшего расширения значения *ди́ке*. Но сам он — не пророк и не религиозный реформатор, заключает М. Гагарин; его основная забота — более процветающее существование.

Узкое, техническое понимание *dikē* — как судебный процесс и закон, как установление обычного права — предполагает отсутствие у поэта представления о движении права от обычного к кодифицированному. Но своеобразный шаг вперед в преодолении незыблемости обычного права, на мой взгляд, Гесиод сделал. Вернемся к тяжбе поэта с братом в развитие мысли Б. Гронингена о проигрыше процесса Персом и характере его взаимоотношений с братом. Предварительно отмечу, что сущность отношения поэта к тяжбе стоит в тесной связи с социальным положением Гесиода.

Согласно вступлению к «Теогонии» (22—23), Гесиод в юности пас овец на склонах Геликона. Очень вероятно, однако, что, как и в «Трудах», вступление это — позднейшего происхождения⁹⁶. Наличие у Гесиода скипетра, врученного ему музами (в том же вступлении к «Теогонии»—29—31), следует рассматривать не как свидетельство о том, что он был царем⁹⁷, а в качестве поэтического тропа, подразумевающего первенство Гесиода среди эпических поэтов и принадлежащего, как и все вступление, какому-то позднейшему подражателю.

По свидетельству живших близ Геликона беотийцев, Гесиод учился искусству прорицания у акарнанцев (Paus. IX, 31, 5), что может указывать на его жреческий сан. Последний более всего согласуется с той удивительной смелостью, с которой он выступает в поэме против «дароядных» царей. На первый взгляд критические строки о царях из вступления к поэме — первый в греческой литературе случай социального обличения без страха перед возможным наказанием (Ферсита в «Илиаде» сразу же посрамляет Одиссей). Быть может, это действительно так, однако, на мой взгляд, подоплека критических высказываний Гесиода о басилеях, а также судьях была иной. Прежде всего следует отметить, что тяжба Гесиода с братом — банальный для древнегреческой действительности случай. Например, в «Политике» (V, 3, 2) Аристотель приводит аналогичный эпизод, который произошел после персидских войн в Гестиэе (на Евбее). Два происходившие из знатной семьи брата завели тяжбу из-за

отцовского наследства. Менее состоятельный из них обвинял более богатого в том, что тот утаил часть имущества отца. На сторону первого стал демос, второго поддержали богатые, так что поднявшуюся распрю между двумя знатными (gnōrimoi) в конце концов пришлось расхлебывать всему полису⁹⁸.

В случае с Гесиодом и Персом знать благодаря «законническим» усилиям последнего стала на его сторону, что и послужило Гесиоду поводом для ее обличения. Прочность его позиции при этом обеспечивалась либо его жреческим саном; либо, что многим менее вероятно, поддержкой демоса (как было показано выше, последний не играл сколько-нибудь значительной общественной роли).

Равным образом у нас нет оснований полностью полагаться на утверждение Гесиода о «дароядности» басилеев и прочих судей (38—39, 220—221, 263—264). Как можно заключить на основании некоторых данных, в Беотии, да и в других частях Греции, существовал обычай, по которому наследственный клер переходил преимущественно к старшему сыну⁹⁹. Этот обычай косвенно отражен в интерполированных ст. 376—378 поэмы: «Пусть будет единственный сын для сохранения отцовского хозяйства (от раздела) — так умножится богатство в доме. Но если ты оставишь (egkataleipon = ei egkataleipois) и другого сына, все равно можешь жить до старости¹⁰⁰ — Зевсу ничего не стоит дать безмерное богатство многим»¹⁰¹.

Отсюда сущность и характер тяжбы братьев вырисовывается следующим образом. Гесиод с Персом разделили наследство (klēron edassametha), но последний в соответствии с обычаем требовал себе большей доли (следовательно, он был старшим), что и дало основание Гесиоду сказать о нем: «Грабя меня, ты пытался унести (hagrazōn ephogeis) и многое другое, славя дароядных царей, которые пожелали рассудить нашу тяжбу» (37—39). Иными словами, судьи вынесли решение согласно обычаю: Перс как старший брат должен получить большую долю наследства. Но Гесиод, считая, что раздел должен быть равным (40), не только не подчинился, но и обрушился своей поэмой на судей и власти¹⁰². В таком случае не приходится думать о социальной направленности строк Гесиода, содержащих обличение царей: как заметил П. Вальц, это не протест против режима в целом, а лишь выражение личной претензии. Видимо, сведения позднейшей традиции о пребывании Гесиода вне родины следует понимать в том смысле, что в результате конфликта с властями поэт в конце концов вынужден был удалиться в другие края.

Из такой интерпретации характера тяжбы между Гесиодом и Персом следует, что социальный протест Гесиода состоял не столько в обличении знати — как жрец он сам скорей всего принадлежал к ней, — сколько в неповиновении обычному праву. Известно, что у фиванцев — а их устройству следовали и остальные беотийские города (например, законодательство о ре-

месленниках в Феспиях и Фивах идентично, ср. Arist. Pol. III, 3, 4.VI, 4, 5; fr. 611.76) — были в употреблении законы, установленные коринфянином из рода Бакхиадов Филолаем, часть которых трактовала вопросы деторождения и была особым образом направлена на сохранение одного и того же числа земельных наделов (Arist. Pol. II, 9, 7). По времени правления Бакхиадов в Коринфе установление этих законов может быть датировано в пределах второй половины VIII — первой половины VII в. Все, что нам известно из поэмы «Труды» о гесиодовском обществе, свидетельствует о полном господстве обычного, некодифицированного права. Следовательно, законы Филолая были вызваны к жизни неустановившимся характером права о наследовании у беотян. Мы не можем хронологически определить время бытования пословицы «единственный сын — сохраняет отцовский дом» — она не принадлежит к основному тексту поэмы и может быть как старше его, так и младше, но тематическая связь ее с законодательством Филолая о сохранении фиксированного числа клеров очевидна.

Обычное право в гесиодовском обществе допускало поливариантность толкования в зависимости от состава судей¹⁰³. Такое положение в вопросах права наследования и могло стать причиной конфликта Гесиода с судьями. Обличая басилеев, рассудивших его с Персом согласно обычному праву, поэт тем самым восставал против неопределенности этого права. Акции подобного рода и привели в конце концов к кодификации права, что, на мой взгляд, и является одним из основных показателей возникновения полиса как гражданской общины.

Политический строй

По вопросу о политическом устройстве гесиодовского общества «Труды» предоставляют нам немногие сведения. Прежде всего отмечу, что у Гесиода есть представление о круге людей, которые в качестве некоего целого составляют полис (*xumpasa polis* (240)). Этому кругу людей с полисной связью (*endēmoi*) как бы противостоят не имеющие такой связи ксены — чужеземцы (225). Население гесиодовского полиса в целом составляет дуальную социальную систему: *laoi, dêmos* («рядовое население») — *esthloi* («знать»), причем дуальность эта не очень выразительна, и характерно, согласно Гесиоду, что всякий может с богатством приобрести доблесть и славу (*aretē kai kydos*-313). Это указывает на некоторый приоритет имущественного фактора перед происхождением. Аристократизм происхождения традиционно еще сопровождается состоятельностью и силой, но и знатный, как и простой смертный, не всегда может противостоять насилию (214—215). Указанные стихи содержат сопоставление «простого человека» (*deilos*) и знатного (*esthlos*) как бы в пробе на прочность перед *hybris*. Сама возможность подобного

сравнения указывает на отсутствие пропасти между сопоставляемыми уровнями, тем более что для первого насилие — *kakē* («зло»), для второго — *oude... gēidiōs* («не легко переносимо»).

Судьи-басилей поэмы принадлежат к *esthloi*, но в то же время они составляют часть полисного демоса в целом (см. ч. I, гл. 5, о демосе).

Отсутствие сколько-нибудь достоверной традиции о беотийских царях (мифические владыки вроде Феспия в расчет не идут), по наблюдению М. Кэри, предполагает, что здесь они были очень рано замещены аристократией¹⁰⁴. Известно, например, что в Феспиях вплоть до времени Диодора правили несколько аристократических родов (*damouchoi* [Diod. IV, 29, 4]). По Диодору, дамухи — это феспийские Гераклиды, дети Геракла от 50 дочерей царя Феспия. Большая часть их переселилась в Сардинию (об участии феспийцев во времена дорийского передвижения в колонизации острова вместе с афинянами сообщает и Павсаний [VII, 2, 2; X, 17, 5]). И в настоящее время, свидетельствует Диодор, в Феспиях занимают главенствующее положение семь дамухских родов, в Фивах — два. Данные этой традиции о дамухах следует понимать в том смысле, что в миграционную эпоху освоение Беотии было связано с индивидуальным присвоением земли. С течением времени такие «землевладельцы» (ибо таково значение слова *damouchoi*¹⁰⁵) стали предками родов, образовавших феспийскую знать, аристократизм которой основывался на факте землевладения и генеалогическом древе.

Механизм образования в Феспиях ко времени Гесиода простого населения — *laoi* и аристократической части *esthloi* мог заключаться либо в том, что потомки завоевателей-дамухов составили новую аристократию, сосуществовавшую с местным населением (его потомки — *laoi, dêmos*), либо в том, что слой завоевателей сам по себе состоял из родовой аристократии (*esthloi*) и рядового населения (*laoi, dêmos*).

Конвергенция обоих состояний, проявляющаяся в перетекаемости состояний и сопоставимости понятий *deiloi* — *esthloi* в поэме, — существенный показатель социальной консолидации гесиодовского полиса, девиз которого работай и преуспеешь предусматривал возможность перехода от бедности к более высокому имущественному состоянию и делал тем самым гесиодовское общество фактически бессловным в массе рядового населения. В этом отношении интересно отметить, что при наличии в полисе слоя обезземеленных, при частых имущественных конфликтах в поэме не содержится каких-либо представлений о коллективном социальном противоборстве — оно осуществляется лишь отдельными лицами во взаимоотношениях между собой. Не случайно сам Гесиод, обрушившийся на судей-царей, прибегает к угрозе наказания со стороны богов, но не людей. Такое отсутствие каких-либо коллективных действий демоса, отсутствие понятия *politēs*, рабовладения и права как

формы общеполисной деятельности, отсутствие политических столкновений при наличии острых имущественных конфликтов — все это указывает на аморфный характер гесиодовского общества, представлявшего собой не полис как коллектив корпоративно равноправных на двух-трех уровнях граждан, а *протополис* — зародышевую стадию такого состояния.

Чрезвычайно существенная черта дополисного состояния общества — слабая выраженность сословных статусов. Данные поэмы обнаруживают аморфный характер сословности гесиодовского общества, включавшего три очень размытых, не имевших четких границ (ср. наличие обедневшей аристократии и первой ступени бедности) слоя — *esthloi, dêmos, dmôes*, а также стоявших вне полисного круга ксенов. С углублением сословной стратификации, появлением коллективной социальной активности масс, выработкой понятия правосудия и кодификацией права дополисная стадия развития общества переходит в полисную.

Подводя итог анализу поэмы Гесиода «Труды» — древнейшего исторического источника по архаической Греции, отметим, что ее данные далеко не полностью отражают историческую действительность. Поэма как источник локальна и, будучи художественным произведением, содержит в основном отрывочные данные. В целом, однако, она представляет в наше распоряжение ряд важных сведений экономического, социального и политического плана о Феспиях раннеархаической поры. Поскольку в это время Беотия была не отсталой, но, напротив, достаточно развитой областью, оставившей глубокий след в греческой поэзии и эпиграфике, касающиеся беотийского полиса данные могут приближенно считаться типичными для Греции в целом, руральной в своей основе страны, но, конечно, с известными оговорками, ибо уже в том же VIII в. стали складываться пока еще новые для нее промышленные центры — Евбея и Коринф, предтечи уже развитой греческой цивилизации, вместе с рядом других полисов определившие в последующее время ее лицо.

Некоторые итоги и перспективы

Изложенный в гл. 1—3 материал позволяет дать следующую краткую характеристику греческому обществу раннеархаического времени (т. е. по VIII в. включительно). Прежде всего следует отметить оформление системы частного землевладения по типу, унаследованному от миграционной эпохи, т. е. сначала коллективное распределение земли по племенному признаку и по филам, а внутри этого распределения в дальнейшем — частное присвоение ее индивидуумом, видимо, согласно его положению в военной синтагматике.

Основным элементом экономической структуры был ойкос. Господствующая форма социальной коммуникации — кома, низ-

шая форма более общей коммуникации по филам, т. е. по племенному признаку (см. ч. I, гл. 1). В процессе колонизации западного побережья Малой Азии на протяжении раннеархаического периода в условиях варварского окружения стал складываться более высокий сравнительно с комой тип социальной коммуникации — город с укрепленным акрополем. Применительно к X—VIII вв., однако, можно говорить о городе скорей в физическом, нежели социальном плане, поскольку общество в это время характеризовалось еще простой дуальной оппозицией: с одной стороны, господством аристократии или монархии, а в ряде географически благоприятных областей — всадничества вообще, и с другой — инертностью социального поведения рядового населения.

Общество такого типа, протополис, нашло отражение в поэме Гесиода «Труды». Поэма свидетельствует, что в то время сельскохозяйственное производство носило в основном ойкосный характер, а ремесленное было еще очень слабо дифференцировано. Ойкосный характер производства сочетался с локальной циркуляцией сельскохозяйственных товаров и в небольшой степени — ремесленных посредством торговли местного значения, а в прибрежных местностях — и каботажной торговли интерлокального характера. Производственный процесс обязательно включал личное участие владельца средств производства, его инициатива была основным двигателем экономической жизни Греции. В крупных и средних хозяйствах этот процесс включал наемный труд беднейших слоев населения — батраков, видимо, в том числе и должников. Наиболее крупные центры производства достигли уровня международной торговли (еврейские города с их факториями, а также Афины).

В дальнейшем в обществе произошел ряд радикальных изменений. На VII—VI вв., а частично и на поздний VIII в. в передовых областях греческого мира — Ионии, Коринфе, Афинах, Сицилии, Южной Италии и др. — приходится трансформация способа социальной коммуникации: происходит оформление полиса как автономного гражданского сообщества, включавшего в общий круг демоса слой родовой или имущественной аристократии и олигархии наряду с формально свободными социально активными рядовыми гражданами. В колониальных областях полис такого типа развивался быстрее в сторону исономии, нежели в материковой Греции. В передовых областях при сохранении ойкосного хозяйства акцент переносился на товарное производство, основанное на личной инициативе и непосредственном трудовом участии владельца средств производства. В колониальных полисах происходило оформление слоя зависимых производителей — туземцев, в том числе частновладельческих туземных рабов.

Во многом через оформившуюся в колониях систему туземного рабства — зависимости производство в передовых областях Греции, функционировавшее во многом на основе батрацкого

труда, в VI в. получает импульс к увеличению производственной роли частновладельческих покупных рабов негреческого происхождения, особенно ввиду уменьшавшегося в результате внутривосточной политической борьбы удельного производственного веса кабального рабства. Эти новые феномены греческой жизни подводят нас к проблемам колонизации, возникновения и становления полиса.

Глава 4

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ¹

Этиология феномена

Значение колонизации для истории Греции было осознано антиковедением давно — изучение различных аспектов этого явления относится к числу первых исторических проблем, к исследованию которых оно обратилось². К сожалению, состояние источников не позволяет дать полную картину феномена; мы еще далеки от адекватного понимания характера и масштабов процессов, происходивших в греческом колонизационном движении. Вместе с тем почти столетнее исследование теоретических проблем этого движения позволило, особенно с интенсификацией археологических исследований в послевоенное время, несколько приблизиться к адекватному представлению о его причинах, характере и развитии.

Для более конкретного представления об абсолютных масштабах происходивших в Греции демографических процессов, на мой взгляд, полезно обращение к аналогиям нового времени, основанное на статистических подсчетах. Разумеется, эти данные не могут быть просто повернуты ретроспективно в глубь античной эпохи, но в силу консервативности крестьянского хозяйства во времени, его слабой подверженности трансформации, а также того, что крестьянское хозяйство оставалось ведущим фактором экономической истории Греции с древнейших времен до середины текущего столетия, они могут давать приблизительные статистические реперы, как и принято в современной исторической демографии. Привлекая параллели из Греции нового времени, я совершаю намеренную модернизацию в описании феномена, так как считаю ее правомерной как метод исследования недостаточно освещенной источниками проблемы — в отличие от модернизации как мировоззрения, состоящей в приписывании социально-политическим процессам древности характеристик, заимствованных из нового времени. Иначе говоря, модернизация как метод исследования — это привлечение аналогий из нового времени, имеющее целью дать представление прежде всего о масштабах какого-либо явления древности, о его месте

в экономической или социально-политической структуре и в меньшей степени о его возможном характере.

Сначала приведу несколько основных показателей по народонаселению Греции, поскольку колонизация — это прежде всего вопрос демографический. По оценочным данным Э. Кирстена, население Греции к 330 г. до н. э. составляло примерно 3—4 млн. человек на площади в 13 200 кв. км, в римское время — около 2,5 млн.³ С начала переписей изменение населения и территории страны происходило в следующих пределах⁴:

Годы	Площадь, кв. км	Население, тыс. человек
1856	47 500	1063
1870	50 200	1458
1879	50 200	1679
1889	63 600	2187
1896	63 600	2434
1907	63 200	2632

Эмиграция — постоянный фактор греческой истории, действовавший на всем ее протяжении. Применительно ко времени от архаической до эллинистической эпох отток населения обычно осуществлялся в форме колонизации, а в римскую эпоху колонизационное движение переродилось в простую эмиграцию за пределы страны. По заключению специалистов, нынешняя Греция тоже страдает от перенаселения, несмотря на войны и эпидемии. Перенаселенность как результат несоответствия между производительными ресурсами страны и их неадекватным распределением (половиной ее земельного фонда владеет один процент населения), как и количеством населения в целом, воплощается в миграции по стране, но главным образом — в массовом оттоке населения в другие страны. Поистине колонизация — вековечный бич Греции. Приведу, к примеру, данные об эмиграции из деревень аграрного района Каламаты в Мессении⁵:

	Население (1961 г.)	Общее число эмигрантов	Их процент к общему числу населения в 1951 г.
Алония	326	280	69,1
Аммос	426	341	64,9
Анемомилос	191	180	63,2
Арфара	1513	742	44,9
Ариохорион	509	209	35,4
Аспропулия	204	101	43,9
Пидима	356	150	41,9
Плати	872	698	67,7
Валира	1461	150	34,7

Как видно, эмиграция в различных местностях затрагивает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ населения. Аналогичное явление могло иметь место и в древности: по Страбону (VIII, 6, 22), большинство колонистов, основавших Сиракузы, происходило из одной коринфской деревни Теней.

Насколько определяющие факторы эмиграции из современной Греции — несоответствие между наличными производительными ресурсами страны и количеством населения в целом, неадекватность их распределения в пересчете на душу населения — применимы к античности? На действенность этих факторов применительно к древности неоднократно указывал К. Маркс, причем он тоже увязывал этот феномен с колонизацией. Помимо известного, постоянно цитируемого в советской антиковедческой литературе пассажа из статьи «Вынужденная эмиграция...» можно привести в связи с этим еще ряд высказываний К. Маркса, показывающих, что по данному вопросу у него уже в раннем периоде творчества сложилась определенная точка зрения. В частности, он писал, что «разные формы отношения членов общины или племени к земле племени (к земле, на которой оно обосновалось) зависят частью от природных задатков племени, частью же от тех экономических условий, при которых племя уже действительно относится к земле как к своей собственности, т. е. при которых оно присваивает плоды земли трудом; последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации, от отношения к враждебным или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой перенаселение, исторические события и т. д. Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить...»⁶.

Определенной ступени развития производительных сил трудящихся субъектов соответствуют определенные отношения их между собой и к природе⁷. Поэтому и в древности существование индивидуума во многом определялось тем, что «первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, как *природные условия существования производителя*»⁸. Необходимость поддержания сбалансированного количества населения, соответствующего наличным естественным ресурсам, определялась низким техническим уровнем сельскохозяйственного и промышленного производства в древности⁹.

Второй существеннейший фактор эмиграции в древности — несоответствие объективных общественных условий естественным ресурсам. По мысли К. Маркса, сохранение (или воспроизводство) образующих коллектив индивидов зависит от фиксированных естественных условий и от установленного в коллективе объективного способа существования, определяющего взаимоотношения индивидов друг к другу. «*Но это воспроизводство неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее.* Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и та-

ким количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие. Если пытаются устранить это препятствие, то прибегают к колонизации...»¹⁰. Иначе говоря, земельный и политический строй взаимосвязаны в том смысле, что по общему правилу владелец земли обладает политическими правами и в силу ограниченности земельного фонда со временем в любом сообществе возникают безземельные и потому политически неполноправные контингенты, составлявшие наряду с обезземеленными основную, как можно думать, массу колонистов.

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, насколько установленная К. Марксом этиология миграционных движений древности соответствует исторической действительности архаической Греции.

В руральной по своей фундаментальной сущности архаической Греции, надо полагать, происходили важные демографические процессы. В миграционную эпоху и после нее произошел отток населения из континентальной Греции в Малую Азию и на острова. Как следствие, во вновь сформировавшихся дорийских, эолийских и северо-западных областях должна была сложиться разреженная демографическая ситуация: каждое сильное племя захватило столько жизненного пространства, сколько ему было необходимо или даже более; побежденные уходили или же, оставшись, попадали в коллективно зависимое состояние.

Первоначальный период частного освоения земель в постмиграционный период сопровождался относительным ростом уровня жизни населения раннеархаической Греции в своей массе (материалы афинского некрополя X—IX вв.; Старая Смирна; по письменным источникам — Колофон, Сибарис, Сирус). Между тем экономические ресурсы Греции всегда были и остаются ограниченными. Пригодная для обработки земля даже в настоящее время составляет только 27% всей территории страны (при этом пахотные массивы занимают 17—18% всего земельного фонда; см. рис. 2)¹¹. Для древности этот процент должен быть понижен, так как сначала осваивались естественно пригодные для обработки массивы, затем — искусственно культивированные посредством подсечки, террасирования, мелиорации и т. д.¹². Иначе говоря, при низком уровне сельскохозяйственного производства, характерном, между прочим, для основной массы крестьянства и поныне¹³, страна могла обеспечить высокий жизненный уровень для определенного числа жителей, превышение которого приводило к социальной дестабилизации, но не обязательно на пауперистическом уровне (например, выходцы из славившегося своей роскошью Колофона основали в VII в. Сирус, жители которого также в своей массе утопали в изобилии [Arist. fr. 584]). Слои избыточного населения и составляли основной контингент колонистов, приступивших к освоению соседних с Грецией регионов.

Рис. 2. Плодородные земли Греции
(выделены черным)

Таким образом, можно заключить, что колонизационное движение в раннеархаической Греции определялось в первую очередь демографическим фактором — несоответствием численно возроставшего населения естественным земельным ресурсам страны¹⁴. Это не умозрительное заключение: примером несоответствия физических возможностей местности и числа населения в древности может служить городок Юлида, расположенный на крошечном островке Кеос, в котором в ранние времена существовал закон, предписывавший всем лицам свыше 60 лет выпивать яд, чтобы остальным хватало пропитания (Strabo X, 5, 5). Другой пример — остров Фера: по Геродоту (IV, 151), в течение нескольких лет на острове был неурожай и феряне вынуждены были в конце концов выселить часть населения в колонию.

Далее, краеугольным камнем складывавшегося в Греции земельного и соответственно политического строя было установление в некоторых областях страны фиксированного числа хозяйств, которое, как естественно полагать, определялось не произвольно, а соответствующими земельными ресурсами и размерами присваиваемых каждым индивидуумом в частную собст-

венность угодий. Например, в Коринфе Фейдон установил необходимым сохранять равное число хозяйств и граждан, даже если эти хозяйства были изначально неодинаковы по размерам (Arist. Pol. II, 3. 7). Следовательно, уже во втором поколении появлялись лица, оставшиеся вне фейдоновской системы землевладения, т. е. безземельные. Фейдон, по словам Аристотеля, был одним из древнейших законодателей: его деятельность приходилась на время не позднее VIII в., поскольку аналогичное законодательство коринфянина Филолая в Фивах (Arist. Pol. II, 9, 7), приходящееся на вторую половину VIII — первую половину VII в., явным образом продолжает фейдоновскую традицию¹⁵.

Известие Аристотеля о Фейдоне интересно и еще с одной стороны. У нас нет никаких оснований считать оговорку «даже если эти хозяйства были изначально неодинаковы по величине» добавленной Аристотелем: весь небольшой пассаж в 20 слов о сущности фейдоновской системы производит впечатление пересказа, если не прямого изложения, соответствующего коринфского закона. Следовательно, можно полагать, что в Коринфе, по крайней мере в VIII в., земельные клеры были неодинаковы по величине. Подобный вывод следует и из совета Гесиода приумножать свое достояние путем приобретения другого клера (Op. 341). Отсюда можно заключить, что несоответствие между возрастающим количеством населения и земельными ресурсами страны уже в раннеархаическое время усугублялось социальным фактором — неадекватностью распределения этих ресурсов в пересчете на душу населения.

Изложенные данные позволяют установить этиологию эмиграционного механизма Греции: каждая отдельная ландшафтная микрizona предполагает фиксированное число использующего ее населения, благодаря чему консервируется ограниченное число землевладений и землевладельцев, что в совокупности образует земельный и политический строй каждой отдельной социально-пространственной общности людей, причем вследствие различной активности частного присвоения эти землевладения оказываются неодинаковыми по величине. Отсюда *ограниченность числа землевладений образует безземельное, перманентно лишнее население, а количественная неравноценность землевладений предполагает формирование контингента обезземеленных.*

Избыточное (безземельное) и обезземеленное население составляло основу контингента переселенцев, причем в архаическую эпоху этиологическая база колонизационного движения была многим шире: сюда примешивались причины и торгового характера (например, основание Массалии фокейскими купцами [Arist. fr. 549]), и частного свойства (например, удаление Мильтиада Старшего на Херсонес [Herod. VI, 34—37]), очень часто — стихийные бедствия (главным образом недород, голод [Herod. I, 151. Arist. fr. 611, 55]), натиск враждебных сил (вы-

селение ионийцев) и т. д. Существенно отметить вместе с тем, что наличие избыточного и обезземеленного населения не всегда обязательно сопровождалось эмиграцией. Я заостряю внимание на этом обстоятельстве потому, что обычно считается, будто основную массу колонистов — безотносительно к конкретному случаю — составляли обезземеленные, беднота. Это положение, кажущееся справедливым, на самом деле обманчиво: каждый оставшийся без земли и отправившийся на освоение колоной мужчина сохранял тем не менее за собой право на свою долю из отцовского имущества и волен был взять ее с собой на новое место жительства, либо оставить ее в отцовском ойкосе¹⁶. Поскольку данное эпиграфическое свидетельство относится к позднеархаическому периоду, приведу в этом отношении примеры из более раннего времени.

Согласно данным поэмы Гесиода «Труды», в архаической Беотии в результате обеднения части населения образовался обширный контингент безземельных батраков (дмоев). Другой известной нам областью, где батрачество получило тогда значительное развитие, была Аттика (ср. Sol. fr. 1, 47—48). Парадоксальным образом именно эти две области Греции, помимо которых массовое батрачество в архаическую эпоху нам неизвестно, не принимали тогда существенного участия в колонизационном движении¹⁷. Реформы Солона (сисахфия и установление максимальных размеров индивидуальных земельных участков [Arist. Pol. II, 4, 4]), урегулировавшие земельный кризис, почти на столетие избавили Атику от необходимости интенсивной колонизационной деятельности, проявившейся здесь только в конце VI в., и то лишь в двух частных и потому немассовых предприятиях Писистрата на Пангее и Мильтиада на Херсонесе. Следовательно, в Аттике проблема обезземеливания была решена не посредством колонизации, а путем внутренних реформ.

Еще интереснее беотийский пример. О каких-либо реформах здесь в отношении обезземеленного батрачества мы ничего не знаем. Может быть, это случайность, но бесспорно то, что вклад Беотии в колонизационное движение был незначительным. Отсюда можно заключить, что батрачество здесь было не постоянным уделом крестьянина, а временным его состоянием (напомним фундаментальное кредо Гесиода: работай и преуспеешь). Иными словами, употребляя афинскую терминологию, из фета батрак всегда мог превратиться в зевгита и выше (среднее посвящение на Акрополе, поставленное фетом, перешедшим во всадническое состояние [Arist. Ath. Pol. 7, 4]).

Принимая во внимание данные соображения, можно заключить, что контингент колонистов составляли как обезземеленные, так и лица с умеренным достатком, стремившиеся к обогащению. Для классического времени справедливость такого заключения подтверждается субскриптом афинского декрета об основании колонии в Брее: набирать «колонистов из числа фетов

и зевгитов», а также упоминанием в среде лемноских клерухов пентакосиомедимнов — вчерашних фетов и зевгитов¹⁸.

В плане широкого развития батрачества Аттика и Беотия, как кажется, представляли собой нетипичную для архаической Греции картину. В сущности, батрачество — это другая сторона вопроса о концентрации земли в руках аристократов, которая нередко представляется в литературе одной из причин колонизации¹⁹. Обычно ссылаются на узурпацию земли в досолоновских Афинах, но это, в сущности, абсурд: Аттика, как указывалось, до середины VI в. не принимала участия в колонизационном движении. Иной аргумент приводит Ж. Берар — земельную собственность еврейских гиппоботов²⁰. Действительно, концентрация земли на Евбее была высока — владений гиппоботов хватило для размещения 4 тыс. аттических клерухов (Herod. V, 77), однако этот эпизод относится уже к 506 г., когда колонизационное движение архаической эпохи было на исходе, а в классическую эпоху этиология основания колоний, как и типология, уже несколько видоизменилась.

Крупная концентрация земли до VI в. вряд ли имела место в Греции. Единственный пример из позднего VII — раннего VI в. — досолоновские Афины — сомнителен в отношении масштабов такой концентрации: Афины в это время еще не были крупным городом. Но сам факт концентрации, безусловно, имел место, поскольку соответствующим законом Солона сосредоточение в дальнейшем земли в одних руках свыше определенной меры воспрещалось.

Подобные законы существовали и в других областях страны (Arist. Pol. II, 4, 4). Трудно сказать, вводились ли они в качестве ответной меры против происходившей концентрации земли, как в Афинах, или носили превентивный характер. Можно лишь констатировать, что до VI в. мы не располагаем надежными сведениями о крупной концентрации земли, и это не случайно: интенсивная эмиграция VIII—VI вв. оказывала стабилизирующее воздействие на систему землевладения в метрополии.

Следует различать два вида социальной обусловленности колонизации: опосредованное влияние земельно-политического строя архаической Греции, имевшее своим результатом образование контингента безземельных, не вполне, надо думать, полноправных вследствие этого в политическом отношении, и непосредственное — причины социального характера, сами по себе способные вызвать удаление части населения. В литературе нередко утверждения, что непосредственные социальные мотивы служили одной из основных причин основания колоний. Те скудные известия, которыми мы располагаем применительно к архаической поре, не только показывают редкость непосредственной социальной мотивированности на фоне двух указанных выше фундаментальных причин, но и вообще ставят под сомнение действительность подобной этиологии.

Приводимый исследователями²¹ пример с основанием парфений Тарента в конце VIII в. не может служить серьезным доводом в пользу прямо выраженной социальной обусловленности колонизации, поскольку сообщаемое источниками IV и последующих веков объяснение происхождения парфениев анекдотично (спартанки якобы прижили их от илотов в отсутствие мужей, занятых войной с мессенцами), и у нас есть основания считать парфениев не бастардами, а группой додорийского населения Лаконики²². Можно было бы привести еще один пример влияния социальных отношений на колонизацию — участие изгнанного из Сиракуз рода Милетидов в основании Гимеры в середине VII в. (*phygades stasei nikēthentes* — «побежденные в борьбе изгнанники» [Thuc. VI, 5, 1]), но мы не располагаем сколько-нибудь твердыми гарантиями, что в данном эпизоде движущей силой были социальные противоречия, а не родовые амбиции в борьбе за власть. В пользу второго заключения свидетельствует аналогия с борьбой аристократических родов за власть в Митиленах, также закончившаяся изгнанием Алкея, Сафо и других аристократов.

Итак, изложенные соображения позволяют заключить, что основной движущей силой греческой колонизации архаической эпохи был демографический фактор — наличие избыточного населения, образовавшегося вследствие экстенсивного метода ведения хозяйства, ограниченности локальных естественных ресурсов и неравномерности их распределения в пересчете на душу населения в отдельно взятом полисе. Такая этиология колонизации указывает на ее причинную взаимосвязь с передвижениями греческих и полугреческих племен предыдущей миграционной эпохи, которые и обуславливались экстенсивным ведением хозяйства (ср. Thuc. I, 2), требующего сбалансированности людских и земельных ресурсов. Иными словами, колонизация архаической эпохи этиологически является продолжением миграций предшествующего времени²³.

Сущность древнегреческой колонизации по VI в. фактически состояла в экстенсивном освоении свободных или занятых слабообразным населением территорий. Лишь с конца VI в., когда очертились окончательные границы греческого мира, экстенсивный (в географическо-экономическом плане) характер колонизационного движения сменяется интенсивным (т. е. уже в чисто экономическом плане) характером освоения природных ресурсов — не вширь, а вглубь. Разумеется, интенсивное хозяйство сосуществовало с экстенсивным характером колонизации — это два взаимодействовавших плана колонизации — географическо-экономический и чисто экономический.

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно колонизационного процесса, его исторических аспектов, для наглядности попробуем выразить таблицей эволюцию и хронологические рамки как рассмотренных факторов древнегреческой колонизации (демографическая и социальная мотивированность,

Эволюция и хронология факторов древнегреческой колонизации

Аспекты колонизации и становления полиса	Миграционная эпоха			Архаическая эпоха					Клас- сиче- ская эпоха V в. и т. д.
				раннеархаическое время			высокая арханка		
	XIII в.	XII в.	XI в.	X в.	IX в.	VIII в.	VII в.	VI в.	
Демографическая мотивированность	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Социальная мотивированность	-	-	-	-	-	?	?	+	+
Географическо-экономический экстенсивный характер колонизации	+	+	+	+	+	+	+	+	-
Экономически интенсивный характер производства	-	-	-	?	?	+	+	+	+
Физическое становление города	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Протополисная стадия	+	+	+	+	+	+	+	+	-
Полисная стадия (социальная активность масс, полисные магистратуры, кодификация права и т. д.)	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Внутренняя колонизация	-	-	-	-	-	?	+	+	+
Частное рабовладение как производственный фактор	-	-	-	-	-	-	-	+	+

географическо-экономический характер освоения колонизованных местностей, интенсивный характер хозяйства, развитие городской жизни в урбанистическом плане, протополисная стадия), так и рассматриваемых далее (полисная стадия, внутренняя колонизация, роль рабовладения). Плюсом обозначено присутствие феномена в хронологической шкале, минусом — его отсутствие.

Исторический аспект колонизационного процесса

Проанализировав этиологические аспекты древнегреческой колонизации, обратимся к конкретному историческому развитию рассматриваемого феномена. Освоение Малой Азии, наиболее ранней зоны древнегреческой колонизации, традиция возво-

дила к микенской эпохе (например: *Mimn. fr. 12 Diehl* — основание Колофона пилосскими Нелендами). Раскопки различных центров Малой Азии дают находки микенских материалов, однако их значение пока неясно: можно лишь предполагать, что микенские греки устраивали небольшие торговые фактории по договору с местными властителями; наиболее известная фактория была в Угарите (Рас-Шамра)²⁴. В миграционную эпоху эти фактории не функционировали; однако, несмотря на перерыв в два века, греческая колонизация постемиграционного времени вновь направилась по путям, проложенным микенцами. Предположение о непосредственной связи греческой колонизации Малой Азии (Эолида, Иония) с передвижениями миграционной эпохи на основе общей этиологии — наличия избыточного населения — может быть поддержано традицией о переселении части жителей Аттики в Ионию вследствие скопления в Аттике пришельцев из других греческих областей, покинувших свои места обитания под давлением миграционной волны²⁵.

Археологически присутствие греков на поселениях Анатолии ощущается лишь с рубежа XI—X вв., судя по находкам протогеометрической керамики (Милет, Старая Смирна). В целом освоение Ионии и Эолиды происходило на протяжении XI—VIII вв., т. е. процесс этот носил постепенный характер. На Самосе в погребениях найден материал IX в., а на поселении — остатки VIII в. На Хиосе в Фанах найдена керамика, видимо, IX в. На протяжении всего VIII в. и далее существовал также другой хиосский центр — Эмпорион. В Фокее обнаружены остатки не старше VIII в. Эолийская колонизация, согласно традиции, предшествовала ионийской, что подтверждается материалами из Старой Смирны. На Лесбосе найдено несколько архаических центров, но мало что может быть датировано здесь предшествующим VIII в. временем. В Питане раскрыты остатки не древнее 700 г., в Мирине — не ранее VII в. В целом археологические данные позволяют заключить, что запад Анатолии был освоен ионийцами и эолийцами к VIII в.²⁶.

Когда здесь, в Малой Азии, пространственные возможности колонизации были исчерпаны (их лимитировали сильные фригийское и лидийское царства), колонизационный поток повернул в том же VIII в. на запад — в Сицилию и Италию, причем и здесь пионерами выступили еврейские города Эретрия и Халкида. В VII в. этот поток достиг Северной Африки, Северной Эгеиды и Понта²⁷.

В задачу данной монографии, посвященной исследованию социального развития ранней Греции, не входит подробное рассмотрение истории колонизационного движения в архаический период, но опустить ее целиком во избежание схематизма в изложении проблем колонизации нельзя. Поэтому обратим внимание читателя на одну из самых интересных страниц греческой колонизации — основание древнейших греческих колоний в Сицилии. Это, во-первых, одно из заметнейших явлений VIII в. —

века, на котором мы сосредоточили свое основное внимание. Во-вторых, это позволит дать необходимый исторический фон для дальнейшего изложения проблем внутреннего развития колонизационного процесса, рассматриваемых в основном на материале Великой Греции и Нижнего Побужья (см. ниже), а также проблемы социально-политического становления колониального полиса, исследуемой в гл. 5 как в общем аспекте, так и на конкретном примере Сиракуз.

Наши сведения об основании первых греческих колоний Сицилии покоятся на двух основных традициях — сиракузского историка V в. Антиоха, которому, как считается, следовал Фукидид, и Эфора, традиция которого отражена у Страбона и Псевдо-Скимна. Обе традиции имеют как общие, так и различные моменты, главный из которых — время основания Мегары Гиблей и Сиракуз²⁸. В основных трудах, рассматривающих литературные источники по греческой колонизации Сицилии и Южной Италии, предпочтение оказывается той или иной традиции. Так, Т. Дж. Данбэбин принял антиоховскую традицию об основании Сиракуз год спустя после Накса, а Ж. Берар в соответствии с эфоровской традицией утверждал приоритет халкидской и мегарской колонизации в Сицилии перед коринфской²⁹. Ж. Вале и Ф. Вийяр пришли к выводу, что Мегара была основана в 750 г., а Сиракузы — в 733³⁰.

Согласно обеим версиям, первой греческой колонией в Сицилии был Накс (Наксос), основанный еврейскими халкидянами во главе с ойкистом Фуком (Thuc. VI, 3, 1; Strabo VI, 2, 2)³¹.

Накс располагался на мысу и был первым удобным пунктом на пути кораблей, следовавших из Италии к восточному побережью Сицилии. С севера мыс обступали горы, и он был удобен в фортификационном отношении. За мысом простиралась небольшая, но плодородная равнина из почв вулканического происхождения. Раскопками в Наксе вскрыта древнейшая керамика и оборонительная стена VI в.; на его месте прежде существовало туземное поселение³². Далее к югу находилась крупнейшая на Сицилии плодородная долина реки Симеф, которую наксосские халкидяне и прибрали к рукам посредством основания шесть лет спустя во главе с тем же Фуком города Леонтин у южного края долины Симефа, а во главе с ойкистом Эвархом — Катаны на ее ближней к Наксу северной кромке, чем был окончательно закреплен халкидский контроль над плодороднейшим массивом. По Фукидиду (VI, 3, 3), халкидяне вывели из Леонтин сикулов, что подтверждается датой местного туземного некрополя³³.

Город Леонтины был удален на 6 км от побережья в глубь долины, что указывает на его аграрный характер. Согласно раскопкам первое поселение располагалось на вершине холма Сан-Мауро и около середины VII в. оно было окружено оборонительной стеной. Древнейшая найденная керамика — коринф-

ская, но представлены также еврейские типы и сосуды местного производства с фигурными украшениями. Город рос, и около 600 г. или немного позднее оборонительные стены были расширены, охватив еще один холм — Метапиккола, где были вскрыты фундаменты храма VI в. Могила древнее середины VI в. не найдено. Ниже греческого города на Сан-Мауро прослеживаются следы сосуществовавшего с ним сикульского поселения. Другое туземное поселение располагалось на холме Метапиккола. В основании Леонтин, по-видимому, приняло участие большинство населения Накса, который никогда не играл важной роли в истории Сицилии; Леонтины же, напротив, наряду с Сиракузами и Гелой были важнейшим центром архаической Сицилии. На это, в частности, указывает тот факт, что ойкист Накса Фукл стал ойкистом и Леонтин, что свидетельствует о переносе его функций предводителя наксосских халкидян в Леонтины.

Катана располагалась на северном краю долины Симефа между Леонтинами и Наксом. В отличие от Леонтин Катана лежала на берегу моря и обладала отличной гаванью. Городище Катаны оказалось в значительной мере покрытым стекавшей с Этны лавой, так что раскопан только туземный догреческий некрополь.

Кроме того, Накс основал и третью колонию — Каллиполь (Scymni 286; Strabo VI, 2, 6), но его местоположение неизвестно; предполагается, что он расположен на побережье между Наксом и Катаной³⁴.

Основание Катаны и Каллиполя происходило в то же время или немного спустя после основания Леонтин, поскольку известно, что Фукл руководил основанием колонии и в Леонтинах и в Катане (Thuc. VI, 3, 3; St. Byz., s. v. Katane). Назначение ойкистом Катаны Эварха объясняется только тем, что Фукл в это же время был ойкистом Леонтин³⁵, т. е. основание обеих колоний происходило одновременно или через очень небольшой промежуток времени. Выведение Наксом трех колоний в одно и то же время ставит вопрос о его людских ресурсах. Следует либо признать, что партия халкидских переселенцев в Накс была многочисленна и его ближняя плодородная, но небольшая хора не удовлетворяла всех, либо понимать сообщение Диодора о том, что «леонтинцы являются апойками халкидян» (XII, 53, 1) в том смысле, что в основании Леонтин приняла участие новая группа переселенцев из еврейской Халкиды (так и Polyaeus, 5, 5)³⁶.

Через несколько лет после начала халкидской колонизации Сицилии происходило основание на острове и дорийских колоний, причем одна традиция (Антиох — Фукидид) отдает пальму первенства Сиракузам, другая (Эфор — Псевдо-Скимн — Страбон) — Мегаре. Последовательность основания древнейших греческих городов Сицилии, согласно обеим версиям, выглядит следующим образом. По Фукидиду (VI, 3—4), Сиракузы были

основаны год спустя после Накса коринфянином Архием. Через пять лет после основания Сиракуз халкидяне из Накса основали Леонтины, а после них Катану. Приблизительно в то же время мегарцы основали Тротил, но затем они перебрались в Леонтины к халкидянам. Однако вскоре мегарцы были изгнаны из Леонтин и основали Тапс, но и оттуда их изгнали. С помощью сиккульского царя Гиблона они основали Мегару Гиблею между Леонтинами и Сиракузами, которая просуществовала 245 лет до разрушения ее Гелоном.

Версия Эфора более сложна и менее определена (аруд Strabo VI, 2, 2): древнейшими греческими колониями в Сицилии были Накс и Мегара, основанные на десятом поколении после Троянской войны. Афинянин Феокл (Фукл Фукидида), чей корабль был занесен ветрами в Сицилию, заметил слабость туземного населения и плодородие страны. Не сумев убедить афинян основать колонию в Сицилии, Феокл отправился туда во главе группы переселенцев, включавшей в основном халкидян с Евбеи и некоторых других ионийцев, а также дорийцев, большинство из которых составляли мегаряне. Халкидяне основали Накс, а дорийцы — Мегару, впоследствии прозванную Гиблеей. Страбоновскую парафразу из Эфора дополняет Псевдо-Скимн (vv. 270—279), сообщающий, что между ионийцами и прибывшими за ними дорийцами произошла ссора, в результате чего они разделились и основали города по отдельности — халкидский Накс и дорийскую Мегару.

Из версии Эфора прежде всего следует исключить афинское происхождение Феокла: Гелланик называет его халкидянином (fr. 82 Jас.)³⁷. Сложнее обстоит дело с участием «некоторых ионян»: ряд данных позволяет предполагать участие в халкидской экспедиции переселенцев с кикладского острова Наксоса³⁸. Что же касается одновременности основания Накса и Мегары, то более подробное изложение перипетий пребывания мегарцев в Сицилии до основания Мегары Гиблеи у Фукидида предпочтительней недифференцированной, хронологически скорее оценочной версии Эфора в пересказе Страбона.

По абсолютной хронологии, согласно Антиоху, Накс был основан около 734 г., Сиракузы — около 733 г., Леонтины и Катана — около 728 г., Мегара — около 728 г.³⁹. Главный вопрос заключается в выяснении последовательности основания Сиракуз и Мегары, что мы и рассмотрим.

На шестом году по прибытии в Сицилию халкидяне закрепляют за собой плодородную долину Симефа посредством основания у ее границ по побережью Леонтин и Катаны, как бы закрыв тем самым доступ к ней с моря от других греков-колонистов, которыми теоретически могли быть мегаряне или сиракузяне, либо и те и другие. В этом плане показательным, что захвату южной границы долины халкидяне придавали большее значение, нежели северной, что выразилось в назначении вождя наксиян Фукла ойкистом дальних Леонтин, а не ближ-

ней Катаны; не исключено также и хронологическое первенство Леонтин. Таким образом, на шестом году от основания Накса халкидянами мегарцы либо сиракузяне могли уже присутствовать в Сицилии, причем первыми из них вслед за халкидянами прибыли мегарцы, судя по данным эфоровской традиции.

Это обстоятельство становится ясным, если проследить ход основания Сиракуз. Различные источники (Фукидид, Страбон, Псевдо-Скимн, Феокрит и др.) единодушно свидетельствуют, что Сиракузы были основаны коринфянами. Ойкистом колонии был Архий из рода Гераклидов (Thuc. VI, 3, 2). Основание города стоит в тесной связи с коринфской же колонизацией Керкиры. В не очень ясном страбоновском переложении Эфора указывается, что Архий отплыл из Коринфа приблизительно тогда же, когда были основаны сицилийские Накс и Мегара (VI, 2, 4)⁴⁰: «Плывший в Сицилию Архий оставил с частью отряда Херсикрата, происходившего из рода Гераклидов, для того, чтобы принять участие в заселении (synoikounta) острова, ранее называвшегося Схерией, а теперь Керкирой. Херсикрат, изгнав владевших островом либурнов, заселил его; Архий же, остановившийся у мыса Зефирия, нашел там каких-то дорийцев из числа основателей Мегары, прибывших сюда из Сицилии, поднял их и, отправившись (arionta)⁴¹ вместе с ними, основал Сиракузы».

Из этого полного недомолвок рассказа прежде всего можно заключить, что из Коринфа отправилась колониальная экспедиция во главе с двумя ойкистами, что явно указывает на составной характер контингента переселенцев, т. е. происходивших не только из коринфской области. Действительно, оба ойкиста происходили из Гераклидов, но если Херсикрат из коринфской его ветви — Бакхиадов (Strabo VI, 2, 4; Schol. Apoll. Rhod. Arg. IV, 1212), то Архий — из аргосской: «Паросская хроника» называет его сыном Эвагета, десятым потомком Темена, первого аргосского Гераклида (Marmor Parium § 31). Следовательно, в отпльвшей из Коринфа экспедиции приняли участие и аргосцы — факт, согласующийся с политическим и культурным единством Аргоса с истмийскими центрами — Коринфом, Мегарой, Сикионом⁴². Предположение о двух ойкистах экспедиции, включавшей также аргосцев и аркадян⁴³, позволяет объяснить сбивчивый рассказ Страбона об основании Керкиры, устраняет необходимость видеть вместе с Ж. Бераром ошибку в сообщении «Паросской хроники» о принадлежности Архия к аргосской ветви Гераклидов⁴⁴ и, что пожалуй наиболее существенно, объясняет обычно отвергаемую традицию об аргосском происхождении сиракузского царя Поллиса⁴⁵.

Причины отправления Архия в колонию обставлены красочными подробностями любовного характера. По Плутарху (Mog. 772e—773b), Архий, восплавленный страстью к красавцу Актеону, вознамерился похитить его из отцовского дома. Попытка похищения закончилась неудачей, так как в разгоре

шейся при этом схватке юноша был убит. Не получив от коринфян справедливого возмещения за смерть сына, отец его Мелисс обратился за помощью к Посейдону на Истмийских играх и посвятил себя ему, сбросившись со скалы. На страну нашла чума, и по указанию оракула Аполлона Архий отправился основывать Сиракузы.

У схоластика к «Аргонавтике» Аполлона Родосского (ad IV, 1212) вина в этой истории приписывается всему роду Бакхиадов и по версии, восходящей к Тимею, покинуть Коринф то ли по своей воле, то ли по принуждению должен был Херсикрат⁴⁶. Во всей этой истории, неопределенной, но вполне вероятной, существенна вновь всплывающая взаимосвязь Архия и Херсикрата, а также неожиданное, плохо связывающееся лишь с Коринфом появление имени аргосского властителя Фейдона: по Плутарху, обращаясь к коринфянам, Мелисс указывал на заслуги своего отца, освободившего их от злоумышленного тирана Аргоса Фейдона. Если вся эта история имеет под собой какую-либо реальную почву, упоминание Фейдона Аргосского, видимо, может означать, что Архий по какой-то причине был осужден к почетному изгнанию из Аргоса — будучи царского рода, он был назначен ойкистом аргосских переселенцев, присоединившихся к колониальному предприятию коринфян.

Вернемся к страбоновской парафразе Эфора. Отправившись из Коринфа, колонисты достигли Керкиры, где часть их во главе с Херсикратом осталась. По Тимею (fr. 80 Jac.) и Плутарху (Mog. 293 ab), Херсикрат выбил с Керкиры эретрийских колонистов, которые после неудачной попытки вернуться домой основали Мефону во Фракии. Захват Керкиры, как и последующее разделение колониальной коринфской экспедиции, не означал, что большого массива плодородной земли на острове (почва здесь весьма благоприятна для виноградарства) было недостаточно для всех колонистов, пусть даже многочисленных — не забудем, что это были лишь первые шаги дорийцев на «диком Западе». Не исключены, конечно, и трения между ойкистами, как в случае с основанием Занклы (Callim. Aetia, fr. 43 Tгур.), или же между колонистами (ср. Plut. Mog. 298 ab). Самым вероятным, однако, представляется стремление коринфян убить одним выстрелом двух зайцев: соединенной колониальной экспедицией выбить халкидян с Керкиры — поворотного пункта на пути из Греции в Италию — и успеть к разделу жирного сицилийского пирога.

Основная часть экспедиции во главе с Архием, двигаясь традиционным морским путем из Греции в Италию, достигла мыса Зефириона на Бруттийском полуострове, неподалеку от Сицилии. Здесь, по Эфору (у Псевдо-Скимна и Страбона), Архий встретил дорийцев и включил их в свой отряд. Эти «прибывшие из Сицилии из числа основателей Мегары дорийцы» (Strabo VI, 2, 4), как мы увидим далее, откололись от мегарян после изгнания мегарских колонистов из Леонтин (напомню, что колони-

альная экспедиция Ламиса, по Эфору, состояла главным образом из мегарян, но включала и других дорийцев). Это обстоятельство указывает, что мегарская экспедиция Ламиса прибыла в Сицилию раньше коринфской. Сухое фукидидовское описание злоключений мегарян в Сицилии — основание Тротила, синойкизм с леонтинцами, изгнание из Леонтин, основание Тапса, изгнание из Тапса, основание Мегары Гиблеи — дополняется сведениями Полиена (V, 5), по рассказу которого Леонтины были основаны с согласия уже проживавших там сикулов. Это противоречит версии Фукидида об изгнании сикулов (VI, 3, 3), но соответствует отмечавшемуся выше наличию в Леонтинах догреческого туземного некрополя и синхронного Леонтинам сикульского поселения у подножия Сан-Мауро.

Когда из Мегары прибыл с колонистами Ламис, он попросил ойкиста Леонтин Фукла (у Полиена — то же имя в неслитной форме: Феокла) разрешить им поселиться вместе с леонтинцами (далее в тексте Полиена лакуна), на что Фукл ответил, что леонтинцы не могут изгнать из города сикулов, поскольку те связаны клятвой, но что он откроет им ночью городские ворота и мегаряне могут поступить с сикулами как с врагами. Ворота были открыты, и мегаряне напали на агоре и акрополе на безоружных туземцев, которые бежали из города. Мегаряне же поселились с халкидянами в Леонтинах, где оставались полгода, когда Фукл хитростью лишил их оружия во время праздника. Мегаряне, припав к алтарям, просили леонтинцев позволить им либо остаться у них безоружными, либо уйти с оружием. Те же, опасаясь вооруженного врага, изгнали их голыми из города. Зиму мегаряне провели в Тротиле.

Рассказ Полиена, согласуясь с сообщением Фукидида о синойкизме мегарян с леонтийцами и скором изгнании их оттуда, ставит под сомнение его сообщение об основании мегарянами сначала Тротила, а затем Тапса. Впрочем, приемлема и рациональная комбинация сведений обоих источников, сделанная Т. Дж. Данбэбином⁴⁷: мегаряне сначала остановились в Тротиле, на северной стороне нынешнего мыса Ла Брука, где не было плодородных земель. Леонтинцы, опасавшиеся сикулов, да и мегарян, предпочли пригласить последних в свой город и с их помощью выбили сикулов. Когда же леонтинцы изгнали из города мегарян, те утвердились на Тапсе — небольшом низменном островке в зоне влияния сиракузян. Через короткое время, воспользовавшись предложением сикульского царя Гиблона, они основали Мегару.

Местоположение Мегары таково, что она как бы втиснулась между Леонтинами и Сиракузами. Действительно, трудно полагать, что мегаряне ходили вокруг да около халкидского треугольника, не замечая плодородной долины р. Анапа, т. е. области, занятой впоследствии Сиракузами⁴⁸. Это обстоятельство в сочетании с известиями о включении вернувшихся из Сицилии дорийцев в отряд Архия позволяет заключить, что по изгнании:

из Леонтин мегаряне и дорийцы, вместе приплывшие с Ламисом в Сицилию, разделились: первые остановились в Тапсе, где оставались в течение зимы, а потом основали Мегару (в Тапсе Ламис и умер), вторые же отправились обратно в Грецию. На пути у мыса Зефирион (Южная Италия) они встретили экспедицию Архия, с которой и вернулись в Сицилию (Scygni vv. 278—282; Strabo VI, 2, 4)⁴⁹.

Таким образом, основание Сиракуз произошло после изгнания мегарян из Леонтин. Мегаряне укрылись от леонтинцев в естественно укрепленном Тапсе в непосредственной близости от Ортигии и долины р. Анапа. Если указание Полиена о том, что мегаряне провели зиму в Тротиле (фактически в Тапсе) правильно, то изгнание их из Леонтин, отделение дорийцев и их встреча с Архием у Зефириона, так же как и последовавшее за этим основание Сиракуз, имели место до окончания осенней навигации, Мегара же была основана в следующем году.

Изложенное позволяет заключить, что Леонтины (и Катана), основанные через шесть лет после Накса ввиду прибытия мегарян и других дорийцев с Ламисом, имеют приоритет как перед Сиракузами, основанными примерно на шестом-седьмом году после Накса, так и Мегарой, основанной на седьмом году после Накса.

Это заключение любопытным образом совпадает с данными армянской версии Евсевия, по которой Сиракузы и Катана были основаны одновременно в 735 г. (по его же хронологии в версии Иеронима, Сиракузы основаны в 738 г., а Катана в 736 г.— Chron. II, p. 82—83 Schoepe). К сожалению, ни одна из версий Евсевия не сообщает дат основания Леонтин и Мегары, так что мы лишены возможности проверить эти данные. (О хронологии основания сицилийских колоний см. Приложение III.)

Внутреннее развитие колонизационного процесса (некоторые физико-экономические аспекты становления колоний)

Предварительное знакомство с новыми землями имело место в результате предприятий отдельных лиц, торговавших предметами роскоши с туземным населением (Herod. IV, 152). Размах переселенческого движения, освоение колонистами плодородных земель и шире — местных естественных ресурсов, как и установление экономических контактов с туземным населением, дали толчок быстрому хозяйственному подъему колоний. В новых центрах стало развиваться широкое производство товаров, предназначавшихся для торговли с туземцами и удовлетворения внутреннего спроса. Таким образом, рост шедших рука об руку сельскохозяйственного производства и ремесла сопровождался широким развитием торговли, в том числе морской. Следует иметь в виду, что в VIII—VII вв. в греческом мире уже

сформировался ряд крупных экономических и торговых центров — Коринф, Халкида, Эретрия, Хиос, Родос и др. При этом в становлении метрополий в качестве городских центров существенную роль играли экономические связи с их колониями. Коммерческие контакты между ранними колониями и метрополиями проложили ряд позднейших торговых путей.

Если брать за индекс уровня промышленного развития архаической Греции наиболее общий вид производства — керамику, то получается следующая картина. Около середины XI в. в Афинах, вероятно, из микенских форм возник протогеометрический стиль. Ряд других греческих центров производил эту керамику в своих вариантах стиля, но все они зависели от афинских образцов. В IX—VIII вв. бытовал геометрический стиль. Афины еще играли роль лидера, но многие другие центры вырабатывали свою отличающуюся по формам и декорации геометрическую керамику — Евбея, Коринф, Аргос, Беотия, Крит, восточногреческие центры. В Коринфе под восточным влиянием не позднее середины VIII в. вырабатывается керамика протокоринфского стиля, в середине VII в. заполнившая греческие рынки.

О размахе керамического производства, широком ареале распространения керамики ряда промышленных центров, наконец, об общегреческих излюбленных стандартах производства уже в VIII в. свидетельствуют материалы из раскопок евбейской фактории в Аль-Мине (Сирия). Здесь на протяжении всего VIII в. бытовало несколько групп массовой греческой керамики: евбейская геометрическая, евбейские имитации эlegantных коринфских котил, евбейские же скифосы геометрического стиля, кикладско-евбейские кубки и группа скифосов позднего VIII в., произведенных скорее всего местными греками, проживавшими в фактории. Через Аль-Мину эта греческая керамика шла в хинтерланд⁵⁰. (Подробнее об Аль-Мине см. ч. II, гл. 2.)

Расширение экономической деятельности различных греческих центров, в числе которых были и наиболее развитые колонии, ознаменовало собой начало новой фазы экономического развития архаической Греции (VII—VI вв.). С началом этой фазы греческая экономика вследствие развития внутренних производственных средств и вовлечения во вновь освоенных колониальных районах больших нетронутых людских и сырьевых ресурсов поднялась на качественно новую, не достигавшуюся ранее ступень.

Отток части населения из континентальной Греции наряду с промышленным подъемом создал в VII в. необходимые условия для повышения в ней жизненного уровня в целом. Экономика страны приобрела в ряде центров классический характер: ремесло перешло к массовому производству товаров, что повлекло за собой еще более значительное развитие торговли, возникновение и распространение монетно-денежного обращения. Если раньше было лишь несколько центров — лидеров про-

изводства, то теперь уже десятки колониальных и собственно-греческих городов активно участвовали в экономической жизни греческого мира. В керамическом производстве господствуют две основные группы — коринфская и родосско-ионийская, производившаяся в ряде восточногреческих центров. Торговля получила настолько широкий размах, что, например, процветание Эгины целиком основывалось на экспорте в различные части греческой ойкумены коринфских изделий. Позднее, около середины VI в., коринфская керамика уступила свое место аттической чернолаковой, чернофигурной и затем краснофигурной керамике.

Промышленный подъем, как отмечалось выше, сопровождался ростом сельскохозяйственного производства. На это указывает массовое распространение тары для транспортировки вина и масла. В VII—VI вв. господствовало несколько восточногреческих типов амфор. Наблюдается специализация в некоторых областях производства: например, Аттика экспортирует в сосудах оливковое масло, Коринф же был важнейшим центром производства керамики под парфюмерные товары.

Изложенное выше позволяет заключить, что колонизация явилась существеннейшей причиной экономического подъема архаической Греции, она в значительной мере повлияла на становление городской жизни в стране. Вместе с тем она в немалой степени способствовала и социально-политическому развитию Греции, разрушению родовых устоев, распаду чисто-аристократического строя, в том числе и монархий, возникновению олигархий и ранних демократий. В смысле темпов социально-политического развития колониальные центры опережали города собственно Греции в силу отсутствия на новых поселениях многообразных имущественно-социальных связей и пут, которые сдерживали рост метрополий. Не случайно именно в колониях впервые на греческой почве проявились такие феномены, как выработка определенных систем социальной стратификации (например, полноправное положение первых колонистов-олигархов в противоположность относительно меньшим правам новых переселенцев-эпойков, также разных по своему статусу, в Кирене, Массалии, Аполлонии Иллирийской и т. д.), пришедших на смену социальной диффузности раннеархаического общества; массовый уровень социальной активности (Кирена, Колофон и др.) и как результат — кодификация права (Локры Эпизефирские, Катана), т. е. основные признаки трансформации протополисного состояния в полисную форму устройства общества.

Типологически древнегреческие колонии с некоторой долей условности можно подразделить на колонии с преимущественно земледельческой и преимущественно торговой ориентацией, причем последние образуют два подвида: колонии, расположенные на территории суверенных или зависимых, но развитых государств (Аль-Мина в Сирии, Сукас в Финикии, Навкратис в

Египте) с ограниченным факториальным статусом, и колонии с полисным статусом (Кума, Занкла, Регий, Массалия и т. д.), расположенные в зонах обитания слаборазвитых народов. Торговая ориентация второго подвида в отличие от колоний-факторий сочетается с наличием хоры, предоставляющей возможности для аграрной деятельности, естественно необходимой всякому городскому образованию.

В целом разделение колоний на аграрные и торговые — это скорее результат ограниченности наших сведений о той или иной колонии; речь может идти об отдельных полисах, в фундаментальной своей сущности всегда остающихся аграрными, но в силу каких-либо благоприятных обстоятельств ставших торгово-ремесленными центрами. И промышленные экспортеры Милет, Родос, и чисто торговая по своей ориентации Эгина имели свою сельскохозяйственную базу. Достаточно показательна в этом отношении Оливия, которая была не только ремесленным и торговым центром, но обладала и собственной сельскохозяйственной базой, настолько развитой, что аграрная продукция составляла основу ее торговли. Хиос обладал развитым виноделием и в силу этого был одним из крупнейших торговых центров. Примеров такого рода много, и, думается, можно констатировать, что разделение колоний на аграрные и торговые — не более как исследовательский прием, с накоплением знаний все более утрачивающий свою приложимость к тому или иному конкретному случаю.

Рассмотрим некоторые аспекты внутреннего развития колониального процесса, иначе говоря, социально-политического и главным образом физико-экономического становления колоний. Предварительно — еще одна параллель из нового времени: спонтанный эпизод локальной колонизации, происшедший в послевоенные годы в деревне Маргерити, расположенной в Эпире (древней Феспротии)⁵¹. После депортации в 1944 г. из этого центра небольшой сельской округи коллаборационистов их земли и дома заняли новые жители, самостоятельно переселявшиеся сюда главным образом из горных окрестностей. Колонизация продолжалась по начало 1950-х годов, основную массу переселенцев составляла молодежь. Соотношение прежних жителей к новым — 181 и 582 человека соответственно (здесь также проживают обособленно 223 валаха и 83 цыгана). Структура населения по возрастным группам была следующей (%):

Возрастная группа, лет	0—20	20—40	40—60	свыше 60
Первоначальные обитатели	35	30	21	14
Переселенцы	49	28	17	6

Количество детей в большинстве семей — от трех до семи. Переселенцы в основном прочно освоились на новом месте, каждая семья владеет участком земли от двух до шести га, заса-

женным садами. Основные жители, в противовес новым, образовали группу псевдоаристократического характера, но они не играли ведущей экономической роли. Окрестные безземельные крестьяне батрачили у местных землевладельцев. Уже через полтора-два десятилетия демографические показатели превзошли местные естественные ресурсы и стал образовываться отток населения. Основная масса выселенцев — из колонистов, причем опять-таки по большей части молодежь в возрасте от 20 до 35 лет.

Данный эпизод позволяет представить в целом комплекс процессов различного характера, происходивших в среде греческих колонистов вообще на новых местах их обитания, процессов, о которых применительно к арханке наши источники сообщают обычно лишь отдельные разрозненные данные (единственное исключение — основание Кирены, подробно освещенное Геродотом и «Стелой основателей», да и то далеко не полно в ряде отношений). Конечно, социально-экономические и демографические процессы, проходившие в древнегреческих колониях, отличались от описанных во многом вследствие наличия больших ресурсов неосвоенных земель, в то время как в Маргерити эти процессы происходили на ограниченной, замкнутой рельефом и соседними селениями территории. Остальные же элементы эпизода в Маргерити находят соответствие в древнегреческой колонизационной практике: складывание определенной системы землевладения, характерной для местных географических условий, формирование группы первых переселенцев (в Маргерити — группа прежних насельников деревни), претендовавших на исключительные права, участие в колонизации главным образом молодежи, повышенная деторождаемость и соответствующее изменение демографической структуры, в свою очередь уже через несколько десятилетий влияющее на социально-экономическое развитие колонии, вовлечение окрестных жителей в экономическую и социальную структуру колонии. Все перечисленные явления засвидетельствованы в той или иной мере источниками для архаической поры.

Рассмотрим эти факторы подробнее. Преимущественное участие молодежи в колониальных предприятиях обуславливалось в первую очередь ограниченными возможностями землевладения в собственно Греции. Переселенец мог забрать с собой или оставить в отцовском ойкосе движимую часть полагающегося ему клера (*chrēmata*), как можно заключить на основании анализа известного уложения о невпактских колонистах⁵², но земельная часть клера здесь не подразумевается, т. е. экономическая нецелесообразность дробления земельного надела и выступает в данном случае импульсом переселения избыточных наследников (в стк. 29 уложения предусматривается случай наличия братьев на родине колониста). Молодежь составляла основной контингент ферских переселенцев в североафриканскую Кирену (ML 5.29); ее участие засвидетельствовано и для

ряда других колоний (Plut. Mor. 294e; Paus. VIII, 3, 5; Herod. IV, 150, 153; Just. XVIII, 4, 2).

Повышенная рождаемость в колониях — факт, устанавливаемый более по аналогиям нового времени. Имеющиеся данные по древней эпохе, если сопоставить их с параллелями нового времени, показывают, что повышение рождаемости наступало скорее всего не сразу по основании колонии, а спустя примерно полвека. Так, в Кирене в течение более 50 лет, прошедших со времени ее основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» (Herod. IV, 159). Аналогичное явление в новое время имело место при освоении греками Приазовья. Из Крыма в 1778 г. их вышло примерно 30 тыс. человек, но до Приазовья, по оценке, добралось только около $\frac{1}{3}$. В 1817 г. здесь насчитывалось 11 тыс. греков, а в 1926 г. — уже 98 тыс. Таким образом, первые примерно полвека и здесь сохранялось приблизительно одно и то же число населения. Стабилизация хозяйства за это время привела в дальнейшем к значительным демографическим накоплениям, выразившимся в росте уже существовавших деревень и образовании новых населением, увеличившимся за столетие с 1817 по 1926 г. в 10 раз (т. е. примерно каждые 10 лет число греков Приазовья возрастало в два раза).

Повышение рождаемости детей сразу по заселении колонии, как это было в Маргерити, видимо, также могло иметь место при благоприятных условиях, но для древности зафиксированы и факты повышенной детской смертности: например, по наблюдениям В. В. Лапина (устное сообщение), более половины погребений архаического времени на о. Березани — детские. В любом случае отмечаются быстрые темпы роста населения колоний: так, в Гимере, основанной в середине VII в., спустя примерно полтора столетия — к началу V в. — насчитывалось уже около 20 тыс. человек⁵³.

Фундаментальной чертой складывавшейся в колониях системы землевладения было сочетание коллективного владения землей с частновладельческим присвоением участков. Этот принцип для архаики прослеживается единственно в случае с Эфиопом, происшедшим при переселении коринфских колонистов во главе с Архием в Сиракузы. На пути в Сицилию некий коринфянин Эфиоп «из склонности к наслаждениям и невоздержанности... отдал своему сотрапезнику за медовую лепешку земельный надел, который ему предстояло получить по жребию в Сиракузах»⁵⁴. Д. Ашер проанализировал этот случай в контексте архилоховского творчества в целом, революционного по своей сущности. Как поэт бросил свой щит, так и Эфиоп променял на пустяк свой клер, заключил исследователь. По его мнению, в архаической Греции наследственные наделы были неотчуждаемы (Arist. Pol. VI, 2, 5; II, 4, 4)⁵⁵. Отдача своего клера Эфиопом — исключение из этого правила, революционное в социальном смысле.

К этому безусловно справедливому выводу Д. Ашери добавлю, что отчуждение клера Эфиопом, во-первых, ставило его вне круга землевладельцев основываемого поселения. Вопрос фактически стоял не о том, что Эфиоп мог получить в тех же Сиракузах другой клер, т. е. не об ограниченности земельных угодий в колонии, но о месте в ограниченном кругу привилегированных по своему статусу землевладельцев — первых колонистов, обособлявшихся в качестве коллективного владельца земельных ресурсов колонии от прочих слоев ее населения, неизбежно появлявшихся впоследствии, в первую очередь вследствие притока новых переселенцев (как это было в Кирене, Навпакте, Фуриях и т. д.), тоже далеко не одинаковых по своему статусу. Во-вторых, данный эпизод указывает, что колонизация создавала широкие земельные возможности: отчуждение клера у Эфиопа предполагало перспективу, например, его участия в другой колониальной экспедиции или военном предприятии, где он мог копьем, подобно Архилоху или критянину Гобрии (Athen. XV, 695f—696a), добыть себе новый клер. И, в-третьих, он свидетельствует о безусловном выделении личности из коллективного круга в VIII в. — явлении, чрезвычайно существенном для развития архаической Греции, впервые выработавшей на греческой почве понятие личности — в противовес эпической растворенности рядового индивидуума в массе. Новая концепция личности заключалась в соединении индивидуума с обществом посредством системы полисных связей⁵⁶.

Интенсивные археологические исследования послевоенного времени, ведущиеся в колониальных областях греческого мира, позволяют несколько уточнить процесс физического и экономического становления колоний. При устройстве поселений помимо обычных градообразующих факторов учитывалась связь с хорой. Например, по наблюдению П. Орландини, Гела на Сицилии была основана на холме поблизости от моря и у места слияния двух рек, так что она становилась естественным пунктом стечения сельскохозяйственной продукции с равнин этих рек. То же можно сказать и об Ольвии, расположенной на Днепро-Бугском лимане. Пространственная организация зон обитания в ряде случаев сопровождалась регулярной планировкой центрального поселения и хоры. При раскопках Мегары Гиблеи было раскрыто 11 домов последней трети VIII в., т. е. времени основания колонии, ориентированных по линиям четырех улиц, функционировавших уже в середине VII в. (более древние их остатки не сохранились), так что они образовывали трапецевидную агору в центре поселения⁵⁷. Ретикулярная планировка Метапонта и его хоры хронологически неясна, но не выходит за пределы VI в. Регулярная планировка предполагается в Эфесе VI в., раннем Милете⁵⁸, в Посидонии, Неаполе, Гимере, Селинунте, Акраганте, Массалии, Кирене, Эвесперидах, Навкратисе и ряде других центров архаического времени⁵⁹. Помимо лучшей функциональной обусловленности появление ее

в колониях стояло в прямой связи с обычаем раздела городской и сельскохозяйственной территории между колонистами на частные клеры⁶⁰. Равенство получаемых колонистами городских участков — ойкопедонов — очень хорошо прослеживается на примере планировочной структуры поселения Врулия на Родосе (рис. 1).

Освоение хоры в целом носило постепенный характер, расширение зоны непосредственного хозяйственного воздействия обуславливалось темпами экономического роста колонии. Например, в Мегаре Гиблее из двух прилегающих к городу плато одно стало осваиваться с момента поселения здесь колонистов, а другое — столетие спустя, с ростом экономических и демографических ресурсов. Этот рост выражался в дальнейшем развитии внутренней колонизации. Физически освоение территории колонии осуществлялось в виде образования небольших сельскохозяйственных поселений в хоре или, при угрозе со стороны кочевников, как это было на Боспоре и в Кирене, небольших городков (Тиритака, Мирмекий, Патрей и т. д.)⁶¹.

В условиях соседства нескольких колоний на естественно-ограниченной территории, например на Сицилии, внутренняя колонизация иногда перерастала в территориальную экспансию. Так, Сиракузы оформили свое господство над юго-восточным углом Сицилии посредством основания соответственно через 75, 95 и 125 лет дочерних колоний Акр, Касмены и Камарины, причем последняя первоначально служила форпостом против территориальных притязаний Гелы на этот же район.

В процессе освоения хоры в зависимости от ее размеров возникали немногие или, наоборот, многочисленные сельскохозяйственные поселки, сосуществовавшие с центральным поселением. В хоре Тарента и Сибариса зафиксирован ряд таких поселков, образовавших как бы изгиб по краям равнины. Небольшие деревни известны и в дальней сиракузской хоре⁶².

Если в Западной Греции такие сельские поселки известны больше по некрополям, то более полные археологические исследования в Нижнем Побужье позволяют предположительно воссоздать процесс физического и экономического становления колонии. Накопленные здесь археологические данные, относящиеся к архаическому периоду развития региона, пока еще все же ограничены и не позволяют нарисовать полную картину процесса исторического развития Нижнего Побужья. Однако, основываясь на них, можно проследить возникновение аграрных поселений и характер их роста. В любом случае они позволяют представить в целом физико-экономический аспект процесса греческой колонизации здесь, выразившегося в формировании агломерации поселений, на основе которой возник местный полис⁶³.

В заключение раздела рассмотрим естественно встающий в связи с широким аграрным и ремесленным освоением колониальных областей вопрос об источниках рабочей силы. Вопрос

этот существен для архаической Греции в целом, ибо в экономическом плане он в конечном счете обусловил высокий уровень ее развития, а в социальном — сложение системы различных зависимых состояний.

Результаты археологических исследований в Великой Греции и Нижнем Побужье показывают, что в экономическую деятельность греческих колоний широко вовлекались туземные элементы. При этом не обязательно надо стремиться, подобно Ж. Вале, повсюду видеть порабощение греками туземцев: твердых доказательств такого порабощения в греческих колониях до конца VI в. у нас нет. Известно, что с основанием Сиракуз ближние сикульские поселения Финоккито и Панталика стали хиреть, — отсюда, заключает Ж. Вале, и черпалась рабочая сила для обработки сиракузской хоры: киллирии, по его мнению, — это превращенные в рабов окрестные сикулы⁶⁴. Следует отметить, однако, что у нас нет достаточных оснований считать вслед за Геродотом (VII, 155: *douloi*) киллириев рабами; например, Аристотель (fr. 586) сравнивает их с фессалийскими пенестами и критскими кларотами, находившимися отнюдь не в рабской зависимости (ср. Thuc. III, 103)⁶⁵.

На мой взгляд, следует различать четыре основных типа взаимоотношений греков с местным населением в архаическую эпоху.

1. Древнейший тип, относящийся к миграционной поре, — приведение местного населения в зависимость от коллектива завоевателей. Как правило, это побежденное пришельцами население остается на своей земле. Таким путем формировались лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты, мноиты (Strabo XII, 3, 4; Athen. VI, 263), милетские гергиты (Athen. XII, 524, ср. Herod. V, 122). Образование слоя киллириев в Сиракузах — рецидив такой древней практики, причем здесь подобный феномен, видимо, возник под влиянием института аргосских гимнетов, поскольку в основании этой колонии приняли участие аргосцы (о чем см. выше), в то время как в Коринфе подобная практика не зафиксирована.

2. Близкий к первому статус имели перизки — институт менее зависимых от колонистов туземцев, а также, вероятно, каллипиды в Нижнем Побужье (Herod. IV, 17)⁶⁶, мариандины в Геракле (Arist., Pol. VII, 5, 7), возможно, мисахеи и перкофарии в Навпакте (ML 20.22—28).

3. Тип частновладельческих рабов, наиболее поздний в архаической Греции, формировавшийся из числа как греков-военнопленных (например, Herod. I, 66), так и туземцев (Theopompri fr. 122 Jас.). Начало развития частного рабовладения в архаическую эпоху приходится в основном на VI в.⁶⁷ Можно полагать, что основным источником частного рабовладения служили все те же пленные, как взятые греками в боевых операциях против туземцев, так и, по-видимому, поступавшие к ним через посредство самих же туземцев. Феопомп в указанном фрагменте

свидетельствует, что на Хиосе, впервые в греческом мире начавшем продажу рабов, последние были варварами. Наличие нескольких рабов и рабынь у Матасия в Ольвии или на Березани, упоминаемых в письме Ахиллодора, относящемся ко времени около 500 г., показывает, что формирование контингента частных рабов из числа туземцев происходило в зонах греко-варварских экономических контактов. Связи Ольвии с кочевническим миром Северного Причерноморья, продававшим сюда своих пленников, и обусловили здесь, надо полагать, столь раннее развитие частного рабовладения. Таким образом, частное рабовладение в VI в. сначала формировалось в греческих колониях, а затем уже в метрополии.

4. Основным и одним из наиболее продуктивных типов экономического взаимодействия между греческим колониальным и туземным мирами была добровольная трудовая кооперация. Повсюду более высокий сравнительно с туземным уровень жизни в греческих колониях привлекал туда местные элементы. Греческое архаическое общество до греко-персидских войн не знало противопоставления эллинов — варвар, и это облегчало конвергенцию обоих миров⁶⁸. Трудовое участие туземцев в экономической деятельности колоний предоставляло и им более высокий жизненный уровень. Такая экономическая заинтересованность местных элементов в трудовой деятельности на полях и в мастерских греков, помноженная на непосредственную заинтересованность деловых греков в трудовых ресурсах и породила возникновение смешанных поселений, проникновение туземцев в греческие поселения, а греков — в туземные, и в конечном счете — материальную и культурную конвергенцию греческого и туземного миров.

Например, долина р. Гелы в VIII в. до прибытия греческих колонистов оставалась незаселенной и не культивируемой сикулами, которые проживали на склонах окаймляющих долину холмов. С прибытием греков в расположенных в 20—30 км от Гелы сиккульских поселениях Бутера и Дизуэри в VII в. стало проявляться сосуществование многих греческих и туземных черт. Так, некрополи Бутеры и Гелы сближались по обряду (в Геле были найдены и акефальные захоронения по туземному обычаю).

Взаимоотношения гелойцев с окрестным населением были самыми различными. Так, по преданию, основатель города Антифем сжег Омфаку, поселок сиканов, всегда остававшихся враждебными грекам (Paus. VIII, 46, 2). Сикулы же, напротив, легко контактировали с греками, но и с ними у гелойцев отношения были разными. Так, по данным П. Орландини, сиккульское поселение на горе Сан-Мауро было замещено греческим сторожевым пунктом, а на поселении Монте Буббонна наблюдается мирное сосуществование греческих и туземных элементов. Все это показывает, что взаимоотношения гелойцев с туземным населением бывали различными. По заключению П. Орландини,

мирная конвергенция обоих миров была существеннейшим фактором местного исторического процесса.

Подобная конвергенция прослеживается в различных колониальных областях⁶⁹. В той же Сицилии показателен пример сосуществования Леонтин, занимавших верхнюю часть холма Сан-Мауро, и сиккульского поселения, расположенного у подножия этого холма. Туземное поселение было и на соседнем холме Метапиккола. Хорошим примером взаимовлияния греческой и сиккульской культур в глубинной части Сицилии служит туземное поселение Граммикеле, расположенное к западу от Леонтин. Археологические исследования этого центра позволяют заключить, что здесь проживали и греки. Через поселения такого типа в туземные поселки Сицилии импортировались греческие товары, а со времени около 600 г. мы располагаем свидетельствами того, что на некоторых из этих поселений представлены святилища и погребения полностью греческого типа, в туземных же погребениях встречаются греческие сосуды.

Другой формой экономических и культурных контактов было производство колонистами товаров, пользовавшихся спросом на туземных рынках: в некоторых сиккульских поселениях, например, найдены местные по форме, но с греческим декором сосуды, т. е. специально расписанные греческими мастерами для местного населения⁷⁰.

Рассматривавший вопрос о взаимоотношениях греков с туземцами Э. Сьоквист отмечал, что греки, осваивая глубинные части острова, не были насильниками, процесс сближения обоих этносов носил мирный характер. Сиккулы играли вторые роли в греческом архаическом обществе, но они не были ни искоренены, ни подавлены. Напротив, археологические данные позволяют говорить о кооперации обоих этносов⁷¹. Правда, сиккулы утратили часть своей территории, но зато из-за контактов с греками перешли на более высокий жизненный уровень.

В Южной Италии также известны примеры сосуществования греческого и туземного миров. Очень вероятно проживание греков в туземном поселении Торре Галли у Гиппониума, возле святилища Аполлона Алея на мысу Кримисса между Сибарисом и Кротоном (это святилище использовалось греками с VII в.). В районе Локр Эпизефирских были найдены греческие вазы, датируемые временем около 700 г., произведенные для туземцев. В Апулии около Тарента зафиксировано долго существовавшее керамическое производство в туземном стиле, но связанное в основе с греческим геометрическим стилем⁷². В Сибарисе, основанном около 721 г., где контакты с местным населением прослеживаются уже с начала VII в., найдена япигская геометрическая керамика, а на близлежащем туземном поселении Торре Мордилло — протокоринфская керамика⁷³.

Сосуществование греческих и туземных элементов прослеживается и в Северном Причерноморье, в частности в Нижнем По-

бужье. Находки греческих граффити владельцев, как и посвященных, в нескольких архаических поселениях Нижнебужской агломерации (Бейкуш, Старая Богдановка II, Большая Черноморка II и т. д.) свидетельствуют о присутствии здесь греческих элементов⁷⁴, а наличие здесь ряда типов лепной керамики, по данным К. К. Марченко, говорит о присутствии этнических элементов, происходивших из Карпато-Дунайского бассейна, а также лесостепной и степной зон Северного Причерноморья⁷⁵. Появление в эпитафических источниках V в. Сицилии и Северного Причерноморья негреческих имен отражает уже прочный симбиоз туземных и греческих элементов в собственно греческих центрах. В результате взаимных браков, преимущественно греческих мужчин и туземных женщин, возникли смешанные этносы вроде гелонов и каллипидов (Herod. IV, 17, 108). Тот же Геродот сообщает о греческих эмпориях в Скифии (IV, 108).

Глава 5

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА

Сущность полиса

Различным народам древности и средневековья был свойствен город — универсальный продукт политического развития общества, известный от раннеолитического Иерихона на Ближнем Востоке до вольных городов Европы XVII—XVIII вв. Составной частью общей темы докапиталистического города является греческий *полис* — одна из самых трудных проблем антиковедения. Это сложное и многообразное явление греческой древности исследовалось в различных своих аспектах, прежде всего географическом, социально-политическом и экономическом¹. Полис понимался, к примеру, как географическо-пространственный феномен (Э. Кирстен), политический (С. Хэмфрис) или правово-экономический (Х. Дрёгемюллер). Одна из лучших работ о сущности греческого полиса, основные положения которой я целиком разделяю, — статья Р. Мартена «Понятие государства в античной Греции»². В этой глубоко проникнутой духом античных источников работе нашли адекватное отражение представления древних о классическом греческом полисе, которые вкратце могут быть сформулированы следующим образом.

По Р. Мартену, полис — первый и основной элемент политической организации в Греции; это политическая общность, образовавшаяся в целях создания наилучших условий для материальной и духовной жизни личности. По необходимости полис подразумевал городскую организацию, но объединял и комм. *Politēs* — гражданин — прежде всего собственник; им был тот, кто имел какую-то часть территории полиса. В более развитых полисах вроде Афин были граждане — несобственники земли;

понятие гражданина здесь было расширено посредством фиктивной связи с землей через запись в филу и другие подразделения общины. Ограниченность земельных ресурсов полиса влекла за собой ограничение количества его членов. Слагаемые полиса суть: ограниченная территория, образуемая на ней политическая общность и, наконец, участвующий в этой общности индивидуум, как гражданин-землевладелец осуществляющий в ней свои политические права через свою связь с землей.

Затем Р. Мартен определяет внутренние образующие элементы полиса. Условием всякого политического группирования является неограниченный суверенитет и свобода как целый комплекс понятий, включающий знатность, достоинство, благородство. Элевтерия в политическом смысле уточняется понятием автономии, т. е. возможностью издавать законы, суммарной независимостью политической общности. Концепция тотальной автономии полиса подразумевает его экономическую независимость. Автаркия обозначает общую независимость полиса, политическую и материальную. Полис, основывающийся на автаркии, должен удовлетворять материальные потребности своих членов (продукты питания и предметы первой необходимости). В случае угрозы со стороны он должен иметь возможность защищаться собственными силами.

В целом можно резюмировать, заключает Р. Мартен, что понятие полиса разлагается на несколько простых основополагающих элементов: полис лимитирован территориально и демографически; это объединение, возникающее в целях создания наилучших условий для жизни граждан. Образующиеся связи являются в существенной мере не только политическими, но и религиозными, духовными по характеру, и общее понятие, общий идеал политической жизни зиждется на представлении о свободе и автономии объединения.

Такова, согласно античным источникам, сущность полиса, в частности классического. Между ним и диффузным греческим обществом X—VIII вв. лежат два-три столетия формирования этой основной формы политической организации общества. Получив представление о феномене как таковом, обратимся к выяснению процесса возникновения и становления полиса.

Географический и демографический аспекты возникновения полиса: традиционное распределение населения в Греции

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу возникновения и становления полиса, необходимо выяснить, с какой величиной нам придется иметь дело. В связи с этим напомним, что в историческом процессе географический и климатический факторы определяли хозяйственный облик страны, в свою очередь обуславливавший количественную сторону коммуникации ее на-

селения, что в конечном счете было одним из основных факторов, предопределявших динамику и характер развития каждой отдельной территориальной общности³. Иначе говоря, природно-экономические факторы определяли количество и численность территориальных общностей, а эти количество и численность оказывали существенное влияние на их внутреннее развитие. К примеру, характер коммуникации населения древней Греции предопределялся главным образом мелкими ландшафтными, а следовательно, и хозяйственными микроразонами страны, приведшими к образованию многочисленных мелких территориальных общностей. В раннеархаическое время, как было показано выше, такой универсальной формой территориальной общности была *кома*, причем с самого начала отдельные группы ком тяготели к какому-либо центру, образовывавшемуся в результате действия комплекса природных, экономических, демографических, религиозных или политических факторов. Такая слабоинтегрированная форма коммуникации населения могла сохраняться веками в плохо связанных между собой гористых местностях, как, например, в Северной Греции. В менее гористых южной и средней частях страны, ландшафтно более открытых для взаимопроникновения, развивались более интегрированные и тем самым более высокие по форме общественной коммуникации территориальные общности — полисы.

Справедливость тезиса о географической детерминированности феномена подтверждается повсеместным формированием в VIII—VI вв. полиса как универсальной формы коммуникации общества в обширном колониальном мире, Средней и Южной Греции, за исключением срединной части последней — горной Аркадии. Таким образом, географическая детерминированность носила всеобщий характер, хотя наряду с нею действовал и исторический фактор. Например, М. Остен и П. Видаль-Наке, отрицавшие глобальную роль географических условий, приводили в пример Кеос и Аморгос, где было несколько полисов, как противоположность Хиосу и Самосу, где было по одному полису; так что, по их мнению, суть дела заключается не только в ландшафтных микроразонах⁴. Замечу, однако, что один полис на Хиосе сложился исторически, как и в Атике; в VIII—VII вв. здесь было несколько самостоятельных поселений (в Эмпорионе — дворец местного правителя), и лишь с VII в. население объединилось под эгидой центрального поселения (Хион)⁵.

Количественный фактор, как сказано, во многом определял характер и динамику развития общества, как страны в целом, так и отдельных ее территориальных общностей. Его воздействие носило и внутренний и внешний характер. Послемиграционный период стабильного развития общества в IX—VIII вв. привел к накоплению материальных средств и людских излишков, в дальнейшем выразившемся в широком колониальном движении и территориальной экспансии в пределах материковой Греции, причем названные результаты этого накопления изменя-

ли подвергавшиеся его воздействию структуры. Так, результатом колонизационного движения было ускоренное развитие полиса как основной формы социальной и политической консолидации отдельных территориальных общностей. В неколонизальном мире, к примеру, экономический и демографический рост Аргоса в VIII в. выразился в его территориальной экспансии, что ускорило процесс политической консолидации лаконских ком вокруг Спарты и истмийских — вокруг Коринфа.

Для нашей темы возникновения и становления полиса исходная посылка о воздействии количественного фактора на характер развития территориальных общностей существенна в плане определения возможных масштабов развития феномена, его динамики и управляемости происходивших в них социальных и политических процессов. Имеющиеся данные показывают, что преобладающей формой населенного пункта в Греции было (и остается) небольшое селение, города же в своей основной массе также были невелики. Приведу небезполезные для историка данные о распределении населения Греции на 1961 г. ⁶:

Количественный уровень населенных пунктов	Число населенных пунктов	Общее число проживающего населения	% от всего населения
Свыше 100 000	3	2 322 103	27,7
50 000—99 000	3	190 855	2,3
20 000—49 999	21	618 171	7,4
10 000—19 999	28	385 695	4,6
5 000— 9 999	42	265 624	3,2
2 000— 4 999	257	747 601	8,9
1 000— 1 999	705	952 108	11,3
500— 999	1 702	1 189 918	14,2
200— 499	3 082	999 448	11,9
50— 199	3 815	437 636	5,2
1— 49	1 858	41 788	2,8
Рассеяно		237 606	2,8
В с е г о . . .	11 516	8 388 553	100 ⁷

Если оставить в стороне три крупнейших города Греции с населением свыше 100 тыс. человек как продукт развития страны в новое время, то получится, что из 6 млн. человек около 0,6 млн. проживает в 24 городах с населением от 20 до 100 тыс., 0,47 млн.— в 70 городах с населением от 5 тыс. до 20 тыс. и около 5 млн.— в сельских населенных пунктах с населением до 5 тыс. человек. Эти точные цифры нового времени дают примерное представление о распределении населения в древности, т. е. о количестве и размерах территориальных общностей, а также масштабах происходивших в них процессов. В древности пункты с населением от сотни-другой человек могли быть полисами, всего же нам известно около 200 независимых античных полисов.

В современной исторической демографии в силу довольно отсталого характера развития Греции до первой мировой войны принято приравнивать оценочные данные для древности к статистическим показателям нового времени. Например, по

оценкам Р. Мартена, на Хиосе, Самосе, в Эретрии, Халкиде, Мегаре, Сикионе, Элиде, Тегее, Мантинее насчитывалось в древние времена от одной до пяти тысяч человек, две—две с половиной тысячи на Эгине⁸. Помимо естественной субъективной неоднозначности цифр, приводимых исследователями, следует учитывать и колебания численности населения какого-либо центра во времени; так, в период греко-персидских войн насчитывалось восемь тысяч спартиатов, а в битве при Левктрах в 371 г. их было не более двух тысяч. Эти оценочные данные соответствуют немногим прямым цифрам о численности греческих городов V—IV вв., сохранившимся в источниках⁹. Так, в процветавшем Селинунте к 408 г., по данным Диодора — Тимея, проживало около 25 тыс. человек, Агригенте и Гимере — около 20 тыс., в Олинфе в 383 г., по данным Демосфена, 5 тыс., в Сиракузах в середине IV в., согласно источникам, — 50—60 тыс., в Фивах — около 36 тыс. человек.

Мы не располагаем данными о количестве населения архаических центров, но по раскопкам некоторых из них можно судить, что в раннеархаическое время оно усредненно выражалось в сотнях или нескольких тысячах человек.

Согласно традиции в архаическую эпоху при наличии нескольких крупных городов население страны проживало главным образом в небольших центрах, причем основная масса их обитателей пребывала в хоре и незначительная часть — в городском поселении (Arist. Pol. V, 4, 5; Thuc. 1, 2). Это подтверждается и археологическими данными, правда еще скудными. В Старой Смирне к концу VIII в. оценочно насчитывалось около 450 однокамерных домов-хозяйств, в VII в. они уже стали структурно более сложными, но число их сократилось примерно до 200. Во Врулии на Родосе было около полусотни одно- и двухкамерных помещений. Известная нам численность олигархий раннего времени составляет обычно несколько сот человек и не выходит за пределы тысячи. Лишь в VI в. из общей массы небольших по численности центров (напомню, что всего нам известно около 200 независимых полисов) выделился ряд городов с населением в несколько десятков тысяч человек — Сибарис, Кротон, возможно Милет¹⁰.

Из приведенных данных вырисовывается фундаментальное представление о решительном преобладании в эпоху становления полиса небольших центров с населением в несколько сот или тысяч человек, что, в свою очередь, позволяет говорить об управляемом характере происходивших в них процессов внутреннего общественного развития (ср.: Arist. Pol. IV, 10, 11).

Хронология феномена

Естественно, что хронология становления полиса не предполагает однозначного ответа — он возник в таком-то веке: сложение полиса было результатом длительного развития грече-

ского архаического общества. Но определенные хронологические границы феномена все же имеются. Так, по заключению специально рассматривавшего этот вопрос В. Эренберга, гесиодовский полис, двигавшийся, по его словам, от аполитичности аристократического строя к политическому единству коллектива, и эвномия спартанской ретры, свидетельствующая о наличии государства еще до первой мессенской войны, указывает примерно на 800 г. как на время, с которого начинается образование полиса¹¹.

К этому безусловно справедливому выводу добавлю, что методически следует различать два момента в истории раннего полиса — его возникновение и становление. Возникновение полиса, на мой взгляд, считается с того момента, когда верховная власть, фактически или номинально, переходит в руки коллектива — общего собрания полиса (см. ч. I, гл. 5, о демосе). Но полис, естественно, возник не сразу в сформированном виде, его организм складывался в результате последующего развития, и показателями его становления и окончательного оформления служат, на мой взгляд, такие имманентно полисные феномены, как действенная социально-политическая активность масс, свидетельствующая о функционировании коллектива как политической единицы, оформление сословной стратификации с определенными социальными границами в таких коллективах, возникновение ряда полисных магистратур, выработка понятия одинакового для всех правосудия, выраженного в кодифицированном праве.

Прежде чем перейти к разработке общих аспектов вопроса возникновения и становления полиса, для более четкого представления приведу два конкретных примера архаического полиса — Коринф и Мегару.

Коринф и Мегара¹²

По так называемом «возвращении Гераклидов» в Коринфе утвердилась династия потомков первого царя — завоевателя области Алета. С 777 г., по Евсевию (в 747 г., по Аполлодору), здесь утвердилось олигархическое правление рода Бакхиадов, потомков царя Бакхида, который был пятым царем Коринфа. За ним следовало еще несколько царей, но по смерти последнего из них — Телеста — власть сосредоточилась исключительно в роде потомков Бакхида (Paus. II, 4, 3—4). Этот клан насчитывал свыше 200 человек, которые ежегодно избирали из своей среды притана, исполнявшего функции царя. Браки Бакхиады заключали только между собой (Herod. V, 92; Diod. VII, fr. 9, 6). Правление этой олигархии длилось 120 или 90 лет.

Таким образом, если в Афинах с падением монархии власть перешла ко всему сословию эвпатридов, то в Коринфе утвердилось правление олигархической группы, составлявшей часть аристократического сословия.

Захват власти немногочисленной аристократической олигархией вызывал противодействие демоса, выразившееся сначала в изгнании части клана Бакхиадов в связи с делом Архия (см. выше), затем в стасисе коринфян, происшедшем в конце правления Бакхиадов в связи с акцией аргосского царя Фейдона против Коринфа (Nic. Dam., fr. 35 Jас.). В конце концов в 657 г. (или, по низкой хронологии, около 620 г.) власть перешла в руки тирана Кипсела, Бакхиады были изгнаны, а их имущество конфисковано (Herod. V, 92; Nic. Dam., fr. 57, 7 Jас.).

Изложенные события политической и социальной истории Коринфа VIII—VII вв. происходили, согласно имеющимся археологическим данным, на очень скромном урбанистическом фоне. Несмотря на длительные американские раскопки Коринфа, архаический период в урбанистическом аспекте остается слабо документированным, в результате чего в работах исследователей можно встретить противоречивые его характеристики: процветающий торговый город с развитой промышленностью (Дж. Колдстрим), сельскохозяйственный поселок, лишь в VII в. начавший промышленное развитие (Эд. Виль), клановая община, не полис (Дж. Грэйэм)¹³.

По осторожной археологической реконструкции К. Рёбака можно дать следующую материальную характеристику раннего Коринфа, ставшего между поздним VIII—ранним VI в. одним из важнейших греческих центров. На протяжении IX—VII вв. Коринф составляла группа пространственно разбросанных мелких поселений, крупнейшее из которых располагалось возле Храмового холма. С развитием ремесленного производства возникали поселения ремесленников в соответствующих местах (например, квартал гончаров находился у источников добычи глины и воды). Между поселениями лежали засеянные поля, но их площадь постепенно сокращалась за счет оттока жителей в центральное поселение. Разбросанность поселений сильно замедляла оформление урбанистического ядра. Лишь в начале VII столетия на Храмовом холме возводится большое сакральное сооружение, строится еще ряд святилищ и подновляются старье.

В этом же веке принимаются меры по водоснабжению постепенно укрупнявшихся обитаемых зон и строится ряд мастерских, но агоры еще, как кажется, нет. Ни политические нужды Коринфа, ни его экономический рост, заключает К. Рёбак, не оказывали особого стимулирующего воздействия на его территориальную организацию.

Изложенные данные указывают основные аспекты исследования проблемы возникновения полиса: переход от монархии к полисной форме организации общества, его характер и материальный уровень, соответствующие социально-политические структуры, наконец, полис как продукт суверенитета масс.

Перейдем к Мегаре. Р. Легон отмечает, что значение горо-

да во многом определялось его выгодным расположением на Истмийском перешейке, соединяющем Пелопоннес со средней Грецией. Благодаря этому Мегара вела активную торговлю как в Эгеиде, так и на Ионийском море (Сицилия, Италия). В VIII в. территория области Мегариды составляла примерно 700 кв. км, а в V—IV вв. она уменьшилась до 470 кв. км, причем ввиду гористого характера местности мегаряне могли обрабатывать только $\frac{1}{5}$ часть области. Эти цифры, во-первых, позволяют определить примерную численность населения Мегариды в 25 тыс. человек и, во-вторых, указывают, что слабость собственной продовольственной базы заставляла мегарян активно заниматься ремесленным производством и торговлей, поисками внешних рынков. Военные успехи Мегары позволяют полагать, что население области в пору расцвета полиса достигало 40 тыс. человек, но даже и тогда, отмечает Р. Легон, Мегарида уступала по численности населения соседним областям — Коринфу, Беотии и Афинам. Город Мегара лежал менее чем в двух километрах от Саронического залива, где у него имелся порт Нисея. Центральная часть города располагалась на склонах двух холмов, которые в древности назывались Карией и Алкафой.

Археологически Мегарида исследована пока еще недостаточно, поэтому ее история до середины VII в. остается малоизвестной. Можно констатировать только, считает Р. Легон, что во второй половине II тысячелетия Мегарида была освоена микенцами, а после 1150 г. микенская культура здесь была уничтожена вторжением дорийцев. Согласно сведениям Страбона, часть дорийцев осталась в занятой ими Мегариде, а другая под руководством Альтемена Аргосского двинулась на Крит, Родос и Малоазийское побережье, где позднее образовалось дорийское двенадцатиградие. Р. Легон отмечает, что близость диалектов Мегары и Аргоса, а также их культов позволяет относиться с доверием к древней традиции об основании Мегары аргосцами.

Первоначально дорийцы основали в рассматриваемой области пять деревень (ком) — Герею, Пирею, Мегару, Киносуру и Триподиск. Традиция пяти деревень поддерживалась последующим пятичленным делением городских магистратур, а из надписей классического времени явствует, что все население Мегариды было приписано к одному из пяти названных районов, подобных аттическим демам. Хотя в точности неизвестно, каким образом Мегара выделилась среди прочих поселений области, считается, что это результат объединения их путем синойкизма, имевшего место до середины VIII в. К исходу этого столетия Мегара предстает уже центром области, судя по данным источников. Ко времени не позднее последней четверти VIII в. относится конфликт Мегары с Коринфом, в котором она потеряла в конечном счете Пирею и Герею. Известно также, что около 730 г. Мегара приняла участие в первых колоннальных

предприятиях греков в Западном Средиземноморье: выходцы из Мегариды основали в Сицилии Мегару Гиблею.

Согласно дорийской традиции, Мегаридой первоначально правили цари. Наследственная царская власть существовала здесь и после синойкизма, как отмечает Р. Легон, но недолго. Она была замещена правлением ежегодно сменявшегося архонта-эпонима, называвшегося базилеем, и ряда выборных коллегий. Поскольку должность архонта-басилея представлена в большинстве мегарских колоний VII в., ясно, что к этому времени наследственной царской власти в Мегариде уже не было. Равным образом нет никаких намеков на существование здесь наследственной царской власти и в сообщениях, относящихся к войне Коринфа с Мегарой. Как и в ряде других греческих городов, архонт-басилей ведал делами, связанными с культурами и праздничными церемониями, но иногда его функции были и шире.

В целом государственное устройство Мегары как полиса в VII в. имело своеобразный характер: собрания граждан решали лишь вопросы, связанные с объявлением войны и мира. Решение же остальных дел было сосредоточено в руках различных коллегий. Основным органом правления была коллегия эсимнетов. Военными делами ведала коллегия пяти стратегов, общественными службами — пять демиургов.

Большое влияние на раннюю консолидацию Мегариды оказала длительная вражда в VIII—VII вв. с Коринфом, который пытался подчинить своему контролю весь Истмийский перешеек. Хотя Мегара потеряла в этом конфликте часть своей территории, ей все же удалось остаться независимой. Борьба шла с переменным успехом, и мегарянам с помощью Аргоса удалось даже вернуть часть утраченной территории в период между 710—680 гг., когда во главе их стоял Орсипп, в юношеском возрасте победивший на 15-й олимпиаде (720 г.). По сообщению Павсания, мегаряне посвятили в Олимпию щит из числа трофеев, добытых в войне с Коринфом.

В VIII—VII вв. выходцы из Мегары основали несколько колоний; это Мегара Гиблея в Сицилии, Византий, Селимбрия, Халкедон и Астак на Геллеспонте, Гераклея Понтийская на южном побережье Черного моря. Мегаряне были в числе пионеров освоения греками Западного Средиземноморья, но, вытесненные отсюда Коринфом, сосредоточили в своих руках часть понтийской торговли посредством основания четырех колоний на Пропонтиде. Существенную роль в этих предприятиях играли дружеские отношения Мегары с Милетом, сферой влияния которого был Понт. Процветавшие мегарские колонии были существенной составной частью экономически и стратегически важного региона Пропонтиды. Обращение мегарян к морской торговле предопределило также дальнейшее развитие экономических связей Мегары с богатыми зерном и минералами городами Пропонтиды и Причерноморья, прежде всего с ее собст-

венными колониями. В свою очередь, эти факторы оказывали большое влияние на внутреннюю историю Мегары.

Несмотря на небольшие размеры обрабатываемой земли, мегаряне поставляли часть своей сельскохозяйственной продукции в Аттику. Важной статьёй вывоза была одежда и прочие изделия из шерсти, производившейся в гористой части Мегариды, где было широко развито овцеводство. Развитие кораблестроения позволило мегарянам занять во второй половине VII в. господствующее положение на море. Экономический рост сопровождался важными социальными переменами: монополия земельной аристократии на политическую власть стала утрачиваться с ростом торгового капитала. Уровень жизни городского населения возрастал на протяжении VII в., вместе с ним росла роль средних и низших слоев в политической жизни Мегары. Этот процесс был ускорен установлением одной из самых ранних в Греции тираний: около 640 г. власть в свои руки взял Феаген, аристократ по рождению, но проводивший демократическую политику. По окончании его правления в Мегариде наступила длительная полоса внутренних неурядиц и анархии.

От монархии к полису

Полису как коллективной по своей сущности форме политической организации предшествовала монархия, которая была в раннеархаическое время основным видом устройства отдельных территориальных сообществ¹⁴. Царская власть засвидетельствована в Афинах, Спарте, Аргосе, Коринфе и других материковых центрах Греции. Царские династии обычно восходили к племенным лидерам миграционной эпохи, возглавлявшим завоевание соответствующей области: подобная традиция отмечается в Спарте, Беотии, Аргосе и других областях. Эта же форма политической организации общества была перенесена в ионийские и эолийские колонии Малой Азии — Милет, Колофон, Эрифры, Самос, Митилену, Киму и т. д., где известны династии Нелеидов, Главкидов, Проклидов, Василидов, Пенфелидов и др., часть которых, согласно традиции (обычно вымышленной), восходила ко временам переселения греков в эти местности (ср. Herod. I, 147)¹⁵.

Существеннейшей чертой политического развития Греции на исходе раннеархаического времени было почти повсеместное падение монархий к началу VII в. В этом процессе много неясного, но обычно мнения сходятся на том, что существо дела заключается в передаче основных функций царя — военной и судебной — другим представителям знати, с оставлением за ним жреческой функции.

На примере Афин падение базилией реконструируется приблизительно следующим образом¹⁶. Здесь царская власть была наследственной в роде Медонтидов. Но в 752 г. (Dion. Hal. AR.

I, 71, 5) был назначен магистрат, именовавшийся пританом или архонтом (Herod. V, 71) и перенявший большую часть прерогатив царя. Магистрат был ограничен определенным сроком (год или, скорее, 10 лет). Командование войском в военное время переходило к назначаемому на год полемарху. В конце концов монархия была вообще ликвидирована, и ежегодные должности оказались открытыми для периодического замещения.

Таким магистратом мог быть и представитель царского рода (Павсаний [IV, 13, 7] приблизительно к 724 г. сообщает об очередном десятилетнем правителе из Медонтидов царе Гипомене [ср. I, 3, 3]), но не исключено, что притана продолжали по традиции именовать и басилеем (ср. у Гесиода коллегию басилеев и на Хиосе), откуда и происходит ошибочное, как у Павсания, причисление магистратов к царскому роду.

Как видно, в падении монархий важнейшую роль сыграл институт *притании*, известный в Милете, Галикарнасе, Кизике, Митилене, на Родосе, Аморгосе, в Афинах, Коринфе, Сиракузах и других центрах¹⁷. Притан, как полагают, — малоазийский термин, обозначающий «владыку»¹⁸; следовательно, адаптация его в греческую среду произошла на ионийской почве. Здесь замещение монархий пританиями носило повсеместный характер (ср. Arist. Pol. V, 4, 5), и, судя по перемещению термина в собственно Грецию, это произошло очень рано (до учреждения притании Бакхиадов в Коринфе в 777 или 747 г.)¹⁹. В руках пританов была сосредоточена большая власть, и в ряде центров в дальнейшем из пританий выросли тирании (Arist. Pol. V, 4, 5). Известные нам примеры с замещением монархий пританиями могут указывать, что функции царя первоначально адаптировались либо целым сословием (как, например, афинскими эвпатридами), либо узурпировались в ограниченной среде, принадлежавшей к тому же царскому роду (как в Коринфе). Переход власти от царя к магистрату происходил различным образом. Царь мог добровольно отказаться от своих прерогатив, или их отнял народ (*ochlos* [Arist. Pol. III, 9, 8]). Местная царская власть ликвидировалась также в результате синойкизма или иноземного завоевания²⁰.

Смысл дальнейшего политического развития состоял в расширении числа магистратур и открытии доступа к ним для всех членов общества.

Материальный уровень и характер общества эпохи возникновения и становления полиса

Выше было показано, что раннегреческое общество, протополис, по VIII в. представляло собой диффузный конгломерат, лишенный четких стратификационных градаций, с простой дуальной оппозицией *esthloi—deiloι*, в которой индивидуумы составляли территориально-гентильное, а не социально-политиче-

ское единство. В VIII—VII вв. во многом сохранялась та же картина, но произошел ряд кардинальных перемен: с ликвидацией монархии, учреждением и расширением магистратур каждое отдельное общество становилось суверенным в целом. Выше (с. 94) мы видели, что эти общества были количественно невелики и насчитывали несколько сот или тысяч человек, что делало происходящие в них процессы в достаточной мере управляемыми. Иначе говоря, поскольку сущность полиса состояла в наиболее возможном удовлетворении потребностей его членов, достижение этой цели в силу малолюдства населения происходило на основе общего согласия, повиновения фиксированным коллективным установлениям (πομοί), пришедшим на смену неопределенному обычному праву (dikē). Например, когда в середине VII в. Феру поразил недород, один из двух братьев в каждой семье общим решением ферян отправлялся в колонию (ML, 5.25—30; Herod. IV, 151 и сл.).

Другой важной чертой описываемого феномена, как неоднократно отмечалось в литературе, была простота общества, что наряду с малолюдством коллективов было фундаментальным условием, определившим повсеместный характер процесса возникновения полиса. Говоря словами Ч. Старра, полис формировался в очень простом обществе, в котором бедные и богатые не слишком отличались друг от друга и чувствовали себя членами одного коллектива²¹. Материковая Греция — страна мелких государств, это лоскутное общество; в примитивных материальных условиях архаической эпохи здесь не было сильного имущественного расслоения. Отдельные случаи имущественного выделения, конечно, имели место, но они не оказывали решающего влияния на характер развития общества, ибо размеры концентрации собственности в архаическое время были невелики. Так, по меркам рубежа VII—VI вв. гетера Родопис обладала значительным состоянием, а полтора века спустя, по меркам времени Геродота, оно уже казалось не таким большим²². Можно привести не один, а полсотни примеров большого состояния (это уже будет просопография богачей архаического времени), но и тогда существо дела не изменится: эпоха была фундаментально бедна, и не случайно Афины, Коринф, Милет, Сиракузы и т. д. применительно к VII в. остаются не более как звучными названиями, лишенными сколько-нибудь значительного урбанистического содержания.

Более чем скромным постройкам соответствует сопутствующий культурный слой. Лишь несколько раннеионийских монеток составляли «сокровище» самого богатого березанца, «Протогена» раннего VI в., зарытое в полу землянки²³. Но это — окраина греческого мира, мелкий островок, и потому приведу другой пример. Богаче Сибариса города, кажется, не было, роскошь сибаритов вошла в поговорку; тем не менее раскопки пусть даже периферийного его квартала VII—VI вв. дали пока лишь одну драгоценную вещь — позолоченную серебряную пектораль.

местного производства²⁴. В архаическую эпоху еще не было создано столько материальных ценностей, чтобы они существенно влияли на общественное устройство; это была эпоха производства и незамедлительного потребления, но не накопления. Часто бывает, купишь состояние, купишь с большим трудом, жалуется Архилох, а потом все возьмешь да и спустишь в лоно проститутки (fg. 142 Bergk)²⁵.

Материковая Греция была бедна в том смысле, что ее естественные ресурсы предоставляли сносный уровень существования примерно миллиону-другому населения, но в силу технически еще невысокой степени овладения этими ресурсами возможности для накопления богатства были ограничены. Иными словами, перед человеком архаической эпохи стоял вопрос не столько о накоплении материальных благ, сколько о прожиточном минимуме: «Всякому своя плата по трудам человеческим сладка — и пастуху, и землепашцу, и птицелову, и кормящемуся от моря — каждый напрягается, сиюсья отвратить мучительный голод от брюха» (Pind. Isthm. I, 47—49). От Гесиода до Пиндара в архаической лирике звучит все тот же оптимистический лозунг «трудись и преуспеешь»: «Каждому приходится своя часть доброго, ибо множество дорог ведет с божьим благословением к процветанию» (Pind. Ol. VIII, 12—14).

Не случайно поэтому общая тема ранней лирики — стремление людей избежать голода и обрести достаток — связывает достижение этой цели с разъездами по земле и морям (Hes. Op. 618 и сл.; Sol. fr. 1, 42—46; Theogn. 179—180). Торговля и колонизация, овладение (экстенсивное и интенсивное) более богатыми естественными ресурсами колонизованных зон Средиземноморья и Понта давали возможность повысить уровень благосостояния. Если применительно к материковой Греции можно говорить об уровне жизни, ориентированном на прожиточный минимум, то в отношении колониальных областей речь уже идет о более высоком жизненном стандарте, предполагающем даже роскошь, правда, по меркам архаического времени, — и это естественно, ибо ради чего, как не из-за стремления к достатку люди покидали насиженные места, семейные очаги и отеческие святыни? Остановимся подробнее на этом обстоятельстве.

Ускоренный экономический и демографический рост колоний был проявившимся на финальной стадии архаической эпохи результатом вовлечения в сферу производства и потребления огромных нетронутых прежде естественных и людских (переселенческих и туземных) ресурсов. Различные источники в числе многонаселенных и процветавших на массовом уровне центров упоминают Колофон — еще до лидийского завоевания при царе Гигесе (около 716—678 гг. [Arist. Pol. IV, 3, 8; Herod. I, 14]), Сирис до конца VII или середины VI в. и Сибарис до 510 г., когда оба эти города были разрушены (Arist. fr. 583, 584 etc.), а также Милет, многочисленность жителей которого явствует

из его усиленной колонизационной деятельности, а массовый экономический расцвет продолжался вплоть до восстания 499—494 гг. (Herod. V, 28; Arist. fr. 557 etc.). Вместе с некоторыми другими центрами это были флагманы экономического развития Греции в VII—VI вв.

К числу процветавших экономических центров страны в период высокой архаики относились также Хиос, Самос, Наксос, Коринф и некоторые другие. Хотя неизвестно, был ли в них высокий жизненный уровень достоянием масс, по аналогии с Колофоном, Старой Смирной, Сибарисом или Сирисом можно предполагать одинаковый характер общественного распределения богатств в ионийских и западногреческих центрах. При этом существенно, что в числе массово процветавших были крупные по численности населения центры (Сибарис), средние (Колофон, Сирис) и мелкие (Старая Смирна).

Массовый характер овладения материальными ценностями явствует как из нарративных, так и археологических источников. Выше уже приводились некоторые высказывания Гесиода о стремлении людей к богатству. Аналогичные мотивы звучат и у других поэтов более поздних времен — Архилоха, Феогнида, Гиппонакта, Пиндара, Бакхилида. Все они, как и Гесиод, определенно высказываются в том смысле, что стремление к достатку является душою смертных людей (Op. 684—686). Беотийскому поэту вторит и Солон: «Каждый спешит отовсюду — один бороздит море на кораблях, рассчитывая вернуться домой с прибылью... другой сезонно батрачит, устраивая подсечную пашню... третий трудами рук своих в делах Афины и многоискусного Гефеста добывает средства к жизни... у людей обусловленного предела богатству нет» (fr. 1, 43—55, 71). Обычно в приведенных стихах видят указание на имущественное расслоение, но в действительности речь идет о другом — о многообразных путях людей к достатку, во избежание голода, о чем прямо говорится в пассаже Феогнида (179—180): «Нужно, о Кири, на земле и широких пространствах моря выискивать избавление от тяжелой бедности».

Замечу при этом, что богатство и бедность у Гесиода, Солонна, Феогнида, Пиндара мыслятся как близкие, взаимосвязанные категории, оба состояния по уровню в общем недалеко отстоят друг от друга. Перс находится в бедственном положении, но если он будет работать, то, по мысли Гесиода, преуспеет. Согласно Солону, изнемогающий под бременем бедности человек рассчитывает любым путем обрести большое состояние (fr. 1, 41—42).

Таким образом, в условиях архаической эпохи, когда каждый человек фактически противостоял один на один превратностям жизни и стихии, а коллектив как гражданское и экономическое сообщество еще только формировался, разница между богатством и бедностью была минимальной. Архаический греческий полис был в принципе обществом равных возможно-

стей; богатые были таковыми не в силу значительной концентрации ценностей, а потому, что рядом с ними в обществе были совсем неимущие. Жизненный уровень архаической эпохи был многим ниже сравнительно с классическим временем, когда роскошь и бедность приобрели полярный, несопоставимый на массовом уровне характер. Богачи были, конечно, и в архаической Греции, но это не более как исключение: имущественная дифференциация на массовом уровне в то время практически еще отсутствовала. Множество факторов способствовало обогащению человека, но не меньшее их число приводило к утрате состояния. Рост общественного продукта был скачкообразным. Например, в развитом Коринфе при Кипселе накопленный за десятилетие валовой общественный продукт составил исходную величину всего богатства коринфской области — иначе говоря, за 10 лет богатство коринфян удвоилось (Ps.-Arist. Оес. II, 2, 1). Еще проще было потерять солидное состояние (ср.: Hippo. fr. 39 Diehl; Sch. Pind. Isth. II, 17, 18a; Alcaei fr. Z 37 P.—L.).

Рассмотрение материального уровня архаического общества завершим данными Дж. Кука, который на протяжении многих лет осуществлял раскопки различных раннеионийских центров. Суммируя их результаты, он пришел к выводу об относительно высоком жизненном уровне населения архаической Ионии в целом²⁶. Дж. Кук указал, что обычная линия развития Греции после «темных веков» — переход власти от царей к немногочисленному слою родовой аристократии и «денежным тузам» — на материале Ионии не прослеживается: здесь в это время не было бедных масс. Города после падения наследственных монархий самоуправлялись гражданами, которые по большей части были зажиточными. Со времени мидийских войн наблюдается рост бедности, но только в V в., с ослаблением ионийской торговли, отчетливо видно различие между богатыми и бедными.

Помимо Ионии массовый характер благосостояния в архаическую эпоху можно констатировать также в Сицилии, Южной Италии, Кирене, т. е. опять-таки в колониальных областях. Здесь основополагающим социально-политическим условием становления полиса была массовая зажиточность населения (при этом не следует упускать из виду отсутствие в данное время значительной разницы между богатым и бедным состоянием). В собственно Греции картина была сложнее в силу меньшего количества естественных ресурсов, большей плотности населения, большей консервативности социально-экономического развития, обусловленного наличием традиционных связей и преград различного свойства.

Таким образом, можно констатировать две разновидности процесса становления полиса: так сказать, материковую и колониальную, разница между которыми состояла в более ускоренном развитии колоний. Заключение же об отсутствии существенной имущественной дифференциации в архаической Гре-

ции, о массовом характере благосостояния в колониальных областях предполагает, что процесс возникновения и дальнейшего становления полиса проходил в основном эволюционно, хотя вследствие общей бедности страны было широкое поле для социально-политических противоречий и столкновений.

Я отнюдь не стремлюсь набросать розовую картину счастливой архаической Аркадии с идиллическими пастухами и пастушками. Люди всегда остаются людьми, всегда находились охотники наживаться, повелевать и грабить. Но в любом человеческом коллективе присутствует свой здравый консенсус, особенно если этот коллектив еще достаточно прост и беден. Конечно, и в бедных и в состоятельных полисах пути развития были и гладкими и ухабистыми, здесь были свои социальные и имущественные противоречия, но архаическая Греция еще только находилась на пути к серьезным социально-политическим конфликтам последующих времен. Глубинную сущность архаической Эллады лучше всего выражает ее расписная керамика — невероятно высокая по своим художественным достоинствам и столь же невероятно низкая по рыночной стоимости²⁷.

Демос и возникновение полиса

В послемиграционную эпоху, т. е. раннеархаическое время, основным условием социально-политической дифференциации общества было разделение индивидуумов на завоевателей или покоренных. Поскольку в миграционную эпоху переселениями была затронута почти вся средняя и южная Греция, раннеархаическое общество по факту завоевания можно в целом характеризовать как структурно дуальное с социальной и политической оппозицией слоя потомков завоевателей и слоя потомков покоренного населения, при стоящем над ними наследственным царском роде. Выше уже приводились примеры сведения коренного местного населения к зависимости от коллектива завоевателей, на которых видно, что оппозиция покоренных носила крайне ужесточенный (илотия) или медиальный характер (институт перизков).

С течением времени в процессе совместной жизнедеятельности в большинстве областей отмеченная выше дифференциация по признаку завоевания постепенно стиралась до относительно нейтральных форм сосуществования. Так, в Сикионе разница между аргосскими завоевателями и местными ионийцами состояла в том, что последние не включались в три обычные дорийские филы. В уложении о навпактских колонистах обособленные группы перкофариев и мисахеев (это, по-видимому, разновидности местного покоренного населения) мыслятся как равноправные локрам (ML, 20.22—28).

Кем бы ни были гесиодовские *deiloí* — потомками местного покоренного населения или рядовых завоевателей (с. 59), из

поэмы явствует, что к VIII в. статус личности определялся уже не по критерию завсевания, а по его принадлежности к общей оппозиции *esthloi—deiloi*. Обычно считается, что в это время в Греции господствовал аристократический строй, но следует признать, что поэма «Труды» рисует такое общество, которое трудно назвать аристократическим. Здесь, как указывалось, не ощущается сильной разницы в положении рядового населения и знати, это сопоставимые уровни. Политически гесиодовские Феспии стоят на уровне ликурговской Спарты, с той лишь разницей, что здесь правители, соответствующие спартанским царям и геронтам, слились в совет басилеев — не самодержцев, а кооптируемых из состава достойных членов полиса магистратов. Гесиод и Перс, как и их отец, были землевладельцами и согласно обычной конструкции «аристократического» строя это предполагало бы, что либо они принадлежали к числу дамухов, либо в дамухскую земельную собственность вклинивались новые землевладельцы. Если Гесиод и Перс действительно были дамухами (отец их в этом случае вернулся из колонии в родовый удел), то тогда оппозиция *esthloi—deiloi* удивительным образом еще более стирается, ибо поэт скорее причисляет себя и брата к последним, нежели к первым. Если же они были новыми землевладельцами, то это свидетельствует о расшатывании аристократического или олигархического (что в данном случае все равно) дамухского землевладения демосом, поскольку в обществах такого типа, как, например, в ликурговской Спарте, право землевладения распространялось на спартиатов по рождению. Оба возможных пути подводят нас к проблеме соотношения аристократии, демоса и олигархии, т. е. к выяснению социальной структуры греческого общества эпохи возникновения и становления полиса.

Аристотель среди форм устройства полиса различал монархию, аристократию, олигархию, демократию и политию (Pol. IV, 5, 9)²⁸. В основу различия между этими формами и соответствующими социальными группами он клал свободу, богатство, благородство происхождения и доблесть (*aretē* [IV, 6, 5]). Критериями аристократии служат все перечисленные признаки (IV, 6, 5), но основной — доблесть; критерий олигархии — богатство, иногда — благородство происхождения; основной же критерий демократии — правление неимущих (IV, 6, 4).

Эти формы полисного устройства и социальные группы, как известно, были выделены в «Политике» на основании анализа большого исторического и современного Аристотелю материала, собранного им в множестве локальных «политий»; но существенно, что он не выстраивает эти формы в хронологической последовательности: аристократия, олигархия, демократия — в отношении архаической эпохи философу было известно, что после падения монархии власть перешла в целом по стране в руки «воителей» (*tōn polemōntōn*), прежде всего всадников (IV, 10, 10). Поскольку военное дело под сильным влиянием гомеров²⁹

ских поэм считается функцией аристократии, то обычно полагают еще с первых руководств по греческим древностям, что с падением монархии власть перешла к знати. Однако у Аристотеля господство воителей в послемонархический период древности определено общим понятием «олигархия» (IV, 10, 11). Различая олигархию и аристократию, философ указывал на близость этих форм в том смысле, что в обоих случаях власть принадлежит немногим (V, 6, 1), хотя критерии у них различны: у аристократии обязательные элементы — *areté* и благородство происхождения, необязательный — богатство, а у олигархии основной элемент — богатство и дополнительный — знатность происхождения. Иначе говоря, Аристотель понимал послемонархический период развития Греции не как сугубо аристократический, а множественный по формам олигархии, т. е. согласно критериям указанных форм власть перешла в руки богатых, но не обязательно, или же в руки благородных, но также не обязательно²⁹. В другом месте он говорит о переходе власти в этот период ко всей массе жителей полиса (*ochlos* [III, 9, 8]).

Судя по данным лириков той эпохи, в реальных условиях небольшого и небогатого общества, каким был по преимуществу раннегреческий полис, не было и не могло быть серьезных различий в социальном статусе отдельных групп индивидуумов. Конечно, в каждом полисе была и своя аристократия по рождению, и свои «денежные тузы», и средние по достатку слои, и беднота; но главным в них было, пожалуй, не столько подобное различие, сколько общее, объединявшее их по принадлежности к своему, особенно коллективу, по сопричастности к своим местным святыням, своей земле, своим родным, близким, знакомым, — словом, ко всему тому, что составляло особый в каждом отдельном случае мир *своего* полиса.

Читатель, прочтя эти и последующие страницы, вправе спросить: а как же согласовать с таким тезисом угнетение человека человеком в досолоновских Афинах? Вопрос правомерен, но я вышесказанным хотел бы подчеркнуть необходимость комплексного подхода к сфере внутривоисных отношений — не только с точки зрения их конфликтности или, наоборот, согласия, а того и другого вместе взятых как противоречивого, но единства. В этом смысле характерны часто встречающиеся в мире архаических эпитафий «обращения» погибших на чужбине к милой земле отечества, а жизнь их там вряд ли была устлана одними розами. Еще характерней звучат слова Каллина (fr. I Diehl) о войнах, сражающихся в межполисных битвах каждый за *свою* землю, детей и супругу.

Каждый полис был особенным миром — достаточно почитать у Павсания многочисленные описания какого-нибудь клочка земли с его одушевленными ручьями, рощами, холмами, местными храмами, героями и легендами. Синкретическое единство — характернейшая черта всяких ранних образований, в том числе и греческого общества эпохи возникновения и становления

полиса. Собственно, одна из основных идей полиса и состояла в единении людской массы, демоса, перед грозной ратью бед, приносимых внешним, стихийным и чаще человеческим миром, начинающимся у границ полиса, что хорошо разъяснил Тиртей (fr. 6 Diehl): ужасная доля лишиться своего полиса и тучных полей, побираться, блуждая с родителями и детьми среди враждебных людей, покрывая позором свой род и претерпевая всяческое бесчестие и беды; если никому нет дела до человека, оказавшегося в таком положении, то будем сражаться за свою землю и детей, не страшась гибели — доброму мужу прекрасно пасть в бою за отчизну. Полис — это инструмент противостояния враждебному внешнему миру, основанный на внутренней интеграции коллектива. Члены полиса сражались плечом к плечу, щитом к щиту в одном строю фаланги со своими близкими и дальними родственниками по филе (Turt. fr. 1, 50—51), бедный и аристократ, середняк и зажиточный, и уже одна такая интеграция по необходимости предполагала их единство как членов одного коллектива — демоса.

Рассмотрим, что представлял собой демос ранних лириков³⁰. Ранний полис был обществом одинаковых в принципе возможностей, хотя и не вполне равных людей. У Гесиода, как мы видели, население полиса составляют демос и *esthloi*, причем путь в число последних открыт всякому члену полиса, ибо признаки принадлежности к ним — *agetē kai kydos* («доблесть и слава») — «приходят с богатством», как не без горечи отмечает поэт. Возможность такого перехода указывает на сопричастность *esthloi* кругу демоса как части целого: они в такой же мере *endēmoi*, свободное население полиса, как и *deiloi*, т. е. знать и рядовое население — составные единого «народа» — демоса, и в поэме нет никаких данных об их различии на социальном уровне.

Демос как полный эквивалент полиса представлен у Тиртея: мужественный юноша — общая слава всему полису и демосу (*polēi te panti te dēmoi* — fr. 9, 15; то же и у Каллина — fr. 1, 16—18). В описании Тиртея спартанское общество трехчленно — цари, геронты и демос (*dēmotas andras* [fr. 3]), но ясно, что здесь спартанская аристократия и плутократия, включая старейшин, социально растворена в числе *dēmotai*, т. е. тиртеевский демос обозначает все гражданство с полными конституционными правами, все они — *homoioi*:³¹ Как справедливо отметил У. Донлан, демос у Тиртея означает всю массу народа, и хотя во фрагменте 3 цари и старейшины отделены от него, это отделение осуществлено на конституционном, а не социальном или классовом уровнях³².

Архаический полис в своем начальном периоде, датируемом временем жизни Каллина и Тиртея, т. е. началом VII в., был, как указывалось, обществом, в котором не было существенных преград для перехода из одного состояния в другое. Знать архаической, так же как и позднейшей, поры чаще всего была

постоянно возникающей фикцией. Эта среда, растворившая в отдельных полисах царскую власть, видимо не без давления демоса в целом, наряду с царскими родами включала частью потомство завоевателей данной области, частью уцелевшую по завоеванию коренную местную знать, частью сформировавшиеся на протяжении архаического времени новые аристократические фамилии. Образцом первых могут служить дамухи в Беотии, первых и вторых — аттические эпатриды (см. ч. I, гл. 1, 3); еще более нагляден пример с Кипселом, который по отцу был коренным туземцем — лапифом, а по матери Лабде — Гераклидом, членом рода Бакхиадов (Herod. V. 92).

В качестве примера фиктивной знати можно привести известные афинские роды итакийского происхождения Колиадов и Буколидов, которые вели свою родословную ни много ни мало, как от Эвмея и Филетия, мифических рабов Одиссея, якобы отпущенных на волю и сделанных гражданами Телемахом (Arist. apud Plut., Mor. 294 c—d). Славные афинские роды VI—V вв. были по большей части такой же фикцией, как и не менее славные сиракузские роды того же времени, происходившие от гаморов, выходцев из крестьян коринфской деревни Тенен (Strabo VIII, 6, 22).

Пример возникновения такого славного рода дает Тиртей (fr. 9, 23—24); погибший за родину будет оплакиваться детьми, внуками и последующими поколениями (γενεα), и его добрая слава тем самым никогда не исчезнет, а будет пребывать бессмертной на земле, т. е. доблестный спартиат своей героической смертью кладет начало славному роду, помнящему о своем далеком предке³³.

Для обозначения аристократизма арханка оперировала моральными по преимуществу категориями — *aristos, esthlos, eugenes, agathos, kalos* и т. д., которые могли стать достоянием любого, достойно проявившего себя в чем-нибудь гражданина. Как выяснил Ю. Герлак, в VII в. слово *agathos* не носило какого-то классового обозначения, у Гомера и даже Архилоха храбрость или красота необязательно преемственны³⁴. Основным признаком того, что мы называем аристократизмом, были доблесть и слава (*aretē* и *kydos*), потенциально общечеловеческие свойства, доступное всякому нравственное или физическое самоусовершенствование: «Кто влечется к доблести (*aretai*) всем пылом, равно тратами и трудами, должно тому принести геройскую молву, независтливую славу...» Всякому воздается по его трудам, но тот, «кто в состязаниях или сражении стяжает блистательную славу (*kydos*), получает высшую пользу и хвалу, прославляемый речами граждан и ксенов» (Pind. Isthm. 1, 41—51).

Таким образом, доблесть может быть уделом всякого, кто проявит себя в спортивных состязаниях или сражениях, достигнет мощи тела и духа. Тиртей обращается ко всем юным спартиатам: будьте мужественны в бою и вы достигнете высот доблести (*aretēs* [fr. 9, 43]). Состарившийся доблестный воин

становится объектом всеобщего почета (*aidōs*) и носителем понятия справедливости (*dikē*, fr. 9, 40) — вот, собственно, откуда кооптировались гесиодовские базили, выносившие свои судебные приговоры (*themistas* — Op. 221) как носители *dikē*. Но если уж базили Гесиода пополнялись из числа всего населения полиса, как спартанские геронты — из числа *kaloik'agathoi* (Arist. Pol. II, 6, 15), надо ли еще что-нибудь добавлять в пользу тезиса об отсутствии существенных социальных различий в гесиодовском обществе и в полисе эпохи его становления? В архаическое время главным признаком достойного человека (*agathos, esthlos* и т. д.) были как знатность происхождения (например, на Крите космы избирались не из всего гражданства, а из определенных родов, геронты же — из числа бывших космов — Arist. Pol. II, 7, 5), так и сугубо индивидуальные качества или заслуги человека, подобного тиртеевскому воину.

Мир полиса, в центре которого стоял каждый отдельный человек, на ранней стадии его развития отразился рядом своих граней в творчестве паросца Архилоха, поэтa второй четверти — середины VII в. Парос небогат, и Архилох завидует прекрасной земле южноиталийского Сируса (fr. 18). Поэт относится к числу знати, однако его аристократизм носит более моральный, нежели социальный характер: *esthlos eōn aretēs te ouch hypolipomenos* — «будучи знатным, я не оставил доблести» (fr. 51, p. IV B. 15)³⁵. Поэтому он считает себя и себе подобных выше рядовых людей: «Эсимид, обращая внимание на порицания демоса, ничего не изведает из многожеланного» (9); но у демоса, как видно отсюда, свои представления на этот счет, и он выговаривает за что-то Эсимиду. Еще один признак аристократизма Архилоха — родовитость, видимо присущая и ему: «Входи, поскольку ты родовит» (*gēnnaios* [195, ср. 65]), — обращается он к посетителю. Но чем менее благородны потомки рядового доблестного спартанца, павшего за родину, могилу которого оплакивают дети, внуки и весь последующий род (*genos*—Tyr. fr. 9, 30)? Они ведь тоже знают счет своим поколениям, они столь же *gēnnaioi*. А в остальном помимо того, что мы называем гонором, наш аристократ такой же, как все паросцы: они — его сограждане (*politai, astoi, dēmos* [52, 88, 85]). Чем они живут, тем и Архилох, — его, к примеру, тревожат мысли о товарах. Материальное положение его неустойчиво: «Рабочий вол есть у меня в хозяйстве» (48), но очевидная беда нагрянула на дом (105), и аристократ нищенствует: «Протягиваю руку и побираюсь» (fr. 130 Bergk). Вообще материально ему, по-видимому, жилось туго: «Часто копишь с большими трудами достаток, копишь — да и спустишь в лоно проститутки» (fr. 142 Bergk).

Много людей на Паросе также бедствовало, и часть их решила отправиться на остров Фасос, чтобы основать там колонию (по Monumentum Parium, надписи около 100 г., их было 1 тыс. человек [см. Archilochus fr. 51, p. IV, A. 23—24], что подтверждается фрагментом 61). Человек архаической поры силь-

но зависел от стихии, внешних обстоятельств, но постоянный труд смягчал эту зависимость. Вся жизнь Архилоха проходила в трудах: бездеятельность — удел старости (50). «У богов все справедливо. Часто они ставят на ноги людей, склонившихся от бед до черной земли. Часто же ниспровергают, даже твердо стоящих людей опрокидывают навзничь, и многие затем случаются беды: блуждает такой, и в пропитании нуждаясь, и разума лишенный» (58). На Фасосе Архилох пускался в различные предприятия, и в одной из стычек с фракийцами ему пришлось бежать, бросив свой щит. Но поэт не горюет: «Снова приобрету себе щит не хуже» (6).

И все-таки поселение на Паросе еще не совсем полис в полном смысле этого понятия. Что позволяет классифицировать архилоховский Парос в качестве полиса? Вроде немного: у Архилоха присутствует лишь формальный признак — слово *politai*, да коллективная акция — основание колонии на Фасосе. Но кроме того, глубинная сущность происшедших на Паросе радикальных изменений рикошетом отражена в ряде фрагментов стихов Архилоха. Так, он обращается к согражданам как к единому целому: «Бесприютные сограждане, выслушайте мои слова» (52). Это, без сомнения, обращение к колонистам на Фасосе, однако они здесь такие же «сограждане», как и паросцы. *Astói* — горожане как совокупность мыслятся и во фрагменте 109. Самое существенное, пожалуй, содержит упоминавшийся уже фр. 9: «Эсимид, обращаешь внимание на порицания демоса, ничего не изведаяшь из многожеланного». Здесь демос, граждане полиса, противопоставлен личности, и он в состоянии предпринять акции, препятствующие стремлениям отдельного индивидуума. Власть демоса, на мой взгляд, и является показателем возникновения полиса.

Лучше всего этот момент пояснить на примере Спарты, где в VIII или VII в. была составлена ретра, устанавливавшая конституционное устройство государства. Она сохранилась в передаче Плутарха (Лус. 6, 2 = Arist. fr. 536): «Воздвигнуть святилище Зевса Скиллания и Афины Скиллании³⁶. Разделяться по филам и обам. Установить герусию из 30 человек с архагетами. Ежегодно созывать собрание между Бабином и Кнакином, там вносить предложения и отводить». Следующая заключительная фраза Плутарха дошла в испорченном виде: *γαμῶν δα ἡγεμονίῃ καὶ κράτος*. ее понимали по-разному, но общий смысл в том, что верховная власть принадлежит демосу (<δ> *ἀμφ*)³⁷. Не вдаваясь в подробности³⁸, отмечу, что данная фраза свидетельствует о конституционном акте возникновения полиса: демос письменно фиксирует свое преимущественное право решать принципиальные моменты деятельности полиса, предоставляя ведение текущих дел коллегии геронтов и царям (архагетам). Власть демоса осуществляется через общие периодические собрания граждан в определенном месте.

В изложении официального рупора, каковым был Тиртей,

этот фундаментальный смысл ретры подавался в несколько искаженном виде: править совету царей, геронтам и демосу (fg. 3), но он более определенно отражает реально существовавшую ситуацию — уделом народа было добиваться конституционных деклараций, провозглашающих его верховную власть, а обязанностью должностной номенклатуры — реально держать власть в своих руках.

Таким образом, с заключения устного соглашения (именно таков смысл слова «ретра») или письменного договора между всеми членами коллектива, регулирующего основные принципы общественного устройства и предусматривающего верховный суверенитет всего сообщества — демоса, и возникает полис. Этот акт не обязательно должен был оформляться в виде письменного документа³⁹: в каждом отдельном сообществе рано или поздно наступал момент, когда демос так или иначе провозглашал свой суверенитет. В одних полисах это влекло за собой ликвидацию царской власти, как в Ионии, в других переход полного суверенитета к демосу осложнялся узурпацией власти олигархией или аристократией, через некоторое время тем не менее ниспровергаемой демосом, как в Коринфе.

С возникновением полиса начал формироваться его организзм. Пути становления полиса были многообразны, и развитие этого процесса лучше всего проследить на примере колонии, поскольку в таком случае нам известна отправная точка возникновения и формирования полиса.

Исследуем конкретный пример становления полиса — архаические Сиракузы.

Социально-политическое развитие архаических Сиракуз

Социально-политическое развитие греческого колониального мира в архаическую эпоху освещено в источниках чрезвычайно скудно, так что исследование этой проблемы может вестись двумя путями — либо посредством сбора сведений по всем городам с подведением общего знаменателя, либо на примере какого-либо наиболее освещенного в источниках центра, что даст живую картину развития полиса на протяжении архаической эпохи. Поскольку для нас существенно выяснение эволюции процесса становления и социального развития архаического общества, рассмотрим социально-политическую историю ранних Сиракуз, наиболее подробно освещенную в источниках сравнительно с прочими колониальными центрами (хотя в абсолютном отношении все же довольно скудно)⁴⁰. При этом следует иметь в виду, что в архаическое время Сиракузы не были безусловным лидером сицилийского греческого мира, как в V—IV вв.: в предшествующие столетия это был город того же ранга, что соседние Леонтины и Гела.

Археологическая картина ранних Сиракуз пока еще скудна, основной материал получен из раскопок городских некрополей⁴¹. Известно, что на островке Ортигия существовало местное поселение, замещенное греческим: колонисты во главе с Архимом обосновались прежде всего здесь (Thuc. VI, 3, 2). Древнейшая керамика на материковой части Сиракуз показывает, что ближайшие к Ортигии прибрежные местности были освоены колонистами очень рано, однако наиболее ранние раскопанные дома относятся уже к VI в. В середине VII в. в Сиракузах, как и в Мегаре Гиблее, было налажено собственное керамическое производство.

Основание Сиракуз может предполагать две формы их государственного устройства: базилией, как в Аргосе, Спарте и т. д., или правление аристократии, как в Коринфе. Рассмотрим прежде всего в этом плане традицию о сиракузском царе Поллисе. Этот царь упоминается рядом лексикографов и антикваров (сведения которых, судя по Поллуксу [6, 16], восходят к Аристотелю, а именно к его «Сиракузской политике» [fr. 585]) в связи с одним и тем же обстоятельством: Поллис ввел в употребление в Сиракузах так называемое «библинское» вино, которое здесь называли его именем.

Историчность известий о царе Поллисе принимали Г. Бузольт, В. Хюттль и ряд других исследователей, но Т. Дж. Данбэбин подверг ее сомнению. Основные его аргументы следующие: 1) Поллис упоминается только в связи с введением нового сорта вина в Сиракузах; 2) по Гиппию Регийскому, он — аргосского происхождения (apud Athen. I, 31b)⁴².

Что касается первого аргумента, то у того же Аристотеля во фрагментах политий встречаются отдельные упоминания о тех или иных царях, не встречавшихся в других известных нам источниках. Так, в связи с введением виноградарства и вином он упоминает самосского царя Анкея (fr. 571, 611.30). В политике золийских кимейцев говорится о царе Телефане, который, воцарившись, стал возделывать кимейскую хору (fr. 611.36). Подобные параллели могут свидетельствовать в пользу органичного именно для аристотелевских политий упоминания о царе-культураторе⁴³ и в какой-то мере подтверждать предположение о том, что Поллукс, упомянувший Аристотеля, но не назвавший его сочинения, имел в виду именно «Сиракузскую политику» последнего. Библинское вино, насажденное Поллисом в Сицилии, вырабатывалось из библосско-фракийского сорта винограда, широко распространенного в Греции (Etym. magn. s. v. *Vyblinos oinos*; St. Byz. s. v. *Vyblinē*). Именно его советует Геснод потягивать на отдыхе в прохладной тени скал потрудившемуся земледельцу (Op. 589). Это свидетельство указывает, что библинский сорт винограда был популярен в архаической Греции и что упоминание имени Поллиса в связи с ним органично именно для раннего времени.

Об аргосском происхождении Поллиса свидетельствует тра-

дия III в., дошедшая до нас под именем Гиппия Регийского (apud. Athen. I, 31b: Pollis ho Argeios). Позднее это указание привело к расщеплению одной личности на два образа: Поллуке (6, 16) в связи с библинским вином приводит уже версию об аргосце Поллисе, его первом создателе, и сиракузском царе Поллисе, введшем его в Сиракузах. В свете высказанного выше мнения об аргосском происхождении основателя Сиракуз Архия это обстоятельство свидетельствует не против, а, наоборот, в пользу историчности Поллиса⁴⁴.

Поскольку источники дружно называют Поллиса царем⁴⁵, можно было бы заключить, что Архий установил в новооснованном городе царскую власть. Была ли, однако, здесь абсолютная монархия, как, например, правление Батта в Кирене, или же она была ограничена аристократическим режимом — иными словами, ориентировалось ли первоначальное государственное устройство Сиракуз на Аргос, где царская власть сначала была абсолютной, а затем существовала с некоторыми ограничениями с раннеархаического времени до классического (ср. Herod. VII, 149), или же его образцом служил Коринф, где, согласно Эфору и Тимею, уже в середине VIII в. эта власть была заменена аристократическим режимом Бакхиадов, наверняка сказать нельзя. Видимо, происхождение Архия из аргосского царского дома лишь поставило его над всеми колонистами, но не более, чем других ойкистов. По В. Хюттлю, первоначально в Сиракузах господствовал аристократический режим, во главе которого стоял базилей⁴⁶. Другой точки зрения придерживался Г. Бузольт, согласно которому царский ранг Поллиса означал, что он стоял во главе олигархии, как, например, в Мегаре, где базилей был эпонимной олигархической должностью⁴⁷.

По всей видимости, первоначальное политическое устройство Сиракуз копировало коринфский образец в том смысле, что Архий был пританом⁴⁸: коринфские Бакхиады, правящий род царского происхождения, насчитывавший более 200 человек, ежегодно избирали из своей среды притана, стоявшего во главе управления Коринфом (Diod VII fr. 9; Paus. II, 4, 4), причем, по разъяснению Диодора, притан рангом был равен царю⁴⁹. Отсюда, надо полагать, и происходит обозначение Поллиса (следовательно, и Архия) «царем». Ранг ойкиста сам по себе означал, что Архий пожизненно стоял во главе Сиракуз⁵⁰. К сожалению, нам совершенно неизвестно, из какой среды избирались последующие за Архием пританы-базилеи. Некоторое указание на это можно видеть в случае с Эпидамном, колонией Керкиры, где, следовательно, мы вправе ожидать наличие близких Сиракузам институтов⁵¹. Здесь, как и на Керкире, а также в другой коринфско-керкирской колонии — Аполлонии, во главе полиса стоял один магистрат — притан; причем, как можно понять указание Аристотеля (Pol. III, 11, 1), должность эта была в Эпидамне пожизненной. Первоначальное же устройство Эпидамна было олигархическим (Arist. Pol. V, 1, 6). Эта парал-

дель, указывая на олигархию как источник кооптации пританов в Сиракузах, подводит нас к проблеме сиракузских гаморов.

Согласно одному из определений Гесихия, *gamoroi: moiran eiléchotes tēs gēs* — «гаморы — это получившие по жребию участки земли» (Гесихий дал общее определение, вытекающее из значения слова)⁵². Гаморы были олигархической группировкой — в начале V в. они противостояли демосу, изгнавшему их в результате поражения, нанесенного им тираном Гелы Гиппократом⁵³. Применительно к этому же времени Диодор сообщает об *archaioi politai* в Сиракузах (XI, 72), т. е. о потомственных насельниках, «изначальных гражданах», что предполагает их политическую обособленность. Эти обстоятельства позволяют предположить, что в архаических Сиракузах имела место система преимущественного выделения первых колонистов и их потомков в олигархическую социальную группировку, пользовавшуюся исключительными политическими правами по сравнению с более поздними переселенцами⁵⁴. Конечно, характер этой олигархии не оставался неизменным на протяжении VII—VI вв., что мы и попытаемся проследить.

Гипотетически эволюцию сословия сиракузских гаморов можно представить следующим образом. Группа первых колонистов, прибывших с Архием, образовала привилегированное сословие обладателей наследственных наделов — гаморов (ср. эпизод с Эфиопом: каждый колонист получил земельный надел). Применительно ко второй половине VIII в. у нас нет твердых оснований говорить о Сиракузах как о полисе: нам неизвестно, образовали ли первые колонисты либо их ближайшие потомки сословие полноправных граждан, или власть в колонии сосредоточилась в руках одного или нескольких аристократических родов, поскольку в сословном отношении группа прибывших с Архием колонистов была неоднородна. Насколько нам известно из источников, эта группа состояла в основном из земледельцев — жителей коринфской деревни Тенеи (Strabo VIII, 6, 22), образовавших, видимо, ядро сословия гаморов и аристократической знати, из числа которой нам известны Гераклиды Архий, один из аркадских Иамидов (Pind. Ol. 6,6) и, возможно, другой представитель клана Бакхиадов — один из древнейших греческих поэтов Эвмел (Clem. Alex. Strom. I, 144).

У Аристотеля есть хронологически им не определенное сообщение об изменении политического устройства Сиракуз в результате распрей на любовной почве между двумя молодыми людьми, занимавшими какие-то должности (*en tais archais onton*) и вовлеченными во вражду между собой правящее сословие (*tous en toi politeumati*)⁵⁵, внутри которого возникли раздоры (Pol. V, 3, 1; Plut. Mor. 825c). По справедливому наблюдению Т. Дж. Данбэбина, во-первых, эти молодые люди имели должности не в качестве магистратов, а как члены правящих аристократических родов; во-вторых, контекст происходящих событий хорошо укладывается в VII в.⁵⁶ Такая хронология

данного эпизода, как указывал Ф. Ф. Соколов, ощутимо согласуется с известием Фукидида об изгнании из Сиракуз рода Милетидов, который принял после этого участие в основании Гимеры Занклой (649/648 г.)⁵⁷. Милетиды были настолько многочисленны, что язык гимерян был смесью ионийско-халкидского и дорийского наречий (Thuc. VI, 5, 1). Падение аристократического режима связывал с изгнанием Милетидов и В. Хюттль⁵⁸. Вряд ли, однако, стоит полагать вместе с ним, что это падение сопровождалось переходом власти в руки гаморов. На мой взгляд, группа гаморов — первых колонистов и их потомков — состояла как из тенейских переселенцев (с прочими рядовыми колонистами), так и аристократии, по коринфскому образцу сосредоточившей управление колонией в своих руках и избравшей из своей среды пританов-басилеев.

С изложенным выше пассажем Аристотеля о перемене политического устройства Сиракуз (в середине VII в.) перекликается рассказанный им другой эпизод, иллюстрирующий ту же мысль об изменении политики в результате случайных обстоятельств, но уже на примере Эпидамна, близкого Сиракузам по своему первоначальному политическому развитию. В Эпидамне такое изменение произошло тоже из-за неурядицы частного свойства — ссоры жениха с отцом невесты, принадлежавшим к городским властям (*genomenos tōn archontōn* [V, 3, 4]). Но если в сиракузском эпизоде речь шла о распрях в стане правящего сословия, то здесь предприимчивый жених привлек на свою сторону *tous ektos tēs politeias* — лиц, пользовавшихся ограниченными гражданскими правами (т. е. не имевших доступа к магистратурам)⁵⁹, которые и изменили политическое устройство в свою пользу. Видимо, аналогичное явление имело место и в Сиракузах, где, согласно «Паросской хронике» (§ 36), около 600 г. власть находилась в руках гаморов. Способ выражения Хроники — *en Syrakousais de tōn gamorōn katechontōn archēn* — не позволяет определенно считать, что речь идет о переходе власти к гаморам между 603/2—596/5 гг., и исследователи обычно отмечали, что это событие может подразумеваться здесь и как происшедшее ранее.

Таким образом, в середине или на исходе VII в., очень вероятно — в связи с упоминавшимися выше распрями в среде правящей аристократии и (или) изгнанием Милетидов, — к власти в Сиракузах пришли гаморы. Содержание переворота, на мой взгляд, заключалось в том, что аристократия лишилась своего преимущественного права на управление городом — круг лиц, пользовавшихся доступом к магистратурам, был распространен на все сословие гаморов⁶⁰. По-видимому, с этого времени и можно говорить о гаморах как о внутренне равном сословии.

Интересно, что в указанном параграфе «Паросской хроники» сообщается о прибытии поэтессы Сафо в Сиракузы. Если учесть, что в Митилене в это время пришла к власти антиарии-

стократическая партия Питтака и знать была изгнана, то прибытие беглянки Сафо в Сиракузы, «когда власть находилась в руках гаморов» (Магтог Рагиум, § 36), указывает на то, что аристократия, во-первых, сохраняла здесь свои позиции (она была лишена только своей исключительности в доступе к должностям) и, во-вторых, являлась составной частью сословия гаморов. Именно поэтому на первых сиракузских монетах, выпущенных со времени около 530 г., когда здесь еще правили гаморы, помещалось изображение квадриги — аристократический по характеру сюжет. Умозрительно упрочение гаморов можно связывать с их экономической стабилизацией в качестве сословия землевладельцев.

В VIII—VII вв. гаморы в массе своей экономически процветали, что видно по материалам сиракузского некрополя, прежде всего Фуско. В это время, на мой взгляд, здесь имела место та же картина, что и в Старой Смирне и ряде других архаических центров — в городе наблюдался высокий уровень жизни населения; собственно, большую часть жителей Сиракуз и составляли землевладельцы — гаморы. К VI в. демографические накопления в городе за счет пришлых греческих и туземных элементов привели к сословному выделению гаморов из возобладавшей численно массы демоса — некрополь VI в. уже более просторен, но и заметно беднее предшествующего. В этом столетии Сиракузы отстали в своем экономическом развитии от Гелы и Леонтин⁶¹.

В пользу предположения о том, что в VIII—VII вв. гаморы составляли преобладающую часть сиракузского населения может свидетельствовать сообщение Диодора (VIII, 11) о некоем Агафокле, посмертно привлеченном к суду гаморов за использование камня, предназначенного для храма Афины, на постройку собственного дома. С раскрытием П. Орси сиракузского Афинеона археологическая датировка этого эпизода может быть помещена в VII — раннем VI в.⁶² По рассмотрении дела Агафокла гаморы постановили конфисковать его имущество. Способ выражения сицилийского историка — *tên ousian auton dêmosian eînai* — свидетельствует независимо от терминологии времени Диодора, что гаморы целиком или частично составляли понятие демоса. Но уже к VI в., с демографическим ростом Сиракуз, гаморы в силу замкнутого характера политического устройства полиса стали олигархией в социальном и политическом планах, противостоящей прочему населению — демосу. К началу V в. это противостояние носило уже антагонистический характер (Diod. X, 28)⁶³, и в результате поражения сиракузян при Гелоре гаморы были изгнаны из города демосом и зависимым населением — киллириями (Herod. VII, 155).

Таким образом, в течение отрезка времени от основания Сиракуз примерно до середины VII в. население колонии состояло из первых колонистов, образовавших сословие гаморов, которое включало как крестьян-переселенцев из Тенеи, так и представи-

телей аристократии. Общей чертой обеих частей сословия было владение «основным» земельным наделом, но доступ к правящей должности притана-басилея имели только наследственные аристократы. В середине VII в. доступ к магистратурам получили члены всего сословия гаморов, которые на протяжении VII—VI вв. с ростом населения Сиракуз стали обособленной привилегированной группировкой (в VIII—частично VII в. они составляли демос, т. е. практически все население города или его большинство), а в начале V в. уже противостоявшей демосу, не обладавшему полнотой прав.

* * *

Изложенные данные показывают, что процесс становления полиса проходил на социально очень простом уровне: установление суверенности коллектива, образование в полисе (но не везде) сословий на конституционном уровне, рост политической активности масс, выработка законодательства, оформление полисных институтов⁶⁴. Этот процесс проходил повсеместно на эволюционной основе, и, хотя ему были свойственны отдельные междоусобицы и крайности тирании, это были не более как издержки становления полиса. Основная линия процесса исторического развития архаической Греции состояла в постепенном формировании политического организма самоуправлявшихся гражданских коллективов и интенсификации их хозяйственной деятельности, заключавшейся главным образом в освоении обширных естественных и людских ресурсов колониального мира и вовлечении их в сферу экономической деятельности собственно Греции. Отсюда — появление монеты как всеобщего эквивалента экономических отношений, возникновение и усиление производственной роли рабства, поляризация ремесла, земледелия и торговли, имущественная дифференциация на уровнях плутократии, среднего достатка и бедности, частичное социальное и политическое размежевание в полисе вплоть до кровавых конфликтов, как, например, на Керкире, возникновение чисто демократических полисов и т. д. Все эти моменты более характерны для следующей — классической эпохи, но истоки их отчасти проявлялись уже на архаической почве.

Рассмотренные материалы показывают, что с VIII—VII вв., с возникновением в стране полисной политической системы и формированием сословий греческое общество типологически стало раннеклассовым.

СВЯЗИ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ
С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

Проблема «Восток и Греция» разрабатывается в науке уже два столетия¹. «Финикийские» и «египетские» пассажи «Одиссея», предания греков о финикийце Кадме в Фивах, финикийке Европе на Крите, египтянине Данае в Аргосе, сведения Геродота о финикийцах в Греции, о происхождении греческой письменности от финикийской породили у исследователей XVIII — первой половины XIX в. представления о тесной взаимосвязи эллинской и ближневосточной цивилизаций. Открытие древностей Месопотамии и Персии экспедицией Карстена Нибура, а египетских и сирийских древностей — военно-научной экспедицией Наполеона 1799—1801 гг. явило европейской науке грандиозный мир древневосточной культуры, которая поразила воображение ученых: *ex oriente lux!* Это впечатление еще больше усилилось в результате поразительных археологических открытий середины XIX в. в Месопотамии.

Но в среде классиков и лингвистов назревала реакция против панориентализма. К. О. Мюллер постулировал в 1825 г. недостоверность мифологем о Кадме, Данае, о Кекропе в Египте и др., чем подрывалось представление о культуртрегерской миссии финикийцев и египтян в Греции². Успехи сравнительного языкознания в первой половине XIX в., констатировавшего принадлежность греческого языка к числу индоевропейских, в немалой степени способствовали противопоставлению последних семитским языкам. Дифференциация языковых семей неизбежно порождала в среде специалистов тенденцию к противопоставлению также и культур индоевропейских и семитских народов.

С середины XIX в. наметился ряд научно-«кастовых», если можно так выразиться, тенденций в интерпретации проблемы «Восток и античный мир». Ориенталисты аргументировали вторичность греческой культуры относительно ближневосточных цивилизаций, прежде всего финикийской и египетской. К ним во многом примыкали историки искусства, выводившие искусство античного мира из древневосточного³. Напротив, филологи-классики и историки, развивая рационалистические положения

К. О. Мюллера о самостоятельном развитии греческого искусства, об инвенционном характере отдельных греческих мифологем, приписывавших культурную миссию ряду легендарных героев восточного происхождения, постепенно склонялись к отрицанию существенной роли Востока в сложении эллинской цивилизации (не без влияния пресловутых арийско-нордических амбиций, распространенных в германской историографии). Например, Юлиус Белох полностью отрицал присутствие финикийцев в Эгеиде⁴, а некоторые авторы статей в «Реальной энциклопедии» реагировали на панориенталистскую символику Г. Ф. Кройцера⁵ не только отрицанием историзма преданий о Кадме и им подобных, но даже отказали в семитском происхождении ряда божеств восточного пантеона⁶. Тот же Юлиус Белох и Хельмут Берве обрушивались с деструктивной, но не очень аргументированной критикой на универсалистские концепции Эдуарда Мейера и авторов «Кембриджской древней истории», подававших историю древнего Востока и Греции в их единстве и взаимовлиянии.

Между тем все более и более накапливавшиеся факты органичной и многообразной взаимосвязи истории архаической Греции и ее материальной культуры с историей и культурой малоазийских и ближневосточных народов противоречили гиперкритике, сводившей этот сложный комплекс вопросов к нескольким заимствованиям греками культурных достижений Востока. В первой четверти XX в. концепция «чистого» развития греческого общества была существенно поколеблена археологией и лингвистикой. Так, Х. Леви и Х. Циммерн обобщили работу по выявлению семитских заимствований в греческом языке: сведенные воедино, эти заимствования обнаружили впечатляющую картину многообразных заимствований греков из культурной сокровищницы Востока⁷. Успехи бурно развивавшейся в XX в. археологии проложили магистральную линию понимания проблемы формирования греческой цивилизации под воздействием Востока — факты материальной культуры показали, что научно объективны не крайние концепции панориентализма или неизменной «чистоты» греческой цивилизации от восточных влияний, но рационалистические тенденции универсального историзма, постулировавшего неразрывную историческую связь и культурное взаимовлияние Востока и Греции. Эти тенденции впервые утвердились в работах по греческой и семитской религии О. Группе, М. Лагранжа, Ш. Пикара, Д. Хогарта, Ф. Польсена, Г. Каро, В. Рэмсея, В. Мюллера и др., а также в ряде публикаций археологического материала и памятников искусства⁸.

В России Б. В. Фармаковский читал в 1907—1908 гг. в Петербургском университете, несмотря на тогдашнее засилье гиперкритицизма в антиковедении, курс «Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока» (литографирован в 1909 г.). На его взгляд, «те оживленные сношения, которые в

древнем мире существовали, обуславливают необходимость трактовать все искусство древности, греческое и восточное, как нечто целое... Греческое архаическое искусство, по моему глубокому убеждению, может быть оценено и понято как следует только в строжайшей связи с искусством всего прочего культурного мира тогдашней эпохи»⁹. В начале I тысячелетия, полагал Б. В. Фармаковский, искусство стран Ближнего Востока приобрело надрегиональный характер и с ним тесно взаимодействовало греческое искусство¹⁰.

Исследования первой четверти текущего столетия вскрыли фундаментальную важность проблемы воздействия ближневосточной цивилизации на сложение архаического греческого общества и его культуры. Так, после работы Ф. Поульсена, в которой были вскрыты художественные связи VIII—VII вв. между Грецией и Востоком, греческое искусство указанных столетий получило название «ориентализирующего» по основным своим особенностям, обусловленным влиянием на него восточных декоративных мотивов. Д. Хогарт, В. Рэмсей, Ш. Пикар показали существенную роль Ионии и ее восточных связей в процессе становления раннегреческой цивилизации. Раскопки греческих центров второй половины II тысячелетия показали, что взаимосвязи Греции и Востока восходят еще глубже — до III тысячелетия. Так данными археологии гиперкритицизм был в основном преодолен, и дальнейшей задачей научных исследований стало выявление конкретной картины взаимодействия Ближнего Востока (речь, разумеется, идет о регионе в современном его понимании) и архаической Греции в различных сферах, путей и условий проникновения реалий одной культуры в другую. При этом решающую роль в новой постановке старой проблемы сыграли археологические исследования ближневосточных центров, вскрывшие массовое присутствие в них микенской, геометрической и расписной греческой керамики, которая дала основание говорить о греческих факториях на Ближнем Востоке, основанных в микенское и архаическое время. Эти фактории были важным передаточным звеном во взаимоотношениях обоих регионов.

Работами большого отряда исследователей вскрыта взаимосвязь ближневосточной и греческой мифологии, религии, науки (Х. Вирт, Х. Тепфнер, Ф. Дорнзайфф, А. Лески, А. Хойбек, Ф. Дирльмайер, С. Гордон, М. Эстур, Г. Кирк, П. Уолкот, В. Буркерт, М. Уэст и др.), искусства и материальной культуры (Л. Вулли, Т. Данбэбин, Р. Барнетт, М. Робертсон, С. Смит, Ж. Дю Плат Тейлор, В. Уэбб, Дж. Боурдмен, П. Амандри, П. Рийс, Дж. Кук, Х. Голдман, Дж. Ханфманн, В. Хельк, Р. Лафине, П. Курбен, Г. Пflug, М. Масс, Г. Хермани, Э. Гьерстад, В. Хайльмайер, Э. Кунце, Хр. Блинкенберг, У. Янтцен, Р. Хиггинс, У. Липманн, В. Карагеоргис, Х. Муххольц и др.); исследованы проблемы исторического и языкового контакта, письменности и быта (Э. Бэрн, С. Маддзарино, С. Москати,

М. Римшнайдер, Т. Брон, Дж. Грэйэм, Л. Джеффри, Э. Массон, О. Семереньи, Б. Амерденже, Б. Фэр, О. Мюррей, Ф. Биссинг, Д. Мале, Э. Марион Смит, К. Рёбак, Р. Кук, О. Массон, А. Бернан, А. Ллойд и др.)¹¹.

В советской историографии проблема ранних греко-ближневосточных связей также изучалась, но лишь последние два-три десятилетия. Так, грекам в Египте посвящены один из разделов монографии К. М. Колобовой об архаическом Родосе, кандидатская диссертация В. Г. Боруховича, а также одна из работ В. М. Строгецкого¹². Греко-египетские лексические связи, отражающие в конечном счете культурное взаимодействие обоих народов, вскрыл П. В. Эрнштедт; данные им египетские этимологии ряда греческих слов включают также лексику гомеровских поэм и ранних лириков¹³. Проблему формирования памфилийского диалекта в условиях контакта с малоазийскими языками исследовал Н. Н. Казанский¹⁴. Материальной культуре Кипра эпохи поздней бронзы — раннего железного века посвящен ряд статей Ю. А. Савельева¹⁵. Расписную керамику Кипра с ее восточными влияниями изучала С. П. Борисковская¹⁶. Истории античного Кипра, в том числе архаического периода, посвящен ряд статей Э. Б. Петровой¹⁷. Общей проблематики взаимоотношений Греции с древним Востоком касался В. Д. Блаватский¹⁸. Контакты микенских греков с Востоком были предметом внимания Т. В. Блаватской¹⁹. Соотношение античного полиса и древневосточного города-государства исследовали А. И. Тюменев, Ю. В. Андреев²⁰. Н. М. Никулина рассмотрела общие условия взаимоотношений древнегреческого и восточного искусства²¹. Вопросами раннегреческой колонизации Восточного Средиземноморья успешно занимается А. Ю. Согомонов²². Отдельные эпизоды культурного взаимодействия Греции и Востока в архаическую эпоху превосходно рассмотрел А. И. Зайцев, греко-финикийские торговые отношения — И. Ш. Шифман²³.

Греки и Ближний Восток в конце II тысячелетия

Во II тысячелетии Греция была культурно-историческим анклавом ближневосточных цивилизаций. Ее материальной культуре и искусству, религии и мифологии, структуре общества и экономической системе был свойствен ряд черт, характерных для ближневосточных государств²⁴. Греки принимали непосредственное участие в политических и военных событиях на Ближнем Востоке, они фигурируют в египетских и хеттских документах второй половины II тысячелетия²⁵. Обильный микенский импорт в Левант позволяет думать о наличии здесь греческих факторий²⁶. При этом важным промежуточным пунктом был Кипр, где в XIV—XIII вв. располагались микенские фактории

в Курионе и Энкоми²⁷. Отсюда товары переправлялись в лежащий напротив на сирийском побережье торговый пункт Минет-эль-Бейда²⁸.

Торговые пути служили одновременно каналом культурного взаимовлияния. Археологически вскрытые материальные связи Греции с Библосом находят подтверждение в заимствовании греками этого названия, ставшего у них обозначением свитка: ханаанское Gubla могло дать греч. *Byblos* не позже конца II тысячелетия²⁹. Тогда же грекам стали известны Тир и Сидон, на что указывает различие в греческой передаче финикийского знака, позднее обозначавшего *sādē* и *tāw*. В микенский язык попал ряд семитских культурных терминов³⁰: *kumino* (греч. *κῦμινον*) «тмин» — от аккад. *kaṣṣīnu*, значение то же; *rogo* (греч. *ῥόγος*), разновидность мрамора — аккад. *pūlu* «известняк»; *sasama* (греч. *σάσαμον*) «сезам» — от аккад. *šamaš-šammi* — то же; *egawo* (греч. *ελαίον*) «масло» — от аккад. *ulu* — то же; *kito* (греч. *κίτων*, *chitōn*, *kithōn*) «хитон», «туника» — от аккад. *kutu* «полотно, холст»; *kupariseya* (греч. *κῦπαρισσόν*) «кипарис» — от аккад. *giragu* (название какого-то дерева); *wodowe* (греч. *ῥόδον* при эолийском *ῥόδον*) «роза» — от аккад. *wurdūnu* — то же; *kuruso* (греч. *χρῦσος*) «золото» — от аккад. *hurāsu* — то же. Эти заимствования отражают прочные и устойчивые по характеру торговые связи микенских греков с семитскими народами сиро-палестинского побережья, прежде всего ханаанцами. Микенцы заимствовали также ханаанское название пурпура (микен. *ropiki*), давшее название страны Финикия³¹.

Греческий импорт на Леванте представлен в основном керамикой микенского III A, B периода (1425—1230 гг., по А. Фурумарку). Он распространен от Киликии на севере до Рафии на юге, причем в основном концентрируется на территории позднейших Палестины, Самарии, Иудеи — от Телль-абу-Хавама на севере до Герара на юге, между морским побережьем и линией Мертвое море — р. Иордан³². Данное обстоятельство существенно для нас тем, что именно в этой зоне южной Палестины осели на рубеже XIII—XII вв. филистимляне, и это ставит вопрос о микенском импорте в Левант в связь с филистимской проблемой. Филистимляне были одним из «народов моря», упоминаемых в египетских источниках XIV—XII вв. В числе «народов моря» были, как полагают, также и греки. «Народы моря» нападали на Египет с рубежа XV—XIV вв. В документах Телль-эль-амарнского архива упоминаются *Lukku*, *Sherden*, *Danuna*, которых идентифицировали соответственно с ликийцами, лидийцами (ср. название их главного города *Sargdeis*), греками-данайцами (*Danaoi*)³³.

Дальнейшие вторжения «народов моря» происходили на протяжении XIV—XII вв. Так, на пятом году правления фараона Меренпта (около 1213—1203) в Египет вторглись *Shekelesh*, *Tursha*, *Sherden*, *Equesh*. Они были отброшены и понесли поте-

ри в живой силе, что зафиксировано в победных надписях фараона³⁴. Упомянутые народы идентифицируются обычно с сикулами, этрусками-тирренами, лидийцами и ахейцами. В надписях пятого года правления Рамзеса III (1184—1153) упоминаются Peleset, Tekker, Meshwesh, Libi, Seped. а на восьмом году правления в страну с моря и с суши вторглись, согласно надписям в Мединет-Абу, Shekelesh, Weshesh, Peleset. Tekker, Depen (в Большом папирусе Харриса вместо Shekelesh упомянуты Sherden)³⁵. Идентификация упомянутых этнонимов и локализация соответствующих народов примерно такова³⁶: Peleset — филистимляне — занимали Палестину; Tekker — гомеровские тевкры — осели на палестинском побережье, где их главным городом был Дор; здесь их застал египетский путешественник Ун-Амун, совершивший плавание в Финикию около 1160 г. Depen — это Dapuna амарнских текстов, жители Киликии.

Движение «народов моря» и дорийцев полностью перекроило политическую и этническую карту Балканского полуострова, Малой Азии и Леванта. Обитавшие на севере Балкан в соседстве с иллирийцами дорийцы и северо-западные греки прошли через среднюю Грецию на Пелопоннес и острова Эгейды, сокрушив в этих областях ахейские государства и вытеснив часть ахейских, эолийских и ионийских греков за пределы страны. Северобалканские иллирийские племена частью устремились на Апеннинский полуостров, а частью перешли в Малую Азию и Восточное Средиземноморье, согласно очень вероятной гипотезе иллирийского происхождения филистимлян, выдвинутой в 1914 г. Якобсоном и развитой затем М. Будимиром, П. Кречмером и Дж. Бонфанте³⁷. Имеются данные, позволяющие полагать, что филистимляне прошли в Палестину через Троаду, Киликию и Кипр³⁸. Передвижение в Анатолию части фрако-дакийцев, иллирийцев и фригийцев с северо-запада и хурритов с юго-востока привело к перекомпоновке ее этнической карты. Тиррены-этруски, кажется, ушли на Апеннины³⁹, а хуррито-лувийское население Киликии переселилось на Кипр и, вероятно, в Палестину (библейские даны? — см. ниже).

Согласно рамзесовским надписям, часть побежденных фараоном «народов моря» была поселена в Палестине, образовав собой щит против вторжения в Египет из Передней Азии. Вероятно, некоторые «народы моря» уже ранее закрепились там, поскольку известно, что свое последнее нападение на Египет они произвели и с моря и с суши. Одна группа филистимлян осела южнее Гера (к юго-востоку от Газы), основная же масса их заняла прибрежные и внутренние области частично разрушенных ими ханаанских городов Аскалон, Ашдод, Экрон, Гат и др. Теккер поселились в Доре, в Шаронской долине. Первоначально разноэтничный конгломерат, филистимляне консолидировались в условиях враждебного окружения ханаанцев и евреев, над которыми они установили свое господство. Археологические данные и косвенные показания письменных па-

мятников дают основание полагать, что в числе этих филистимлян были и микенские греки.

В Палестине пришельцы быстро усвоили местную материальную культуру, о чем свидетельствует их керамика, оружие, изделия из железа, погребальный обряд. Расписная филистимская керамика принадлежала к эгейскому кругу, ее характерная черта — идущий посередине тулова сосуда фриз из метоп, заполненных изображениями птиц, геометрических фигур и т. п. Эта керамика производилась пришельцами в Палестине. Однако имеются также памятники, микенская керамика которых может быть свидетельством проникновения в Палестину вместе с филистимлянами микенских греков — прежде всего в Ашдоде, претерпевшем в XIII в. разрушение, но продолжавшем обживаться ханаанским населением⁴⁰. Слой этого времени не содержит следов ни кипрского, ни микенского импорта. Следующий за ним слой полностью филистимский, причем в отдельных местах раскопок первые группы новой керамики, кажется, могут быть определены в качестве микенской типа III C 1 (1230—1135 гг., по А. Фурумарку), идентичной микенской керамике того же типа, найденной на Кипре. Это означает, полагает К. Кенион, что часть пришельцев могла переселиться сюда непосредственно с Кипра вместе со своей керамикой, произведенной еще на острове.

Микенская керамика указанного типа, как полагают, служила моделью для филистимской гончарной продукции. Помимо Ашдода она известна также в Бет-Шане, на Телль-Сукасе, в ряде других пунктов⁴¹. Правда, в этих случаях в отличие от Ашдода остается неясным, была ли данная керамика принесена филистимлянами или ее импортировало до их прихода местное население.

Связь материальной культуры филистимлян с эгейским миром позволяет полагать, что Ашдод не был исключением. Эта связь проявляется помимо керамики в погребальном обряде. На Телль-Фара открыта группа катакомбных захоронений с дромосом, близких по типу микенским погребальным камерам⁴². Среди их содержимого есть микенская керамика. Остается неясным, насколько этот погребальный обряд характерен для филистимлян, но в любом случае он может свидетельствовать о проникновении сюда греков либо культурно близких им выходцев из Эгеиды. В Ашдоде XII—XI вв. были в ходу печати кипро-минойского стиля. К эгейскому кругу принадлежит и найденная здесь статуэтка сидящей на троне великой богини-матери. На принадлежность филистимлян к эгейскому кругу может указывать и характер их религиозной амфиктионии, отличный от соответствующего института у евреев⁴³.

Сохранившиеся изображения филистимлян показывают, что их вооружение принадлежало к малоазийско-эгейскому типу. По образному выражению А. Олмстеда, филистимляне были вооружены, как греки эпохи Перикла⁴⁴. Эта близость опреде-

ляется тем, что тяжелое гопплитское вооружение сформировалось в Греции на рубеже VIII—VII вв. во многом на основе анатолийско-ближневосточного вооружения.

Библейские данные указывают на происхождение филистимлян с острова Кафтор (Амос, 9, 7; Иеремия, 47, 4)⁴⁵, название которого трудно не идентифицировать с Кефтиу египетских источников, упоминающих его примерно с 2200 г.⁴⁶. Обычно Кафтор-Кефтиу отождествляли с Критом на основании библейских и египетских данных⁴⁷. Земля филистимлян называлась также Керетти (1 Книга царств, 30, 14), что достаточно близко греческому названию острова Kṛētē. В победном гимне Тутмоса III (около 1525—1473) Кефтиу соотносится с Критом и Эгейскими островами: «Я (победа) пришла, побудив тебя поразить западные земли; Кефтиу и Аси (Азия) в ужасе... Я пришла, побудив тебя поразить тех, кто (обитает) на островах в середине Великого зеленого (моря)». Эти и другие данные указывают на идентификацию Кафтор-Кефтиу с Критом и островами Эгеиды, населенными помимо микенских греков пеласгами, а также карийцами и другими народами анатолийского происхождения.

Другая точка зрения отмечает переднеазиатские черты в материальной культуре и языке филистимлян и относит название Кефтиу к юго-восточной Анатолии⁴⁸. Данная точка зрения справедлива в том, что вскрывает восточноанатолийский компонент филистимского конгломерата — это находит соответствие, например, в малоазийском характере нескольких филистимских антропонимов (ššḥr, Nsy, ʔk(t), ʔdn, Pnrt, Buḏbr)⁴⁹. Однако эти факты не опровергают эгейское происхождение филистимлян, как полагают некоторые адепты этой теории, а указывают лишь на полиэтнический характер филистимского конгломерата, вобравшего в себя балканские, эгейские и восточноанатолийские этносы и их культурные традиции.

Все компоненты филистимлян — балканский, эгейский и восточноанатолийский — неизбежно должны были включать элементы греческого этноса. К такому заключению нас подводит историческая обстановка, сложившаяся в Эгеиде, южной и восточной Анатолии, а также на Кипре в результате миграции иллирийцев-протофилистимлян в Эгеиду, хуррито-лувийцев на Кипр, а микенских греков, вытесненных дорийцами и северо-западными греками с юга Балканского полуострова, островов Эгеиды и юго-западной Малой Азии — в юго-восточную Анатолию и на Кипр. У дорийцев, обитавших до миграции в Пелопоннес на севере Балкан, одна из двух основных (первоначальных) фил именовалась Гиллеи, идентично одному из названий иллирийского племени булионов, что дает основание думать о включении иллирийских элементов в греческий дорийский этнос (см. ч. I, гл. 1). В Эпире, часть которого называлась также Palaistē, Palaistinē, иллирийский компонент будущих филистимлян контактировал с северо-западными греческими племенами, также близкими в языковом отношении дорийцам. Эти обстоя-

тельства позволяют предполагать, что в передвижение иллирийцев-протофилистимлян в Восточное Средиземноморье могли быть вовлечены и северогреческие элементы.

Вытесненные дорийцами из Пелопоннеса, ахейцы частью остались в центральной гористой области полуострова — Аркадии, а частью переселились в Памфилию и Киликию, откуда некоторые из них перебалили на Кипр. Об этой миграции свидетельствует единая диалектная принадлежность языка аркадян, памфилийцев и киприотов — аркадо-кипро-памфилийский диалект (сохранившийся до наших времен в виде кипрского диалекта новогреческого языка)⁵⁰. Греческая традиция сохранила различные сведения об этом переселении, в частности в виде предания о Мопсе и его спутниках (известном уже поэту раннего VII в. Каллину [apud Strabo XIV, 4, 3]), которые перешли Тавр и частью осели в Памфилии, а частью рассеялись по Киликии и Сирии до Финикии. Геродоту (VII, 90—91) было известно, что в древности киликийцы назывались гипахейцами (т. е. покоренными ахейцами), а современное ему название — финикийского происхождения (т. е. семитское — ср. ассир. *Nilakku*)⁵¹ и что памфилийцы как племя появились после Троянской войны, киприоты же (как греки) ведут свое происхождение из Саламина, Афин, Аркадии и Кифна, а также из Финикии и Эфиопии (семитский элемент населения острова).

Ярким памятником присутствия ахейских греков на Кипре является надпись на бронзовой пластинке, происходящей из погребения протогеометрического времени (конец XI в.) в Палеопафосе. Выполненная слоговым письмом, эта надпись представляет собой имя *Opheltas* (слоговая форма — *Opeletau*), известное также одной кносской табличке и стоящее в форме родительного падежа с окончанием на *-au*, свойственным именно аркадо-кипрскому диалекту⁵².

В Киликии, Памфилии и на Кипре греки контактировали с хуррито-лувийским населением⁵³. Освоение ахейцами Кипра имело место около 1230—1190 гг. и то ли чуть предшествовало передвижению сюда «народов моря», т. е. хурритов и лувийцев юго-восточной Анатолии около 1190—1150 гг., то ли происходило одновременно и в связи с ним⁵⁴. Наиболее яркие археологические следы переселившихся на Кипр ахейцев открыты в Энкоми⁵⁵.

Упомянутых в числе «народов моря» *Danupa* обычно идентифицируют с греками-данайцами (гомеровские *Danaoi*)⁵⁶. В последнее время, однако, появилась точка зрения, усматривающая в *Danupa* ассимилированных впоследствии евреями предков племени Дан⁵⁷. Не исключено, что названия *Danupa*, Дан Библии, ассирийское название Кипра *Iadapa*, этноним *Dnput* надписей из Кара-тепе в Киликии и название киликийского города *Adanawana* (*Atanija*) составляют одну цепочку в том смысле, что они оставлены одним и тем же малоазийским хуррито-лувийским населением Киликии, которое частью перешло

на Кипр, откуда оно частично переселилось в Палестину, осев здесь вместе с филистимлянами иллирийского происхождения и образовав с ними полиэтнический конгломерат.

Рассмотрим этот вопрос, как и возможное участие в этом процессе греков. *Dapupu* Телль-эль-амарнского архива действительно лучше связываются не с греками микенской поры, а с киликийцами. В письме Абомилки Тирского фараону Аменхотепу III или IV (XIV в.) сообщение о смерти царя Дануна, восшествии на престол его брата и спокойствии в стране дано в контексте с делами сидонскими, угаритскими и хеттскими⁵⁸, что предполагает территориальную близость страны Дануна Тиру. Поскольку ближайшим точно локализуемым тогда (около 1400 г.) микенским центром был Крит, расположенный от Тира вдвое дальше, чем Египет, это дает основание думать, что под Дануна подразумевается то же население и страна, что и *D[п]пупт* ханаанской надписи Киламувы из Зенджирли второй половины IX в. и *Dппупт* финикийских надписей VIII в. из Кара-тепе.

В. Ф. Олбрайт, Р. Дюссо, В. Хельк и другие специалисты считали, что *Dппупт* надписей Кара-тепе идентичны *Dapupa* (*Dпп*) «народов моря», а Х. Т. Боссерт связывал в один комплекс с упомянутыми названиями также гомеровских *Dapaoi* и филистимлян. Э. Ларош убедительно показал, что *Dппупт* надписей Кара-тепе связаны не с гомеровскими данайцами, а с хеттским названием города в Киликии *A-dana-wa* (Адана) или этниконом его жителей *A-dana-wa-na*⁵⁹; А. Гетце уточнил, что *Dapupa*—*Dппупт*—это название Киликии как страны в целом, а Адана (*A-ta-ni-ja*) фигурирует в хеттских документах примерно с 1600 г.⁶⁰.

С упомянутым названием Киликии и ее населения можно поставить в связи ассирийское название Кипра *Iadapana*, *Iadna-na*, встречающееся со времени Саргона II (721—705). В литературе оно также связывалось с греческим этнонимом *Dapaoi*. Так, Д. Лакенбиль производил его от этого этнонима, сложенного с еврейско-египетским словом *i* «остров», а Ф. В. Олбрайт видел в нем композит из двух греческих этнонимов—того же *Dapaoi* и *Ia-цопес* «ионийцы»⁶¹. По поводу первого объяснения можно отметить, что больше оснований связать название не с греческим этнонимом *Dapaoi*, а с топонимом Адана и этниконом ее жителей (см. ниже). Что же касается объяснения В. Ф. Олбрайта, то в таком случае следовало бы ожидать, несмотря на раннюю утрату интервокального сонанта (дигаммы) в ионийско-аттическом диалекте, что *Ia-цопес* > *Ia-ц-*, а не *Ia-*, поскольку ассир. *Iawpāya* «ионец» указывает на присутствие этого сонанта и отражение его в аккадском. Это дает основание сомневаться в связи ассирийского названия Кипра с греческими этнонимами.

М. Эстур (см. Astour, с. 48—51) указал на еще одну возможность интерпретации названия острова по связи с обозначен-

нием Киликии и ее населения — Adana, но колебался в определении значения названия Кипра, связанного то ли с этими аданцами, то ли с греками-данайцами. Действительно, нельзя исключить, что Аххийява локализуется в Киликии, т. е. этноним греков-данайцев мог быть компонентом названия Кипра Iadanana и т. д., но в любом случае мысль М. Эстура о связи названия острова с киликийским (безразлично, греческим этнонимом или хуррито-лувийским обозначением Аданы и ее жителей) названием представляется продуктивной.

Ассирийское название Кипра известно в формах Iadanana, Iadnana, Iadna, [Ad]nana (последняя форма — на Кипрской стеле Саргона II), которые указывают трехчастную структуру топонима: Ia-adana-na, где последнее — хурритский топонимический суффикс (например, Kupa-na). Компонент -adana- идентичен хеттскому и финикийскому названиям Аданы (Adanawa, 'dn), и это может означать, что часть лувийско-хурритского населения Аданы — Киликии переселилась на Кипр. (Ввиду возможной локализации Аххийявы в Киликии не исключено, что второй компонент названия является этнонимом греков-данайцев, так что речь в таком случае должна вестись о переселении их на Кипр.) Что касается первого компонента, то древнее название Кипра — Ia засвидетельствовано в надписях Саргона II, где оно дано в качестве эквивалента названия Ia-ad-na-na (см. ниже)⁶². Когда на Кипре поселились лувийцы и хурриты из Аданы — Киликии, к его древнему названию Ia был прибавлен этникон переселенцев, что и дало Ia-adana-na (опять-таки резервируется возможность того, что речь следует вести и о переселении греков-данайцев).

Таким образом, возникновение названия Кипра Iadanana и т. д. обязано переселению сюда из Киликии то ли хуррито-лувийцев, то ли греков-данайцев. О физической возможности такого переселения можно судить по надписи Суппилулиумаса II (около 1200 г.), в которой хеттский царь сообщает о своей победе в морском бою над аласийцами (киприотами) и завоевании им острова (к сожалению, надпись фрагментирована)⁶³. Археологически в XII в. засвидетельствовано переселение на Кипр как анатолийского компонента «народов моря», так и греков-ахейцев (или данайцев). Это означает, что в любом случае, как бы ни понимать рассмотренное ассирийское название острова, и те и другие соприкасались друг с другом при завоевании Кипра. По-видимому, оба компонента, анатолийский и ахейский, действовали сообща, что усматривается в их совместном, вероятно, нападении на Египет при Рамзесе III (около 1177 г.): в победной надписи фараона на северной стене храма в Мединет-Абу те и другие обозначены как Dnp. В папирусе Харриса аналогичный текст содержит уточнение локализации этих Dnp: «Я разгромил Dnp на их островах». Обычно этот пассаж считался твердым свидетельством связи Dnp (Danuna слоговой записи) с греками Danaoi (Л. А. Стелла и др.). Э. Ла-

рош, признавая основательность этого мнения, связывал тем не менее Дпп с жителями Аданы, полагая, что под островами разумеются мелкие островки Элеуса, Крамбуса и др. у киликийского побережья, служившие в позднейшие времена прибежищем для киликийских пиратов⁶⁴.

Обе идентификации Дпп возможны. Мнение Э. Лароша о том, что под Дп надписи Рамзеса на втором пилона Мединет-Абу, сообщающей о той же победе фараона над «народами моря», подразумевается Киликия — (А)дана и ее жители, тоже основательно — в плане его аргументированного заключения об идентичности 'dp финикийских текстов Кара-тепе хеттскому обозначению Аданы, а Дппут, этникона ее жителей, хеттскому их этнику Adanawana. При этом, однако, упомянутая ссылка Э. Лароша на Элеусу и Крамбусу и др. не лишена искусственности, ибо трудно представить себе поход фараона не на Киликию, а на эти скалистые островки близ киликийского побережья⁶⁵. Эта искусственная идентификация «островов Дпп» устраняется, если принять за них Кипр. Иначе говоря, в 1175 г. нападение на Египет произвели не жители Киликии, а киликийские переселенцы, осевшие на Кипре⁶⁶. Под островными Дпп папируса Харриса одинаково могут подразумеваться и греки-данайцы и восточноанатолийский компонент «народов моря», поскольку и те и другие к 1177 г. уже жили на Кипре.

Как отмечалось выше, Рамзес III поселил разбитых им противников в южной Палестине. Исход части филистимлян с Кипра (может быть, это Дан Библии, как думали Дж. Хаксли и С. Гордон) и объясняет кипрское происхождение части микенского импорта XII в. в филистимские центры, в том числе в Ашдод. Поэтому неожиданное появление в Ашдоде VIII в. царя-грека (см. ч. II, гл. 3) может иметь под собой основанием изначальное присутствие греческого элемента в филистимском населении города. На это присутствие, возможно, указывает и греческая традиция, связывающая героя Мопса с соседним филистимским городом Аскалоном.

Традиция о Мопсе довольно богата, с ним связывались различные события, что уже в раннее время привело к расщеплению образа на две (или более?) ипостаси. Один Мопс считался по происхождению лапифом из Эхалии или Титарона в Фессалии, сыном Ампики или Аполлона и нимфы Хлориды, участником битвы на свадьбе Пейрифоя, Калидонской охоты и похода аргонавтов. Второй считался сыном критянина Ракия или Аполлона и дочери фиванского прорицателя Тиресия, Манто, основателем Кларосского оракула в Колофоне, колоний в Памфилии и Киликии⁶⁷. Связь Манто с Фивами указывает, что генетически оба эти Мопса восходят к одному образу ахейского фессалийско-беотийского героя, ареной деятельности которого были сначала средняя Греция, затем Иония, Памфилия, Киликия и, наконец, Палестина. Он упоминается как Mukšuš и в хеттском документе из богазкёйского архива, кажется, времени Тудхалия-

са III или IV (около 1250—1220), как участник каких-то предприятий лидийского и ахейского царей Маддуваттаса и Атаррисиса, правивших в Западной Анатолии и доставлявших беспокойство хеттскому царю⁶⁸. В финикийских надписях VIII в. из Кара-тепе киликийский династ Азитивада указывает на свое происхождение из «дома Мопса» (bt Mrš). Р. Барнетт и А. Альт идентифицировали Mukšuš и Mrš с Мопсом греческих мифов⁶⁹. И хотя против такой идентификации выступил ряд ученых⁷⁰, она остается вполне вероятной в свете движения ахейцев из Греции в Памфилию, Киликию и на Кипр, о чем шла речь выше⁷¹. Традиция об утверждении ахейцев во главе с Мопсом в Памфилии, Киликии и Сирии возникла не позднее VIII в., поскольку уже Гесиод упоминает, что Мопс погиб в киликийских Солах (apud Strabo XIV, 5, 17). В иеронимовской версии хроники Евсевия появление Мопса в Киликии отнесено к 1184 г.: «В Киликии правил Мопс, который (основал) Мопсикрены и Мопсустию» (р. 60b Helm; это киликийские города, упоминаемые Птолемеем, Аппианом и др., точное время возникновения которых неизвестно).

Уже Каллину, эфесскому поэту раннего VII в., было известно, что спутники Мопса частью осели в Памфилии, а частью рассеялись по Киликии, Сирии и Финикии (apud Strabo XIV, 4, 3). Нет оснований связывать это предание с греческими колонистами VIII—VII вв. в Киликии и Памфилии, а также резидентами греческих факторий в Леванте, поскольку Каллин практически был современником этого колониционного движения и располагал исторически достоверными сведениями. Поэтому в соответствии с греческой традицией, связывавшей Мопса с временами Троянской войны, это известие Каллина относится к миграционной эпохе и дает основания думать, что в числе пришельцев конца XIII—XII в., принесших в Киликию навыки эгейского керамического производства (см. ниже), были и греки, образовавшие верхний слой формировавшегося киликийского государства — «дом Мопса». Свидетельству Каллина о том, что спутники Мопса (т. е. ахейцы) достигли Сирии и Финикии, соответствует сообщение греко-лидийского историка V в. Ксанфа о деяниях Мопса в Аскалоне: «Атаргатис была пленена лидийцем Мопсом и утоплена вместе с ее сыном-рыбой (Ichthys) в заливе (limnei) Аскалона по причине ее надменности; она была съедена рыбами» (fr. 11 Jac.-Athen. VIII, 346d)⁷².

Известие о Мопсе в Аскалоне, по мнению Эд. Мейера и Ф. Якоби, является отражением неизвестной кампании лидийцев в домернадское время против Аскалона; Дж. Хаксли предложил, на мой взгляд, более удачное объяснение, связав его с вторжением филистимлян в Аскалон на рубеже XIII—XII вв.⁷³. И в данном случае можно думать, что ахейцы из Киликии попали в Палестину через Кипр, подобно киликийцам хурритолувийского происхождения. Легендарная традиция помещает тефкров и в Киликии и на Кипре (Isocr. 9, 18; Strabo XIV, 5,

10; 6, 3), что может указывать на путь Теккер в Палестину из Киликии через Кипр. Раскопщики сирийского центра Ибн-Хани, лежащего на побережье напротив Кипра, отмечали, что поселившееся здесь в первой четверти XII в. население употребляло ту же керамику, что и найденная в синхронных слоях Кипра и древнейших слоях филистимских центров⁷⁴.

Таким образом, традиционное представление об участии греков в движении «народов моря» требует некоторой коррекции: речь может идти не об ахейцах юга Балканского полуострова, а лишь о минойских греках Крита и ахейских греках Кипра. Первые выступали в числе Peleset, скорее всего иллирийского по происхождению этноса, вобравшего в свою культуру эгейскую традицию, а в состав воинов, может быть, северо-балканских греков. Ахейские греки Кипра выступали в числе Дпп с лувийско-хурритскими киликийцами, переселившимися на Кипр. Конгломерат этих народов частью поселился в Палестине около 1200 г. (это объясняет, почему последнее нападение 1175 г. на Египет было произведено с моря и суши), а частью поселен здесь Рамзесом III после его окончательной победы над ними. Доля греческого этноса в филистимском койне была небольшой — как отмечалось, лишь применительно к Ашдоду, Ибн-Хани, Сукасу, Бет-Шану и еще нескольким пунктам можно думать о переселении сюда части кипрских ахейцев. Этот незначительный греческий компонент был ассимилирован филистимским иллирийско-хурритско-лувийским конгломератом. Но в историческом плане переселение греков на Ближний Восток вместе с филистимлянами, также носителями эгейской культурной традиции, сыграло значительную роль в быстром возобновлении контактов эгейских греков с Левантом уже спустя примерно два столетия после крушения микенских государств и последующих миграций XII—XI вв.

Когда в X в., по выражению Фукидида, «Греция прочно успокоилась», ее контакты с Ближним Востоком возобновились. В XI—IX вв. на историческую арену выдвинулись финикийцы, колонизовавшие часть Кипра в IX в. и уже с рубежа XI—X вв. начавшие освоение Средиземноморья. Если греки примерно до середины или конца IX в. не появлялись в Леванте (исключая киприотов), то связь Эгеиды с Ближним Востоком осуществляли финикийцы.

Финикийцы и Эгеида в X—IX вв.

В X в. Финикия вступила в полосу расцвета. В ее городах проживали представители разных этносов; отсюда склонность финикийцев к сношениям с различными странами. В X—IX вв. они устремились в Западное Средиземноморье и Эгеиду⁷⁵. Финикийцы освоили Сардинию, Сицилию и прилегающую к ней часть Африканского материка, Иберию, став таким образом

предшественниками греков в освоении Средиземноморья. В Сицилии они основали ряд факторий, торговавших с местным сиккульским населением; найденные здесь керамика и остатки древнейших сооружений имеют аналогии в слоях Мегиддо IX в. По прибытии греков в Сицилию во второй половине VIII в. финикийцы собрались в трех городах на западе острова — Моти, Солоенте и Панорме (Thuc. VI, 2, 6)⁷⁶. На Сардинии они основали Нору и Босу, из которых до нас дошли великолепные памятники финикийской эпиграфики IX в., в том числе норский декрет, вырезанный на стене общественного здания. В Иберии финикийцы освоили долину Гвадалквивира, где найдены изделия из слоновой кости X—IX вв., и основали несколько поселений на побережье.

Основание Карфагена на африканском побережье финикийская традиция, дошедшая до нас через греческих и римских авторов, относит ко времени Троянской войны, а Утики — к XI в. Археологические материалы пока не подтверждают столь раннего их основания, но фиксируют пребывание здесь финикийцев в X в. и позднее. Первоначально тут возникли фактории, одна из которых на островке Саламбо была предшественницей Карфагена, основанного около 825 г.⁷⁷ Финикийское предание об основании Карфагена тирянами связывает это событие и с Кипром, где тиряне захватили около 80 девушек (Just. XVIII, 5, 1—5). Судя по семитскому обычаю предбрачной проституции, легенда подразумевает кипрских финикийцев. Финикийское присутствие на острове документируется древнейшей найденной здесь финикийской надписью IX в.⁷⁸

Менее заметные следы финикийцы оставили в Эгеиде, но только потому, что греки быстро переняли их опыт в ремесленном производстве (торевтика, оружейное дело, ювелирные изделия), мореходстве, торговле, добыче руд, основании факторий и пр. Левантский импорт в Грецию в IX—VIII вв., частью доставленный финикийцами, частью самими греками, обнаружен в различных областях Эгеиды — на Крите, Евбее, Косе, Родосе, Самосе, в Аттике и т. д.⁷⁹ В ряде центров установлено или предполагается присутствие финикийских мастеров. В частности, на Крите, около Кносса, обнаружены следы пребывания финикийских металлургов с конца X в. В одной из толосных могил Ханиале Текке в районе Кносса найдена бронзовая чаша с финикийской надписью, датируемая временем около 900 г. По найденным предметам могила может быть атрибутирована финикийцам⁸⁰.

На основании анализа найденных на Крите вещей сиро-финикийского происхождения Дж. Боурдмен пришел к заключению, что на острове работали левантские ремесленники-металлурги, которые в IX—VIII вв. трудились бок о бок с греческими мастерами и передавали им свой опыт. В Кноссе функционировали мастерская по производству бронзовых щитов и ювелирная фабрика, восточные мастера которых ввели новую

технику и новые материалы. Примерно в течение столетия изделия постепенно утрачивали свой восточный облик и эллицизировались. По мнению Дж. Колдстрима, финикийские ювелиры проживали и в Аттике, где найдено значительное число украшений сиро-финикийского типа. Финикийские мастера работали и в гончарной мастерской Ялиса на Родосе, куда они прибыли около 700 г. и продолжали прибывать много позднее⁸¹.

Эти и другие археологические данные показывают, что имеющиеся в греческой традиции сведения о пребывании финикийцев в Эгеиде заслуживают доверия. Рассмотрим это на примере данных Геродота. Галикарнасский историк сообщает о торговых связях финикийцев с Аргосом, основании ими храма Астарты на острове Кифера, продаже финикийцами рабынь и ладана в Греции, заселении ими острова Феры до прибытия туда дорийцев, пребывании финикийцев в беотийских Фивах, замешивании греками финикийского письма, а также о разработке финикийцами золотых рудников на Фасосе (I, 1—3, 5, 105; II, 54, 56; III, 107; IV, 147, 148; V, 57, 58; VI, 47). В этом перечне нет ничего исторически невероятного. Аргос был одним из крупнейших греческих центров начиная с VIII в. Он участвовал в основании ряда греческих колоний Памфилии, Киликии и Кипра, что указывает на его интересы на Востоке, проявленные уже в VIII в. (см. ч. II, гл. 2)⁸². Эти интересы к восточному сырью и ремесленной продукции делают вполне вероятным появление в Аргосе финикийских контрагентов. В связи с этими сношениями может стоять основание финикийских храма Астарты на острове Кифера, принадлежавшем аргиянам (Herod. I, 82). Согласно Павсанию (III, 23, 1), это самый древний храм Афродиты Урании у греков; он же в согласии с Геродотом указывает, что этот культ был воспринят киферейцами у финикийцев. Действительно, как отметил еще Л. Фарнелл, греческая эпиклеса «Урания» — это буквальный перевод семитского *Méleket Aschamaim* — «царица небес», прозвище Астарты у Иезекииля⁸³.

Финикийское святилище существовало и на Фасосе — его посетил Геродот, как и храм Геракла Фасосского в Тире (II, 44). Найденные на Фасосе ранние сиро-финикийские изделия из слоновой кости подтверждают древность финикийских интересов на этом острове, обладавшем залежами золота, которые и разрабатывались финикийцами, согласно сообщению посетившего их Геродота (VI, 46)⁸⁴. Золотые рудники разрабатывались и на прилегающих к Фасосу местностях Фракии, которые к тому же славилась своим вином, — исмарское вино отсюда упоминает Архилох. В античной традиции библинское вино связывалось и с Фракией (см. выше) и, естественно, с финикийским Библосом (Архестрат у Афиней, I, 29b)⁸⁵. Это противоречие разрешается, если допустить, что финикийцы с Фасоса положили начало культивации библинского сорта винограда здесь и на прилегающих местностях Фракии. Поэтому данный сорт

винограда и вина считался то фракийским, то финикийским по происхождению. Не случайно, Гесиод советует землепашцу потягивать на отдыхе именно библинское вино (Ор. 589): в беотийских Фивах, как утверждает Геродот, некогда поселились финикийцы. И в данном случае мы имеем основание говорить о культивации библинского сорта винограда по меньшей мере в VIII в.

Вопрос о финикийской фактории в Фивах получил новое освещение в связи с находкой здесь изделий из слоновой кости и цилиндрических печатей, 13 из которых с клинописными текстами⁸⁶. Эта находка удревняет присутствие семитских элементов в Фивах до позднемикенского времени. Согласно Геродоту, с фиванским Кадмом греческая традиция связывает и заселение Феры финикийцами, восемь поколений которых успели смениться до прихода на остров греков и минийцев. Данная мифологема, вероятно, отражает связи финикийцев того же позднемикенского времени то ли с островом Фера, то ли с одноименным поселком в Беотии и в целом наименее ясна. Сведения Геродота о финикийской работоторговле в Греции находят соответствие в «Одиссее» (XV, 415 и сл.). О заимствовании греками финикийского алфавита речь пойдет ниже.

Таким образом, переданная Геродотом традиция о присутствии финикийцев в Эгеиде, имевшем торговую направленность, в целом доброкачественна и может быть в той или иной мере подтверждена археологией и письменной традицией. Отражение финикийских торговых интересов тут можно видеть в ряде пассажей гомеровских поэм⁸⁷. Так, в «Илиаде» (XXIII, 741—745) говорится о доставке финикийцами на Лемнос не имеющего равных по красоте серебряного кратера сидонской работы, что может быть сопоставлено с находками бронзовых рельефных чаш позднего IX—середины VIII в. ближневосточного происхождения на афинском Керамике, в Дельфах и Олимпии. В «Одиссее» (XV, 415—416) сообщается о финикийских купцах, привезших всякую всячину (*athyrmata*) для продажи на острове Сирии, под которым обычно понимается кикладский Сирос. Упоминается в «Одиссее» и канат — корабельный линь, сделанный из библосской пеньки (XXI, 390—391). Эти и другие сведения гомеровских поэм не могут быть с точностью датированы, но в целом резонно усматривать в них отражение финикийской талассократии в Средиземноморье X—IX вв.

ГРЕЧЕСКИЕ ФАКТОРИИ И КОЛОНИИ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Возобновление греческого присутствия на Ближнем Востоке в IX—VIII вв.

Стабилизация жизни в Греции в X—IX вв. после катастроф и миграций предшествующего времени повлекла за собой восстановление связей с Левантом, также стабилизировавшимся к X—IX вв. По логике вещей пионерами в этом следует считать финикийцев; вместе с тем никогда не прерывавшиеся у приморских и островных греков традиции судоходства¹ очень скоро сделали этот обмен двусторонним: греки тоже стали посещать левантийские порты. Они, как и финикийцы, доставляли сюда древнейшие греческие керамические изделия середины — второй половины IX в. Находок таких изделий немного, но ареал их распространения широк — от южной Палестины до северной Сирии на побережье и в хинтерланде вплоть до Ниневии. На Телль-abu-Хаваме в южной Палестине в слое III найден черепок среднегеометрического греческого скифоса евбейского или кикладского производства, декорированный полукружиями в пандан. В Мегиддо найдены два черепка такого же изделия кикладского или аттического происхождения (уровни VIa—IVb), а в Самарии — большой кратер IX в. евбейско-кикладского производства. В Сукасе найдены фрагменты аттического кратера и евбейско-кикладской вазы позднего IX в. Стратификация Абу-Хавама и Мегиддо, устанавливаемая в соответствии с соображениями исторического плана, позволяет датировать указанную керамику временем около 850 г.²

Упомянутые евбейско-кикладские скифосы, украшенные идущими в пандан полукружиями, выпускались примерно до середины VIII в., когда началось производство керамики позднегеометрического стиля (около 750—700). Фрагменты изделий развитого и позднего геометрического стиля обнаружены, помимо упомянутых мест, также в палестинских, сирийских и киликийских центрах Аскалон, Тир, Халде, Таббат-аль-Хаммам, Хамат, Ибн-Хани, Телль-Сукас, Рас-эль-Басит, Аль-Мина, Телль-Юдайда, Телль-Тайинат, Телль-Халаф, Тарс, Мерсин, а также в ряде кипрских центров и в Ниневии (см. рис. 3). В Хамате на Оронте, столице арамейского княжества, в могильнике местного населения найдено несколько фрагментов упомянутых скифосов развитого геометрического стиля, а в сирийском святилище — пять черепков аттического среднегеометрического кратера. Хамат разрушили ассирийцы в 720 г. Двамя годами ранее ими была разрушена Самария, откуда происходит помимо упомянутого кикладско-евбейского кратера также фрагмент скифоса из ненарушенного слоя, датируемого временем до 722 г., и не-

Рис. 3. Греческие колонии (показаны квадратом) и фактории (показаны кружком) Восточного Средиземноморья

сколько аналогичных черепков, найденных в нарушенных слоях, но, вероятно, относящихся к предыдущему слою³. Стратиграфия Абу-Хавам, Мегиддо, Самарии и Хамата является эталонной для хронологии греческой геометрической керамики на Леванте.

Единичные находки греческих изделий второй половины IX в. в левантских центрах и сиро-палестинских изделий в Греции (например, бронзовая рельефная чаша в погребении № 42 на афинском Керамике или предметы восточной бижутерии на Евбее) указывают лишь на возобновление контактов между Эгейдой и Ближним Востоком. О торговле как налаженном процессе экономического обмена между двумя регионами можно говорить применительно к концу IX — началу VIII в. В раннем VIII в. отмечаются контакты Аттики с Кипром и Левантом. Примерно $\frac{1}{3}$ найденной здесь среднегеометрической керамики произведена в аттических мастерских, остальные — кикладского и евбейского происхождения. К числу аттических изделий относятся кратер и 12 скифосов из Саламина на Кипре, кратеры из кипрского Амафунта и сирийского Хамата. Остальные изделия могут быть как аттическими, так и кикладскими их подразделениями, либо же евбейскими по происхождению⁴. Это может означать, что торговые пути между Востоком и Эгейдой налаживались с греческой стороны купцы Аттики, Евбеи, Кикладских островов, а с левантской — финикийцы. И если активность Афин на Востоке по какой-то причине прекратилась

после раннего VIII в., то островные греки усиливали здесь свою деятельность.

Древнегреческие фактории в Сирии и Финикии — Аль-Мина, Телль-Сукас

Из числа известных сейчас ближневосточных центров VIII в., в которых обнаружен греческий импорт, в качестве греческих факторий могут быть классифицированы Аль-Мина, Телль-Сукас, а также с меньшей долей вероятности (ввиду не столь хорошей изученности) Рас-эль-Басит, Ибн-Хани в Сирии и Мерсин в Киликии. По-видимому, древнейшей из известных сейчас греческих факторий на Ближнем Востоке была Аль-Мина, основанная около 800 г. или незадолго перед этим (см. ниже). Ее раскапывал в 1936—1939 гг. Леонард Вулли, который дал следующую картину истории памятника⁵.

Аль-Мина расположена при устье р. Оронт в Северной Сирии (теперь это турецкая территория). Собственно поселение, по мнению раскопщика, было впоследствии сметено сменившим русло Оронтом (местоположение синхронного поселению некрополя неизвестно). Раскопана часть древнего порта, существовавшего при поселении. Вулли насчитывал на раскопанном участке десять слоев, которые датировал временем от середины VIII в. до IV в., когда в 301 г. здесь была основана Селевкия. Вулли оговаривается, что не все уровни прослеживаются четко. В древнейших и последующих уровнях, отмечает он, греческая керамика содержится в таких количествах, что есть все основания считать Аль-Мину греческой факторией.

Архитектурные остатки древнейших уровней X—IX невыразительны — ни одна постройка не сохранилась полностью в плане, но они реконструируются по лучше сохранившимся сооружениям следующих периодов. Строительная техника — местная, на всех уровнях она одна и та же: стены выкладывались из кирпичей, сформованных из ила, основания стен каменные. Полы глиняные или из трамбованного ила, в нижних уровнях они положены на галечную выстилку. Несколько помещений образовывали блоки прямоугольной формы, унифицированные по размерам. Вулли считает, что это складские помещения, магазины. Между блоками — пересекающиеся под прямым углом улицы, вымощенные гравием; посередине их устроены дренажные канавы, перекрытые каменными плитами. С улицы в блоки-инсулы вел широкий проход во двор, помещения блоков расположены по обеим сторонам прохода (рис. 4).

По определению Вулли, большое помещение в каждом блоке служило конторой торговца, малые помещения вдоль улицы были лавками, а остальные — товарными складами. Основная масса обслуживающего персонала, полагает раскопщик, проживала в других местах, ибо порт расположен в низменной местности, затоплявшейся при разливе реки (так, сооружения IV

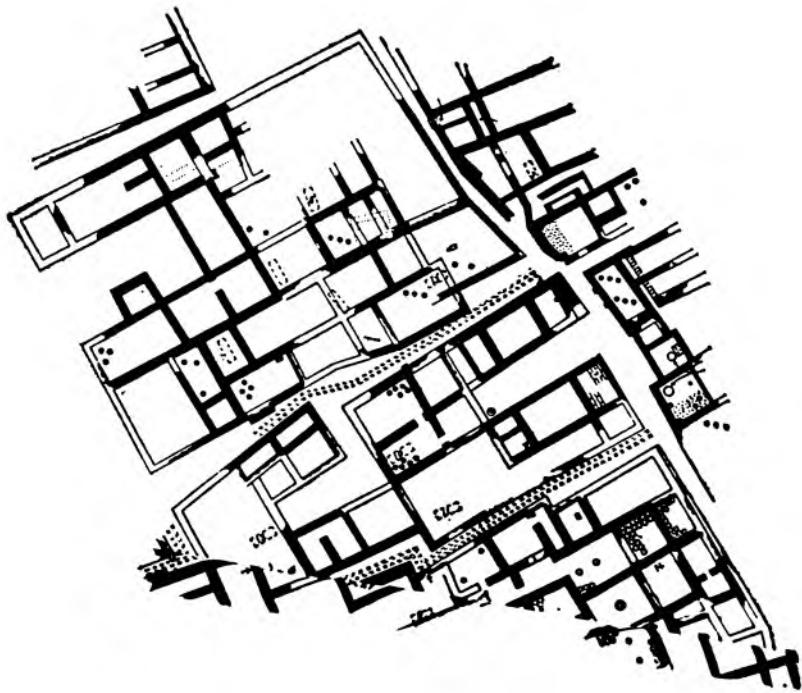

Рис. 4. План Аль-Мины

уровня перекрыты слоем песка и других наносов). Встреченные несколько случаев захоронения людей под полом помещений — исключение из правила: возможно, некоторые торговцы и проживали в своих складских помещениях, предполагает Вулли.

Еще одно подтверждение своей мысли о портовом характере раскопанного участка он видит в том, что в пяти километрах отсюда в глубь от побережья лежит заселенный в XIII—XII вв. холм Сабуни (на нем обнаружены фрагменты микенской керамики); в микенское время, полагает Вулли, на Сабуни жили состоятельные торговцы, конторы же их были расположены в порту, снесенном рекой, как и поселение, современное порту Аль-Мина.

Сооружения VIII уровня, по наблюдению Вулли, возведены на фундаментах зданий предшествующего уровня, но общая планировка совершенно отлична, и порт кажется отстроеным заново. Также и керамика обнаруживает полную перемену — она почти исключительно кипрская. Вулли приводит в этой связи сохраненную византийским хронистом Иоанном Малалой легенду о греческом герое Касе (так называется близлежащая гора), который основал на северосирийском побережье поселение, заселив его критянами и киприотами. Кас женился на до-

чери местного правителя Амике. Вулли полагает, что эта легенда поясняет причины смены восточногреческой керамики кипрской. Однако монополия Кипра была недолгой: судя по керамическим остаткам, продолжает раскопщик, она длилась около четверти столетия; постройки в это время оставались в плохом состоянии и подлежали реконструкции. Уровень VII не обнаруживает существенного перерыва, сооружения его были не чем иным, как новой версией прежних. В составе керамики Вулли отмечает продолжающееся преобладание кипрских изделий, однако вновь появляется островная субгеометрическая и частично родосская керамика, а к концу этого довольно короткого периода наблюдается равное их количество. В соревновании с более совершенной родосской, заключает он, кипрская керамика была вытеснена с рынка. Это поясняется на материалах VI и V уровней.

Помещения VI уровня выстроены на новых основаниях (строения предшествующего, VII уровня пришли в упадок окончательно). Напротив, магазины V уровня — не что иное, как отремонтированные сооружения VI уровня. В последнем все еще имеется определенное количество кипрской керамики, но в V уровне она исчезла, т. е. торговые связи Аль-Мины с Кипром прекратились. Теперь тут представлена высококачественная керамика различных греческих центров. Аль-Мина была только транзитным пунктом товаров, шедших в хинтерланд, заключил Вулли. В слоях VI и V содержится родосская ориентализирующая керамика: в VI — протокоринфская, а в V — чаще встречается коринфская. Есть также монохромная лесбосская керамика, хиосские кубки.

Уровень V, считает Вулли, существовал примерно до 550 г. Затем следует перерыв примерно в 30 лет, от которого сохранился лишь один черепок. Это могло бы означать, что деятельность порта приостановилась вследствие каких-то политических обстоятельств, замечает Вулли, но против такого заключения свидетельствует присутствие греческой керамики на Сабунни, да и повсюду в Северной Сирии, для которой Аль-Мина была естественным каналом поступления импорта из Эгеиды. Скорее следует думать, отмечает он, о нивелировке V уровня при возведении сооружений IV уровня, в результате чего целый слой керамики был удален с поселения.

Перестройка и перепланировка магазинов сопровождалась переменой в номенклатуре импортированных из Греции товаров. Отныне, примерно с 520 г., превалирует афинская керамика. Найдены также кипрские статуэтки, навкратийские скарабеи из глазури, изделия из полихромной «финикийской» пасты, вероятно южносирийского происхождения. Но в керамике наблюдается безраздельное господство аттических изделий, многие из которых могут быть приписаны известным мастерам, хотя, конечно, превалирует массовая, более дешевая продукция. Этот слой Вулли датировал временем около 520—430 гг.

Данная Вулли историческая интерпретация памятника была принята в основных чертах последующими исследователями, которые уточнили абсолютную хронологию и состав керамических групп X—V слоев. Так, М. Робертсон, с которым согласились Дж. Боурдмен, С. Смит и другие, определил перерыв между V и IV уровнями не в 30 лет, как считал Вулли, а примерно в 80 лет, что само по себе удревняло датировку предшествующих слоев⁶. Но в основном исследователи обратились к вопросу о составе керамики и абсолютной хронологии древнейших слоев.

Джон Боурдмен относил уровни X—VII к первому периоду существования фактории, приходящемуся, по его мнению, на время около 850/800—700 гг., слои VI—V второго периода он датировал примерно 700—600 гг.⁷ Сидней Смит относил уровень X ко времени около 800—760 гг., слои IX—VIII — ко времени около 760—680 гг., слои VII—V — около 680—580 гг.⁸ Ж. дю Плат Тейлор на основании хронологии сирийской краснолощенной керамики, найденной в слоях IX—VIII, отнесла последние примерно к 825—720 гг., отметив, что большая часть материала из этих слоев может быть датирована в пределах VIII в., тогда как отдельные немногие черепки не должны быть позднее 800 г.⁹ Полагая, что материал VII уровня неотделим от материала VI слоя, Плат Тейлор датировала слой VII примерно 720—650 гг., а слои VI—V примерно 650—550 гг.

Как видно, названные исследователи сошлись в мнении о необходимости увеличения возраста древнейших уровней примерно на полстолетия сравнительно с хронологией Л. Вулли. Однако в последнее время Э. Гьерстад предпринял попытку апробировать предложенные Вулли датировки этих уровней на основании сравнительных материалов с Кипра¹⁰. Как мы видели, кипрская керамика появляется в VIII слое Аль-Мины. По мнению Гьерстада, она принадлежит к I архаическому типу (около 725/700—600), причем образцов начальной стадии этого типа (около 725—690) здесь нет, за исключением одного маленького кувшина. В VIII уровне представлены также греческая и сиро-палестинская группы керамики. Что касается последней, то Гьерстад возражает против датировки ее Ж. дю Плат Тейлор IX в. Действительно, отмечает он, сиро-палестинские краснолощенные блюда выпускались в IX в., что подтверждается находками в Самарии, Мегиддо, Хазоре, Тель-абу-Хаваме, но они бытовали очень долго: в Самарии — до 722 г., в Мегиддо они зафиксированы в слое III (760—750 гг.), в Атлите они найдены в захоронениях VII в., а в Тарсе несколько таких изделий обнаружено в уровне VII—VI вв.

Что касается греческой керамики, то, по мнению Гьерстада, позднейшие образцы еврейско-кикладской керамики принадлежат первой четверти VII в. Позднейшие образцы субпротогеометрических скифосов (с декорацией из полукружий в пандан, о которых речь шла выше) представлены в VIII уровне Аль-Ми-ны, а керамика субгеометрического стиля выпускалась до кон-

ца VII в. и обнаруживается даже в слоях VI в. Данные хронологии кипрской и греческой керамики, на взгляд шведского исследователя, свидетельствуют, что VIII уровень Аль-Мины не может быть датирован ранее 700 г., он относится ко времени около 690—640 гг., что подтверждается также находкой в этом уровне скарабей XXV династии. Нижняя граница уровней X—IX, по Гьерстаду, определяется, с одной стороны, начальной датой уровня VIII—690 г., а с другой—датировкой евбейско-кикладской геометрической керамики. Начальная дата этой позднегеометрической керамики в точности неопределима, но Гьерстад обратил внимание на то обстоятельство, что субпротогеометрические (=среднегеометрические других классификаций) и позднегеометрические сосуды одинаково представлены в уровнях X—IX—VIII. Отсюда он заключает, что начальная дата IX уровня вряд ли относится ко времени ранее примерно 725 г. Материалы X уровня скудны, и он явно формировался в течение небольшого отрезка времени, что определяет его примерную дату едва ли ранее 750 г. На взгляд Гьерстада, VII уровень относится ко времени около 640—600 г., а уровни VI—V—около 600—570 гг.

Критика Э. Гьерстада в любом случае полезна, поскольку заставляет еще раз пересмотреть имеющиеся данные по вопросу о времени и условиях возникновения греческой фактории в Аль-Мине. Что касается хронологии, то очевидно, что при датировке древнейших слоев памятника шведский исследователь опирался на позднейшие фазы бытования среднегеометрической и позднегеометрической керамики. Даже найденный в VIII уровне скарабей XXV династии (715—664) представляется ему подтверждением датировки уровня не ранее 690—640 гг., хотя он равным образом может указывать на поздний VIII в. как нижнюю хронологическую границу VIII уровня. С другой стороны, предложенная Гьерстадом датировка I типа архаической кипрской керамики альтернативна. Например, В. Карагеоргис датирует ее в пределах VIII в.

Вместе с тем указание Гьерстада на длительность бытования сиро-палестинских краснолощенных блюд и других типов керамики уточняет дату 850/800 г. как возможное время возникновения греческой фактории в Аль-Мине, предложенную Дж. Боурдменом. По мнению последнего, Аль-Мина не была чисто греческим поселением: присутствие местной керамики в древнейших слоях наводит на мысль о том, что греки были приняты туземным населением¹¹. По Боурдмену, эта местная керамика не может относиться ко времени раньше середины IX в., так как найденная вместе с нею греческая керамика датируется временем около 800 г. или немногим ранее. Таким образом, указание Э. Гьерстада на то, что сиро-палестинский материал бытовал длительное время, элиминирует предложение Дж. Боурдмена о возможности отнесения времени возникновения фактории в Аль-Мине к периоду между 850—800 гг. Осталь-

ные исследователи сошлись на том, что фактория была основана около 800 г. или незадолго перед этим (С. Смит, Ж. дю Плат Тейлор, П. Рийс, Дж. Колдстрим, А. Снодграсс, Т. Брон).

По поводу данной Л. Вулли и Э. Гьерстадом датировки основания Аль-Мины примерно 750 г. можно упомянуть также замечание С. Смита, что наиболее благоприятным временем для возникновения греческих факторий на левантийском побережье была первая половина VIII в., когда цари Урарту, потеснив Ассирию, установили свой протекторат над Киликией и Северной Сирией. Владения Урарту не простирались до моря, поэтому временное ослабление Ассирии и нежесткий протекторат Урарту благоприятствовали росту многочисленных мелких княжеств Киликии, Северной Сирии и Палестины, так же как и внедрению в них греков. Этот тезис С. Смита основан на постулате о враждебном отношении ассирийцев к грекам, фигурирующем в литературе. Вместе с тем можно отметить противоположную позицию такого знатока ассирийских древностей, как А. Олмстед, который в ряде глав своего монументального труда «История Ассирии» последовательно проводил тезис о том, что вражды между ассирийцами и греками не было (см. ч. II, гл. 3).

Откуда происходили греки, населявшие факторию в Аль-Мине, показывает состав керамики ее древнейших уровней. Дж. Боурдмен выделил в X—VII уровнях памятника следующие ее группы¹². 1) численно наименьшая, но наиболее характерная керамика того геометрического стиля, который был найден только на Евбее. 2) имитации элегантных по форме котил, производившихся в Коринфе в позднем VIII в. Отличающиеся по глине от собственно коринфских, такие имитации были найдены только на Евбее и в ее западной колонии — Питекуссах. 3) скифосы позднегеометрического стиля, ряд характерных деталей которых указывает не на кикладское, а на евбейское их происхождение. 4) стилистически наиболее ранняя группа керамики (среднегеометрические скифосы того типа, которые были найдены на Телль-абу-Хаваме, в Мегиддо) имеет аналогии в Лefканди, евбейском поселении между Эретрией и Халкидой. 5) группа скифосов позднего VIII в., произведенных греками в Аль-Мине. Изделия этой группы не похожи на импортированные, так как глина их кажется местной, а узоры и цвет обнаруживают кипрское влияние, в то время как техника производства целиком греческая.

Отсюда Дж. Боурдмен заключил, что первыми из греков в Аль-Мину, вероятно, пришли евбейцы, возможно вместе с кикладцами, над которыми евбейская Эретрия имела подобие протектората. Аль-Мина, конечно, не была чисто греческим поселением, считает Боурдмен, присутствие негреческой керамики здесь наводит на мысль о том, что греки были приняты местным населением. В слоях VIII в. негреческая керамика количественно равна греческой. Прочие же находки — негреческого происхождения, ареал их распространения охватывает Кипр, Фини-

кию и Северную Палестину. Боурдмен полагает, что частично первоначальное население Аль-Мины было кипрским, оно производило керамику в кипрском стиле у себя или вывозило ее с Кипра; характерные для такой керамики черты прослеживаются в 5-й (местной) группе изделий Аль-Мины. Существенно, что найденная в прибрежных преимущественно центрах Кипра керамика — та же по составу и пропорциям, что и в синхронных древнейших уровнях Аль-Мины, включает английский исследователь.

Не все специалисты разделяют изложенное мнение Боурдмена о преимущественно евбейском происхождении упомянутых групп керамики. Например, Дж. Колдстрим полагает, что, за исключением фрагмента из Телль-абу-Хавама, евбейский экспорт неразличим до 750 г. (т. е. до VIII уровня Аль-Мины). По его мнению, из числа найденных на Ближнем Востоке древнейших фрагментов греческой керамики примерно $\frac{1}{3}$ составляют аттицизирующие среднегеометрические изделия, остальные (скифосы, украшенные полукружиями в пандан) большей частью происходят с различных островов Кикладского архипелага¹³. То же соотношение этих групп керамики представлено в Аль-Мине. В частности, найденный здесь большой декорированный меандром скифос, полагает Колдстрим, имеет глину глубокого красного тона и золотистые включения слюды, характерные для Наксоса.

Для решения спора между этими двумя выдающимися учеными Британской школы в Афинах Мервин Попхэм привлек химиков, которые проделали лабораторный анализ глиняного теста скифосов, найденных в Аль-Мине. Публикация первых результатов была фактически безрезультатной¹⁴. Однако М. Попхэму удалось убедить Г. Хэтчера и А. М. Полларда продолжить серию анализов, которые в конечном счете показали, что из центральной области Евбеи, где расположены Лефканди, Халкида и Эретрия, происходит глина 19 из 22 исследованных образцов из Аль-Мины, всех четырех с Кипра, двух из восьми с Крита¹⁵.

На основании приведенных данных можно заключить, что возникновение фактории в Аль-Мине было связано с активностью евбейских греков, пришедших сюда около 800 г. С ними связаны уровни X—IX, относящиеся примерно к 800—750 гг. В середине VIII в. (уровень VIII, около 750—710 гг.) факторию захватили в свои руки кипрские греко-финикийские элементы, вытеснившие отсюда эгейских греков. Очень вероятно, что это обстоятельство связано, с одной стороны, с Лелантинской войной, приведшей к упадку Евбеи, а с другой — с возобновлением ассирийской экспансии в Сирию и Киликию в 743 г. — с походами Тиглатпаласара III, в результате которых могли быть установлены дружеские связи Кипра с новым властителем сирийского побережья. Иначе говоря, после ухода евбейцев из Северной Сирии ассирийцы, заинтересованные в левантийской

торговле, предоставили факторию в Аль-Мине греко-финикийским выходцам с Кипра.

Преобладание киприотов в Аль-Мине было, однако, недолгим: по наблюдениям Л. Вулли, VIII уровень охватывал примерно четверть столетия, а в следующем, VII уровне вновь появляется субгеометрическая и родосская керамика, к концу периода сравнившаяся в количественном отношении с кипрской. Состав привозной керамики определенно свидетельствует о местах ее производства. М. Робертсон, Дж. Боурдмен и С. Сидней показали, что греческая керамика VII в. включает протокоринфские арибаллы и кубки, коринфские изделия и их имитации, афинские амфоры, лесбосские сероглиняные изделия, наконец, восточнотрехескую столовую керамику нескольких типов — родосско-ионийские чаши, блюда и ойнохои с геометрическим орнаментом, изображениями птиц и диких козлов, полихромные вазы, хиосские килики.

Как видно, основную роль с рубежа VIII—VII вв. (VII—V уровни, около 710—580 гг.) в Аль-Мине играли выходцы из Ионии и с Родоса (он известен библейской традиции, отражающей еврейско-финикийские географические представления VII в., как Доданим). Коринфскую керамику могли транспортировать на Восток, по справедливой мысли Дж. Боурдмена, эгинеты (хорошо известна их роль в транзитных поставках коринфской керамики в Адриатику)¹⁶. Родосско-ионийскую керамику могли доставлять сюда помимо родосцев и ионийцев также критяне. Упомянутая легенда о Касе, хотя и носит явно народно-этимологический характер (ороним Кас и название долины Амк объясняются как происходящие от имен легендарных ойкиста и местной принцессы), верно указывает в составе заселивших Аль-Мину выходцев с Кипра, что, как отмечал Л. Вулли, соответствует преобладанию кипрской керамики в VIII уровне. Вторым компонентом переселенцев легенда называет критян, и коль первый компонент указан ею правильно, можно думать и о присутствии в Аль-Мине критян. Это предположение соответствует роли Крита как передаточного звена между Востоком и Эгеидой. Библейской традиции VII в. Крит хорошо известен (в противоположность другим греческим областям, исключая Родос и Тарс).

Л. Вулли полагает, что Аль-Мина в древности называлась Посидеон: Геродот (III, 91) упоминает город под этим именем на границе между Киликией и Сирией, приписывая его основание Амфилоху, сыну Амфиарая. Однако П. Курбен и Т. Брон справедливо отметили, что у греков название *Posideion* часто употреблялось применительно к мысам, и в связи с этим указали, что в 24 км к югу от Аль-Мины расположен мыс Рас-эль-Басит, в котором нетрудно распознать древнее его название¹⁷. П. Курбен производил на мысу в 1970-х годах раскопки, которыми было вскрыто поселение, существовавшее с позднего бронзового века. Его история во многом параллельна истории и ма-

териальной культуре Аль-Мины. Кипрский импорт поступает сюда с середины IX в. и остается интенсивным до рубежа VII—VI вв. Значителен и кикладско-евбейский материал VIII в., в конце которого или в VII в. здесь была устроена, по мнению Курбена, греческая фактория. Хорошо представлена в Рас-эль-Басите также протокоринфская и коринфская керамика, родоская посуда и этрусские буккеры¹⁸.

Еще южнее открыто поселение Ибн-Хани, раскапывавшееся французско-сирийской экспедицией в 1975—1977 гг.¹⁹. Оно расположено в 9 км к северо-востоку от Латакии. Здесь существовал дворец позднебронзового века, разрушенный около 1200 г. движением «народов моря». Поселение существовало и на протяжении железного века, особенно активно с VIII по VI в. Обильна кипрская керамика кипрогеометрической I или II группы (X—IX вв.), но по большей части III группы и I кипро-архаической группы. Значителен импорт восточнгреческой керамики, в том числе кубков, украшенных полукружиями в панда, ионийских кубков, восточнгреческих кратеров, диносов VIII—VII вв. Найдены тут также сосуды типа Аль-Мины, отражающие кипрское влияние. Хорошо представлена и местная ханаанская керамика. Значителен греческий импорт VII—начала VI в.—ионийские кубки, коринфские изделия, родоско-ионийская керамика, в том числе стиля «диких козлов» последней трети VII в.

Еще один памятник, содержащий греческий импорт,—Таббат-аль-Хаммам, расположенный к северу от Триполи. Это финикийское поселение, во II и I уровнях которого господствует керамика местных типов, но встречаются также евбейско-кикладские и кипрские изделия около 850—700 гг. П. Рийс не исключает, что и здесь могла быть кипро-греческая фактория²⁰.

Лучше всех исследован Телль-Сукас, находящийся в 72 км к югу от Аль-Мины. Он расположен на побережье южнее Латакии, около Габлы (Габала греко-римского времени). Название Сукас соответствует топониму Шуксу, известному текстам из Рас-Шамры. Раскопки производились датской археологической экспедицией под руководством П. Рийса на средства копенгагенского Фонда Карлсберга, начавшего последовательное изучение проблемы греко-восточных контактов с раскопок на Родосе в 1901—1914 гг., а затем в 1931—1938 гг. в Сирии. П. Рийс принимал активное участие в раскопках сирийского Хамата и издал ряд работ по результатам изучения найденных материалов. В 1958—1963 гг. он вел раскопки на Телль-Сукасе с целью связать результаты предшествующих раскопок на Родосе и в Хамате, поскольку этот прибрежный центр мог служить посредником в контактах греческой и финикийской культур. Основной целью работ было более точное определение хронологии железного века Финикии (1200—500), выяснение форм и характера контактов между Грецией и Ближним Востоком в этот период, а также проверка соответствующей грече-

ской хронологии. В целом П. Рийс дал следующую картину истории поселения²¹.

В позднем бронзовом веке территория Телль-Сукаса граничила с территорией Угарита и ее население контактировало с носителями эгейской культуры, судя по найденным здесь фрагментам микенской керамики. На поселении имеются явные следы разрушений, одно из которых, видимо, было связано с вторжением «народов моря» около 1170 г., другое приходится на IX в. и третье — на первую треть VII в. Последние два разрушения, по мнению Рийса, могут быть поставлены в связь с вторжениями в прибрежные сирийско-палестинские области войск ассирийских царей Салманасара III между 858—844 гг. и Асархаддона в 667 или 671 г.

Поселение представляет собой обычную жилую структуру, состоящую из помещений с печами, очагами и хозяйственными ямами. Было вскрыто четыре комплекса сильно фрагментированных сооружений. Юго-восточный жилой комплекс был сооружен на более высоком, чем остальные дома, уровне, и он напоминает палестинские так называемые «дома знати» (битхилани).

Рийс выделил два периода раннежелезного века Финикии; первый он датирует временем около 1170—850 гг., второй около 850—675 гг. Характер материальной культуры Телль-Сукаса на протяжении обоих периодов целиком сиро-финикийский²². Импорт представлен фрагментами изделий кипрского геометрического стиля (около 950—600 гг.) и греческой геометрической керамикой. В числе ранних греческих вещей имеются фрагмент кикладско-евбейского скифоса, украшенный идущими в пандан полукружиями, край протокоринфского сосуда (около 740—690 гг.), дно протокоринфского круглого сосуда последней трети VIII в., край протокоринфского скифоса (около 700 г.), обломок позднегеометрического кубка типа «Аль-Мина». Рийс отмечает, что возобновление контактов с Грецией приходится на вторую половину VIII в. В это время греки, по-видимому, на Телль-Сукасе не проживали.

В VII в. на поселении отмечается большая строительная деятельность после разрушений, связанных, вероятно, с походом Асархаддона в 667 или 671 г. Новый период характеризуется преобладанием в поселении греков, и Рийс делит его на три фазы: около 675—588, 588—552 и 552—498 гг. В это время здесь существовала греческая фактория. На большей части раскопанных участков имеются свидетельства полного разрыва традиции между сиро-финикийским периодом и периодом существования греческой фактории, насчитывающим три фазы. Однако строительные комплексы I и IV сохранили традиции предшествующего времени. В частности, комплекс IV по-прежнему оставался культовым. Он приобрел вид изолированной прямоугольной платформы небольших размеров с ямой. Характер находок в яме показал, что она имеет отношение к культовым

жертвоприношениям, т. е. платформа с ямой служила в качестве сакральной бемы (возвышения), употребительной в практике древнесемитских культов.

В числе строительных остатков первой фазы был раскрыт также простейший греческий храм с большим алтарем перед его восточным фасадом. Окружающая храм территория была ограничена стеной, имевшей входной проем с западной стороны. Это один из древнейших образцов огороженного греческого тменоса. Храм был очень скромным сооружением, возведенным на низкой террасе. Он был сложен из дикого камня и имел только одну целлу. Позднее храм был перестроен и расширен после разрушений, связанных, как предполагает Рийс, с нашествием фараона Априя в 588 г. В это время он имел три помещения, цоколь был выложен из тесаного камня, а верхние части стен, видимо, покрыты стуком. Как и предшествующий, позднейший храм был покрыт черепицей. В связи с этим Рийс напоминает, что употребление черепичного покрытия не свойственно восточной архитектуре, это эгейская инновация, т. е. храм на Телль-Сукасе был построен греческим архитектором или же местным, находившимся под влиянием эллинской строительной практики. На некоторых фрагментах черепицы нацарапаны граффити по-гречески. В это время постройка, вероятно, приобрела вид храма в антах — были найдены каменные блоки двух дорийских колонн.

На различных участках поселения найден обильный греческий материал. Ориентализирующая керамика VII — раннего VI в. значительно многочисленней геометрической керамики второй половины VIII — раннего VII в.²³ В частности, многочисленны восточногреческие кубки родосского и частично самосского происхождения, относящиеся ко времени от примерно 700 г. до второй половины VI в. Наиболее популярными на архайческом Телль-Сукасе были ионийские килики, часто встречающиеся на некрополе. Могилы представляют собой простые продолговатые ямы в песчаном грунте, донья и стенки которых обмазаны глиной. С середины VI в. появляется афинский импорт, однако в количественном отношении он сильно уступает восточногреческому. В отличие от столовой посуды, замечает Рийс, кухонная принадлежит к местной сиро-финикийской традиции, хотя и с некоторыми исключениями. В частности, одна группа посуды сделана из местной глины, но выполнена в греческих формах и иногда раскрашена орнаментом греческого характера.

Около середины VI в. поселение претерпело еще одно разрушение, возможно, полагает Рийс, связанное с подавлением восстания в Сирии вавилонским царем Набонидом в 553 или 552 г. Последующее время существования Телль-Сукаса, вплоть до рубежа VI—V вв., отмечено упадком, только небольшая его часть обживалась. Остатки сооружений скудны, они в значительной мере уничтожены строительной деятельностью IV в. Продолжало функционировать финикийское святилище. Это бы-

ли последние десятилетия существования греческой общины на Телль-Сукасе, конец которой, считает Рийс, возможно, связан с событиями 498 г., когда восстание ионийских греков против персов потерпело поражение. Финикия вместе с Кипром и Палестиной входила в пятую персидскую сатрапию, и эти страны поддерживали персов. Во время восстания ионийский флот нанес поражение финикийскому у Саламина на Кипре, неподалеку от Телль-Сукаса, и его греческая община вряд ли оставалась в стороне от борьбы своих соплеменников. Антигреческая реакция персов, последовавшая за поражением ионийского восстания в 498 г., видимо, и привела к ликвидации греческой общины Телль-Сукаса.

В целом, заключает Рийс, Телль-Сукас производит впечатление финикийского города с сильным греческим элементом. Он не был настоящей греческой колонией, греки образовали лишь факторию в городе, принадлежавшем сир-финикийскому населению, с которым они сосуществовали. Рийс предполагает, что возникновение здесь греческой фактории было связано с Телль-Сукасом с Кипром, где также наблюдается сосуществование греческих и финикийских элементов.

Последний тезис датского исследователя, на мой взгляд, нуждается в коррекции: найденные в Телль-Сукасе граффити указывают не на кипрское происхождение местных греков, а скорее на родосское²⁴. Из их числа граффити № 4—6 указывают имена владельцев сосудов — греков (вероятно, за исключением имени Мосимос): Гелиос — теофорное имя, значение имени Песакора — «зрелая девица». Жанровая принадлежность остальных граффити неясна. Граффито № 4 написано на дорийском диалекте. Все его особенности (хета, форма еті, о=ου, а=ē), имея в виду родосско-ионийское происхождение бытовавшей на поселении в VII—VI вв. керамики, выдают принадлежность его к числу памятников родосского алфавита²⁵. Сказанное может в равной мере относиться и к граффито № 6. Это позволяет думать о родосском по преимуществу облике фактории на Телль-Сукасе.

В этой связи можно напомнить, что в библейской традиции VII в. Родос фигурирует в качестве центра, связанного торговыми отношениями с прибрежным Тиром (Иезекииль, 27, 15; 20), он известен и в Иудее (Иеремия, 25, 23). Родосский диалект граффити № 4, 6 (а таковыми могут быть и остальные граффити, не содержащие диалектных отличий) предполагает, что в составе греческой общины Телль-Сукаса в VII—VI вв. преобладали родосцы. Это заключение согласуется с данными о родосской колонизации Памфилии и Киликии.

Греческая колонизация Памфилии и Киликии

Сведения о греческой колонизации названных областей предоставляют нам три группы источников: археологические, греческие легендарная и историческая традиции. Археологическое изучение раннего железного века юго-восточной Анатолии проводилось в недостаточной мере; по своему масштабу оно, к сожалению, далеко уступает исследованиям на территории Сирии и Палестины. Небольшие участки были вскрыты в послевоенное время американской и английской экспедициями в Тарсе и Мерсине. Лишь по описаниям сохранившихся наземных памятников нам известны такие греческие колонии, как Солы, Малл, Нагид, Келендерида. Из числа киликийских центров ранняя греческая керамика найдена в Тарсе, Мерсине, Казанлы, на Кара-тепе, в Мисисе, Сиркели около Аданы, в Танук-кале (к западу от Сол), в сопредельном Киликии Зенджирли. Эти находки в основном носят случайный характер, и мы не располагаем систематическими данными о древнейших слоях греческих колоний Памфилии и Киликии. Неисследованными остались, в частности, слои архаической Сиде, раскапывавшейся Анкарским университетом с 1947 по 1966 г. Изучение греческих центров Киликии и Памфилии VIII—VII вв.— настоятельная задача будущего. Пока же мы вынуждены ограничиваться скудными данными по Тарсу и Мерсину.

Согласно письменным источникам, в миграционную эпоху и в период Великой греческой колонизации в Памфилии греками были основаны колонии Фаселида, Сиде, Перга, Аспенд (рядом, в Писидии — Силлий), в горной Киликии — Нагид, Келендерида, Афродисий, Гольмы, на равнинной Киликии — Тарс, Анхиал, Солы, Малл. Основание большей части названных колоний связывается традицией с Аргосом и родосским Линдом, которые действовали сообща, поскольку Арголида была метрополией Родоса (см., к примеру: *Polub.* XXI, 24, 11). Аргос участвовал в основании Фаселиды и Аспенды в Памфилии, Тарса, Малла и Сол в Киликии, причем Фаселида, Солы и, возможно, Тарс были основаны вместе с линдийцами (*Mela I*, 13—14; *Strabo XIV*, 4, 2; 5, 11). Еще две колонии здесь — Нагид и Келендерида — основали самосцы и одну, Сиде, — выходцы из эолийской Кимы.

Рассмотрим время основания названных колоний Памфилии и Киликии, а также традицию об их метрополиях (см. рис. 3). Начнем с памфилийских городов Фаселида, Сиде, Перга, Аспенд.

Согласно легендарной традиции, Фаселида была основана Мопсом (*Mela I*, 14), а по «Линдийской хронике» — линдийцем Лакием. Время основания города определяется по синхронизации с возникновением сицилийской Гелы. По Аристенегу, основатель Фаселиды Лакий и ойкист Гелы Антифем были братьями. Они явились в Дельфы за прорицанием, и Пифия повелела Лакию плыть к восходу солнца, а «смеявшемуся» Антифему — к

закату (народно-этимологическое производство названия Гела от греч. *gelāp* — «смеяться») ²⁶. Филостефан же сообщает, что братья были линдийцами. С Лакием для основания Фаселиды отправились аргосцы во главе с Мопсом. Синхронизация Лакия с Антифемом, ойкистом основанной в 690 г. Гелы, позволяет датировать основание Фаселиды началом VII в. ²⁷. Это была, стало быть, совместная колония Линда и Аргоса.

Сиде была колонией кимейских эолийцев (Strabo XIV, 4, 2), основанной в VII или VI в. Согласно местному преданию, кимейские колонисты быстро утратили родной язык и стали пользоваться каким-то местным языком, отличным от языка окружающих варваров (Αγγιανί Απαθ. I, 26, 4). Сообщение Арриана о разности туземных языков (оно восходит к писателям времени Александра Великого) следует понимать в том смысле, что в VII—VI вв. данная местность была заселена одним туземным этносом, а в IV—III вв. — другим. Таким образом, город Сиде был смешанным греко-варварским поселением. Эолийских колонистов, видимо, было немного, что и привело к ассимиляции их местной средой. От языка этого смешанного греко-малоазийского населения до нас дошли пять небольших надписей греческим алфавитом (две из которых включают и греческий текст), а также легенды на местных монетах V—IV вв. ²⁸. Язык этот близок к ликийскому и в меньшей степени — лидийскому. Имя своего ойкиста сидейцы забыли и вместо него придумали некую Сиде, дочь Тавра, жену Кимола. Может быть, ойкиста у Сиде и не было вовсе, т. е. эолийцы пришли в туземный город на правах резидентов фактории. Сохраненную Евсевием дату основания города — 1405 г. (Euseb.—Hier. p. 49b Helm) не следует считать малодостоверной, поскольку надо учитывать возможность локализации в Памфилии и Киликии греческого царства XV—XIII вв. Аххийявы (см. ч. II, гл. 1) ²⁹.

В Перге у городских ворот раскрыт любопытный памятник, выстроенный между 119—122 гг. н. э. семьей Планциев, который включал статуи 12 богов-покровителей города и статуи его основателей с надписями на постаментах. В числе основателей города фигурируют аргосец Калхант, дельфиец Мопс, афинянин Рикс, сын Пандиона, Миний из Орхомена, лапиф Леонтий, Махаон и некий Лабос ³⁰. Это пример расцветивания исторической традиции локальными амбициями, но показательно, что все ойкисты, исключая афинянина Рикса и Лабоса, чье имя малоазийское, связаны с традицией об ахейском происхождении памфилийцев ³¹.

Основание Аспенда приписывается аргосцам (Mela I, 14), а легендарной традицией — и Мопсу. Ранние монеты города имеют легенду *Estweddiiys*, что Х. Боссерт интерпретировал как эквивалент имени владетеля Кара-тепе *Asitiwada* ³². Это дает основание думать, что Аспенд был основан в VIII в. Азитивадой, который, как говорилось выше, принадлежал к «дому Мопса», по причине чего и возникла традиция, приписывавшая основа-

ние города Мопсу. Данный пример показывает, сколь достоверны порой сведения легендарной традиции об основаниях городов и их ойкистах, обычно непонятные нам вследствие недостатка информации.

Колонии горной Киликии Нагид и Келендериды были основаны ионийским Самосом (Mela I, 13). Согласно Гекатею (fr. 266 Jас.), Нагид основал некий соименный правитель. Вопреки И. Зундвалю Нагид — не малоазийское имя, а греческое (от *passēin* [основа на *g*] — «уплотнять, утаптывать, стлать»). В Келендериде найдены монеты V в. По словам Мелы, Келендериды до прихода ионийцев существовала как поселение, основанное Сарпедоном, царствовавшим в Киликии. (Сарпедон — ликийский царь, но в древности Киликией иногда именовали и Памфилию.) Это сообщение, вероятно, следует понимать в качестве указания на то, что греки заняли поселение киликийцев, как это было в случае с Аспендом и Сиде. Аполлодор (Bibl. III, 14, 3) приписывал основание Келендериды сирийцу Сандоку, мифическому сыну Астиноя, внуку Фазтона. И хотя более ранняя традиция подтверждает основание Келендериды самосцами (Скимн Хиосский), известие Аполлодора может быть понято в качестве свидетельства пребывания тут северо-западных семитов в конце II тысячелетия ввиду имеющихся топонимических данных, указывающих на присутствие их в Киликии задолго до колонизации этой области греками³³. Ф. Билабель относит основание Нагида и Келендериды Самосом ко времени Саргона II (721—705)³⁴.

В горной Киликии известны еще два греческих города — Афродисий и Гольмы. От первого дошли монеты VI в., битые по эгинской системе, второй упоминается Скилаком Кариандским (v. 102). От Страбона известно также, что с основанием близлежащей Селевкии жители Гольм перешли туда (Strabo XIV, 5, 4).

Перейдем к городам равнинной Киликии. Основание тамошних городов Мопсуестии и Мопсукрене поздняя традиция связывала с Мопсом (впервые — Теопомп, fr. 103 Jас.), но точное время их возникновения, как отмечалось выше, неизвестно³⁵. Остальные города — Тарс, Анхиал, Солы, Малл, возникновение которых традиция связывала с Мопсом и Амфилохом, действительно древние, хотя археологические показания имеются лишь для первых двух.

Солы были основаны родосцами из Линды и аргосцами (Poulyb. XXI, 24, 11; Mela I, 13; Strabo XIV, 5, 8). Одна легендарная традиция, переданная Страбоном, связывала основание Сол с ахейцами, прибывшими во главе с Амфилохом (Strabo XIV, 5, 8; 17). Однако, поскольку Амфилох — аргосский герой, упоминание Страбоном ахейцев, ввиду того что имеется прямое свидетельство Полибия и Мелы об аргосцах, явно ошибочно (скорее всего, это порча текста). Таким образом, греческая традиция связывала основание Сол с Аргосом и Линдом. Пред-

ставление об основании Сол афинянином Солоном (Suida, s. v. Solōn) неисторично и вызвано сходством имен.

Сйкистом Сол, судя по всему, был некий Амфилох, упоминаемый в «Линдийской хронике». В этой хронике упоминаются военные трофеи, добытые родосцами у малоазийцев и посвященные храму Афины Линдии на Родосе. Так, шлем и серпы, вооружение туземцев, были посвящены родосскими колонистами — фаселитами во главе с ойкистом Лакием — с добычи, захваченной у ликийцев-солимов (§ 24 Blinkenberg). Солейцы посвятили богине фиалу с золотым горгонейоном, на которой было написано: «Солейцы десятину Афине Линдии и отборную добычу, которую они взяли вместе с Амфилохом у метаблиреян и сп[е.]ян» (§ 33). Этот Амфилох мог быть или ойкистом Сол, или вождем их в более позднее время, подобно Клеобулу, родосскому тирану, который вел в VI в. войну с ликийцами и войны которого посвятили восемь щитов и золотой венок Афине Линдии (§ 23).

Правда, подобные сведения «Линдийской хроники» отчасти носят инвенционный характер. В начале хроники, например, сообщается о приношениях в храм, сделанных Глеполомом, Ресом, Кадмом, Телефом, Миносом, имевших место согласно разысканиям родосских историков эллинистического времени. Соответственно и представление о Лакии как ойкисте фаселитов может считаться плодом измышления родосских историков, скопировавших в данном случае предание об основании Колофона Мопсом, сыном критянина Ракия, поскольку Лакий — то же имя, что и Ракий: в критском диалекте сосуществовали формы исходного апеллятива с обоими начальными плавными³⁶. Отсюда еще К. О. Мюллер, а недавно и Ф. Принц делали вывод об измышленном характере традиции о Лакии как основателе Фаселиды: она была скопирована с легенды об основании Колофона Мопсом, сыном Ракия³⁷. Конечно, можно разделять точку зрения указанных исследователей, но она теряет основания, если предположить, что родосские греки VIII—VII вв. намеренно подбирали в число ойкистов людей с теми же именами, которые носили легендарные ахейские первооткрыватели южноанатолийских земель; поскольку ойкисты происходили обычно из древних родов, они могли носить употребительные в роду имена героев. Так, согласно Филостефану, в основании Фаселиды вместе с родосцем Лакием принимали участие аргосцы во главе с Мопсом³⁸. Реальность аргосских интересов в Киликии, Памфилии и на Кипре явствует хотя бы из приведенного выше числа городов этих местностей, основанных аргосцами или при их участии. Отсюда Аргос получал металл для своих мастерских и вывозил изделия из металла, в том числе образцы для копирования отдельных частей тяжелого вооружения. Поскольку флагманом освоения восточного рынка был Родос, участие его метрополии Аргоса в основании Фаселиды исторически вполне реально. Соответственно реальным может

быть и имя вождя родосско-аргосских колонистов. Основание ряда колоний на юге Анатолии приписывалось Мопсу — Аспенд, Перга в Памфилии, Малл, Мопсуестия, Мопсукрене в Киликии. Как следствие, имя Мопс было распространенным здесь по римское время включительно³⁹. Это дает основание думать, что исторические ойкисты некоторых названных городов могли носить имя Мопс. Так же и в связи с сообщением «Линдийской хроники» о посвящении, сделанном солейцами во главе с Амфилохом, можно думать, что последний был ойкистом и имя его опять-таки то же, какое носил легендарный основатель Малла в Киликии и Посидея в Северной Сирии⁴⁰. Характерно, что ойкистом аргосской колонии Аргоса в Акарнании считался тот же Амфилох, правда со слегка подправленной генеалогией (Thuc. II, 68). Поскольку Родос был заселен дорийцами из Арголиды, родосская легендарная традиция — это та же аргосская легендарная традиция, что подкрепляет предположение о том, что Амфилох «Линдийской хроники» действительно был историческим ойкистом Сол.

Ю. Белох связывал основание Сол с сообщениями Бероса (у Абиденца) о подавлении Синаххерибом в 696 г. выступления киликийцев и помогавших им греков (см. ниже) и относил возникновение города примерно к 700 г.⁴¹. Однако Сола фигурируют у Гесиода как место гибели Мопса (fr. 168 Rz. = Strabo XIV, 5, 17), что указывает на возникновение города еще в VIII в. Косвенное подтверждение столь раннего проникновения родосцев и аргосцев в Киликию можно усмотреть, с одной стороны, в исторической традиции, относившей талассократию Родоса в Средиземноморье еще ко времени до начала Олимпийских игр, т. е. до 776 г. (Strabo XIV, 2, 10), а с другой — в родосском импорте VIII в. в Тарсе, Мерсине и левантйских факториях. Окончательное решение вопроса о времени возникновения Сол, конечно, остается за будущими археологическими исследованиями города, но письменные источники дают основание ожидать открытие здесь материалов VIII в.

Возникновение Малла связывалось традицией с Аргосом, ойкистами города считались Амфилох и Мопс; здесь находилось их древнее святилище (Strabo XIV, 5, 17; Arriani Anab. II, 5, 9; Paus, I, 34, 3). Более поздняя традиция называла основателем соименного Малла (St. Byz., s. v. Mallos). Впервые город упоминается в конце VI в. Скилаком Кариандским. Известны монеты конца V в. с легендой ΜΑΡΛΟΤΑΝ (т. е. город назывался и Mallos и Marlos)⁴². Форма этого этника (множественное число а — основы на -ᾱп как черта северо-западного дорийского диалекта, принятого и в Арголиде) может соответствовать традиции об основании города аргосцами. Можно ожидать, что археологические исследования в Малле дадут материалы VIII—VII вв., поскольку именно к этому времени относится аргосская колонизация Киликии.

Основание Тарса, расположенного на р. Кидн, неподалеку

от моря, как отмечалось, традиция также связывала с Аргосом: часть аргивян, отправившихся с Триптолемом на поиски Ио, основала Тарс, а сам Триптолем двинулся к границе Киликии и Сирии, где основал некий город при устье Оронта, предшественник Антиохии (т. е., можно думать, археологически известную Аль-Мину), и антиохийцы почитали его в качестве своего ойкиста (Strabo XIV, 5, 16; XVI, 2, 5). В этих сказаниях отразилось, с одной стороны, присутствие ахейских греков в Киликии, вследствие чего основания городов связывались с их героями, а с другой — поселение греков VIII—VII вв. в Солах, Малле, Тарсе, Анхиале, Аль-Мине, что отразилось в привязке легенд к определенным пунктам.

Американская экспедиция под руководством Хетти Голдман производила раскопки на холме Гёзлю-куле, многослойном памятнике, скрывающем также остатки раннего Тарса. Прорезавшая холм раскопчная траншея позволила установить примерную хронологию железного века Киликии: ранний период — около 1100—850 гг., средний — около 850—700 гг., поздний — около 700—520 гг. При этом поздний период подразделяется на две фазы: ассирийскую — около 700—600 гг. и фазу VI в. — около 600—520 гг.⁴³ Важными хронологическими реперами являются разрушение города Синаххерибом в 698 г., разделяющее средний и поздний периоды железного века, а также фиксирующая слой VII в. ассирийская таблетка, датированная 636 г.

Микенский импорт сменился в XI в. новой керамической традицией, возникшей из смешения местных черт позднебронзового века и эгейско-levantийских элементов. Эта киликийская расписная керамика, полагает Дж. Ханфманн, во многом обязана своим возникновением пришлым гончарам, возможно переселившимся с Кипра. В Киликию собственно кипрская керамика импортировалась по VI в. Есть здесь и северосирийский импорт: посуда, декорированная красными полосами, белые чаши ассирийского типа; миниатюрные кувшинчики ввозились, вероятно, из Финикии. Очень рано стала поступать сюда греческая керамика, но до VIII в. sporadически. Родосские изделия импортировались на протяжении всего архаического периода, кикладско-еврейские кубки редки. Основные типы керамического импорта — восточногреческие, начиная с геометрического стиля. Торговцы с Родоса и Киклад все чаще посещали Тарс, полагает Дж. Ханфманн, с конца IX в., а позднее, с VIII в., эти связи приобрели регулярный характер, хотя и не очень интенсивный, вследствие столкновений греков с ассирийцами на исходе столетия. Помимо родосской керамики неплохо представлена коринфская (с VIII по первую четверть VI в.), в VII—VI вв. ощущим импорт самосских, лесбосских и аттических гончарных изделий. Наибольшая часть греческого керамического импорта приходится на VIII в., в ассирийской фазе и VI в. он поступал менее интенсивно, а местное ремесленное производство в это время уже клонилось к упадку⁴⁴.

Незначительные размеры исследованной площади не позволяют определенно заключить, был Тарс раннего железного века греческой колонией или нет. Дж. Ханфманн полагает, что Тарс не принадлежал к числу греческих колоний (апойкий), основывавшихся в VIII—VI вв. в Киликии. Дж. Боурдмен считает, что в Тарсе была такая же греческая фактория, как и в Аль-Мине⁴⁵. Дж. Бинг настаивает на том, что Тарс был греческой колонией, основанной Линдом около 700 г., хотя следует признать, что ему не удалось найти убедительных аргументов в пользу своей точки зрения⁴⁶.

На мой взгляд, в решении вопроса существенны следующие обстоятельства. Надо исходить из того, что Тарс как туземное киликийское поселение существовал уже в IX в.— его упоминает ассирийский царь Салманасар в надписи о своей победной кампании против Куэ (восточная Киликия), предпринятой на 26 году его правления (832 г.). Салманасар прошелся мечом и огнем по Куэ, разрушив города ее царя Катри: «К Тарсу я двинулся. Они (килийцы) обняли мои ноги. Серебро, золото (в качестве) дани я получил»⁴⁷. Заметим, что о разрушении Тарса, в противоположность упомянутым в надписи ранее городам, речи здесь нет, и разведочная траншея показала отсутствие разрушений этого времени, поселение продолжало существовать. Возможно, Салманасар III провел в Тарсе обычные преобразования административного характера, предпринимавшиеся ассирийцами в покоренных городах,— смену правителя, назначение наместника, частичную депортацию населения, на что может намекать сообщение Евсевия (Иеронима) о том, что в 830 г. Сарданапал (=Салманасар III) основал Тарс и Анхиал (Euseb.—Hier. p. 82b Helm)⁴⁸.

Ниже мы увидим, что в параллельных версиях анналов Синаххериба и «Вавилонской истории» Бероса «людям Ингира и Тарса» анналов соответствуют «ионийцы» рассказа Бероса (у Абиденца). Это дает основание заключить, что в начале VII в. в Тарсе присутствовали греки и город был если не целиком, то частично греческим. И для VIII в. имеются данные о греках в Тарсе— в ветхозаветной традиции. В Книге пророка Исаяи, отражающей события второй половины VIII в. (исключая Девтероисайю), неоднократно упоминается Тарсис, библейское обозначение собственно Тарса и Киликии в целом (см. ч. II, гл. 3). Контекст этих упоминаний свидетельствует о тесных торговых связях Тира с Тарсом и Киликией в целом вплоть до фрахта тирянами тарсийских кораблей. Поскольку греческие колонии Киликии были портами, эти сведения о Тарсисе подразумевают именно их.

Именование Киликии Тарсисом отражает ведущую роль Тарса в среде местного эллинизма. Трудно думать, что такую роль играла фактория (при наличии апойкии в Солах). Поэтому можно полагать, что около 800 г., примерно в то же время, когда в Аль-Мине обосновались еврейцы, в туземном Тарсе была

устроена родосско-аргосская фактория или апойкия. (Хотя традиция называет Тарс аргосской колонией, решительное преобладание здесь восточногреческой керамики указывает на участие какого-то восточногреческого центра, каковым, судя по совместному родосско-аргосскому основанию Фаселиды и Сол, скорее всего был Родос.)

По-видимому, в Тарсе прошел тот же процесс ассимиляции: греками туземного населения, какой имел место с 730-х годов в сицилийских Леонтинах, где поначалу колонисты жили бок о бок с сикулами. Преобладание греческого элемента имело следствием, вероятно, возникновение в Тарсе на месте фактории эллинской апойкии еще в том же VIII в.

Между Тарсом и Солами лежит Анхиал, основание которого приписывалось ассирийскому царю Сарданапалу (Aristobulus apud Strabo XIV, 5, 9 atque Argianum Anab. II, 5). Установлено, что под Сарданапалом Аристубула подразумевается Синаххериб и Анхиал идентифицируется с городом Ингира его анналов (см. ч. II, гл. 3). Дж. Бинг обратил внимание на сообщении Абиденца о постройке при Сарданапале (Синаххерибе) храма Афины в Ингира-Анхиале (см. ч. II, гл. 3) и показал, что наличие культа Афины, главного божества Линда, в Анхиале может свидетельствовать об основании здесь линдийской колонии⁴⁹. Отсюда можно было ожидать общность исторических судеб Анхиала и Тарса, что и продемонстрировали раскопки английской экспедиции в Мерсине, отождествляемом с Анхиалом⁵⁰. Здесь был раскрыт небольшой участок, давший материал железного века (около 1150—500)⁵¹; нас же интересуют слои III—V. Слой IV включает остатки небольшого здания, выстроенного на основании из тесаных блоков и рваного камня. Сооружение повреждено грабительскими прокопами, но план в целом читается. Также и в слое III раскрыт небольшой частный дом из нескольких помещений, группирующихся по трем сторонам внутреннего двора. Одной своей стороной дом выходил на улицу, замощенную, как и дворик, гравием. Здание погибло в пожаре.

Керамические материалы из Мерсина описаны Р. Барнеттом, который отметил прежде всего хронологическую непрерывность материала, идущего от микенского времени до рубежа V—IV вв.⁵² Позднемикенские материалы (слой V) интересны тем, что тут впервые они были зафиксированы в контакте с хеттскими. Если это не подтверждение связи хеттов с ахейцами, то кого же надо подразумевать под «Аххиявой» хеттских документов? — резонно спрашивает Р. Барнетт. Он отмечает также группу, состоящую всего из пяти черепков, но интересную тем, что, напоминая субмикенский стиль, она принадлежит к керамике местной киликийской разновидности и происходит из слоя, следующего за разрушениями XIII в., т. е. примерно после 1200 г. Эта разновидность киликийской керамики может свидетельствовать о прибытии в Мерсин второй волны пришельцев.

Часть найденной кипрской керамики могла быть произведе-

на в фактории в Тарсе, но в целом Барнетту представляется, что в Мерсине импортированная керамика более обильна сравнительно с местной. Микенские остатки датируются XIII—XII вв., к XI—VIII вв. относятся субмикенские, протогеометрические и геометрические сосуды, в основном привозные, в том числе кипрские и, возможно, местного производства. Материал слоя IV по большей части относится к VIII в. Слой III датируется материалом VII—VI вв., это изделия ориентализирующего стиля (протокоринфские, коринфские, родосские группы Камира, Фикеллюра), а также этрусские буккеры, ионийские кубки и другая посуда массового производства.

Барнетт отмечает, что в Мерсине представлены иные группы восточногреческой керамики и в иных пропорциях, нежели в Истрии, Дафнах или на Самосе. Керамика Мерсина тяготеет к керамике из Врулии на Родосе. Это, по его мнению, может указывать, что Мерсин находился в сфере торговых интересов Родоса, тогда как египетские Дафны и фракийская Истрия принадлежали к кругу милетских интересов. Хотя в Мерсине греческий импорт обилен, в целом этот пункт находился в тени Тарса и Сол, заключает Барнетт.

Как видно, археологические данные скудны, но подкрепляют отдельные сведения легендарной и исторической греческих традиций. Так, упомянутая выше легендарная традиция о приходе ахейских греков в Киликию после Троянской войны находит соответствие в той группе локальной керамики из Мерсина и Тарса, которая обнаруживает симбиоз эгейско-субмикенских и киликийских традиций и относится ко времени, совпадающему с традиционной датой Троянской войны (т. е. начиная с конца XIII в.), свидетельствуя о прибытии новых поселенцев. Это дает основания думать, что греческая колонизация Памфилии и Киликии VIII—VII вв. шла по пути, проложенному с конца XIII в. ахейцами. По-видимому, особенностью колонизации этих областей было то, что вновь прибывшие сюда ионийские и дорийские колонисты застали тут ассимилированных анатолийцами потомков переселенцев XIII—XI вв., которые, подобно киликийскому династу VIII в. Азитиваде, помнили о своем родстве с греческими метанастами миграционной эпохи. Это следует и из сохранения в Памфилии ахейского языка, как и на Кипре. (Относительно Киликии мы располагаем известием о дорийском языке Сол, который был настолько варваризован, что всякие полугреческие словечки греки называли солицизмами [Strabo XIV, 2, 28]).

Археологические данные подтверждают и важную роль Родоса в освоении Киликии: как упоминалось, по наблюдению Р. Барнетта, находки в Мерсине-Анхиаде обнаруживают единство с материалами из родосской Врулии. Это показывает, что Анхиал, как и Сола и, вероятно, Тарс, был основан родосцами (последние два — совместно с аргосцами). Если раньше начало родосской колонизации Памфилии и Киликии относилось в со-

ответствии с временем основания Фаселиды и Сол ко времени вскоре после 700 г.⁵³, то на основании материалов из Мерсина и Тарса оно может быть удревнено до всего VIII в. Это согласуется с тем, что и в левантийских центрах — Аль-Мине, Ибн-Хани — найдена родосская керамика VIII в.⁵⁴. Более высокая датировка указывает, что древнейшие родосские колонии Памфилии и Киликии с самого начала служили перевалочным пунктом экспорта изделий родосских гончарных мастерских в восточную Анатолию и северную Сирию. П. Рийс с основанием отмечает, что после ухода евбейцев из левантийских греческих факторий их место заняли родосцы. По связи с Лелантинской войной, ослабившей Евбею, и датировкой ее временем около 733 г. (см. Приложение I) начало родосского домината в греческих киликийских и левантийских центрах мы можем отнести к последней трети VIII в.

Отметим и связь Родоса с Кипром. Из чисто греческих областей Родос был основным партнером Кипра — около $\frac{9}{10}$ кипрских вещей, найденных в Греции, приходится на Родос (главным образом Ялис); остальные получатели кипрского экспорта — Книд, Хиос, Эолида. Импорт кипрских изделий на Родос начался около 700 г. и продолжался длительный период⁵⁵.

Как мы видели, историческая и легендарная традиция подчеркивали роль Аргоса в колонизации Памфилии и Киликии. С ним связывалось основание Аспенда, Малла, Тарса, Сол и Фаселиды (трех последних — совместно с родосским Линдом). Э. Мейер скептически относился к этой традиции, полагая, что она была плодом тщеславных устремлений названных городов, стремившихся увязать свою историю с героической эпохой⁵⁶. Между тем новые факты истории раннего Аргоса, полученные в результате французских раскопок, показывают его существенную роль в экономическом развитии Греции VIII—VII вв. Аргос был одним из крупнейших центров металлургии. Здесь найдены наиболее ранние образцы гоплитского вооружения, причем в «Могиле с паноплией», датируемой концом VIII в. (около 710—700 гг.), среди прочей утвари были найдены две железные жаровни восточного типа со спицами в виде нося корабля и конический шлем «ассирийского» образца. Шлем и остальные элементы вооружения, обнаруженные в данном захоронении, восходят к ближневосточным прототипам: как отмечалось в литературе, греческое вооружение имеет корнями восточную арматуру⁵⁷. Это, в частности, указывает на заинтересованность Аргоса в восточном рынке, предоставлявшем металл для его оружейных и прочих мастерских.

Свои восточные предприятия аргосцы осуществляли вместе с их родосскими сородичами (напомним, что Родос был освоен выходцами из Арголиды). Родос был промежуточной стартовой площадкой для кораблей, поворачивавших на восток. Аргос поддерживал связи и с Кипром, столь же известным центром бронзовой металлургии. Традиция называет Аргос метрополией

жипрского Куриона, откуда начинался, по свидетельству Страбона (XIV, 6, 3), западный путь на Родос. Отзвук аргосских колонизационных предприятий слышен и в именовании Аргосом новооснованных мест — так назывались город в Киликии, крепость в каппадокийском Тавре, город на Кипре⁵⁸.

В связи с предприятиями Аргоса на Ближнем Востоке привлекает внимание еще одна деталь — связи в этом регионе его вечного соперника Лакедемона. Спарта основала на том же Кипре Лапаф; в Писидии, близ той же реки Эвримедонт, на которой аргосцы основали памфилийский Аспенд, лакедемоняне колонизовали Сельгу (Strabo XII, 7, 3; XIV, 6, 3). Ввиду соперничества с Аргосом, исход которого имел жизненно важное значение для Спарты, последняя не могла отставать от своего противника в поисках рынков оружия и сырья для его изготовления. На связи Спарты с восточным регионом указывают и находки восточных изделий в спартанском святилище Артемиды Орфии. По-видимому, не случайно поселение лакедемонян на Кипре Курион расположено прямо напротив киликийского Нагида, самосской колонии: во второй мессенской войне (конец VIII — первая половина VII в.) и позднее Самос был союзником Спарты.

Характер и цели освоения греками юго-восточной Анатолии и Леванта

Материалы из Тарса и Мерсина рисуют картину, во многом близкую той, что дают раскопки на сиро-палестинском побережье. Это означает, что оба региона были ареной одних и тех же исторических событий в последних столетиях II — первых веках I тысячелетия. В киликийских центрах, как и сиропалестинских, зафиксированы микенский импорт, гибель поселений позднебронзового века, появление нового населения около 1200 г., симбиоз местных и эгейских традиций в его материальной культуре, ранний греческий импорт VIII в. и более обширный восточногреческий импорт VII—VI вв.

Однако в греческой традиции, легендарной и исторической, оба региона занимает разное место. Памфилия, Киликия и Кипр предстают в ней сферой колонизационных интересов греков, основывавших здесь свои полисы. Аналогичные сообщения о Леванте единичны и малодостоверны. Это, во-первых, известие о городе Посидее на границе Киликии и Сирии, основанном Амфилохом, сыном Амфиарая (Herod. III, 91), вероятном Рас-эль-Басите; во-вторых, также упоминавшаяся выше легенда о Касе и принцессе Амк, повествующая о совместном поселении киприотов, критян и сирийцев там же, на границе Киликии и Сирии, в долине Амука, т. е. в Аль-Мине. Что касается Посидея, то наличие ойкиста, само по себе свидетельствующее о полисном статусе колонии, в данном случае не показательно, по-

сколько традиция называет не исторического ойкиста, а легендарного. Иначе говоря, Амфилох как ойкист соотносится не с колониационным движением VIII—VII вв., а с ахейской дисперсией XIII—XII вв. И хотя, конечно, не исключено, что в ойкисты VIII—VII вв. был подобран человек с легендарным именем, археологические данные о Рас-эль-Басите не дают оснований считать его греческим полисом.

Что же касается легенды о Касе и Амк, то мы отмечали, что это не более как народная поэтизация местных топонимов — названий горы и долины. Это такой же случай мифологизации акта возникновения колонии, как и представления сидейцев о своей основательнице Сиде, дочери Тавра (горный массив!). Кас — не исторический ойкист VIII—VII вв., а продукт народной фантазии, из чего, между прочим, можно заключить, что ойкиста у Аль-Мины в действительности и не было, как нет и археологических свидетельств ее полисного статуса (напомню, что раскопана только часть порта, само же поселение либо погибло, как предполагает Л. Вулли, либо остается неизвестным). Правда, П. Рийс высказывал мнение, что Аль-Мина могла быть апойкией, но ввиду отсутствия подтверждающих аргументов указал, что она могла быть также и эпойкией, факторией или катойкией (поселением наемников)⁵⁹. Телль-Сукас, по его мнению, мог быть и апойкией и эпойкией, тут, вероятно, как и в Навкратисе, имел место энойкизм. В таком же плане, полагает П. Рийс, можно трактовать политический характер греческих общин в Рас-эль-Басите, Минет-эль-Байде, Ибн-Хани, Таббат-эль-Хаммаме.

Дж. Грейэм высказался на этот счет определенной. Констатируя неполисный, факториальный статус греческих, точнее, греко-туземных поселений сиро-финикийского побережья, он отметил, что в них не обнаружено настоящего греческого некрополя, греческих надписей, культов, архитектуры⁶⁰. Эту позицию оспорил А. Ю. Согомонов, указавший, что в ряде поселений имеются отдельные элементы перечисленных Дж. Грейэмом признаков⁶¹. По его мнению, для левантийского региона характерен «социокультурный синкретизм», проявившийся «в религии (слияние на паритетных началах восточных и греческих культов), погребальном обряде (синтез греческих и сиро-финикийских традиций), архитектуре (сочетание греческих и местных градостроительных канонов и техники), ремесле (восточная гончарная техника с подражанием греческим образцам)». А. Ю. Согомонов напомнил также, что Геродот говорит о Посидее как о полисе, основанном Амфилохом. Поэтому, считает он, «кажется несправедливым исключить всякую возможность существования греческой гражданской общины (полиса) в рамках левантийских урбанистических единиц»⁶².

Казалось бы, возможность основания греками колоний-апойкий не следует упускать из виду хотя бы потому, что мы слишком мало знаем об этих центрах. Между тем пример хорошо

исследованного датчанами Телль-Сукаса показывает, что нет каких-либо перспектив в обнаружении признаков полисного статуса тех центров Леванта, где проживали греки. Ничто не свидетельствует о полисном статусе Телль-Сукаса или Аль-Мины, не говоря уже об Ибн-Хани, Рас-эль-Басите и др. Здесь мы наблюдаем то же, что и в Навкратисе, египетском городе, представленном грекам для поселения (epoikēsai — Herod. II, 178), т. е. здесь они составляли только часть населения египетского города. Именно по этой причине бездоказательны высказывания об основании Навкратиса как греческого полиса — это была торговая фактория (эмпорий, по определению Геродота)⁶³. Равным образом греческие воины были поселены в Дафнах и Мемфисе, они составляли часть гарнизона в Элефантине, но ни в коем случае нельзя говорить о полисном статусе названных центров — это были египетские города.

Обратимся к археологическим признакам, упомянутым Дж. Грейэмом и противоположным образом истолкованным А. Ю. Согомоновым. Важнейший из этих признаков — наличие греческого некрополя. В Навкратисе представлены и греческие культы, и греческая письменность (посвятительные, главным образом граффити), и греческая архитектура, но нет греческого некрополя; поэтому можно говорить лишь о факториальном статусе этого центра (греческие резиденты умирали на родине — см. ч. II, гл. 4).

В левантийских центрах также нет греческих могильников, что в принципе можно объяснить их неполной исследованностью, ибо на Телль-Сукасе некрополь есть. Но это не греческий некрополь. По характеру погребального обряда это смешанные греко-финикийские захоронения, причем появляются они лишь с конца VII в., т. е. 50—70 лет спустя после основания греческой фактории, как отмечал П. Рийс⁶⁴. Захоронения с такими признаками мы можем смело трактовать в качестве погребений не греков, а эллинизированных семитов, что опять-таки находит аналогию в Навкратисе, где обнаружены две надгробные эпитафии раннего V в. на греческом языке, но имена погребенных египетские, что дает основание усматривать в них скорее эллинизированных египтян, нежели египтизированных греков. И хотя второй вариант также не исключен (греческие наемники, оставшиеся в Египте на пожизненной службе, заводили здесь потомство, которому нередко давали египетские имена, — см. ч. II, гл. 4), для доказательства существования греческого некрополя у навкратийских купцов (а не наемников), разумеется, нужны либо сами погребения (в Навкратисе они поздние) греческого характера, либо хотя бы с греческими именами. Поскольку же таковых нет, мы можем констатировать, что массового греческого некрополя в Навкратисе и не было, а два отмеченных надгробия могут быть приписаны эллинизированным египтянам (например, переводчикам с греческого, потомственно сохранявшим эту профессию [Herod. II, 154]). В зоне контакта

этносов обычно образуются смешанные группы метисов. Что касается Телль-Сукаса, то здесь в результате сожительства греческих купцов и ремесленников с туземными женщинами образовалась группа полукровок, которым и принадлежат смешанные греко-финикийские захоронения. Не случайно эти погребения поздние сравнительно с временем возникновения фактории — для образования подобных метисных групп необходима такая цезура.

Что касается остальных археологических признаков, то, как показывает пример Навкратиса, они не могут свидетельствовать о полисном или факториальном характере поселения. Отметим лишь, что данные А. Ю. Согомонова о наличии в греко-финикийских центрах Леванта элементов синкретического свойства в религии, технологии производства и архитектуре справедливы по существу, но не могут служить доказательством его гипотезы о полисном статусе этих центров.

Таким образом, пока в нашем распоряжении нет существенных аргументов в пользу полисного характера греческих общин в левантийских центрах. Равным образом нет оснований говорить и о катойкиях здесь — таковыми были две крепости в южной Палестине, где греческие фактории не обнаружены (см. ниже). В целом мы можем констатировать, в соответствии с заключением Дж. Грейэма, что левантийские центры — Аль-Мина, Телль-Сукас, Рас-эль-Басит, Ибн-Хани и др. — были торговыми факториями. Это были местные, сиро-финикийские поселения, в которых отдельными кварталами располагались греческие купцы и ремесленники.

Итак, освоение греками юго-востока Анатолии и Кипра осуществлялось в форме апойкий (Фаселида, Сола и др.), тогда как на левантийском побережье и в Египте основывались только фактории. Эта разница обуславливалась прежде всего тем, что в Сирии, Палестине и Египте существовали достаточно сильные местные государства, у которых греки не могли отнять землю, как это им удалось в Ликии, Памфилии и Киликии (ср. приведенные выше сообщения «Линдийской хроники» о столкновениях колонистов с туземным окружением в Фаселиде и Солах) ⁶⁵. Пожалуй, высокий уровень ближневосточной цивилизации и не предполагал здесь агрессивных акций греков, задачей которых было приобретение местной товарной продукции в обмен на свою и, можно сказать, приобщение к достижениям местной культуры. Лучше всего эти цели достигались посредством устройства факторий, а не при помощи актов агрессии. Постройки в факториях греков, естественно, могли обладать некоторыми архитектурными элементами, свойственными греческим городам (пожалуй, единственной найденной из таких построек остается храмик в Телль-Сукасе), но полиса как социально-политической структуры здесь не было и не могло быть хотя бы по той причине, что греки не располагали тут собственным *jus soli* — основным условием возникновения полиса.

Иные условия были в Памфилии и Киликии. Последняя делилась географически на две части — западную, гористую (Трахея) и восточную, равнинную (Педиея). Туземное государственное объединение равнинной Киликии называлось до VIII в. *Дарипа*, в ассирийских источниках с указанного столетия оно именуется Куэ (*Qawe, Que*); население его было хурритским и лувийским⁶⁶. В горной Киликии также было туземное объединение государственного типа, называвшееся в новоассирийских источниках *Ḫilakku*. Оба киликийских государства платили дань уже ассирийскому царю Салманасару III⁶⁷. Кажется, при Тиглатпаласаре III Куэ было превращено в провинцию, управлявшуюся наместником-евнухом, хотя местный властитель при этом сохранял трон и некоторую власть⁶⁸.

Сведения о вооруженных столкновениях солейцев с метаблиреянами и спе[...]янами указывают на конфронтацию греческих колонистов с туземным населением Куэ. Впрочем, уже в 698 г. греки Тарса и Анхиала помогали властителю Хилакку, врагу Куэ, в борьбе с Ассирией (см. ниже). Хилакку и Куэ были племенными государственными объединениями, тогда как царства Сирии и Палестины VIII—VII вв. находились на более высоком раннеклассовом уровне развития, определявшемся прежде всего городским характером их цивилизации. Если в Сирии и Палестине греки выступали в культурном отношении стороной берущей, менее цивилизованной, то в Памфилии и Киликии они играли роль культуртрегеров (ср. импорт туземцами греческой керамики). Этим и определялась заинтересованность владельцев Куэ в союзных отношениях с родосскими и аргосскими колонистами.

Основание Родосом, Аргосом и Самосом колоний на южном побережье Анатолии во многом служило торговым целям. Наиболее ярко это проявляется на примере Фаселиды, основанной в гористой местности между Ликией и Памфилией на прибрежном пятачке у подножия горы Тахтали-Даг высотой 780 м. Земледельческая хора непосредственно у города была крайне незначительной, но километрах в трех через горы расположена большая долина р. Барсак, ныне засеваемая хлопком и зерновыми⁶⁹. Основание Фаселиды не около долины, а на некотором расстоянии обуславливалось наличием трех хороших гаваней у подножия Тахтали-Дага. Это показывает, что основание города тут преследовало прежде всего торговые цели — его порт был местом промежуточной остановки кораблей, курсировавших между Родосом, Киликией и Левантом (путь из эгейских областей Греции на Восток проходил через Родос)⁷⁰. Для сравнения можно привести эолийскую колонию Сиде в той же Памфилии, основанную в VII—VI вв. в местности, обладавшей благоприятными условиями для разведения масличных (Strabo XII, 7, 1). Об аграрном профиле хозяйства Сиде красноречиво свидетельствует само название города — *sidē* («гранат»).

Можно утверждать, что родосцев и аргосцев привлекло в

Киликию прежде всего ее богатство металлами⁷¹. И ассирийцы и вавилоняне получали отсюда железо, золото, серебро. Так, в 26-й год правления Салманасара III (832 г.) из Куэ в качестве дани были получены серебро, золото, железо, крупный и мелкий скот⁷². В документах 10-го года правления Набопаласара (616 г.) и 9—12-х годов правления Набонида (546—543) упоминается «железо страны Нитее», которую В. Олбрайт идентифицировал с Куэ⁷³. Соседние с Куэ области — Кархемыш, Коммагена, Гузи, Мелитена, Хаттина — платили дань Ашшурназирпалу II (883—859) и Салманасару III (858—824) серебром, золотом, оловом, медью, железом⁷⁴.

Аль-Мина была расположена на территории царства Унки, подчиненного в 738 г. ассирийцами, и Т. Брон привел в связи с вопросом о греческих интересах здесь перечень взятой отсюда Тиглатпаласаром III (745—727) дани, включавшей 300 талантов серебра, неясное количество золота, 100 талантов меди, крашеную шерстяную одежду, травы, пленников, лошадей и мулов⁷⁵. Можно добавить сюда и перечень дани, взятой Ашшурназирпалом II: 20 талантов серебра, 100 талантов олова, 100 талантов железа, 1 тыс. голов крупного рогатого скота, 10 тыс. овец, 1 тыс. льняных одежд с разноцветной отделкой, самшитовые кресла с инкрустацией, самшитовые столы с инкрустацией из слоновой кости, певцы, музыкальные инструменты⁷⁶.

Еще один перечень дани, полученной Тиглатпаласаром III, показывает, чем был вообще богат Ближний Восток: «Я получил дань от Кушташпи Коммагенского, Резона Дамасского, Менахема Самаритянского, Хирама Тирского, Сибиттибили Библосского, Урикки из Куэ, Писириса Кархемышского, Инила Хаматского, Панамму Самальца, Тархулара Гургумского, Сулумала Милитенского, Дадилу из Каски, Уассурме Табальца, Ушхитти Тунского, Урбаллы Туханца, Тухамме из Иштунды, Уримме из Хубишны, Забибе, царицы аравийской, золото, серебро, олово, железо, слоновые шкуры, слоновую кость, льняные одежды с разноцветной отделкой, шерсть с темноватым и красноватым оттенком голубого пурпура, черное дерево, самшит — все, что было достойно царской сокровищницы; также шкуры ягнят, окрашенные пурпуром, чучела диких птиц с раскрашенными голубой краской крыльями, лошадей, мулов, крупный и мелкий скот, верблюдов и верблюдиц с верблюжатами»⁷⁷.

Все, что брали ассирийские цари IX—VII вв. в качестве дани с Сирии, Палестины, Киликии, могло быть предметом интересов и прибывавших сюда греков (плюс оружие), статьями их торгового обмена с сирийцами, финикийцами, евреями, киликийцами и прочими народностями Ближнего Востока. Если ассирийцы присваивали эти богатства силой, по праву завоевателей, то греки добывали их посредством торговли. Левантийская торговля была рискованной ввиду дальности плавания и пиратства, но она, без сомнения, приносила большой барыш. Цифр по этому региону нет, но для сравнения можно напомнить, что в

середине VII в. самосцы, приплывшие во главе с Колеем на одном корабле в иберийский Тартесс, выручили за одну поездку 60 талантов (Herod. IV, 152). Прибыльной была и восточная торговля Самоса, о чем свидетельствуют многочисленные находки восточных изделий в самосском Герайоне⁷⁸. Дошедшим до нас материальным результатом восточной торговли греков являются изделия VIII—VII вв. из металла, слоновой кости, глины и пр., найденные в различных областях Греции (см. Заключение).

Не вполне ясно, что греки могли предложить в VIII в. левантийцам и прочим партнерам по торговле в обмен на их продукцию, поскольку едва ли не единственной статьей греческого экспорта сюда зафиксирована керамика⁷⁹. Ветхозаветная традиция рубежа VII—VI вв. в числе статей греческого экспорта на Восток упоминает раскрашенные ткани, бронзовые бытовые изделия, а также рабов, каковыми, без сомнения, были пленники негреческого происхождения (см. ниже). Вино и оливковое масло могли экспортироваться на Восток не ранее VII в., когда у греков появилась соответствующая тара.

В материальном плане обмен был не очень равноценным, поэтому следует предположить, что греки участвовали в своих левантйских факториях в производственном процессе наряду с местными ремесленниками, торговцами и пр. Иначе говоря, они предлагали левантийцам на кооперативных началах свой труд, подобно тому как отдельные греческие ремесленники и моряки трудились в Ассирии и Вавилоне (см. ниже). Так, на Телль-Сукасе гончарные мастерские производили керамику кипрского стиля, что предполагает участие греков в ее производстве. И в Аль-Мине производилась собственная керамика (так называемого «типа Аль-Мины»), поступавшая на Телль-Сукас и другие левантйские центры⁸⁰. Согласно библейской традиции, корабли киликийских греков фрахтовались тирскими купцами для перевозки своих грузов (см. ниже о библейской традиции). Это свидетельство о кооперативной деятельности греков внутри финикийской торговли позволяет предполагать и более широкую арену предложения ими своего труда на восточном рынке. Труд греков в левантйских мастерских должен был поднять их квалификацию, сделать более разносторонним профессиональное мастерство.

Вероятно, это обстоятельство было одной из причин того, что уже на исходе VIII в. в Греции стал складываться ориентализующий стиль в различных областях ремесленного производства. Вряд ли, однако, стоит думать, что эта греческая интерпретация восточных образцов сложилась в Греции только под наставничеством пришлых восточных мастеров и в результате переосмысления восточных изделий греческими ремесленниками на свой лад. Общациональный размах ориентализирующего стиля предполагает и непосредственную учебу греческих мастеров в восточных мастерских.

ГРЕКИ В АССИРИЙСКОЙ, ВАВИЛОНСКОЙ
И БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

Ассирия и греки

Сведения о греках на Ближнем Востоке в первых столетиях I тысячелетия сохранились в ассирийских, египетских и вавилонских надписях, в Библии и греческих источниках. Наиболее ранние упоминания относятся к VIII в.— в ассирийских документах, с которых мы и начнем наш синопсис ближневосточной истории греков по данным письменных источников. Предварительно оговорим, что отдельные факты, связывавшиеся в ближневосточных памятниках с греками, не сразу получили в науке аутентичную интерпретацию и теперь должны быть элиминированы. Сюда относится ошибочное отождествление Даппа фрагментированного обелиска Ашшурназирпала (883—859) с греческим этнонимом Δαπαοί (это оказалось названием местности у горы Масыус в Северной Месопотамии)¹. Дппут финикийских надписей VIII в. из Кара-тепе, как отмечалось (ч. II, гл. 1), не гомеровские данайцы, а этникон жителей Аданы-Киликии. Соответственно, и в ханаанской надписи второй половины IX в. из Зенджирли, сделанной от имени местного династа Киламувы, выражение «царь D[an]пипа» подразумевает скорее «царя Аданы-Киликии», как считают Э. Ларош, Ф. Брон и др., а не «царя данайцев», как полагали ранее². Вместе с тем трижды упоминаемый в надписях из Кара-тепе «дом Мопса», как мы видели, соотносится с Мопсом греческой традиции, вождем микенских переселенцев XIII—XII вв. в юго-восточную Анатолию (ч. II, гл. 1 о «народах моря»).

Приведем сведения ассирийских надписей о греках, в том числе и такие, соотносимость которых с греками разделяется не всеми исследователями.

Наиболее раннее упоминание о греках, видимо, содержится в письме провинциального чиновника Курди-Ашшурламура Тиглатпаласару III: «Царю, моему владыке, твой слуга Курди-Ашшурламур. Народ земли Iaupa прибыл. Они напали на город Usi[—], город Haridiu, город... Что до... человек, он ушел в город. Народ категории zakku под контролем (такого-то)... я взял с собой. Ни один не был взят, пока они... внутри его кораблей... центр восстания...»³. По просьбе Т. Брона Н. Нааман дал следующий перевод: «Царю, моему владыке, твой слуга Курди-Ашшурламур. Явились ионийцы. Они напали на город Самсимуруна, город Харису, город... Что касается ...чиновник, он прибыл в город... Народ разряда zakku я взял с собой и ушел. Они не захватили никого. Насколько... на его кораблях... посреди моря...»⁴.

Г. Сэггс отмечает в комментарии к письму (с. 77—78), что

форма Iaupa, не имеющая аналогий в источниках, предположительно может считаться вариантом произношения Iatapa — «Иония». Табличка слишком фрагментирована, указывает издатель, чтобы можно было с уверенностью говорить о земле Iaupa, однако показательно, что в ней упоминаются корабли и нападение на город. Н. Нааман, судя по его переводу, читал тут этноним ионийцев. Г. Сэггс отметил, что Курди-Ашшурламур упоминается в другом источнике в качестве командующего в Тире и Сидоне вскоре после 738 г. На этом основании он предположительно отнес место действия упоминаемых в данном письме событий к Северной Сирии и датировал документ временем около 738 г. Н. Нааман читал в письме название города Самсимуруна, расположенного в окрестностях Сидона. В идентификации ^{kur} Ia-ú(?) -па-а с ионийцами сомневался В. Рёллиг, критически настроенный в отношении упоминаний греков ассирийскими источниками; он полагал также, что в этом письме упоминания о кораблях нет⁵. Следует отметить, однако, что ^{kur} Ia-ú(?) -па-а в точности отражает греч. *Iaυopia — «Иония» (ср. Iaones II.XIII, 685), что делает идентификацию Г. Сэггса и Н. Наамана вполне вероятной, тем более что ничего другого В. Рёллиг не предложил. Поэтому можно думать, что данное письмо подразумевает греков. Рассмотрим возможный исторический контекст упоминания о них.

В первые годы своего правления Тиглатпаласар III (745—727), сокрушив Урарту, предпринял завоевание Сирии и Палестины. В 738—734 гг. была завоевана Северная Сирия. Новохеттское царство Унки, на территории которого была расположена Аль-Мина и куда шли товары из нее, лишилось своего царя Тутаму. Было подчинено и сирийское царство Хамат, вероятный получатель греческого экспорта из факторий побережья⁶.

Территория Унки и Хамата была реорганизована в провинцию, управлявшуюся ассирийским наместником и доходившую до побережья в районе Библоса⁷. В 734—732 гг., после победы Тиглатпаласара над Дамасской коалицией, Тир и Сидон подчинились Ассирии. Донесение Курди-Ашшурламура о враждебных действиях ионийцев может быть связано с изложенными выше событиями 738—732 гг. Место действия — район Сидона и Тира.

На мой взгляд, в письме речь идет не о пиратском набеге греков, как думал Т. Брон, а о помощи киликийских греков Тиру и Сидону, оказанной ими в силу тесных торговых связей, о которых красноречиво свидетельствует Исайя (подробней см. ниже). По словам пророка (гл. 23), стесненный ассирийцами Тир более не нуждался в кораблях Тарсиса (Киликии), которые тиряне фрахтовали для перевозки своих товаров. «Ходи по земле твоей, дочь Тарсиса, как река: нет более препоны» (24, 10), т. е. тарсийские корабли, оставшиеся без тирского фрахта, вольны подыскать себе иные маршруты, других нанимателей. Исайя

называет Тир твердыней тарсийских кораблей и даже советует тирянам переселиться в Тарсис (Киликию [23, 6 и 14]).

Из этих данных, относящихся к осаде Тира ассирийцами в 726—719 гг.⁸, можно заключить, что и в событиях 734 г., когда Тир и Сидон были вынуждены подчиниться Ассирии, киликийские греки (Тарсис) могли помогать им или шире — Дамасской коалиции в целом, поскольку нашествие ассирийцев против финикийских и северосирийских государств затрагивало их экономические интересы. Равным образом и в 698 г. греческие колонисты Киликии поддержали властителя Хилакку Кируа в его борьбе с Ассирией (см. ниже). В какой-то связи с их нападением Курди-Ашшурламур упоминает *zakku* — вассально-зависимый или же свободный от податей разряд населения (см. примеч. 23 к данной главе).

Следующие по времени упоминания о греках содержатся в серии надписей Саргона II (721—705). Часть их связана с подавлением ассирийцами восстания филистимского города Ашдода, во главе которого стоял грек, не названный в надписях по имени; он обозначается в них то Ионийцем (*Iamapi*), то Киприотом (*Iaadna*). Приведем эти надписи.

№ 1. Анналы 11-го года правления Саргона вводят в общий ход событий. «Царь Ашдода Ацури задумал не доставлять более дань и разослал враждебные Ассирии сообщения соседним царям. Вследствие (этого) совершенного им злодеяния я лишил его власти над обитателями его страны и поставил Ахимити, его младшего брата, царем над ними. Но эти хетты⁹, замышляя вероломство, ненавидели его (Ахимити) правление и поставили править собою грека, который не имел прав на трон, не почитал, как и они, власти. Я быстро прошел со своими колесницами и конницей, которые даже на дружеских землях всегда находятся при мне (т. е. с гвардией), против Ашдода, его (грека) царской резиденции, и я осадил и захватил города Ашдод, Гат, Ашдудимми. Я объявил (своей) добычей богов, обитающих в них, его самого (грека), так же как и обитателей его страны, золото, серебро, его личное имущество. Я реорганизовал (администратцию) этих городов и поставил своего чиновника правителем над ними и объявил их подданными Ассирии, и они влачили мое ярмо»¹⁰.

№ 2. Параллельная этой надписи «Парадная надпись» содержит более подробный текст: «Ацури, царь Ашдода, замыслил не доставлять более дань и разослал враждебные Ассирии сообщения соседним царям. Вследствие этого совершенного им деяния я лишил его власти над населением его страны и поставил Ахимити, его младшего брата, царем над ними. Но эти хетты, всегда замышляющие нечестивые деяния, ненавидели его правление и поставили править собою грека (*Iamapi*), который не имел прав на трон, не почитал власти, как и они сами. Во внезапной ярости я не стал дожидаться сбора своих войск (и) готовить лагерное снаряжение, но выступил к Ашдоду с теми

воинами, которые даже в дружественных землях находятся при мне. Но этот грек издалека услышал о продвижении моего войска и ускользнул в землю Муцру (Египет), которая принадлежит теперь Мелуххе (Эфиопии), и место его укрытия было неизвестно. Я осадил и захватил города Ашдод, Гат, Ашдудимми, я объявил (своей) добычей его (грека) идолов, его жену, его детей, его имущество и сокровища его двorca, так же как и обитателей его страны. Я реорганизовал (администрацию) этих городов и поселил там людей из восточных (областей), которые я лично завоевал. Я поставил своего чиновника над ними и объявил их ассирийскими подданными, и они влачили ремни (моего ярма). Царь Эфиопии, (пребывающий) в[далеке], в недостижимой области, дорога в которую... отцы которого никогда от давних дней до нынешних не присылали справиться о здоровье моих царственных предков, он прослышал, даже в таком далеке, о мощи Ашшура, Набу, Мардука. Благоговейно внушенные чары моего царствования ослепили его, и ужас обуял его. Он бросил его (грека) в оковы, узы и железные путы, и они (египтяне) доставили его, по длительном путешествии, в Ассирию»¹¹.

№ 3. Еще одна надпись пересказывает события с момента бегства греческого «царя» из Ашдода (Хорсабадские анналы, помещение XIV, 11—15): «Грек (Iamani) из Ашдода, утраченный моим оружием, оставил свою жену и детей и ускользнул к границе Египта, который принадлежит Эфиопии, где он скрывался подобно вору. Я поставил своего чиновника правителем всей его большой области и ее процветающего населения, таким образом увеличив территорию, принадлежащую Ашшуру, владыке богов. Благоговейно внушенные чары Ашшура, моего господина, подавили царя Мелуххи, и он наложил оковы на его (грека) руки и ноги и прислал ко мне в Ассирию. Я завоевал и отдал на разграбление города Шинухти, Самарию, весь Израиль. Я выловил, словно рыбу, ионийцев, которые живут (на островах) посреди Западного моря»¹².

№ 4. Еще одна версия, сохранившаяся на фрагментированной призме, добавляет новые детали комплекса событий, связанных с подавлением восстания в Ашдод: «(Ациру, царь) Ашдода ...вследствие (этого преступления) ...от... Ахимити ...его младшего брата, над (ними) ...Я сделал (его) правителем, дань, подобную (той, что налапали прежние) цари, я наложил на них. (Но эти) ненавистные (хетты) замыслили не платить мне дань и восстать против своего правителя. Они изгнали его... грека (Iamani) просто (людина¹³, не имеющего права) быть их царем, они посадили (на трон) его (бывшего) владыки и свой город от нападения [лакуна в 3 строки] ... его (города) окрестность, ров глубиной в 20 локтей... (так что) он достиг грунтовых вод, для того чтобы ... затем правителям Палестины, Иудей, Эд(ома), Моава (и) тех, кто обитает (на островах в) море¹⁴ и приносит дань и обязательные дары моему владыке Ашшуру,

(грек разослал сообщения с) бесчисленными влюбными измышлениями с целью отчуждения (их) от меня, и выслал дары Пирру, царю Муцру (Египта), могущественному, (но) неспособному спасти их, и просил его быть союзником. Я, Саргон, полноправный владыка, чтящий предначертания Набу и Мардука, блюдуший повеления Ашшура, перевел свое войско через Тигр, и Евфрат в момент наибольшего подъема вод, весенних вод, словно посуху. Этот грек, их царь, который надеялся на свою силу и не склонился перед моим владычеством, услышал издали о приближении моего войска, и величие моего господина Ашшура сокрушило его и ...он бежал...»¹⁵.

№ 5. Итог событиям, последовавшим за взятием Ашдода, Самарии и других областей, подводит надпись на замостке у ворот Хорсабадского дворца (№ 4, стк. 31—44): «(Дворец Саргона), царя Ассирии ... Израиля, который (т. е. Саргон) разорил Ашдод, Шинухти, который выловил народ Iапапа (обитающий на островах) посреди моря (т. е. греков) словно рыб, который искоренил Каску, весь Табал и Киликию, который прогнал Миту (Мидаса), царя Мушку (Фригии), который нанес поражение царю Муцура (Египта) у Рапиху и взял в числе пленных Ганнона, царя Газы, который подчинил семерых царей Иа-Иатнаны (Кипра), пребывающих (на островах) в море на расстоянии семи дней (пути)»¹⁶.

№ 6. Еще один относящийся сюда памятник — призма А из Британского музея, текст которой фрагментирован: «Нечестивые (хетты Ашдода) ...не платят дань ...их владыка, восстание (?) ...мною ...они заставили его уйти ...Iапапi, солдаты (?)... в качестве царя над собой (на троне) их владыки, они заставили сесть. Их город ...»¹⁷.

Ашдодская кампания имела место в 712 г., согласно изложению событий в Призме, или 711 г., согласно анналам Саргона, т. е. на стыке 712—711 гг.¹⁸. Командовал ассирийцами не сам Саргон, а его туртану; возможно, полагает Х. Тадмор, его звали Zer Ibni¹⁹. Хуго Винклер, поддержанный последующими исследователями (А. Олмстед, Д. Лакенбилль и др.), считал, что Iadna и Iапапi надписей Саргона II означают «иониец», т. е. грек, а вариант Iaadna — «киприот» (к Iadnana — «Кипр»). Однако Х. Тадмор указывает, что нормальной гентильной формой было бы ^{kur} Iamîn, Iadnana. По его мнению, библейские семитские имена Iamîn, Imna указывают на возможность того, что этот Iапапi был не греком, а местным палестинским уроженцем²⁰. Разумеется, эту точку зрения разделил и В. Рёллиг, отметивший, что ашдодский Iaadna-Iапапi едва ли иониец, эти обозначения могут быть близкими семитскими именами²¹.

Эта скептическая позиция не представляется аргументированной. Поскольку «царь» Ашдода был доставлен в Ассирию к Саргону, его имя и происхождение были хорошо известны. По-видимому, его низкое происхождение не давало оснований писцам Саргона даже упоминать его имя, но только лишь этни-

кон. Это непосредственно услышанное и записанное писцами греческое звучание его этника *Iaunopios — «ионец» и передает форма Iamanī (с обычной альтернативой w:m), тогда как форма Iamaпа была воспринята ассирийцами не непосредственно, а через левантийскую или восточноанатолийскую передачу²². Это обстоятельство свидетельствует в пользу старой точки зрения о том, что «царем» Ашдода был поставлен грек. Его двойное обозначение Iamanī и Iadna, Iaadna, как отмечали Х. Винклер, А. Олмстед и другие исследователи, указывает, что этот грек был киприотом.

Таким образом, население восставшего Ашдода избрало своим царем грека с Кипра²³. Сказанное выше (ч. II, гл. 1) об участии ахейцев Кипра в заселении Ашдода в XII в. дает исторические основания для столь необычной акции. Может быть, этот грек был наемником, выдвинувшимся при ашдодском дворе «солдатом удачи», как принято считать²⁴, но не случайно его выдвижение произошло именно в Ашдоде, где могли сохраняться какие-то ахейские традиции, разумеется сильно размытые ханаанской и филистимской средой.

Рассмотрим теперь ход событий в связи с ашдодским восстанием.

К последним годам правления Тиглатпаласара III Палестина была завоевана вплоть до Газы, владыка которой Ганнон, как позднее и ашдодский грек, «ускользнул» в Египет. Палестина, Израиль и даже аравийские области были обложены данью. Со временем названные города и области, усилившись, принимали неоднократные попытки освободиться от ассирийского гнета. Пытались сделать это и филистимские города Ашдод, Гат, Газа.

Согласно приведенным надписям Саргона II, события вокруг Ашдода разворачивались следующим образом.

Царь филистимского города Ашдода Ациру предпринял попытку отложиться от ассирийского господства — он не выплатил положенной дани. За это Ациру был низложен, и на трон посажен его младший брат Ахимити. Антиассирийские настроения, однако, были в городе сильны, и Ахимити вскоре был низложен, а на трон возведен некий грек-киприот. Вероятно, он давно обретался в Ашдоде, на что может указывать наличие у него тут семьи. Саргон подчеркивает низкое, не царское, происхождение этого грека, тем поразительней факт возведения его филистимлянами на престол Ашдода. Возможно, он был отмечен вниманием ашдодского царя Ациру и приближен им к себе. По воцарении Ахимити сведений об Ациру нет — вероятно, его уже не было в живых. Поэтому по низложению ассирийского ставленника Ахимити на престол был возведен чем-то привлеченный филистимлян грек. Надпись № 6, кажется, упоминает в связи с этим солдат и не очень охотное занятие греком престола. Тем не менее, оказавшись у кормила власти, он предпринял деятельные дипломатические и фортификационные меры

ввиду неизбежного столкновения с Ассирией. Он снесся с владыками ряда городов и областей в попытке составить антиассирийскую коалицию. К ней примкнули, судя по надписи № 4, цари Эдома, Моава и Кипра, филистимские города Гат, Ашдудимми, а также Езекия Иудейский (ср. 4 Книгу царств, 18, 7: «И отложился он [Езекия] от царя Ассирийского и не стал служить ему»). Были отправлены дары и египетскому фараону в надежде привлечь его к коалиции. В этой же надписи № 4 сообщается также о фортификационных работах, проводившихся в Ашдоде и его окрестностях, в том числе сооружении глубокого рва, заполненного грунтовыми водами.

Узнав об этих событиях, Саргон действовал оперативно, не дав противнику времени для основательной подготовки. Несмотря на весенний разлив Евфрата, часть его гвардии быстро достигла Палестины и взяла Азеку, после чего грек бежал в Египет²⁵. Затем были взяты и разграблены филистимские города Ашдод, Гат, Ашдудимми, Экрон, Гезер, которые в дальнейшем управлялись ассирийским наместником (№ 1—2). Взятие Ашдода отразилось и в Библии (Исайя, 20, 1): «...Тартан (ассирийский наместник) пришел к Азоту (Ашдод), быв послан от Саргона, царя Ассирийского, и воевал против Азота и взял его». В результате последующих кампаний Саргон завоевал и разграбил Самарию, Шинухти и весь Израиль, а также подчинил Кипр (№ 3). Египетский фараон ввиду поражения Ашдода не стал ввязываться в конфликт с Ассирией и выдал Саргону бежавшего к нему грека. Так завершился этот необычный эпизод ближневосточной истории греков; из которого, видимо, можно сделать вывод о том, что греческие наемники эпизодически появлялись на службе у палестинских царьков.

Рассмотрим теперь кипрские дела. Еще раз о подчинении Кипра сообщается в надписи на замостке у ворот Хорсабадского дворца (см. выше, № 5): «...подчинил семерых царей Иа-Иатнаны, пребывающих (на островах) в море на расстоянии семи дней (пути)». На этом острове найдена так называемая Кипрская стела Саргона II, установленная в Китионе в 707 г. и гласящая следующее: «Я сокрушил, подобно бурному потоку, страну Хамат на всем ее (протяжении) [далее подробно развивается эта тема] (...и семерых ца)рей Иа-Аднаны ([Ad]папа, т. е. Кипра), что (лежит) посреди Западного моря на расстоянии семи дней (пути). Они расположены так далеко, (что) никто из моих царственных предков (не слы)шал названий их местностей с давнишних дней обретения ассирийской земли Ашшуром (?). Обитающие так далеко в середине моря, они узнали о моих подвигах, совершенных в Халдее и Хатти, и их сердца затрепетали, (ужас) пал на них. Они прислали мне (в) Вавилон золото, серебро, изделия из черного дерева и самшита, (которые считаются) сокровищами их страны, и облобызали мои ноги»²⁶.

По мнению А. Олмстеда, этот документ свидетельствует не

о чем ином, как о стремлении греков-киприотов к дружественным отношениям с Ассирией ввиду их торгового сотрудничества с финикийцами²⁷. Выше отмечалось, что слой VIII Аль-Мины (около 750—710) был целиком кипрским. Интенсивен кипрский импорт VIII в. и в Тарсе, Мерсине, Ибн-Хани, Рас-эль-Басите и других центрах сиро-финикийского побережья. Это позволяет думать, что вытеснение киприотами эгейских греков из Аль-Мины и, возможно, других левантйских факторий связано с той антиассирийской акцией ионийцев, о которой Курди-Ашшурламур сообщал Тиглатпаласару III около 738—732 гг. Эгейские греки свернули свою деятельность, по меньшей мере в Аль-Мине, и их место здесь заняли греки-киприоты. Формальное изъявление покорности и принесение даров Саргону II, о чем сообщает Кипрская стела, были актом проявления их лояльности по отношению к ассирийскому царю. Судя по хронологии слоя VIII Аль-Мины, греки-киприоты пользовались расположением Саргона до 712—711 гг., когда они ввязались в ашдодское дело.

Сколачивая антиассирийскую коалицию, греческий «царь» Ашдода, по происхождению киприот, естественно, привлек на сторону восставших и своих кипрских соплеменников, которые также упоминаются в списке членов антиассирийской коалиции: «те, кто обитает (на островах) в море» (№ 4). Наказание союзников Ашдода в ходе последующей сирийской кампании Саргона затронуло и греков-киприотов, о чем сообщается в приведенном выше пассаже из надписи на замостке у ворот Хорсабадского дворца. Этот пассаж оставляет нас в неведении относительно того, как именно были наказаны киприоты. Это остается неизвестным и из столь же неопределенных данных надписи № 3: «Я выловил, словно рыбу, ионийцев, которые живут посреди Западного моря» и нимрудской призмьы № 3411 (стк. 19): Саргон «выловил из середины моря Ионийца (𐎠𐎢𐎠𐎢𐎠𐎢𐎠𐎢𐎠𐎢𐎠) сетью (?)»²⁸.

Вероятно, с какими-то акциями Саргона против киприотов связано и сообщение надписи на цилиндре № 21, близкое по лексике только что приведенным карательным формулировкам: Саргон «могущественный, выловил ионийцев (Iamani) из середины моря, словно рыбу, и дал покой Куэ и Тиру»²⁹. Аналогичный текст Х. Винклер усматривал и в сильно фрагментированном месте Хорсабадских анналов (XIV, стк. 91 и сл.): «[Ионийцы из земли ... посреди мо]ря лежащей, с давних пор [нападали на Куэ и обитателей] Куэ убивали [лакуна]. На море я спустился к ним, разбил их оружием скопом и по отдельности, разграбил я города страны Куэ Харруа, Ушнанис, Аб[—], отнятые Митой (Мидасом), царем Мушки (Фригии)»³⁰.

Х. Винклер полагал, что в надписи на цилиндре речь идет о морской битве с ионийцами и потому они названы обитающими среди моря, а Ф. Биладель считает, что имели место и

морской и сухопутный походы, причем греки выступали союзниками Мидаса³¹. Иную интерпретацию событий дал А. Олмстед, полагавший, что они были связаны с основанием греческих колоний в Киликии³². По его мнению, греки были враждебны финикийцам, их торговым соперникам, а также Мидасу, который не был благосклонен к ним. У ассирийцев не было флота, и они могли воспользоваться услугами греков. Олмстед считал, что греки, потеснив финикийцев на Кипре, сохранили при Саргоне свою независимость и ко времени его смерти стали хозяевами моря. По мнению Л. Кинга, надпись на цилиндре подразумевает ликвидацию греческих пиратов³³. П. Насте отмечал, что между 710—708 гг. в конфликт с Ассирией вступили Кипр, Фригия, Куммуху. Действия Саргона против греков-ямани, известия о которых появляются с 711 г., были направлены, по мнению П. Насте, против пиратов, грабивших побережье Финикийского моря; разгром их был осуществлен руками киприотов, собравших по крови³⁴. В. Рёллиг полагал, что сообщение Саргоновых анналов о «выловленных» из середины моря ионийцах — древнейшее упоминание о греках в ассирийских источниках; его можно сопоставить, полагает он, с известиями об операциях Синаххериба в Киликии против греческих пиратов (см. об этом ниже)³⁵.

Разноречивость мнений по поводу сущности сведений Саргоновых надписей о греках определяется, конечно, скудостью этих сведений. Предположение о греках-пиратах, недоказуемое ввиду отсутствия прямых сведений, представляется излишним, поскольку в регионе тогда проживали греки (на Кипре, в Киликии, в левантйских факториях), кого-то из которых и следует подразумевать под ионийцами приведенных надписей на цилиндре и записи Хорсабадских анналов, на что справедливо указывал А. Олмстед³⁶. Сообщение Саргона о том, что он «дал покой Куэ и Тиру», может быть поставлено, на наш взгляд, с одной стороны, в связь с наказанием Кипра за участие в ашдодском восстании, а с другой, как думал Олмстед, — с основанием греческих колоний в Киликии.

Можно думать, что киприоты были лишены, так сказать, режима наибольшего благоприятствования в их торговой деятельности на материке. Они могли быть просто удалены отсюда, подтверждение чему — завершение VIII, кипрской, фазы в Аль-Мине около 710 г. — датировки, устанавливаемой по археологическим показаниям (см. ч. II, гл. 2). Л. Вулли отмечал, что VIII фаза Аль-Мины длилась недолго, около четверти столетия (см. ч. II, гл. 2). Мы предположили, что начало ее связано с удалением эгейских греков, прежде всего евбейцев, из Аль-Мины и, возможно, других факторий при Тиглатпаласаре около 738 г. Если завершение фазы связывать с наказанием Кипра за участие в ашдодском восстании, то примерно такой же перерыв получим и на основании соображений исторического плана. Кипрское присутствие в Аль-Мине скоро возобновилось

(через год, два или несколько лет — это археологически не улавливается), и наступила VII фаза, тоже кипрская; т. е. можно думать, что антикипрские меры Саргона со временем утратили силу (например, после его смерти в 705 г.). Для нашей гипотезы о том, что под ионийцами цилиндра 21 и записи Хорсабадских анналов в связи с кампанией в Куэ подразумеваются киприоты, наказанные за участие в ашдодском деле, и греческие колонисты Киликии, существенно совпадение по времени смены фаз в Аль-Мине и мер Саргона, направленных против киприотов.

По мнению Винклера, надпись на цилиндре 21, свидетельствующая о нападении греков как на Куэ, так и на Тир, подразумевает нападение с моря, где нападавшие и были разбиты. Поскольку у ассирийцев не было своего флота, отмечал исследователь, они прибегли к услугам финикийцев, своих подданных³⁷. Мне кажется, что на основании фразы Саргоновой надписи о том, что он «дал покой Куэ и Тиру» от ионийцев, нельзя делать вывод о нападениях греков на Тир, поскольку тесные связи греков Киликии и Тира вплоть до осады Тира Саргоном и его предшественником в 726—719 гг. (см. выше) в принципе противоречат этому. Исключив киликийских греков, мы вновь обращаем внимание на других греков региона — киприотов. Меры Саргона против них вполне могут подразумевать участие финикийцев, вольно или невольно предоставивших свой флот сюзерену. Антикипрскими мерами Саргона и участием в них финикийцев, мне кажется, и объясняется обретение покоя Тиром (так фигурально названы финикийцы) от греков — конечно, с ассирийской точки зрения. Греки тут названы не киприотами, а ионийцами по той причине, что речь в контексте ведется и о киликийских греках.

Обретение покоя страной Куэ, где также ощутимо кипрское присутствие, по-видимому, связано не с киприотами, а, как думал Олмстед, с родосскими, аргосскими и, возможно, самосскими колонистами (на последних указывал Ф. Билабель) Киликии, которым пришлось столкнуться с ассирийцами. В развитии этой мысли Олмстеда отмечу, что восстановленная Х. Винклером фраза анналов «[Ионийцы из земли ... посреди мо]ря лежащей, с давних пор [нападали на Куэ и обитателей] Куэ убивали» находит соответствие с известием «Линдийской хроники» о посвящении солейцами «десятины и отборочной добычи, взятой ими вместе с Амфилохом у метаблиреян и сп[е.]ян». Выше (ч. II, гл. 2) мы выяснили, что Амфилох — очень вероятный ойкист Сол, поэтому это сообщение может быть синхронизировано с данными Хорсабадских анналов о нападении греков на обитателей Куэ, и поскольку последние были данниками Саргона, нападения греков на них вызвали ответные меры ассирийского царя. Точно так же поступили и вавилоняне, когда на Куэ напал властитель горной Киликии Аппуашу (см. ниже). Островным происхождением родосских и самосских колонистов и

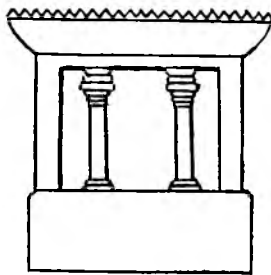

Рис. 5. Здание греческого типа на рельефе из Хорсабадского дворца Саргона II

объясняется, по-видимому, указание цилиндра и анналов на обитание этих ионийцев «посреди моря».

Еще раз акция Саргона против киликийских греков упоминается в надписи на замостке у ворот Хорсабадского дворца (приведена выше, см. № 5): «...завоевателя Самарии и всего Израиля, который (т. е. Саргон) разорил Ашдод, Шинухти, который выловил греков, (обитающих на островах) посреди моря, словно рыб, который искоренил Каску, весь Табал и Киликию, который прогнал Миту, царя Мушку (Фригии)». Под греками здесь подразумеваются не киприоты, как думал Д. Лакенбилль³⁸, — они упомянуты далее, а греческие колонисты Киликии.

Хронология антигреческих акций Саргона определяется, с одной стороны, датой ашдодского дела (712—711 гг.) и, с другой, — связью с нападением Мидаса Фригийского на Куэ (Хорсабадские анналы XIV, 91 и сл.). Столкновения Саргона с Мидасом имели место в 715 и 710—709 гг. Дело 710—709 гг. закончилось тем, что Мидас прислал посланца с дарами и между Фригией и Ассирией установились дружественные отношения³⁹. Х. Винклер синхронизировал нападения греков на Куэ с кампанией против Мидаса в 715 г.⁴⁰, но если предложенная здесь увязка этих событий с антикипрскими акциями Саргона после подавления ашдодского восстания правильна, логичней синхронизировать нападения греков Киликии на туземцев с кампанией против Мидаса в 711—710 гг. Вряд ли стоит думать, что известия упомянутых цилиндров 21, 3411 и Хорсабадских анналов (XIV, 11 и сл., 91 и сл.) подразумевают не одно, а несколько столкновений с греками, в силу стереотипности этих сообщений. Поскольку фригийцы были вытеснены из Куэ, а от ионийцев эта страна «получила покой», не исключено, что греки и фригийцы выступали в союзе, как думает Ф. Биладель. Впрочем, удаление фригийцев не означает, что и греки были удалены отсюда, поскольку лет 11—17 спустя здесь с ними имел дело Синаххериб. По-видимому, греки в результате конфликта с Саргоном приняли обычные ассирийские условия мирного сосуще-

ствования с империей — выплату дани, и не исключено, что это обстоятельство позднее послужило одной из причин поддержки ими выступления властителя Хилакку против Синаххериба.

Еще одно, довольно неожиданное, проявление греческого присутствия на Ближнем Востоке связано с сооружением в 712—705 гг. хорсабадского дворца Саргона II. На одном из рельефов этого дворца изображено здание греческого типа (рис. 5), на что давно обратили внимание ассириологи⁴¹. По описанию А. Олмстеда, это стоящий на берегу пруда, на высоком подиуме, храм в антах с двумя ионийскими колоннами. Колонны каннелированы, на базах, ионийские капители имеют шейку, волюты и абаку, на которой покоится архитрав. Вообще колонны несвойственны ассиро-вавилонской архитектуре, но имеются отдельные примеры их употребления с IX в. А. Олмстед предположил, что это, возможно, изображение «хеттского» бит-хилани, о котором сообщал главный архитектор дворца Табшар Ашшур при упоминании мажордома купальни. В связи с ярко выраженными в этом строении чертами греческой архитектуры Олмстед напоминает, что Саргон получал дань от греческих царей Кипра⁴². К этому добавим, что сооружение здания подобного типа может быть поставлено в связь и с кампанией Саргона против киликийских греков, приходящейся как раз на время начала строительства дворца или за три года до этого. Отсюда и могли быть взяты мастера для сооружения упомянутого храма. Соответственно и надписи Саргона отмечают, что для сооружения дворца в качестве строителей и художников были привлечены «люди стран от востока до запада, покоренные владыке Ашшуру»⁴³. Еще одно здание греческого типа изображено на рельефе из дворца Ашшурбанипала (см. ниже).

Сооружение греческого, или, точнее, греко-сирийского типа, представленное на хорсабадском рельефе, указывает, по-моему, на ближневосточные основы формирования греческого ордера (см. Заключение).

Надписи наследника Саргона Синаххериба (704—681) содержат сведения о ряде событий, в которых опять-таки фигурируют греки. В 698 г. произошло третье по счету, известное нам, столкновение греков с ассирийцами — на этот раз вновь в Киликии. О нем сообщают царские анналы и более подробно в интересующем нас аспекте — фрагменты сочинений Бероса, Александра Полигистора, Абиденца. Приведем эти сообщения.

Призма Синаххериба 1952 г., колонка V⁴⁴: «В эпонимию Шульму-Бела, правителя Римуси, правитель города Иллубру Кируа, подчиненный мне раб, которого оставили его боги, принудил людей Хилакку к восстанию и затем изготовился к бою. Люди, обитающие в Ингира и Тарсе, стали на его сторону, захватили дорогу в Куэ и блокировали проход. Лучников, щитоносцев и копьеносцев, колесницы, лошадей, свои царские войска я послал против них. Человеку из Хилакку, пришедшему на

помощь ему, они (войска) нанесли поражение в глубине труднодоступной горной местности. Они захватили города Ингира, Тарс и унесли их (восставших) награбленное добро. Самого (Кируа) они взяли в кольцо в Иллубру, его укрепления, и предотвратили его бегство посредством таранов, больших стенобитных орудий; при помощи лестниц и атаки пехотинцев они нанесли ему поражение и захватили город. Кируа, правитель (его), вместе с добычей, (взятой) из его городов и у народа Хилакку, пришедшего ему на помощь, вместе с ослами, крупным рогатым скотом и овцами они (войска) доставили в Ниневию ко мне. Я содрал кожу с Кируа. Я обратил и реорганизовал Иллубру. Людей завоеванных моими руками стран я поселил в нем. Оружие (трофей) Ашшура, моего владыки, я водрузил в центре его (Иллубру). Я повелел изготовить алебастровую стелу и воздвиг ее перед ним (трофеем)».

Сообщение об этой кампании Синаххериба имеется также в двух фрагментах «Истории ассирийцев и мидян» греческого историка I в. до н. э. Абиденца, который, как и Александр Полигистор, заимствовал данные Бероса, современника Александра Македонского. Эти фрагменты сохранились в армянском изводе «Хроники» Евсевия.

Фрагмент 7с (FGH T.III C, с. 386): «Когда до него (Синаххериба) дошло известие, что греки подступили к земле киликийцев, чтобы вести войну, он поспешил против них. Он стал напротив, и после того как многие его отдельные отряды прорубились сквозь ряды неприятеля, он одержал победу в бою. И как памятник этой победы он ставит сооруженный на том месте монумент и приказывает описать халдейским письмом его мужество и деяния в качестве напоминания будущим временам. И город Тарсон (так он сообщает) он-то выстроил по образцу Вавилона и дал ему название Тарсин».

Фр. 5(6), отнесенный Евсевием к 703 г., сообщает о морском сражении: Синаххериб «у морского побережья Киликии разбил и обратил в бегство эскадру военных кораблей ионийцев. И он выстроил также храм афинян, воздвиг медные обелиски и повелел описать в надписи свои деяния. Также он выстроил Тарсон по плану и образцу Вавилона».

Фр. 7с имеет несколько соответствий с приведенным выше пассажем Синаххерибовых анналов. Это — предписание поставить стелу с изложением деяний царя, сообщения о водружении трофеев, о восстановлении Иллубру (в греческой версии — Тарса), одно и то же место действия — Киликия, сообщение о сражении и победе ассирийского царя (в греческом варианте сокращено до одной фразы). Выражение фр. 7с о том, что Тарс Синаххериб «выстроил по образцу Вавилона», копирует соответствующую формулу ряда строительных надписей этого царя; ср. «Я построил и порталы по образцу хеттского дворца», «Я возвел... дворец из известняка (и) кедра по образцу хеттского дворца», «портик, сделанный по образцу хеттского дворца,

который они на аморейском языке называют бит-хилани, я построил»⁴⁵. Отмеченные соответствия дают основание возводить фр. 7с Абиденца—Бероса к анналистике Синаххериба.

Фр. 5(6) Абиденца—Бероса отличается от фр. 7с сообщением о морской битве и сооружении Синаххерибом храма афинян. Если и принять предложение А. Олмстеда о том, что в ассирийском источнике речь шла о сражении на морском побережье, которое в греческой передаче трансформировалось в морское⁴⁶, все же остается отсутствующее в анналах известие о строительстве храма. Это, по-видимому, указывает, что фр. 5(6) частью восходит к иному ассирийскому источнику, нежели фр. 7с⁴⁷.

Упомянутые в анналах Синаххериба «люди Ингира и Тарса», ставшие на сторону Кируа, соответствуют «ионийцам» и «грекам» фрагментов Абиденца (Бероса)⁴⁸. Ингира хорошо идентифицируется с городом Анхиалом, расположенным немного восточнее Сол⁴⁹. Согласно Аристубулу, участнику похода Александра Македонского, Анхиал был основан Сарданапалом (аруд Strabo XIV, 5, 9). Маршрут похода Александра по Киликии шел через соединенные дорогой Тарс, Анхиал, Солы, Малл (Agriani Anab. II, 5). Отсюда явствует, что известие Аристубула об основании Анхиала Сарданапалом почерпнуто из местного предания, о чем прямо говорит Арриан (II, 5, 2: logos). По словам Аристубула, «здесь находятся гробница Сарданапала, его каменная статуя (которая так сжимает пальцы правой руки, как будто щелкает ими) и следующая надпись ассирийскими письменами: „Сарданапал, сын Анакиндаракса, построил Анхиал и Тарс в один день. Ешь, пей, веселись, потому что все остальное не стоит этого“ — именно щелчка»⁵⁰.

Арриан тоже приводит эту выписку из Аристубула (на которого он ссылается чуть раньше, в пассаже II, 4, 7), причем с подробностями, свидетельствующими о посещении Аристубулом Тарса и Анхиала: описываются стены города, расположение около них памятника Сарданапала (II, 5, 2—4)⁵¹. Упоминание Аристубулом (соответственно анхиальской и тарсийской местной традицией) постройки Тарса и Анхиала ассирийским царем имеет соответствием сообщение анналов Синаххериба о захвате им Ингира и Тарса и последующем возобновлении Иллубру, а также свидетельство фрагментов Абиденца—Бероса о постройке Тарса. Эти сходства показывают, что под Сарданапалом Аристубулова рассказа (= анхиальско-тарсийской традиции?) подразумевается Синаххериб. Такому заключению соответствует также упоминание Аристубулом каменной статуи царя и ассирийской надписи в Анхиале, что находит параллель в сообщении Синаххерибовых анналов о возведении «трофея Ашшура» и его победной надписи в Иллубру. Такой же «трофей Ашшура» и победная реляция могли быть водружены в Ингира-Анхиале и Тарсе, также восстановленных Синаххерибом.

Уяснив отмеченные обстоятельства, можно реконструировать основные моменты событий, разыгравшихся в 698 г. Властитель

части горной Киликии — Хилакку Кируа, поддержанный властителем и другой ее части, отложился от Ассирии (обычно такие акции начинались неуплатой дани). Кируа поддержали и «люди, обитающие в Ингира и Тарсе» (анналы), которым соответствуют «ионийцы» и «греки» фрагментов Абиденца — Бероса. Следовательно, это подтверждает вывод о том, что Тарс и Анхиал уже существовали в данное время в качестве греческих колоний (см. выше). Греки заблокировали «Сирийские ворота» — проход из Сирии в Киликию, через который ожидалось наступление ассирийцев. Вероятно, тут и произошло сражение, о котором сообщает фр. 7с Абиденца — Бероса. С учетом данных фр. 5(6) о морском бое можно думать, что Тарс и Анхиал прикрывались с моря греческими кораблями, которые были разбиты, очевидно, финикийской эскадрой (своего флота у ассирийцев не было).

Очистив «Сирийские ворота», ассирийцы вступили в Куэ и заняли Тарс и Анхиал, откуда прошли в горную Киликию. Здесь был разбит еще один союзник Кируа («человек Хилакку, пришедший ему на помощь» — анналы), после чего была взята и хорошо укрепленная столица Кируа Иллубру⁵². Добро, награбленное Кируа и греками в оставшихся лояльными Ассирии поселениях Куэ, ассирийцы присвоили себе.

Синаххериб применил по отношению к захваченным городам обычные для ассирийцев меры. Согласно его надписи на призмах, приведенных выше, в Иллубру были поселены депортанты из какой-то завоеванной Синаххерибом местности. Это само по себе означает, что население столицы Кируа было выселено, и действительно, жители Хилакку упоминаются в надписи 694 г. в числе строительных рабочих, занятых на постройке царского дворца в Ниневии: «Людей Халди, арамейцев, маннейцев, (людей) Куэ и Хилакку, Палестины и Тира, не подчинившихся моему ярму, я вырвал (из их стран) и определил им носить корзину и формовать кирпич»⁵³.

Мятежными городами Куэ были Тарс и Анхиал — следовательно, и греческое их население в какой-то мере подверглось депортации и работало на строительстве Синаххерибова дворца. Вероятно, ими была возведена упоминаемая в одной из строительных надписей колоннада, вообще не свойственная ассирийскому зодчеству: она была выстроена по «хеттскому» образцу или, как полагал А. Олмстед, по греческому⁵⁴. Между прочим, часть лесоматериалов для строившегося ниневийского дворца Синаххериба была доставлена из Киликии: «Я построил и порталы по образцу хеттского дворца, я соорудил (их) при вратах; балками из кедра и кипариса, чей запах приятен, добытых в Амане и Сираре, блистающих горах, я покрыл их (портики)»⁵⁵.

Итак, город Иллубру был возобновлен и заселен депортантами. Поскольку были возобновлены также Тарс и Анхиал, по аналогии можно думать, что и они были заселены депортантами.

Однако часть прежнего греческого населения, видимо, была оставлена в них, что явствует из сообщения фр. 5(6) Абиденца о сооружении Синаххерибом в Тарсе «храма афинян», т. е. храма Афины⁵⁶. Возведение такого храма, естественно, предполагает наличие в городе греческого населения.

Эта акция Синаххериба показывает, что ассирийцы были заинтересованы в сохранении греческого присутствия в Тарсе, проще говоря, в торговле с греками. Такое заключение вполне согласуется с археологическими данными о непрерывности греческого материала в Тарсе и после разгрома города (ассирийская фаза, около 700—600 гг., см. ч. II, гл. 2). Также и в Анхиа-ле-Мерсине примерно на это время приходится смена фаз: закончилась фаза VIII в. (слой IV) и наступила фаза VII—VI вв. (слой III), включающая в числе найденного материала протокоринфские изделия, т. е. остатки раннего VII в. (см. ч. II, гл. 2). Выше мы отмечали также, что постройка храма Афины в Тарсе, согласно удачной мысли Дж. Бинга, указывает на присутствие линдийцев в городе, а найденный в Мерсине материал, по наблюдению Р. Барнетта, характерен для родосской Врулии (см. ч. II, гл. 2). Это означает, что после неудачного выступления против Синаххериба Тарса и Анхиаала население обоих городов составляли выходцы с Родоса.

Интересно, что в данном эпизоде истории киликийских греков не фигурируют Солаы. Эта колония либо воздержалась от участия в антиассирийском мятеже, либо попросту не существовала после возмозного разгрома, учиненного Саргоном II в 715 или 710—709 гг.

Так обстояли киликийские дела. Позиция же Кипра оставалась достаточно независимой и одновременно лояльной по отношению к Ассирии. Так, в 701 г. сюда бежал тиро-сидонский царь Элулай, но был здесь, вероятно, умерщвлен (подобно тому, как это было сделано позднее с другим бежавшим на Кипр царем Тира Баалом): «И Лули, царь Сидона, убоился сразиться со мной и бежал на Кипр, расположенный посреди моря, и искал тут убежища. В этой земле, в страхе перед оружием Ашшура, моего владыки, он умер»⁵⁷. Скорее всего, Лули бежал не к грекам Кипра, а к финикийцам, жившим на острове. Киприоты участвовали в качестве моряков в экспедиции Синаххериба 696 г., направленной к Персидскому заливу против бежавшего сюда вавилонского властителя Меродах Баладана, неутомимого врага Ассирии. По распоряжению Синаххериба «люди Хатти», т. е. финикийцы, сирийцы, киликийцы и другие, строили корабли для его эскадры на Тигре у Ниневии и на Евфрате у Барсиппы. Когда корабли были готовы, их укомплектовали экипажами, набранными из числа тирских, сидонских и кипрских (Iadnana) моряков. У нас нет оснований полагать, что под киприотами подразумеваются лишь финикийские жители острова, и А. Олмстед справедливо заключил, что в числе участвовавших в походе моряков наряду с тирянами и сидонцами бы-

ли греки⁵⁸. Согласно анналам Синаххериба, это были пленные моряки, поэтому не исключено, что в числе греческих членов экипажей имелись не только киприоты (столкновений с Кипром у Синаххериба не было), но и греки, разбитые в 698 г. в морском сражении у берегов Киликии (фр. 5(6) Абиденца — Бероса)⁵⁹.

Поход 696 г. к Персидскому заливу является, таким образом, эпизодом ближневосточной истории греков, поэтому приведем рассказ анналов Синаххериба о нем⁶⁰.

«В мою шестую кампанию против городов Нагиту и Нагитудибина, принадлежащих царю Элама (и) расположенных по другую сторону Горького моря (Персидского залива), куда бежали люди Бит-Якина⁶¹ пред могуществом оружия Ашшура,— оставив свои города и перейдя Горькое море, они мирно поселились там. Ашшур, мой владыка, укрепил меня, против них я направил поход к Нагиту. Хеттский народ, добычу моего лука, я поселил в Ниневии. Мощные корабли, в соответствии с (кораблестроительным) искусством их земли, они умело построили. Тирским, сидонским и кипрским морякам, пленникам моей десницы, я повелел (спуститься) по Тигру на них и пристать к причалам (?) Описа⁶². Из Описа, где корабли были вытасканы на сушу, волоком, на санях (? доставлены к каналу Арахту)⁶³. Они спустили корабли на канал Арахту. К каналу Бит-Даккури (?) в Халдее я спустил их. Там внизу (?), в... (городе), носителей моего ужасного оружия, не знающих страха, моих отборных пехотинцев, моих храбрых воинов, не знающих отдыха (?), я погрузил на корабли и снабдил всем необходимым для похода, в том числе зерном и сеном для коней, которых я погрузил с ними. Мои воины плыли вниз по Евфрату на кораблях, тогда как я сопровождал их посуху. Я отправил их к Бабсалимети. Подъем моего авангарда от берега Евфрата к берегу моря, переход посуху за два двойных часа все закончилось (? благополучно) [лакуна]. И волны моря [...] И я на слово его распоряжения не обратил внимания⁶⁴. В этом месте я разбил свой лагерь. Могучие волны моря набежали и влились в мой шатер. И они (волны) полностью окружили меня, куда я находился в моем лагере, заставив всех моих людей располагаться на могучих кораблях, словно в клетках, в течение пяти дней и ночей. Корабли моих воинов достигли болот у устья реки, где Евфрат изливает свои воды в страшное море. Я встретил их на побережье Горького моря. Эа, владыке пучины, я предложил чистые жертвы, и с золотой ладьей я бросил в море золотую рыбу и золотого рака. Свои корабли я быстро перевел в Нагиту. У берега страшного моря, который был неудобен и весьма утомителен для причаливания и нагуживания коней, а людям для ходьбы, халдеи, обитавшие в Нагиту и Нагитудибина, люди Хильму, Биллату и Хупапану увидели корабли моих воинов и собрали против них стрелков, повозки, лошадей, мулов неисчислимое множество. У реки Улаи, берег которой

хорош (т. е. тверд), вытянулась линия боя. Захватив место, где мое войско должно было выгрузиться на сушу, они начали сражение. Мои воины овладели береговой гатью, сквозь их ряд они прорвались с кораблей на берег, словно саранча, и нанесли им поражение. Города Нагиту, Нагитудибина, Хильму, Билатту и Хупапану, принадлежащие царю Элама, они захватили. Их гарнизоны, людей Халдеи, всех богов Бит-Якина, вместе с их добром, и эламитов, и повозки, мулов и ослов они взяли в качестве добычи, погрузили их на свои корабли и доставили, (переплыв) через Баб-салимети, ко мне. Те города они разрушили, опустошили и сожгли. На широкую землю Элама они излили ужас. Из добычи с земель, которые я (завоевал), я набрал 30 500 лучников, 30 500 стрелков и придал к частям своего царского войска. Из большого числа пленников я выделил (людей), словно овец, для своего поля, моим правителям и народу моих больших городов».

В надписях сына и преемника Синаххериба Асархаддона (680—669) также содержится упоминание о греках. В алебастровой таблетке из Ашшура, описывающей основные строительные предприятия царя в Ашшуре и Вавилоне, упоминаются Кипр, Яван и Тарс: «Все цари, обитающие посреди моря от Кипра (Iadana) и Явана (Iaman) до Тарса, склонились к моим ногам, и я получил обильную дань (от них)»⁶⁵. В тексте надписи стоит Nusisi, что Д. Лакенбилль идентифицировал с Кносом, но в действительности было написано Tarsisi — Тарс⁶⁶. Сложности возникли и с идентификацией названия Iaman. Д. Лакенбилль полагал, что оно эквивалентно названию Iadnana, однако Х. Тадмор высказал мнение, что это скорее разные топонимические обозначения⁶⁷.

Мысль Х. Тадмора развил Г. Сэггс, который отметил, что, хотя не исключена возможность обозначения названиями Iad(a)nana и Iamana различных областей Кипра, это менее правдоподобно ввиду упоминания в надписи Саргона на замостке у ворот Хорсабадского дворца отдельно царей Кипра и других греков — «народ Iamana, обитающий посреди моря» (см. выше)⁶⁸. Г. Сэггс заключил, что о народе Iamana ассирийцы ничего не знали, кроме того, что они морской народ или пираты. Он также обратил внимание на то, что Иаман упомянут в надписи Асархаддона между Кипром и Тарсом.

Это замечание Г. Сэггса было шагом к иной интерпретации, данной В. Рёллигом: под ^{māi}Iaman подразумеваются ионийские колонии побережья⁶⁹. Правда, В. Рёллиг не уточнил, колонии какого побережья он имеет в виду — эгейской Ионии или Восточного Средиземноморья. Поскольку ассирийские интересы не простирались до Ионии, а ограничивались Киликией, следует думать, что под ^{māi}Iaman данной надписи подразумеваются греческие колонии юго-восточной Анатолии. Поскольку они были преимущественно портовыми городами, в глазах ассирийцев, сугубо сухопутного народа (ср. неподдельный ужас перед мо-

рем, сквозящий в приведенном выше описании похода Синаххе-риба к Персидскому заливу), они составляли страну посреди моря, подобно тому как расположенный на полуострове Тир также именовался ими расположенным посреди моря.

Таким образом, киликийские греки находились в сфере влияния Ассирии и платили Асархаддону дань. Была ли она регулярной, остается неизвестным. В надписи царя говорится, что дань выплачивали цари Кипра, Иамана и Тарса. В греческих городах Кипра действительно правили царьки (см. ниже), сидевшие в них еще с ахейской поры, но относительно киликийских колоний это сомнительно — в основном в самой Греции к началу VII в. царская власть изжила себя. По-видимому, греческие колонии Киликии были не в прямой зависимости от Ассирии, а опосредованной — через туземных властителей Куэ и Хилакку, которые и подразумеваются в рассматриваемой надписи в качестве царей Иамана и Тарса.

Частичный ответ на вопрос о регулярности дани и политическом строе ближневосточных колоний дает призма В, в которой Асархаддон перечисляет всех зависимых от него царей Леванта и Восточной Анатолии, приславших средства и материал для постройки его дворца в Ниневии⁷⁰. Перечислив царей континентальных и прибрежных областей от Хатти на севере до Ашдода на юге, Асархаддон далее называет царей Кипра: «*Ekištura* (Эгисф) — царь *Edi'il* (Идалиона), *Pilagura* (Пифагор) — царь *Kitrusi* (Китроса), *Kisu* (Кисс) — царь *Sillu'ua* (Саламина), *Iuandar* (Этнадр) — царь *Parra* (Пафоса), *Erisu* (Герей?) — царь *Silli* (Сол), *Damasu* (Дамас) — царь *Kuri* (Куриона), *Atmesu* (Адмет) — царь *Tamesi* (Тамасса), *Damusu* (Дамос) — царь *Qarti-hadasti* (Карфагена), *Unasagusu* (Онесагор) — царь *Lidir* (Ледры), *Bususu* — царь *Nugia* — 10 царей Кипра посреди моря»⁷¹. По мнению А. Олмстеда, присланные Асархаддону кипрскими царями дары обусловлены не ассирийским владычеством над островом, а дружественной заинтересованностью их в мирных сношениях с гегемоном Леванта. По-видимому, это справедливо, поскольку и эти дары и те, что были доставлены киликийскими греками, были сделаны в связи со строительной деятельностью Асархаддона и, очевидно, не носили характера ежегодной, регулярно выплачиваемой дани.

По поводу имен греческих царей Кипра Олмстед отмечал, что в их числе выделяются старые ахейские антропонимы Эгисф, Кисос, Адмет, Герей (?), имеющие параллели в героических сказаниях времен Троянской войны. Действительно, этот факт подтверждает в числе других — исторических, археологических и лингвистических — показаний традицию об ахейской колонизации острова в XIII—XI вв. В связи с вопросом о политическом устройстве ближневосточных греческих колоний привлекает внимание карфагенский *Damusu*, что скорее не имя царя, а греческое слово *dēmos* (кипр. *dāmos*). Карфаген не был старым ахейским городом Кипра, в котором мог издавна сидеть

царь,— это был финикийский город, захваченный греками в VIII или раннем VII в., так что очень вероятно, что тут правил не царь, а народ, демос. Иначе говоря, в противоположность старинным ахейским центрам Кипра с их традиционным монархическим устройством Карфаген был полисом в соответствии с духом нового времени. Это обстоятельство может указывать на полисный характер устройства также киликийских колоний, возникших в VIII—VII вв.

Вероятно, Асархаддон фигурирует и в фрагменте 5(7) Абиденца (FGH T.III C), где он назван Аксердисом: «Он направил свое войско на город *Vizanitōn*, который прежде собирал ему наемные отряды и из которого происходил Пифагор, выученик халдейской премудрости». Под этим городом Ф. Якоби подразумевал Византий, но привел в комментарии к данному фрагменту упоминаемый Прокопием город *Vizapa* в Армении. Имеется также предложенная К. Леман-Хауптом идентификация его с городом *Vizanta* в Киликии, каковая, очевидно, является наиболее верной⁷². Поскольку данное событие попало в греческую традицию, можно думать, что этот поход Асархаддона каким-то образом задевал интересы киликийских греков. Может быть, это было повторением ситуации с усмирением царя Хилакку и греков Синаххерибом. Упомянутый Абиденцем поход может относиться к походу Асархаддона против коалиции сидонского и киликийского царей в начале его правления. Сидон был взят и разрушен, «а что до Сандуарри, царя Кунди и Сизу (в Киликии), закоренелого врага, не желающего признавать меня (своим) владыкой, которого покинули боги, то он полагался на естественную неприступность гор (своей страны)... Я поймал его, словно птицу, в его горах и отрубил ему голову»⁷³.

На связь города бизанитов с греками может указывать и вероятное пребывание там Пифагора столетием позднее (ср. сообщение Диогена Лаэртского [VIII, 1, 3] о пребывании его у халдеев — см. ниже). Интересно и указание фрагмента 5(7) на то, что этот город поставлял Асархаддону наемников. Ассирийцы широко практиковали включение в свою армию пленных солдат, как и рекрутский набор в провинциях.

Сын Асархаддона Ашшурбанипал, завершивший ряд крупных новоассирийских царей, продолжил начатые отцом перестройки дворцового комплекса в Ниневии. Те же цари вновь принесли ему, как и его отцу, средства и материалы для строительства, среди них — все упомянутые выше греческие цари Кипра. На одном из рельефов дворца Ашшурбанипала изображено здание, идентичное ионийскому храму в антах (рис. 6). Стволы колонн поставлены на базы и завершаются протоионийскими капителями с абаксой, на которой покоится балка архитрава. Капители имеются и на антах. Ассирийской чертой здания является лишь зубчатое завершение фриза; остальное же, как отмечал Л. Кинг, имеет параллели с Эфесским Артемисионом⁷⁴. Как и в случае с упоминавшимся рельефом из дворца Сарго-

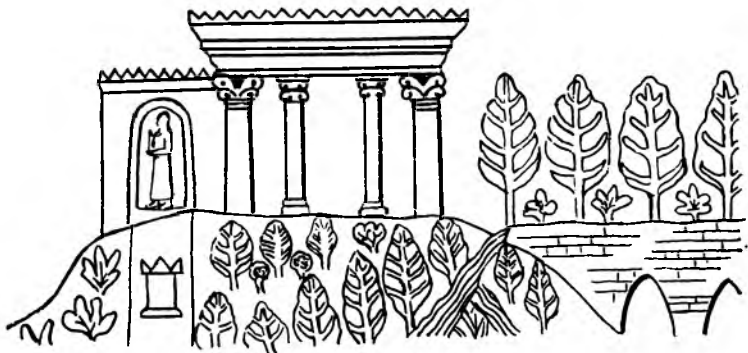

Рис. 6. Здание греческого типа на рельефе
ниневийского дворца Ашшурбанипала

на II, данный рельеф отражает реально возведенный павильон дворца Ашшурбанипала. Сооружение этого здания вполне может быть приписано греческим мастерам. Связанные со строительной деятельностью царя документы также упоминают депортацию ремесленников из различных стран в Ниневию.

В таком контексте интересно упоминание в ассирийских документах VII в. из Ниневии четырех лиц, обозначенных как ^mAaimappu, ^mIaamanī, ^mIamanī, ^mIamanpuu⁷⁵. К. Джонс отмечал, что эти обозначения, разумеется, могут быть поняты в качестве имени «Грек», однако склонялся все же к сопоставлению их с семитскими именами Imtânû, Imânu, Imani-ilu, Imtanī-Ašur и т. д. Х. Тадмор решительно отверг возможное значение «Грек» имен из ниневийских документов. Такая категоричность, однако, не представляется оправданной, и не исключено, что, как и в случае с упоминанием подобного имени в вавилонском документе из Харрана, это были либо греки, либо малоазийцы из греческих областей Анатолии (см. ниже).

Подводя краткий итог, отметим, что в литературе фигурируют две оценки характера взаимоотношений ассирийцев и греков. Одну, негативную, высказывают отдельные авторы, например Дж. Бинг: ассирийцы и греки были постоянными антагонистами, поскольку и те и другие претендовали на богатства Киликии и Леванта⁷⁶. Иной точки зрения придерживался А. Олмстед, который на ряде страниц своей «Истории Ассирии», как мы видели, подчеркивал заинтересованность обоих народов в установлении торговых и культурных связей. Эта позиция представляется мне более основательной. Ассирийцы относились к грекам так же, как и к другим ближневосточным народам — амореям, финикийцам, евреям, хетто-лувийцам — с точки зрения их лояльности к своему правлению. Если греки того или иного центра оставались лояльными, их деятельность не встречала препятствий. Если же они поддерживали инсургентов, карающая

десница ассирийцев не задерживалась с наказанием. Греки ближневосточных факторий и колоний вели дела непосредственно с подвластными Ассирии народами, прямые контакты их с ассирийцами были редки. Из деловых связей с населением Киликии, Сирии, Палестины и прорастает тенденция поддержки ими антиассирийских актов.

Однако отсюда вовсе не следует вывод о постоянном антагонизме Ассирии и греков. Показателен в этом отношении пример с Анхиалом и Тарсом: разрушенные Синаххерибом, они были восстановлены им же, что является свидетельством заинтересованности Ассирии в греческой торговле. Прибрежная полоса Сирии и Финикии с 738—720 гг. находилась в руках ассирийцев, и расположенные на ней фактории греков процветали, хотя время от времени какие-то из них подвергались наказанию ассирийцами и позднее вавилонянами. Это показывает, что над ситуацией конъюнктурными обстоятельствами в целом преобладали соображения взаимной выгоды.

Ассирия лежала слишком далеко от средиземноморского побережья, чтобы быть активным врагом или партнером «морского народа» — греков. Даже Кипр, лежащий в 96 км от левантского побережья и в 65 км от киликийского, представлялся Саргону II настолько далекой землей, что его предки и не слышали о ней. Но экономическую эксплуатацию Кипра он установил, поскольку нуждался в его ресурсах для своей строительной деятельности. Аналогичные связи в виде не очень обременительной дани для удовлетворения строительных нужд ассирийских царей имели место и с киликийскими греками. Причем эти связи были каналом взаимообмена не только товарами, но и идеями. Выше отмечалась возможная причастность греков к строительству во дворцах Саргона II и Ашшурбанипала. Пример обратной связи: в греческой фаланге многое взято из построения и вооружения ассирийской пехоты.

Нововавилонское царство и греки

Расцвет греческих левантских факторий и киликийских колоний продолжался и в период гегемонии нововавилонского царства (626—539). Обширная строительная деятельность Навуходноносора II (605—562), Набонида (556—539) и «промежуточных» царей требовала отлаженного механизма поставок материалов, средств и рабочей силы⁷⁷. В вавилонском цензовом документе времени Набонида из Харрана, содержащем перечень имен ремесленников, упоминаются «'Dui, lu... Iamaniai, его три сына, всего 4, один дом»⁷⁸. Имя 'Dui, отмечает К. Джонс, ассирийское, а Iamaniai выглядит гентильным обозначением «Иониец». Х. Тадмор также указывал, что здесь в формальном отношении представлена точная гентильная форма имени «Грек»⁷⁹. Тем не менее К. Джонс сомневался, что в семье, где отец и

один из сыновей носят семитские имена, другой сын мог именоваться «Греком», и склонялся к сопоставлению имени Iama-piaī с указанными выше семитскими антропонимами. Х. Тадмор и в данном случае решительно отверг возможное значение имени «Грек». Вскользь затронувший этот вопрос Т. Брон все же резервировал возможность греческого происхождения обозначенного этим именем человека, отметив вместе с тем, что он, конечно, не был чистокровным греком⁸⁰. Со своей стороны, выскажу предположение, что в данном случае упоминаемый в надписи Iama-piaī мог быть греком, усыновленным рабом-пленником⁸¹. Как раз для рабов характерен обычай обозначения этническим именем, свойственный практике различных народов (ср. греч. *Agars, Syros* и т. п.). Поэтому греческое происхождение данного Iama-piaī вполне вероятно, особенно ввиду депортации Набонидом тысяч пленников из Куэ в Вавилонию, в числе которых могли быть и греки из местных колоний, например служившие в качестве наемников у местного властителя⁸².

По мнению Э. Вайднера, обозначения Iaman, Iawan в ассирийских и вавилонских надписях относятся к грекам Киликии, Кипра и сирийского побережья. Он отмечает, что ионийские ремесленники были известны при вавилонском дворе. В опубликованных им вавилонских текстах, относящихся ко времени между 10 и 35 годами правления Навуходоносора II, дважды упоминаются восемь ионийских ремесленников, дважды семь⁸³. Вот текст одной из табличек, содержащих сведения о раздаче масла ремесленникам, которые трудились в хозяйстве дворца вавилонского царя и были, вероятно, пленными:

«1,5 сила (масла) трем плотникам из Арвада, 0,5 сила каждому.

11,5 сила 8 плотникам из Библа, 1 сила каждому...

3,5 сила 7 плотникам ионийцам, 0,5 сила каждому.

0,5 сила Набуэтиру, плотнику.

10 (сила) Иоахиму, сыну царя Иудеи.

2,5 сила пяти сыновьям царя Иудеи...»⁸⁴.

В другой таблетке упоминаются имена ионийских ремесленников: *Kunzuprija Iamana, Labbunu* (возможны различные варианты прочтения), *Azijak, Patam* (? неясно также, принадлежит ли оно ионийцу), которые Э. Вайднер сопоставил с анатолийскими именами *Kuzaraija, Labanas, Azios, Azōn* и т. д. Антропонимикон ионийских ремесленников показывает, что это были малоазийцы, происходившие из греческих областей Анатолии, прежде всего Киликии, которая, как мы видели, помимо обычных ассирийских обозначений Куэ и Хилакку называлась ими при Асархаддоне также Ионией (с. 184). Не следует также упускать из виду анатолизацию греков в Памфилии и Киликии, что мы видели на примере эолийской колонии Сиде (ч. II, гл. 2). Поэтому ремесленники-«ионийцы» опубликованных Э. Вайднером документов были то ли малоазийскими выходцами из греческих областей юго-восточной Анатолии, то ли нату-

рализовавшимися греками⁸⁵. Таким же «ионийцем» был, похоже, и усыновленный раб-ремесленник Iamapiai из Харрана.

Вавилонские цари вывозили из Греции («Ионии») бронзу и железо⁸⁶. Наконец, в их войсках служили греческие наемники. Не исключено, что привлечение на службу греческих наемников имело место еще во времена Асархаддона, если именно их подразумевал фр. 5(7) Абиденца (см. выше). Одним из наемников в Вавилоне был Антименид, старший брат поэта Алкея, написавшего стихотворение в честь его возвращения:

Ты пришел из отдаленной земли с мечом,
Рукоятка которого из слоновой кости, оправлена золотом...
[Сражаясь в вавилонской армии, ты добыл его как]
Большую награду, избавив (вавилонян) от опасности,
Когда убил воина
(Ростом) в пять царских локтей
Без одной ладони⁸⁷.

Дж. Эдмонс предполагает, что Антименид служил в Палестине в армии Навуходоносора II, на что может указывать папирусный фрагмент стихотворения Алкея, в котором упоминаются Вавилон и Аскалон⁸⁸. От этого стихотворения остались концы строк: «— море, — быть рожденным, — овладеваешь, — священного Вавилона, — Аскалон, — побуждая страшный, — полностью, — и храбрец, — (к?) обители Аида, — завещать, — венки для нас, — все эти вещи»⁸⁹. Стихотворение описывает полную опасностей солдатскую службу. И. Квинн предположил, что Аскалон упоминается тут в связи с разрушением его Навуходоносором II, которое датировано в вавилонских источниках декабрем 604 г. Алкей тоже был в Египте, вероятно, в качестве наемника (ср. Strabo I, 2, 30). Поэтому не лишено вероятия остроумное замечание Э. Бэрна, что Антименид и Алкей могли столкнуться в разных перипетиях вавилонско-египетской войны 605 г.⁹⁰

Наемники были не единственными греками, посещавшими Вавилонию. В позднейших греческих источниках немало известий о связях греческих философов с вавилонянами. Однако оценка сведений этих источников в научной литературе двойственна — одни их принимают, другие отвергают. При этом у адептов негативной точки зрения трудно найти какие-либо существенные аргументы. К примеру, в статье Л. Я. Жмудь «Пифагор в ранней традиции» начисто отрицается традиция о посещении Пифагором Вавилона и Египта, по существу, лишь на основании риторического характера речи Исократы «Бусирис», впервые упоминающей поездку философа в Египет⁹¹. Можно ли из этого заключить, что вся последующая традиция (Гекатей Абдерит, Диоген Лаэртский и др.) повторяла измышления Исократы? Отнюдь нет, ибо эта традиция дает сведения, которые трудно заподозрить в инвенции. Например, Александр Полигистор и Абиденец сообщают такие детали, которые хорошо укладываются в исторический контекст VI в. Абиденец называ

ет город *Byzanitōn* (*Busanta* в Киликии) местом пребывания Пифагора, в котором тот овладевал халдейской премудростью (или из которого он отправился к халдеям — см. выше). Александр Полигистор в сочинении «О Киликии» называет учителем Пифагора Зара (вариант: Назарата), ассирийца⁹².

При оценке достоверности этих данных следует исходить, во-первых, из отмечавшейся выше генетической связи сочинений Полигистора и Абиденца с «Вавилонской историей» Бероса, откуда они и могли стать известными греческой традиции. Во-вторых, Пифагор был самосцем то ли по происхождению, то ли по образованию (*Diog. Laert VIII, 1, 1—2*). Наличие в Киликии двух самосских колоний Нагида и Келендериды вполне объясняет маршрут путешествия молодого философа к вавилонским учителям. Так, конкретно-исторически следует подходить к оценке достоверности источников, а не из общего представления о риторическом характере исократова «Бусириса»: эпидейктический тип источника вовсе не обязательно свидетельствует о вымышленном характере всех его сведений.

Геродот (II, 109) утверждает, что полос и гномон (сферические солнечные часы), а также деление дня на 12 частей греки заимствовали у вавилонян, чего не отрицает даже такой скептик, как В. Рёллиг⁹³. Одно это сообщение Геродота предполагает контакты греков с вавилонянами. Если в вавилонской армии служили греческие наемники, то и гражданские, так сказать, греки могли посещать Вавилон и другие центры нововавилонского царства. Исследователи отмечали, что предсказавший затмение 28 мая 585 г. Фалес должен был основываться на знакомстве с многовековыми наблюдениями вавилонян над закономерностями движения Солнца и Луны⁹⁴. Фалес «первый нашел путь Солнца от солнцестояния до солнцестояния; он первый (по мнению некоторых) объявил, что размер Солнца составляет $\frac{1}{720}$ часть (солнечного кругового пути), а размер Луны — (такую же часть) лунного пути. Он первым назвал последний день месяца «тридесатым»⁹⁵. Д. Пингри отметил, что это свидетельствует о знакомстве ионийца с «Тропами Энлиля, Эа, Ану» в том виде, как они изложены в вавилонском своде предсказаний «Энума Ану Энлиль»⁹⁶. Вероятно, не всегда следует настаивать на заимствовании всех математических знаний греками у вавилонян, но общее знакомство греков с вавилонской и египетской математикой не подлежит сомнению⁹⁷.

Греки архаической поры были знакомы и с такой областью полурелигии-полунауки вавилонян, как астрология⁹⁸. Известен им был и вавилоно-аморейский фольклор: так, жизнеописание Эзопа, памятник VI—V вв., скомпонован на основе историй Ахикара, местом действия которых представлен двор ассирийских царей⁹⁹. Греки знали и усвоили уже в раннеархаическое время мифологию Вавилона (см. Заключение).

В целом можно констатировать широкий спектр знакомства греков с вавилонской культурной и научной традицией¹⁰⁰. Это

обусловливалось, с одной стороны, тем, что к VI в. греки стали значительной экономической, военной и культурной силой. С другой стороны, склонность вавилонских царей VI в. к культурной и строительной деятельности сделала Вавилон более открытой страной, что дало грекам возможность непосредственного соприкосновения с его древней цивилизацией¹⁰¹. Ввиду этого мысль А. Момильяно о том, что грекам открыли Восток контакты с персами¹⁰², нуждается в уточнении: занавес над тайнами культурного и научного знания Востока был приоткрыт еще при вавилонянах.

Библейская традиция о греках

Еще одной областью ближневосточных контактов греков были Иудея и Израиль. Греки были известны евреям и южным ханаанцам еще в VIII в.— греческий «царь» Ашдода вовлек в антиассирийскую коалицию Иудею, Эдом, Моав (см. выше). Ветхозаветной библейской традиции VIII—VI вв. известны различные сведения о греках. В «Таблице народов», отражающей этногеографические представления евреев VII в. (упоминаются даже киммерийцы!), сыновьями Яфета (Япет греческой мифологии, известный уже гесиодовой «Теогонии») названы Гомер, Магог, Мадан, Яван, Тубал, Мосох, Тираш (Бытие, 10, 4). Javan — это греческое Ιαπωνες — «ионийцы»¹⁰³. Если раньше приходилось реконструировать «обходной» путь движения этнонима греков в Левант — через карийцев, лидийцев, хетто-лувийцев Киликии, Зенджирли, Кархемыша и ассирийцев¹⁰⁴, то теперь, с открытием левантских факторий, этот путь упрощается до прямых контактов греков с финикийцами, ханаанцами и евреями. В качестве сыновей Явана в Библии названы далее Элиша, Таршиш, Киттим, Доданим. Киттим — это киприоты, Доданим — родосцы, Таршиш — Тарс и Киликия в целом (что еще раз свидетельствует о греческом компоненте населения этого города и акцентирует внимание на роли Тарса и других киликийских колоний как промежуточных пунктов греческого экспорта в Палестину и Сирию)¹⁰⁵.

Наименее ясно название Элиша¹⁰⁶. Оно близко египетскому Alashia, которым называлась область, близкая Киликии, и обычно идентифицируемая с Кипром. Кипр, однако, назван в списке «сыновей Явана» своим обычным библейским именем Kittim. Предлагалась также идентификация с названием греческой области Элида (Elis), что маловероятно, так как элиды на Ближнем Востоке не появлялись. Иосиф Флавий (Ant. Jud. I, 127) указывал, что «сын Явана» Alisa — это эолийцы; последние бывали на Ближнем Востоке и в Египте (Антименид, может быть, сам Алкей, брат Сафо Харакс; эолийская Митилена была в числе учредителей храма всех греков Эллениона в Навкратисе), могли быть и в библейских странах в числе наемни-

ков (о греческих наемниках здесь см. ниже). Не исключено, что обозначение эолийцев Elisa стало тут употребляться по отношению ко всем грекам, как это случилось с племенным названием ионийцев. Таким образом, «сыновья Явана», известные Библии греки,— это, вероятно, эолийцы (Элиша), киликийские, кипрские и родосские эллины. Знакомство финикийцев и евреев с греками обусловливалось в первую очередь торговыми связями. Названные области Греции упоминаются в известном пассаже Иезекииля (гл. 27), перечисляющем торговых партнеров Тира на исходе VII и в раннем VI в.

В Библии упоминаются среди прочего «голубого и пурпурного цвета ткани с островов Елисы», т. е. эолийские (или вообще греческие?), импортированные в Тир. Из Греции поступали сюда также рабы и бронзовые бытовые изделия: «Яван, Тубал и Мешех торговали с тобой, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду». Финикийцы Тира и Сидона, а также филистимляне продавали грекам пленных иудеев (Иоиль, 3, 6).

Более часты упоминания в Библии Тарса—Киликии¹⁰⁷. В названном пассаже Иезекииля (27, 12) представлена уже знакомая нам (см. выше) роль Киликии как поставщика металлов: «Тарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои (Тира) серебром, железом, свинцом и оловом». Поразительна роль Тарса и других киликийских колоний как поставщика кораблей для фрахта тирских грузов: «Тарсийские корабли были твоими караванами в твоей торговле, и ты (Тир) сделался весьма богатым и весьма славным среди морей» (Иезекииль, 27, 25).

Привлечение кораблей киликийских греков к перевозкам тирских грузов практиковалось и раньше, в VIII в. Когда в 725—719 гг. Салманасар V и Саргон II осаждали Тир, торговая активность последнего значительно уменьшилась и Исайя восклицал по этому поводу (23, 1 и 14): «Рыдайте, корабли Тарсийские, ибо твердыня ваша (Тир) разорена». Корабли Тарсиса—Киликии отныне не имели тирского фрахта: «Ходи по земле твоей, дочь Тарсиса, как река: нет более препоны (плотины)» (23, 10). Связи финикийского Тира и греческого Тарса (греческого потому, что речь идет о мореплавании, а греческие колонии Киликии были портами) настолько тесны, что Исайя призывает своих сограждан, осажденных ассирийцами, переселиться в Тарсис (23, 6). Еще один пассаж из Исайи показывает, что уже во второй половине VIII в. (Исайя был поставлен жрецом Иерусалимского храма около 742 г.) в южной Палестине знали не только киликийских греков, но и собственно Грецию, и знание это было достаточно близким, ибо предполагается возможность приобщения ее к культу еврейского Господа: «И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них (истинных почитателей Господа) к народам: в Тарсис, в Пулу и Луду, к натягивающим лук, в Тубалу и Явану, на дальние

острова, которые не слышали обо мне» (66, 19). Здесь перечислены малоазийские области, и Яван — не Киликия, которая названа Тарсисом, а Иония; упоминаемые вслед за нею «дальние острова» должны быть Эгейскими.

Хорошо знаком ветхозаветным евреям и ханаанцам Родос¹⁰⁸. Что библейское обозначение Dodanīm (Бытие, 10, 4; I Кн. Паралипоменон, 1, 7) подразумевает именно этот остров, показывают самаритянская версия Моисеевых книг и масоретский текст, дающие в указанных пассажах чтение Rodanīm, а Септуагинта — Rhodioi. Иезекииль (27, 15), обращаясь к Тиру, отмечает: «Сыны Дедана торговали с тобою»¹⁰⁹ и уточняет далее одну из статей торгового обмена: «Дедан торговал с тобою драгоценными попонами для верховой езды» (27, 20).

Епископ кипрского города Констанция Епифаний (298—403) утверждал, что «Kition — это название острова киприотов, Kitiōi ведь зовутся киприоты и родосцы» (Panarion haeres. XXX, 25, 9). Это «загадочное», по словам Дж. Хилла, сообщение¹¹⁰ может быть объяснено в том плане, что родосцами в древние времена на Кипре слыли не только жители острова Родос, но и киликийские колонисты родосцев, слившиеся с туземным новохеттским населением и потому сами называвшиеся «хеттами» — Chittim Библии. П. Кречмер выяснил, что Kētīon — название местности в Киликии, Kition, Ketion, Kētīon — название города на Кипре, и библейское обозначение этого острова — Kittim — все восходят к дохеттской основе, давшей название страны хеттов Hatti¹¹¹. Перенос восточноанатолийского этнического и топонимического обозначений на Кипр, как мы видели, имел место в XIII—XII вв. (ч. II, гл. 1). Поскольку Китион на Кипре был одним из первых городов, заселенных пришедшими сюда ахейцами, а название г. Китиона стало в библейской традиции обозначением всего острова — Kittim, то ясно, что перенос этого восточноанатолийского названия из Киликии на Кипр был осуществлен греками-ахейцами. Столь же естественно в VIII—VII вв. это обозначение применялось и к новому греческому населению Киликии — родосским колонистам Сол, Анхиала и, возможно, Тарса.

Кипр, как сказано, известен библейской традиции под названием Kittim. Правда, иногда оно могло применяться также по отношению к разным местам Средиземноморского побережья и островам¹¹². Поскольку с XIII—XI вв. остров был основательно заселен греками, «Таблица народов» причисляет Kittim к «сыновьям Явана». Исайе как будто было известно бегство тиро-сидонского царя Элулая на Кипр и смерть его там (23, 12, см. с. 182). Иеремия (2, 10) обрушивается на забывших Господа евреев и предлагает им пойти на «острова Хиттимские», т. е. на Кипр, Крит и т. д., чтобы убедиться, что там никто не переменял богов. Иезекииль упоминает оправу из слоновой кости «с островов Киттимских» на буковых скамьях тирских кораблей (27, 6).

Кипр упоминается в Библии и как участник исторических событий VI в. Пророк Даниил (11, 29—30) предвещает, что в назначенное время ассирийский царь выступит на юг, против египетского фараона и «в одно время с ним придут корабли Киттимские; и он упадет духом и возвратится». Это сообщение может подразумевать одну из египетских кампаний Навуходоносора II, поскольку оно соответствует сообщению Диодора (I, 68, 1) о победе Априя (589—570) над финикийским и кипрским флотами, откуда явствует, что Кипр состоял в союзных отношениях с финикийцами и Вавилоном.

В дальнейшем, однако, его отношения с Вавилоном изменились. Моисеево пятикнижие пророчествует: «Корабли от Киттима смирят Асур и смирят Евера, но и им гибель» (Числа, 24, 24). По-видимому, здесь подразумеваются события, связанные с походом Нериглиссара в декабре 557 — феврале 556 гг. против Аппуашу, царя Piginu (горная Киликия), напавшего на подчиненного Вавилону царя Хуме (Куэ), равнинной Киликии¹¹³. Вавилонское войско прошло по всей земле Аппуашу, несмотря на труднопреодолимую местность, и захватило основные его базы.

При этом была произведена необычная для ассиро-вавилонской военной практики операция по захвату острова Pitusu. Эта акция свидетельствует о каких-то морских операциях, какие вполне могут быть связаны с библейским сообщением о «кораблях Киттима, смиряющих Асур». Возможно, греки Кипра и колоний горной Киликии поддержали Аппуашу (как это было при Синаххерибе здесь же). Во всяком случае, название острова, занятого вавилонянами, Pitusu — не что иное, как клинописная передача греческого названия островка у киликийского побережья Питиусса (Pityous)¹¹⁴.

Поход Нериглиссара, кажется, не решил проблемы — спустя два года Набонид снова послал войско в Хуме. Отчет об этом походе в его хронике крайне фрагментирован, и суть событий осталась неизвестной. Конечно, известие Библии о киттимском флоте, противоборствовавшем Вавилону, может быть связано и с походом Набонида.

Предреченной в «Числах» гибелью Кипра может быть покорение его египетским фараоном Амасисом (570—526 [Herod. II, 182; Diod. I, 68, 6]).

Участие греков в войнах, ведшихся в Киликии, Сирии, Палестине, создало им славу хороших солдат. Поэтому в VII в. мы видим греков-наемников на службе у египетского фараона, вавилонского царя и даже, кажется, ассирийского царя Асархаддона.

Еще один адрес службы греческих наемников обнаружился в результате раскопок И. Наве 1960 г. в Мецад-Хашавьяху, расположенном на берегу моря между Ашдодом и Яффой¹¹⁵. Здесь было открыто крепостное сооружение Г-образного плана. Найденные материалы включают значительное количество восточно-

греческой керамики, а также местной, в том числе несколько еврейских остраконов¹¹⁶. Греческая керамика в значительной мере состоит из родосско-самосской посуды, датируемой, в частности, по родосскому стилю «диких козлов» последней третью VII в. Анализ материала, по мнению И. Наве, показывает, что крепость была построена греческими наемниками Псамметиха I, который, согласно Геродоту, 29 лет осаждал Ашдод. Греки и были изначальными ее обитателями. Крепость просуществовала не более 20 лет, полагает И. Наве, и была завоевана иудейским царем Иосией незадолго до 609 г. Она была заброшена, когда египетская армия откатывалась назад после поражения от вавилонян в 609 г., и никогда более не заселялась.

Так интерпретировал памятник его раскопщик. Но если греческий характер крепости ни у кого не вызывал сомнения, то мысль И. Наве о ее принадлежности Египту сразу была оспорена. Датский библист И. Станге высказал мнение о принадлежности форта иудейскому царю Иосии, который пригласил на службу к себе греческих наемников для охраны подступов к его владениям со стороны Египта¹¹⁷. Что касается сообщения Геродота о 29-летней осаде Ашдода египтянами, то И. Станге резонно заметил, что такой срок невероятен и галикарнасский историк что-то напутал с цифрой: речь может идти либо о начале осады за 29 лет до смерти Псамметиха (664—610), т. е. в 639 г., либо на 29-м году его правления, т. е. в 633 г.

Действительно, мнение датского библиста представляется более правомочным в силу того, что никаких египетских вещей в Мецаде не было найдено (ср., напротив, обилие их в одном из зданий Кархемыша, отбитом вавилонянами у фараона в 605 г., — см. ниже). Интерпретацию И. Станге поддержали М. Остин и П. Рийс¹¹⁸. Вместе с тем нельзя исключить и иные возможности понимания исторической ситуации, приведшей к возникновению греческого укрепления в Мецаде. Мне представляется, что эти греческие наемники могли быть на службе у Ашдода, где столетием ранее грек-наемник был возведен на царский престол (с. 171). Основание крепости датируется примерно 640—620 гг. В 626 г. скифы прошли опустошительным маршем по Сирии и Палестине, имея целью, по словам Геродота (I, 105), нападение на Египет. Псамметих, однако, по его словам, встретил их в Палестине и откупился богатыми дарами. Скифы ушли, разграбив по пути святилище в Аскалоне. Далее галикарнасец сообщает (I, 106), что скифы господствовали в Азии 28 лет, все перевернув в ней вверх дном. Не довольствуясь малой данью, они предавались грабежам, кочуя из одной местности в другую. Из данного пассажа Геродота можно заключить, что основной ареной «деятельности» скифов была Мидия, где в конце концов и закончилось их господство над Передней Азией.

Неизвестно, насколько в глубь Палестины простирались рей-

ды скифов после 626 г., во мы знаем, что уже около 609 г. Палестина стала доменом Нехо, особенно после нанесенного им поражения иудейскому царю Иосии при Мегиддо. Тогда же египтяне ходили на Тир и Сидон, а на обратном пути опустошили филистимские города, в частности Аскалон и Газу (Иеремия, 47).

Изложенные данные показывают, что между 626—610 гг. палестинские города могли испытывать угрозу со стороны скифов. Мецад расположен севернее Ашдода, и это свидетельствует, что он прикрывал подступы к городу с севера. Ассирия и Вавилон в отмеченное время всецело были заняты проблемами своего региона, так что реальная угроза Ашдоду с севера исходила в это время от скифских рейдов. Заслоном против них, мне представляется, и была греческая крепость в Мецад-Хашавьяху, устроенная Ашдодом, может быть, совместно с Аскалоном.

Глава 4

ГРЕКИ В ЕГИПТЕ

Сведения источников о греках в Египте многообразны. Поскольку эта тема имеет монографический характер и отчасти разрабатывалась в советской литературе (П. В. Ернштедт, В. Г. Борухович, К. М. Колобова и др.), в нашем синопсисе ближневосточной истории греков VIII—VI вв. она рассматривается в самом общем плане.

Контакты микенских греков, особенно Крита, с Египтом имели место давно, еще на протяжении II тысячелетия, но не были значительными в силу закрытого характера общества Страны пирамид (ср. Herod. II, 91). Тем не менее изделия египетских мастеров оседали в Микенах, Тиринфе, на Крите и в других греческих центрах микенской эпохи¹.

Спорадические торговые и культурные связи с Египтом отразились в сказаниях о Персее, Данае и Данаидах, приуроченных к Аргосу: аргосская правящая династия возводилась к египтянину Данаю — так архаические греки интерпретировали свой древний, уже непонятный им этноним «данайцы». Египетское происхождение приписывалось и родителям Геракла — царю Тиринфа Амфитриону и Алкмене (Herod. II, 43). Следовательно, и владыки микенского Тиринфа, и дорийские Гераклиды, родоначальницей которых считалась Алкмена, претендовали на египетскую генеалогию. Основание древнейшего в Греции Додонского святилища связывалось с прибытием жрицы из Египта (Herod. II, 54—58). Геродот приводит и многие другие примеры греко-египетских связей древнейшей поры, достоверность которых трудноопределима вследствие недостатка информации.

В эпоху рейдов «народов моря» на Египет часть их, в част-

ности шарданы, оседала здесь в качестве наемников. Не исключено, что и часть ахейцев после дорийского вторжения могла оказаться в Египте. Хотя В. Г. Борухович сомневается в этом², отметим, что, возможно, поселением таких метанастов был город Архандр в Дельте, неподалеку от Навкратиса. Геродот (II, 98) отмечает, что это название не египетское, и полагает возможным связывать его с именем Архандра, сына Фтия, зятя Даная, внука Ахея.

Набег греков на Египет в интерполяции на микенские времена описывается в «Одиссее» (XIV, 257 и сл.; XVII, 426 и сл.). То ли торговые, то ли разбойнические «операции» совершал там и Менелай, вернувшийся с богатой добычей (Od. III, 300—302; IV, 83—85). Эти сведения одни исследователи склонны возводить к микенскому времени, другие — к раннеархаическому. Интересна и рассказанная Геродотом (II, 113—120) со слов египетских жрецов негомеровская версия приключений Париса в Египте, бежавшего из Спарты с Еленой. По-видимому, это сокращенное изложение одной из киклических поэм, которую египтяне усвоили от живших у них в VII—VI вв. греков и пересказали позднее Геродоту.

Географические сведения автора «Одиссеи» о Египте конкретны — ему известны путь в эту страну, Нил, Дельта, город Фивы, остров Фарос³. Эти сведения вполне могли быть усвоены греками IX—VIII вв., особенно ввиду фрахта тирянами греческих кораблей Тарса—Киликии, на которых финикийцы, ведущие торговлю с Египтом (Od. XIV, 288—291; Herod. II, 112), могли доставлять туда свои товары. То, что в эпосе фигурируют Фивы, а не Саис, показывает, что эти сведения предшествуют воцарению саисской династии (664 г.). По-видимому, найденные в Греции немногочисленные египетские изделия VIII — первой половины VII в. (Элевсин, Спарта, Перахора и др.) доставлены сюда через киликийские и сиро-финикийские греческие центры.

Найденные в Египте греческие вещи, относящиеся ко времени до середины — второй половины VII в., производят впечатление случайно попавших сюда. Их немного, и это соответствует исторической традиции, представленной главным образом Геродотом и Диодором, о стабильном поселении греков в Стране пирамид только при Псамметихе I (664—610), который использовал в борьбе за власть ионийских и карийских наемников. Эти события, отстоявшие от Геродота на 200 лет, получили в его рассказе фольклорный облик (II, 147, 151—152). Господство предшествующей эфиопской династии (715—664) представлено галикарнасцем в виде 50-летнего правления одного эфиопского царя Сабака. Когда назначенный ему оракулом срок правления закончился, эфиоп ушел, и одним из его преемников был Псамметих. За невольное нарушение обряда он был послан, но, согласно оракулу, должен был взять власть в свои руки с помощью «медных людей». Когда ионийские и карийские пираты в медных доспехах, случайно занесенные в Египет, на-

пали на побережье страны, Псамметих принял их к себе на службу и с их помощью установил свое единоличное правление.

Действительный ход событий, приведших к воцарению саисской династии, известен из данных «цилиндра Рассама», повествующего о правлении ассирийского царя Ашшурбанипала. В 671 г. Асархаддон подчинил Египет и утвердил на тронах в занятых египетских областях ряд царьков, которые, однако, в 669 г. отпали от Ассирии. В связи с этим Ашшурбанипал предпринял в 667 г. поход в Египет, подробно описанный в «цилиндре Рассама»⁴. В походе приняли участие и цари греческих городов Кипра, вместе с финикийцами острова предоставившие флот для нападения на Египет с моря. В результате победы ассирийцев над областями вновь были поставлены два десятка местных царьков, причем особой благосклонностью Ашшурбанипала пользовались мемфисско-саисский правитель Нехо и его сын Псамметих. В 664 г. Нехо погиб при осаде Мемфиса кушитским фараоном Тануатамоном, и в Саисе воцарился Псамметих I. В сношениях с ним вступил царь Лидии Гигес (около 685—652), который сколачивал антиассирийскую коалицию и «отправил свои отряды для союза к Пишамилку (Псамметиху), царю страны Муцур (нижний Египет), сбросившему ярмо моего владычества». Это и были ионийские и карийские наемники, о которых сообщал Геродот. По Диодору (I, 66, 12), Псамметих послал в Лидию за наемниками; что близко соответствует данным хроники Ашшурбанипала.

Есть еще одно свидетельство, уточняющее данные о привлечении Псамметихом греческих наемников. Согласно Страбону (XVII, 1, 18), при Псамметихе в Египет явились милетяне на 30 кораблях и построили Милетскую крепость у Болбитинского устья Нила; спустя некоторое время они поднялись вверх по реке к Саисскому ному, разбили здесь эскадру города Инара и основали Навкратис. Эти сведения Страбона показывают нам, что именно предприняли наемники Псамметиха. Саис был одним из княжеств нижнего Египта, соперничающих между собой,— одним из эпизодов такой борьбы был разгром греками инарского флота. Столица княжества Псамметиха расположена на Болбитинском устье,— там же была устроена и Милетская крепость. Это указывает, что милетяне, о которых сообщает Страбон, и были теми самыми ионийскими и карийскими наемниками Псамметиха, о которых свидетельствуют сообщения Геродота и Диодора, а также в какой-то мере хроника Ашшурбанипала. Военное искусство греков было известно в Египте по их грабительским набегам на Дельту, а идея использовать их в качестве наемников могла быть внушена Псамметиху лидийским царем Гигесом⁵.

Взяв власть в свои руки, Псамметих использовал греческих, карийских, финикийских и ливийских наемников в качестве защиты страны от внешней угрозы. По словам Геродота (II, 154), «ионийцам и карийцам, оказавшим ему содействие, Псам-

метих предоставил местности для поселения, одну напротив другой, так что Нил был посредине; назывались они Стратопедонами (Воинскими лагерями)... Ионийцы и карийцы долгое время пребывали в этих местностях, расположенных недалеко от моря, ниже города Бубастиса, при устье Нила, называемом Пелусийским».

Эти Стратопедоны соответствуют упомянутому Геродотом ранее Дафнам (II, 130) — крепости, выстроенной наемниками «против арабов и ассирийцев», вторгавшихся в Египет через Пелусийский перешеек. Один из Стратопедонов Дафны идентифицируется с современным Телль-Дефенне, лежащим к востоку от Пелусийского устья и сохранившим свое древнее название. Часть этой крепости была раскопана в 1886 г. Флиндерсом Петри⁶. Найденная греческая керамика находилась в основном в двух помещениях. В ее составе — изделия аттические, самосские стилия Фикеллора, клазоменские, укладывающиеся в рамки VI в. Материал середины VII в. не найден, однако разведочный характер раскопок Петри не дает оснований для заключения о возникновении Дафн в VI в., например при Псамметихе II (Геродот иной раз путался в событиях, имевших место в правление обоих соименных фараонов). Данные галикарнасца (II, 157) об осаде Псамметихом I Ашдода и его действиях в Палестине предполагают наличие у него базы на египетско-палестинской границе, каковой и могли служить Дафны. По мысли Г. Холла, эту осаду Ашдода, закончившуюся взятием города, вели греческие и карийские наемники Дафн⁷. Как отметил И. Странге, это событие имело место около 640—633 гг. (см. выше), так что основание Дафн, можно думать, произошло не позднее указанного времени⁸. Во всяком случае, вторжение во владения фараона скифов в 626 г., заставшее Псамметиха в Палестине, — позднейшее из событий, предполагающих возникновение Дафн.

Как уже говорилось, по данным Страбона, основавшие Милетскую крепость милетяне спустя некоторое время, но при Псамметихе I, поднялись вверх по реке к Саисскому ному и основали там Навкратис. Геродот (II, 178), однако, относил основание Навкратиса ко времени правления фараона Амасиса (570—526): «Будучи филэллином, Амасис еще кое-что предпринял по отношению к некоторым эллинам, а именно прибывавшим в Египет позволил заселить город Навкратис; тем же мореходам, которые не имели намерения поселиться в нем, предоставил участки для строительства алтарей и теменосов богам». Местная навкратийская традиция, напротив, относил возникновение города к 23-й олимпиаде (688—685). По словам местного историка Полихарма (apud Athen. XV, 675f), некий навкратиец Герострат, посетивший многие порты, находясь в 23-ю олимпиаду в Пафосе на Кипре, приобрел там статую Афродиты старинной работы, которую привез затем в Навкратис. У Евсевия (= Иеронима) основание города отнесено к 748 г. (Euseb.—Hier., p. 88b Helm).

Противоречивые показания источников о времени возникновения города до некоторой степени уточняются археологическими данными. Навкратис идентифицируется с местом, лежащим в 3 км от современной деревни Эль-Никраш, сохранившей древнее название. Он расположен на восточном берегу Канопского устья Дельты примерно в 16 км от Саиса и 80 км от моря. Раскопки производились в 1884 г. (Флиндерс Петри), 1885—1886 гг. (Э. Гарднер), 1899 и 1903 гг. (Д. Хогарт)⁹. Техника всех раскопок была не на высоте, поэтому интерпретация найденного материала продолжается до сих пор¹⁰. Была вскрыта часть городища площадью 800×400 м, греческая на севере и египетская на юге. В греческом квартале открыто несколько частных ойкосов, святилища Геры, Аполлона, Диоскуров и общий храм всех греков Элленион. В южной части раскопаны большой египетский храмовый комплекс, храм Афродиты, мастерская по изготовлению скарабеев. По письменным источникам известны также святилища Зевса, пританей и рынок (εμπορίον)¹¹. Геродот (II, 178) перечисляет следующие города, учредившие навкратийский Элленион, основной храм города: ионийские — Теос, Хиос, Фокея, Клазомены; дорийские — Родос, Книд, Галикарнас, Фаселида; эолийская Митилена; отдельно выстроены эгинетами храм Зевса, самосцами — храм Геры и милетянами — храм Аполлона.

Хронология найденной греческой керамики определялась исследователями различным образом, поэтому по-разному датировались ими и время возникновения Навкратиса. Так, Ф. Петри, Э. Гарднер и К. Ребак относили основание города к началу правления Псамметиха I, Д. Мале — к концу его правления, Р. Кук — к 615—610 гг., а Ф. Биссинг — ко времени Псамметиха II (595—589)¹². Также и в работах последнего времени нет решительных аргументов в пользу той или иной точки зрения.

Общую характеристику найденной в Навкратисе керамики из авторов последних лет дали Дж. Боурдмен и А. Бернан, причем хронологическая ее характеристика у них несколько расходится. Дж. Боурдмен отмечает, что среди керамических находок имеются хорошо датированные фрагменты коринфской керамики — один обломок «переходного» стиля (около 630—620) и еще несколько обломков позднего VII — раннего VI в.¹³. Основная масса — ионийская керамика — датируется менее точно. В целом она, по Дж. Боурдмену, включает следующие восточногреческие группы: 1) родосская (она производилась, вероятно, также в Милете и других ионийских центрах); наиболее ранние образцы ее относятся к концу VII в.; 2) хиосские кубки и канфары (ранее назывались навкратийскими); 3) группа чернотелых кубков, вероятно, самосского происхождения; также несколько черепков лесбосских сероглиняных изделий; 4) фрагменты ваз стиля Фикеллюра, процветавшего в середине — третьей четверти VI в.; 5) клазоменские вазы, выпускавшиеся в третьей четверти VI в.; 6) значительное число фраг-

ментов спартанских ваз первой половины VI в.; 7) древнейшие образцы афинских ваз, датируемые примерно 620 г.; афинская керамика VI в. представлена очень хорошо, около 525 г. ее импорт прерывается и возобновляется в раннем V в. В целом Дж. Боурдмен заключает, что коринфские изделия указывают на присутствие греков в Навкратисе со времени около 620 г. или даже 20 годами ранее, однако при этом нельзя не принимать во внимание отмеченное Ф. Биссингом отсутствие скарабеев Псамметиха I.

А. Бернан суммировал хронологические оценки различных групп найденной в Навкратисе керамики, данные ей авторами монументального издания последних десятилетий — *Coprus vasorum antiquorum*¹⁴. Родосские изделия группы А идут со времени около 650 г., группы В — около 625—590 гг. Хиосские изделия группы А относятся ко времени около 650—575 гг., группы В — 625—525 гг. Стиль Фикеллюра удревнен до 570—500 гг., клазоменская керамика относится к 600—525 гг., аттическая чернофигурная — к 610—400 гг., краснофигурная — 520—350 гг., наконец, коринфская датируется 600—525 гг.

Как видно, керамические материалы позволяют датировать возникновение Навкратиса второй половиной VII (преимущественно концом столетия) — ранним VI в. Расцвет города приходится на VI в. Данный Геродотом (II, 178—179) перечень ионийских и дорийских центров, принимавших участие в храмовом строительстве в городе, предполагает широкое развитие здесь греко-египетской торговли. По его свидетельству, Навкратис был единственным греческим эмпорием в Египте. Основными статьями обмена, как полагают исследователи, были египетский хлеб и фракийское серебро, ввозившееся греками. Фараоны имели свой интерес в этом обмене, получая названный драгоценный металл для расчетов с наемниками. Кроме того, они, кажется, взимали в Навкратисе 10-процентную пошлину, ввозную и торговую. Согласно Псевдо-Аристотелю (Оес. II, 2, 25а), при фараоне Та(х)осе (363—360 гг.) было введено взимание ее с кораблей, а также 10-процентный налог с мастерских. Ряд специалистов полагает, что сбор ввозной и торговой десятины восходит к временам Амасиса, т. е. практиковался в Навкратисе еще с тех пор¹⁵. Это очень вероятная реконструкция, поскольку именно в связь с взиманием ввозной пошлины должно быть поставлено запрещение греческим кораблям заплывать в Дельту иначе как по Канопскому устью (Herod. II, 179), что делалось в фискальных целях: в Навкратисе, единственном эмпории, надлежало уплатить ввозную пошлину.

Греки ввозили в Египет помимо серебра вино и оливковое масло, судя по найденным хиосским амфорам VI в. Страбон упоминает (скорее всего на основании одного из стихотворений Сафо) брата поэтессы Харакса, привезшего в Египет лесбосское вино (XVII, 1, 33). Еще одним купцом или навклером в первой трети VI в. был известный афинский политический деятель Со-

лон, который прибыл туда, по словам Аристотеля (Ath. pol. 11, 1), «равно с целью торговать и путешествовать» (также Herod. I, 30; Plut. Sol. 25). И сам Солон свидетельствует, что жил в Навкратисе, «у устья Нила, вблизи Канобидского берега» (fr. 6 Diehl). Вино и масло предназначались проживавшим в Египте грекам, прежде всего наемникам, так как египтяне в соответствии со своими древними обычаями воздерживались от всего чужеземного (даже греческая утварь — ножи, котлы, вертела — считалась ими нечистой, о чем свидетельствует посетивший Египет Геродот [II, 41]). Вывозились из Египта помимо хлеба папирус и ткани. Открытая в Навкратисе мастерская по производству скарабеев, функционировавшая в VI в., могла обслуживать и греческий рынок — находки этих изделий известны от Этрурии до Северного Причерноморья.

Хотя Геродот называет Навкратис и полисом и эмпорием (II, 178—179), безусловный *terminus technicus* у него для обозначения реального статуса города — *emporion*, а *polis* дан в общем значении «город» как урбанистическая структура, не подразумевающим ее полисное устройство. Согласно галикарнасцу, Навкратис управлялся простатами (*prostatai tou emporiou*), которых назначали города-учредители. Для полиса как независимого гражданского коллектива такое назначение магистратов немыслимо, и это — бесспорное свидетельство факториального статуса Навкратиса¹⁶. Нет никаких данных о том, что Навкратис имел собственный *jus soli* — напротив, известно, что для основания этого поселения грекам было отведено фараоном специальное место: им Амасис «позволил заселить город Навкратис» (Herod. II, 178). Нет тут и греческого некрополя — известны лишь два надгробия раннего V в. — «Я памятник Теа(о)» и «(Памятник) Аполлота, сына Тлайна». Скорее всего, это были не греки, а эллинизированные египтяне, судя по их именам, — может быть, египетские толмачи с греческого, из рода в род передававшие свою профессию со времен Псамметиха I (Herod. II, 154).

Факториальный статус города констатировали почти все специалисты. Исследовавший этот вопрос К. Рёбак пришел к выводу, что Навкратис сначала функционировал в качестве эмпория, но со временем стал независимым городом¹⁷. Однако полисный статус он получил не ранее установления персидского или греческого господства в Египте. К полисному периоду его существования относится упоминание Гермием (*apud Athen. IV, 149d*) местного пританея, в котором заседали навкратийские магистраты.

В навкратийских святилищах найдено несколько сот посвященных граффити. Судя по их диалектным чертам, они сделаны в основном ионийцами и дорийцами, что подтверждает данный Геродотом список городов — учредителей навкратийских храмов. Эти посвящения не старше VI в., что свидетельствует об основании города не ранее рубежа VII—VI вв. Датировка

граффити согласуется с хронологией строительства святилищ, возводившихся и перестраивавшихся на протяжении VI в. (и позднее). Так, по Э. Гьерстаду, храм Аполлона был основан около 570—555 гг.¹⁸, а это, по логике вещей, древнейшее святилище Навкратиса. В числе посвятителей навкратийские граффити упоминают по этниконам выходцев из Милета, Хиоса, Фокки, Теоса, Клазомен, Родоса, Митилена, Сиракуз. Два посвяителя — семиты или семитизированные греки: Ρhoιnιx, Amikartos.

Основная масса посвящений сделана Аполлону Милетскому, что подтверждает письменную традицию о ведущей роли Милета в основании Навкратиса. Только в первую кампанию раскопок было найдено три сотни посвящений этому божеству. Много посвящений также Гере, Зевсу, Диоскурам и, конечно, Афродите — Навкратис был крупным центром проституции, что естественно для фактории: местные гетеры «обслуживали» оторванных от родных домов торговцев, солдат и мореходов. Некоторые гетеры настолько прославились своей красотой и профессиональной квалификацией, что были известны всей Греции, — славу о них разносили по всему Средиземноморью их клиенты — купцы и моряки.

Королевой гетер считалась фракиянка Родопис (кажется, ее же звали Дорихой), по преданию, вывезенная из Фракии самосцем Иадмоном, сыном Гестополя, вместе с Эзопом (Herod. II, 134—135). Другой самосец, Ксанф, купил ее у Иадмона и привез в Навкратис, чтобы заработать на ней деньги. Брат потещсы Сафо Харакс, сын Скамандронима, выкупил Родопис за значительную сумму, но в конце концов оставил ее в Навкратисе, за что, вернувшись в Митилены, подвергся злым насмешкам сестры. Родопис осталась в Египте и сколотила своим промыслом солидное состояние. По-видимому, ее услугами пользовался сам фараон Нехо; во всяком случае, легенда сделала ее женой фараона и одна из трех великих пирамид Египта считалась ее гробницей (Strabo XVII, 1, 33). По словам Геродота, на десятую часть своего имущества Родопис купила огромные железные вертела, которые пожертвовала Дельфийскому храму (историк сам видел их). До нас дошел фрагмент ее посвятельной надписи.

Еще одной королевой навкратийских борделей была Архедика, также пользовавшаяся всегреческой известностью (и ее упоминает Геродот). На одном найденном в Навкратисе керамическом фрагменте написано ее имя¹⁹.

Гетеры незаметно перевели нас из царствования Псамметиха I в царствование его сына Нехо (610—595 гг.). Новый фараон вел активные войны, используя не только греческих наемников, но и флот греков. Так, вторжение в Сирию с моря он осуществил на коринфских триерах (Herod. II, 159). В победном для него сражении при Мегиддо с иудейским царем Иосией в 609 г. участвовали греческие наемники. О связях Нехо с греками свидетельствует и тот факт, что он отослал в милетский

храм Аполлона в Бранхидах свое царское облачение, которое было на нем при взятии сирийских городов Маглола и Кадитиса (Herod. II, 159). Греческие наемники были и в его армии, потерпевшей поражение в 605 г. от вавилонян в битве при Кархемише (имелись они и в вавилонском войске); щит одного из этих наемников Нехо был найден при раскопках в Кархемише. Здесь в сожженном здании D были найдены сотни наконечников копий, дротиков и стрел, частью местного позднеегипетского типа, множество египетских или египтизирующих изделий конца VII в. В помещениях № 4—5 найдены оттиски картушей Нехо и бронзовый перстень со щитком в форме картуша Псамметиха I. Среди найденных вещей — бронзовый ионийский щит с горгонеёном в центре и несколькими концентрическими кольцами с изображениями бегущих животных²⁰. Он принадлежал, скорее всего, греческому наемнику, служившему у египтян.

Сын Нехо Псамметих II (595—589 гг.) совершил около 591 г. поход в Нубию, засвидетельствованный Геродотом (II, 161) и египетскими источниками. В Элефантине сохранились греческие надписи принимавших участие в этом походе греческих наемников. Они сделаны на левой ноге колоссальной статуи Рамзеса II перед храмом в Абу-Симбеле. Эти надписи включают пространственный текст и автографы участников похода²¹.

1. «Когда царь Псамметих прибыл в Элефантину, следующие написали те, которые приплыли вместе с Псамметихом, сыном Феокла, пройдя далее Керкия (до того места), где река освобождается от теснин (порогов). Иноязычными (воинами) командовал Потасимто, египтянами Амасис. Архон, сын Амойбиха, написал это, а также Пелек, сын Евдама».

2. «Гелесибий теосец».

3. «Телеф написал это, ялисец».

4. «Пифон, сын Амойбиха».

5. «Критис и X[—] написали это».

6. «Пабис колофонец с Псамматой».

7. «Анаксанор ялисец [написал], когда царь Псамметих впервые привел войско—».

Обычно считается, что войско Псамметиха достигло второго нильского порога, хотя на основе данных египетских источников предполагалось, что оно могло дойти до четвертого или даже пятого порогов²². Сам царь, как показывают надписи 1, 7, дошел до Элефантины. Помимо греков войско состояло из египтян, которыми командовал Амасис, а также ливийцев и прочих «иноязычных» для греков коллег по наемному ремеслу, предводительствуемых Потасимто, известным из египетских источников. Разумеется, на колоссе оставила автографы только часть греческих наемников, ибо трудно представить себе военачальника Псамметиха, в распоряжении которого находилось только десять солдат.

Интересен состав упоминаемых имен и этниконов греков. Двое участников похода — родосцы из Ялиса, еще двое —

ионийцы, выходцы из Колофона и Теоса. Имена греков отчасти египтизированы. Командир их, сын Феокла, носит имя Псамметих, данное ему отцом, конечно, в честь Псамметиха I (судя по неслитной форме патронима, Феокл был ионийцем). Колофонец Пабис, не указавший свой патроним, как обычно считают, носит греческое имя: Pabis — это Pa(m)bis или Pa(m)bi(o)s²³. Эта предполагаемая контракция имени, однако, ничем не оправдана, и скорее следует предполагать, что это египетское имя. В. А. Головина любезно указала мне, что это имя, вероятно, можно считать греческой передачей египетского теофорного имени P ꜥbs(?) — «Бес». Не случайно египетское имя носит и его товарищ Псаммата, за которого Пабис расписался. Сей Псаммата — то ли грек с египетским именем, подобно Феоклову сыну Псамметиху, то ли инородец. Трое из оставивших автографы солдат были наемниками во втором поколении — Псамметих, сын Феокла, Пабис, Пифон, сын Амойбиха (его отец упомянут в надписи 1). Возможно, к ним следует причислить и Псаммату. Точно так же сложилось несколько поколений египетских переводчиков с греческого (Herod. II, 154). Это означает, что греческие наемники служили в Египте на таких выгодных условиях, что связывали себя и своих потомков этой службой пожизненно. Тем не менее Пабис счел нужным отметить свое колофонское происхождение, хотя, как показывает его имя, он был рожден в Египте. По мнению Л. Джеффери, не указавшие свой этникон воины (№ 1, 4, 5), возможно, были наемниками второго поколения, происходившими из Дафн²⁴. Это возможно, но в отличие от солдат-греков с египетскими именами недоказуемо.

В результате похода Псамметиха II в Элефantine была устроена крепость для защиты страны от набегов эфиопов. Об этом сообщает Геродот (II, 30), спутавший при этом Псамметиха I и II. В составе элефантинского гарнизона были и греки (Геродот умалчивает об этом), что известно из надписи его командира Несугора, повествующей о восстании войска при сыне Псамметиха II Априи (589—570 гг.). Это восстание упоминает и Геродот (II, 30), по словам которого, наемники пробыли в форте три года и, не дождавись смены, перебежали на службу к эфиопскому царю. Надпись Несугора сообщает о нескольких ином исходе событий: когда наемники, в том числе греки, задумали уйти в Шасхерет к эфиопам и Априй был в страхе вследствие причиненного ими зла (защитники крепости переходят на сторону врага), Несугор «не позволил им уйти в Нубию, но доставил их в резиденцию его величества, и он предал их наказанию»²⁵. Разумеется, указанная Геродотом цифра перебежчиков из гарнизона в Нубию (240 тыс.) фантастична, но не исключено, что часть воинов, вопреки усилиям Несугора, все же ушла.

По данным того же Геродота (II, 163), в войске Априя служило 30 тыс. греков и карийцев. Может быть, и эта цифра

преувеличена, но наемников действительно было много, ибо еще одна египетская надпись из Элефантины сообщает о бесчисленном множестве греков в войске Априя, которые наводнили Дельту своими кораблями²⁶. Это войско Априй собрал против своего взбунтовавшегося военачальника и, вероятно, дальнего родственника Амасиса. Последний разбил армию Априя в двух сражениях и занял престол. Переданная Геродотом (II, 161 и сл.) традиция выставляет причиной свержения Априя поражение его войска от киренских греков и его чрезмерное филэллинство. Амасис тем не менее, взяв власть в свои руки (570—525 гг.), продолжал пользоваться услугами греков, которые по-прежнему играли значительную роль в армии и экономической жизни страны. Греческие наемники были переведены из Дафн в Мемфис, где они охраняли дворец Амасиса (Herod. II, 154). Расцвет Навкратиса относится ко времени его правления, и, может быть, поэтому переданная Геродотом традиция приписывала ему основание этой греческой фактории. Амасис подчинил себе Кипр, посылал посвятельные дары в святилища Кирены, Самоса, Линдоса (Herod. II, 182; Lind. chrón. § 29). Он состоял в союзных отношениях с киренскими греками, у которых взял в жены принцессу из царского рода, дружил и с Поликратом, тираном Самоса (Herod. II, 181—182).

Вавилонский клинописный документ, к сожалению сильно фрагментированный, упоминает в числе его союзников греков, помогавших ему в войне 568 г. против Вавилона: «...На 37 году Небухаднецар (Навуходоносор II), царь Вавилона, пошел против] Египта войной. [Ама]сис египетский [собрал свою а]р-м[ию —]кос из города Ruṭu—Iaman, отдаленные области, которые (расположены на островах) посреди моря [—] много [—], которые в Египте, [—] соби]рая оружие, лошадей и [колесниц]ы [—], он призвал помочь ему и [—] перед ним [—] он доверил [—]»²⁷.

Из текста приведенной надписи явствует, что Амасису помогали два островных греческих полиса, один из которых полностью остался неизвестным, а другой назывался Ruṭu, и имя его правителя оканчивалось на греч. -kos (вавил. -ku). Х. Винклеру казалось, что этим правителем мог быть Питтак митиленский. Винклер полагал, что расстановка политических сил на Лесбосе может подтверждать его предположение: Антименид был на службе у вавилонского царя, а его политический противник Питтак по логике вещей должен был помогать Амасису²⁸. Это вряд ли правомочная посылка, поскольку известно, что брат Антименида Алкей был в Египте, хотя в бытность на Лесбосе оба брата то поддерживали Питтака, то боролись вместе против него. Представляется, что Винклер напрасно увлекся поисками соответственного окончанию -kos имени и из-за этого отказался от резонной, рассмотренной им, идентификации Ruṭu с Киреной (царя Кирены звали Battos). В библейской традиции страна Ruṭ обычно соотносится с сомалийским побе-

режем Африки, но может идентифицироваться и с Ливией²⁹. Расположенную в Ливии Кирену и следует понимать под Ριϋη—Ιααταη приведенной надписи, тем более что нам известны союзные отношения Амасиса с киренскими греками.

Таким образом, в войне 568 г. Амасису помогали два каких-то греческих государства, в том числе Кирена, лежавшая относительно Вавилона далеко за морем и потому отнесенная документом к числу островных местностей.

В 525 г. персидский царь Камбис разбил Амасиса и завоевал Египет, причем в персидском войске были и малоазиатские греки — ионийцы и эолийцы (Herod. III, 1).

В заключение отметим разнообразные культурные контакты Греции и Египта в архаическое время. Египет посещали в VI в. Солон и Фалес, Алкей и Пифагор. По словам Геродота (II, 123), представление о метемпсихозе греки и давних времен и не столь отдаленных (аллюзия на Пифагора) заимствовали у египтян. Один из своих законов, предписывающих ежегодное объявление гражданином своего дохода, Солон позаимствовал из египетских установлений (Herod. II, 177). Будучи в Египте, он общался с учеными жрецами страны — Псенофисом гелиопольским и саисцем Сонхисом, от которых, по свидетельству Платона (apud Plut. Sol. 26, 1), он узнал, в частности, предание об Атлантиде, изложенное им в не дошедшем до нас стихотворении. Традиция о пребывании греческих философов VI в. в Египте находит соответствие в позднейшей практике: Платон и Евдокс тоже провели несколько лет в этой стране (Strabo XVII, 1, 29).

Особенно интенсивным было культурное взаимодействие обоих этносов в Египте, несмотря на традиционные запреты для египтян. Дж. Боурдмен привел интересные данные о религиозном симбиозе греков и египтян и их взаимовлиянии в ремесленной технологии³⁰. В частности, в Абусире найдена надгробная плита с барельефной сценой протесиса — выставления тела покойного. Сама сцена, обстановка, жесты — греческие, но в исполнении фигур много египетского, и стела завершается обычными для местного искусства уреем и солнечным диском. Судя по фрагментированной надписи, покойник, вероятно, был милетянином.

На египетских изделиях из бронзы присутствуют греческие посвящения, одно из которых сопровождается также иероглифическим текстом. Из Саккара происходят фигурки ушебти, головки которых исполнены в позднеархаическом греческом стиле. Вероятно, полагает Дж. Боурдмен, они были сделаны для грека, принявшего египетские заупокойные представления (ушебти предназначены для загробного служения покойному). Религиозный синкретизм проявляется и в греческом посвящении VI в. на бронзовой обкладке основания египетской статуэтки из Мемфиса: «Мелантий посвятил меня и статуэтку фиванскому Зевсу», т. е. египетскому Аммону. На бронзовой статуэтке Исиды

с младенцем Гором грек Питерм написал: «Питерм оплатил меня, статуэтку Исиды»³¹.

Много греческой керамики VI в. найдено в различных египетских центрах — Фивах, окрестных погребальных комплексах Луксоре и Карнаке, в Мемфисе, Саисе и др. Она, конечно, предназначалась не для египтян, а для пребывавших там греков. Проникновением их в глубь страны и обусловливалась широта греко-египетского культурно-религиозного симбиоза, расшатывавшего традиционную закрытость египетского общества и оплодотворявшего культуру обоих этносов.

РОЛЬ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Культурным фундаментом Греции XI—IX вв. оставалось микенское наследие. Протогеометрический стиль второй половины XI—X вв. как основной феномен раннегреческой культуры сложился на базе субмикенского стиля, скрещенного с пережитками северобалканской позднебронзовой культурной традиции, привнесенной в Элладу дорийскими мигрантами. Логическим развитием протогеометрического стиля был геометрический стиль IX—VIII вв. Аналогия с орнаментальным позднесредневековым искусством мусульманских стран показывает, что развитие геометрического стиля в дальнейшем завело бы раннегреческие художественные представления в тупик декоративизма.

Другая аналогия: топтавшийся на месте декоративизм древнерусского искусства XVII в. был преодолен пришедшим с реформами Петра Великого западноевропейским классицистическим и барочным искусством, т. е. живительным внешним влиянием. Точно такой же живительной силой, выведшей греческое искусство из тупикового геометризма, было восточное влияние, породившее в Греции так называемый ориентализирующий стиль. При этом влияние Востока не ограничивалось сферой искусства — это был всеобъемлющий процесс воздействия восточной цивилизации на складывавшуюся культуру архаической Греции. Воздействие ближневосточной цивилизации на пробуждавшуюся от первобытной примитивности культуру греков, почти все достижения которой сводились к геометрическому орнаменту да эпическим сказаниям, было многоплановым: градостроительство и архитектура, скульптура и терракота, керамическое и ювелирное производство, оружейное дело и кораблестроение, культурная лексика и литература, фольклор и мифология, религия и магия, законодательство, врачевание, бытовые обычаи, ассортимент культивируемых растений и птиц, начала математики и астрономии — вот неполный перечень сфер воздействия ближневосточной цивилизации на греческую.

Возобновление греками около 800 г. контактов с Ближним Востоком, восприятие ими достижений переднеазиатской цивилизации было одним из значительнейших событий истории европейской цивилизации, по сути дела, началом формирования ее основ. Для собственно Греции установление экономических и

культурных связей с Ближним Востоком было таким же поворотным актом эпохального значения, каким для России было «открытие» западноевропейской цивилизации Петром Великим.

Проблема греко-восточных контактов в архаическое время еще не исследована во всей своей полноте и многообразии. Можно сказать, что это тема пока не написанной многотомной серии, лишь некоторые разделы которой получили к настоящему времени монографическое освещение. В данном заключительном параграфе мы очень кратко суммируем некоторые результаты, полученные современной историографией исследования проблематики греко-восточных культурных контактов.

В IX—VIII вв. в новохеттской восточной Анатолии, Урарту, Сирии, Финикии и Ассирии сложилось культурное койне, включившее в себя несколько сблизившихся под взаимным влиянием национальных школ. Ремесленная продукция, выполненная в духе этого койне, производилась в различных центрах Ближнего Востока и была настолько интернациональной по типам, формам и орнаментации, что атрибуция ее той или иной национальной школе зачастую условна. В Греции ближневосточные изделия стали появляться с середины IX в. Это были главным образом предметы роскоши — ювелирные изделия из золота, серебра, драгоценных камней, бронзовая посуда с чеканенными и литыми украшениями, оружие, части конной упряжи, вотивные статуэтки и т. д. Найдены они в основном в древних религиозных центрах Греции — в Дельфах, Олимпии, святилищах Геры на Самосе и в коринфской Перахоре, Афины в родосском Линде, Артемиды в Спарте и Эфесе, диктейского Зевса на Крите и др., а также на раннеархаических некрополях Афин, Евбеи, Крита, Аргоса, Родоса и других центров.

В целом, как отмечал П. Амандри, в освоении греками восточных образцов различаются три этапа¹: 1) период импорта в Грецию и Италию восточных вещей (вторая половина VIII в.); 2) период имитации их греческими мастерами, обозначивший начало ориентализирующего стиля (конец VIII — первая четверть VII в.); 3) период независимого развития собственно греческого стиля начиная с последней четверти VII в. За четверть столетия, прошедшую со времени опубликования работы П. Амандри, хронология ряда вещей была уточнена, так что начальный этап первого периода следует удревнить на столетие, а второго и третьего — на четверть столетия. Рассмотрим в соответствии с указанными периодами вклад Востока в развитие греческого ремесленного производства и, в частности, прикладного искусства.

Для характеристики первого периода упомянем несколько групп импортировавшихся в Грецию вещей². Так, популярной здесь была бронзовая и серебряная посуда с рельефным декором. Выше приводилось сообщение «Илиады» о доставке финикийцами на Лемнос красивейшего серебряного кратера сидонской работы (с. 135). Это сообщение может быть сопоставлено

с находками бронзовых чаш с рельефным орнаментом в Афинах, Дельфах, Олимпии, на Самосе. Афинский образец, обнаруженный на Керамике в погребении позднего IX в., принадлежит к кругу сиро-хеттских изделий. На чашах середины VIII в. из Дельф и Олимпии помещены изображения львов и сфинксов, выполненные скорее всего в ассирийском стиле, судя по близкой аналогии из Нимруда. Еще одна чаша подобного типа обнаружена в Фортеце на Крите. На Кипре найдены бронзовая и золотая чаши, стенки которых украшены идущей тремя полосами рельефной декорацией, включающей сцены из восточных мифологических циклов. На Самосе обнаружен бронзовый начельник коня, украшенный тремя фигурами и имеющий точную параллель с находкой на Телль-Танаите в Северной Сирии³. В могильниках Греции найдено множество ювелирных украшений IX—VIII вв. сиро-финикийского производства — серьги, подвески, кольца, пекторали, бляшки и т. д.⁴ В древнейших греческих святилищах нередко находки металлических и глиняных статуэток ближневосточного производства⁵. Резьбе по слоновой кости греки учились у сиро-финикийских мастеров⁶. В ходу были восточные фибулы⁷.

Изделия восточного производства IX—VII вв. доставлялись в различные области Греции финикийскими и греческими торговцами, в том числе резидентами греческих факторий Леванта и Египта. Из этих факторий и киликийских колоний предметы восточного производства поступали в Грецию через Родос, Самос, Евбею; важными транзитными пунктами были также Кипр и Крит⁸. Торговый путь из Восточного Средиземноморья в Эгейду и Западное Средиземноморье был проложен в IX в. финикийцами. Затем его освоили и евбеицы, основавшие около 800 г. Аль-Мину на Ближнем Востоке и несколько позднее Питекуссы у западноиталийского побережья. Евбейская талассократия VIII в. сделала возможным торговый обмен между двумя крайними точками их интересов в Средиземноморье⁹. После упадка Евбеи около 733 г. (см. Приложение I) на авансцену выступили Родос и Аргос, которые освоили юго-восточную Анатолию и дотянулись до урартских и даже иранских металлургических центров. Помимо урартских бронзовых котлов с протомами быков, грифонов и пр., транспортировавшихся греческими купцами не только в Грецию, но и в Этрурию, известны находки и луристанских бронзовых изделий VIII—VII вв.¹⁰.

Обычно появление урартских и иранских вещей в Греции связывают с периодом преобладания Урарту над Ассирией в первой половине VIII в., когда урартский доминат простирался до Киликии и Северной Сирии. Однако хронологическая протяженность урартского и луристанского экспорта в Эгейду и Италию до VII в. указывает, что его поступление было обязано не столько кратковременному доминату Урарту над юго-восточной Анатолией, сколько торговым связям киликийских

греков с урартийцами, установленным через туземных киликийских правителей. Об этом можно догадываться на основании письма Саргона II наместнику Куэ, в котором сообщается, что владетель Куэ Урик шлет послов в Урарту и ассирийский царь не видит причин препятствовать посольству своего вассала к традиционному врагу Ассирии¹¹. Указанные обстоятельства позволяют думать, что речь шла о торговом посольстве владыки Куэ в Урарту, а присутствие греков в Куэ, как и урартского экспорта в Грецию, дает основание считать, что заинтересованной стороной в снаряжении посольства были и греческие купцы Киликии.

Таким образом, уже в VIII в. вследствие деятельности финикийских, киликийских и греческих купцов сложилась грандиозная по своей протяженности транзитная торговля (преимущественно изделиями из металла), охватывавшая различные страны и области от Луристана и финикийского побережья на востоке до Этрурии на западе¹².

Восточный импорт поступал в Грецию и позднее VIII в., однако вещи указанного столетия сыграли важную роль в становлении греческого ремесла и искусства, — мы переходим к характеристике второго этапа восточного влияния на ремесленное производство и художественные представления греков. Особенностью греко-восточных контактов VIII в. было присутствие сиро-финикийских мастеров в ряде греческих центров, благодаря чему греческие ремесленники получили возможность освоить такие прочно забытые с постмикенского времени виды технологии, как филигрань, зернь, резьба по слоновой кости. Вместе с технологией эти мастера передали грекам расширенный ассортимент изделий, способов их украшения и набор восточных образцов и мотивов. Сфинксы, грифоны, львы рыкающие и львы, сражающиеся с людьми и иногда побеждающие их, ряды пасущихся животных — каждый из этих сюжетов, по словам Дж. Колдстрима, дебютировал на золотых ориентализирующих диадемах, сделанных в Аттике и Кноссе, а также на бронзовых кносских рельефах, исполненных под влиянием осевших там восточных мастеров¹³. На диктейские бронзовые щиты, выполненные осевшими тут, в Кноссе, сиро-финикийскими мастерами, наносятся изображения древа жизни, обнаженной богини, фланкированной дикими животными. Все эти сцены, продолжает Дж. Колдстрим, были ранее представлены в минойском или микенском искусстве, но лишь под восточным влиянием они появились вновь после долгого отсутствия.

Имитация греческими мастерами восточных изделий не была, однако, рабским подражанием. Творческий характер усвоения ими восточных образцов сказывается на только что упомянутой группе бронзовых изделий в форме щитов, происходящих из святилища Зевса в Диктейской пещере на Крите¹⁴. Самая ранняя группа этих изделий, относящаяся к концу VIII в., — полностью восточная, произведенная сиро-финикийскими мастера-

ми. Однако в украшении изделий следующей группы, датированной временем около 700 г. и позднее, по наблюдениям Дж. Бурдмена, уже больше собственно греческого в пропорциях фигур, их постановке, вооружении и т. д.¹⁵

Творчески осваивали восточные образцы и родосские ювелиры. При раскопках родосских некрополей в первой трети текущего столетия было найдено около 600 ювелирных изделий восточного типа: подвески, диадемы, бляшки, накладки на глаза и уши, браслеты, серьги, кольца и т. д. По мнению их исследователя Р. Лафине, они были произведены двумя различными группами ювелиров в родосской мастерской¹⁶. Орнаментация вещей основана на традиционных восточных мотивах, но типы изделий, по существу, родосские. Очень вероятно, что в числе родосских мастеров были переселившиеся сюда сиро-финикийские ювелиры. Вспомним, что ксены фигурируют уже в поэме Гесиода «Труды».

Восточные котлы урартского, иранского и северносирийского производства, украшенные протомами животных, пришлись по вкусу греческим мастерам — кузнецам и гончарам¹⁷. По мысли Дж. Колдстрима, эти котлы, воспроизведенные в глине, дали диносы ориентализирующего стиля, а конические подставки под котлы (типично восточная техника) воплотились в конические глиняные основания ориентализирующих диносов и рьяда аттических дипилонских ваз.

Пример с подставками геометрических дипилонских ваз показывает опосредованное воздействие форм восточных изделий на греческие геометрические сосуды. Еще один такой пример — воспроизведение коринфскими мастерами декорации сирийских серебряных чаш¹⁸. Смена геометрического орнамента ориентализирующим прошла этап смешанного стиля, сказавшегося на отдельных группах керамических изделий. Так, имеется группа расписных сосудов VIII—VII вв. с основанием в виде треножника, распространенных в Палестине и на Кипре, откуда они перешли на Крит и в другие греческие области; в их орнаментации сосуществуют геометрические и ориентализирующие элементы¹⁹.

В керамической росписи однообразный геометрический орнамент исчерпал себя к концу VIII в. Под влиянием восточных образцов линейный декор замещается растительными и фигуративными мотивами, в том числе фантастическими (грифоны, сирены, крылатые львы и др.). Изображения животных и птиц издавна присутствовали в декорации керамических изделий Киликии и Финикии²⁰. Под их влиянием очень рано ориентализирующий стиль стал складываться в орнаментации керамики в греческих центрах Кипра²¹. Воздействие ближневосточной традиции росписи сосудов сказывается на греческой керамике уже в конце IX в. и становится сильным столетие спустя²².

Ориентализирующий стиль достиг расцвета в VII в. В это время импульсы новым идеям в украшении керамики уже не

столько исходили с Востока, сколько возникали в самих греческих мастерских. Это было началом третьего этапа освоения греками восточных образцов. Так, ориентализующий стиль родосской керамики конца VII в., по-видимому, не был прямым результатом ближневосточного влияния, а складывался под воздействием протоаттического и мелосского стилей²³. Правда, есть и другая точка зрения, теснее связывающая родосский ориентализующий стиль с влиянием Востока²⁴. Этот пример показывает, сколь глубоко укоренились восточные мотивы в греческом художественном мировосприятии VII в.— прямые восточные импульсы сочетались уже с опосредованными восточными же импульсами, преломленными ранее в греческих центрах.

Ориентализующий стиль в керамике дал дорогу фигуративным изображениям. Усовершенствование техники росписи завершилось возникновением в VI в. сначала чернофигурной и затем краснофигурной росписи. Это наивысшее достижение античной живописи на керамике не могло возникнуть из геометрического орнамента, и данный пример показывает, сколь значительное место занимает ориентализующий стиль в греческом искусстве и ремесленном производстве в целом²⁵.

Таким образом, греческое керамическое и металлообрабатывающее производство прошло путь от усвоения восточных образцов до творческой переработки их типов, форм и декора, завершившейся сложением греческого ориентализующего стиля. Это было основным результатом ввоза в Грецию восточных изделий вместе с сырьем для металлургии. При этом реальный вклад восточного импорта в формирование греческой культуры может быть оценен по-разному. Так, Дж. Колдстрим полагал, что в VIII в. восточное влияние на греческих мастеров ограничивалось техникой и набором образов, за исключением Крита, где оно было шире. Напротив, В. Каликан отмечал важную роль воздействия восточных изделий на металлургическое производство не только Греции, но даже Италии²⁶.

Дело, конечно, не в количественном соотношении ввезенных в Грецию восточных вещей (хотя само по себе оно велико) с греческой геометрической продукцией — суть вопроса состоит в революционизировавшем воздействии восточной техники, репертуара и орнаментации на ремесленное производство Греции. Именно контакты с Востоком дали возможность греческим мастерам преодолеть геометрический схематизм и выработать полнокровный ориентализующий стиль — фундамент собственно греческой культуры последовавшей затем позднеархаической эпохи.

В первых столетиях I тысячелетия сирийцы, финикийцы, ханане, египтяне как прямые наследники высокоразвитой ближневосточной цивилизации позднебронзового века значительно опережали в культурном отношении греков, переживших в период «темных веков» основательную смену культурной традиции. Превосходство ближневосточных народов сказывалось пре-

жде всего в развитии городской жизни, еще только зарождавшейся в Греции VIII—VII вв.—практически лишь Старая Смирна обнаруживает в это время весь набор урбанистических признаков города. В такой ситуации интересно отметить, что градостроительная система этого уникального для Греции VIII в. памятника — овальная планировочная структура, обнесенная по периметру оборонительными стенами, близка планировке палестинских городов X и последующих веков. Мегиддо, Бет-Шеба, Гезер и другие южнопалестинские центры имеют округлую или эллиптическую планировку с оборонительной стеной по периметру, которая с внутренней стороны укреплена помещениями различного назначения (казематы, склады, жилища)²⁷. Внутренняя кольцевая дорога, концентрически повторяющая периметр оборонительной стены, окаймляет центральное жилое ядро.

Подобная планировка известна различным регионам древности, и в принципе градостроительную структуру Старой Смирны не обязательно считать заимствованной, и тем не менее это не случайное сходство. Смирна первоначально была эолийским городом, а характерная эолийская капитель сформировалась как раз на базе палестинской протоэолийской капители. Всего в Палестине известно на данное время около 40 протоэолийских капителей (13 из них происходят из Мегиддо, 7 — из Самарии)²⁸. Они относятся к X—VI вв. и имеют много близкого с греческими эолийскими капителями, так что приходится говорить не столько об особенностях последних²⁹, сколько о том, что эолийская капитель является греческой трактовкой палестинской протоэолийской капители. Существенно, что последняя имеет ту же архитектонику, что и эолийская³⁰.

Эолийская капитель представляет собой зародышевую форму (или первоначальный вариант) развития ионийской капители. В конце прошлого столетия О. Пухштейн привел свидетельства египетского происхождения ионийской капители³¹. С тех пор протоионийские капители были найдены и в Южной Палестине — в Мегиддо, Самарии, Медейби³². Они относятся к X и последующим векам, т. е. предшествуют греческой ионийской капители, что дает основание говорить о египетско-южнопалестинском происхождении последней³³.

Остается напомнить, что и дорийская капитель имеет прототип в Египте XVI в. (храм в Дейр-эль-Бахри). Хотя передаточного звена от одной к другой в сохранившихся египетских памятниках нет, Египет остается наиболее вероятным истоком греческой дорийской капители.

Как видно, три главных типа греческих капителей сложились на основе палестинских и египетских образцов. Капитель, однако, является не самостоятельной деталью здания, а составной частью его архитектурной структуры (передача напряжения с несомой части на колонну) и его украшения. Иначе говоря, заимствование типа капители предполагает заимствование и соответствующей архитектурной системы. По-видимо-

му, прототипом простейшего греческого портика с колоннами (типа храма в антах) является колонный портик сирийского бит-хилани, представленного через заимствование в первых столетиях I тысячелетия также в архитектуре восточной Анатолии и Ассирии³⁴. Упоминавшиеся выше сооружения ионийского типа, изображенные на рельефах из дворцов Саргона II и Ашшурбанипала (ч. II, гл. 3), сооружение которых Л. Кинг и А. Олмстед приписывали грекам, могут быть результатом скрещивания греческих архитектурных приемов с сиро-палестинскими, творчески осуществленного греческими и сиро-палестинскими зодчими в Хорсабаде и Ниневии.

В вопросе о происхождении древнегреческой скульптуры имеются две точки зрения³⁵. Одна объясняет ее происхождение внешним воздействием, другая — длительным совершенствованием мастерства греческих скульпторов. Согласно первой точке зрения, греки научились резать камень у египтян, у которых они заимствовали и основные скульптурные типы. Согласно второй, на основе бронзовых и терракотовых статуэток VII—VI вв. возникли формы монументальной скульптуры³⁶. Новейшие работы учитывают ближневосточные истоки греческого изобразительного искусства³⁷. Так, по мнению Б. Риджуэй, около 700 г. греки заимствовали в Сирии и Финикии статуарный дедалический стиль для своей деревянной скульптуры (преимущественно женские образы) и около 650 г. — для статуй из известняка. Приблизительно тогда же греки познакомились с египетской скульптурой и заимствовали у египтян технические приемы резки мрамора, а также наиболее подходящий для себя статуарный тип мужского изображения. Так на восточной основе возник архаический стиль греческой скульптуры³⁸. При этом лидирующую роль в его формировании играли Наксос и Самос.

У финикийцев греки заимствовали некоторые технические приемы кораблестроения³⁹; без такого усовершенствования кораблей их торговые и колониальные предприятия не имели бы широкого размаха. Не часто вкушавшие мясо, греки быстро оценили пользу разведения домашних кур, родина которых — Индия (изображения этой «персидской птицы», как они называли ее, что указывает на опосредующую роль Персии, появляются на коринфской керамике в середине VII в.)⁴⁰. Греки восприняли также типы ближневосточной одежды и ткани, как можно судить по заимствованию соответствующей семитской лексики (см. ниже и ч. II, гл. 1). Обычай возлежания на пиру также пришел с Востока и сначала был усвоен греческой знатью⁴¹. Контакты дорийцев Крита с имевшими кодифицированное право семитами, кажется, способствовали выработке критянами в VII в. письменного законодательства, из которого черпали правовые идеи законодатели других греческих областей.

Наиболее интенсивно разрабатывавшаяся в историографии область греко-восточных контактов — мифология. О концепции

греко-восточной мифологии Г. Ф. Крейцера и ее «преодолении» классической филологией первой половины XIX в. речь уже шла (ч. II, гл. 1). Пионерами исследования на новом уровне взаимосвязей греческой и восточной мифологий выступили в 20—50-х годах текущего столетия Х. Вирт, Ф. Дорнзайфф, А. Лески, Р. Барнетт, Ф. Дирльмайер, Р. Дюссо и другие исследователи⁴². В последнее время появились монографические исследования С. Гордона, М. Эстура, П. Уолкота, М. Уэста, В. Буркерта и др., которые на большом материале показали тесную зависимость множества греческих мифологем от их семитских и хетто-хурритских прототипов⁴³.

Заемствование из семитских источников ряда греческих мифологем, представленных у Гомера, Гесиода и более поздних авторов, восходит к микенскому времени. В частности, сюда, по М. Эстуру, относятся цикл о Кадме и Кадмидах, сказания о Мемблиаре, Европе, Фениксе, Гармонии, Тиресии, Актеоне (Арт поэмы из Угарита), Беллерофонте, о «летающих» персонажах (Икар, Марпесса, Идас, Абарис), Ясоне и птицах-героях Эйи — Ясионе, Трептолеме, Мусее, Эете и его «птичьей» семье (Халкиопа, Китиссор, Апсирт, Медея, Хирон). Семитские элементы, полагает М. Эстур, сильны и в культе Диониса; в частности, в Угарите известен миф о Загрее (ипостась Диониса). Семитское происхождение имеет культ Асклепия (Аскалаф)⁴⁴.

Ряд эпических мотивов также восходит к восточным источникам⁴⁵. В частности, сказание «Илиады» об Ахилле и Брисеиде, отмечает С. Гордон, параллельно угаритской легенде о Крете и Хурраи; в ней Крет отвергает предложенные ему дары и настаивает на возвращении ему девушки. Одухотворенный угаритский образ Крета в греческой версии, однако, несколько заземлен — Ахилл принимает данные ему за Брисеиду дары. И угаритская и греческая версии, полагает С. Гордон, восходят к одной исходной традиции⁴⁶. С восточными образцами перекликаются и другие эпические сюжеты «Илиады»⁴⁷. Путешествие Одиссея в Аид имеет сходство с нисхождением Гильгамеша в преисподнюю. Египетское происхождение имеет миф об Ио⁴⁸.

На примере сказания «Одиссеи» о киклопе Полифеме можно проследить, как постепенно филология устанавливала происхождение мифологемы. Сначала рассматривавшие ее исследователи выяснили, что имеющиеся греческие варианты (например, еврипидовский) восходят в конечном счете к сказанию «Одиссеи», происхождение которого поясняется на основе восточного материала⁴⁹. По мнению К. Оберхубера, этимология имени Гильгамеш указывает, что этот герой шумеро-аккадского эпоса первоначально был одноглазым. Отсюда происходит связь киклопа Полифема с песней о Гильгамеше, начальная строка которой *ša paḡba itūgu* была переложена и грецизирована как *Polyphēmos Kyklōps* — «многоречивый круглоглазый»⁵⁰. Это мнение разделяет и М. Нокс: киклопы греческих сказаний, считает он, принадлежат к тому ряду мифологических чудовищ,

которые имеют восточных предков⁵¹. Он отмечает, что известны три шумерских изображения одноглазого человека, относящиеся к 3000—2500 гг. Разрыв в 1500 лет между шумерским прототипом и греческой версией, по его мнению, может быть объяснен опосредованной передачей, например через Угарит.

Опосредованное звено еще не найдено, но недавно была обнаружена параллельная «Одиссее» семитская версия об одноглазом чудовище, подтверждающая связь гомеровского сказания с семитским прототипом. Ф. Поляков обратил внимание на найденную надпись VII в. из Арслан-Таша. Она содержит следующий текст при изображении демона с круглой змееподобной головой, в середине которой круглый глаз: *rb'n gi'n 'n bdd 'n utm* — «большеглазый, круглоглазый, одинокоглазый, одноглазый, единственноглазый, сиротоглазый»⁵². Ф. Поляков констатировал, что финикийское и греческое чудовища имеют ряд одинаковых черт, что вряд ли случайно: оба гиганты, оба любят лакомиться человеческим мясом, оба одноглазы. Связь между обоими образами носит не только иконографический характер — также идентичны и их эпиклесы, ибо Киклоп определяется, как и в надписи из Арслан-Таша, «круглоглазым» у Гесиода (*Theog.* 144—145) и «одноглазым» у последующих авторов (*Eurip. Sucl.* 21, 648 etc.). Ф. Поляков также поставил вопрос о том, что и данная позднесемитская версия, и параллельная ей греческая восходят к шумерскому прототипу, опосредованное звено между которыми пока не найдено.

Еще один источник гесиодовской «Теогонии» вскрыл Вяч. Вс. Иванов⁵³. Он обратил внимание на текстуальное сходство орфического варианта «Теогонии», а именно рассказа о борьбе богов, с хеттской версией той же мифологемы. Текст богазкейской таблички (I, 26): *ma-a-an//^b Ku-mar-bi//SA A-nu//LU-na-tar//kat-ta-ra-aš-ta* — «когда бог Кумарби (у) бога Ану откусил мужское естество» (пер. Л. С. Баюн). Греческий текст: *Ζεύς αἰδοῖον κατερίπεν ἠὸς αἰθέρα ἐχθρὸν πρῶτος* («проглотил срамную часть (своего противника), который первым выпрыгнул в эфир»). Самое существенное здесь — лексическая одинаковость слова *κατερίπεν* греческой версии с *kat-ta-ra aš-ta* хеттской — там и тут содержится одинаковый предлог *kata*. Также *αἰδοῖον* — эквивалент хеттского *LU-na-tar*. Это указывает, что греческий текст является переводом с хеттского, полагает Вяч. Вс. Иванов. Хеттский текст датируется XIII в., на протяжении «темных веков» с него и был выполнен греческий перевод.

Поэмы Гесиода не только содержат мифологемы восточного происхождения, но и обнаруживают соответствия также литературного и социального планов. С. Гордон, П. Уолкот и другие исследователи отмечали прямые текстуальные совпадения между вавилонским эпосом о сотворении мира «Энума Элиш» и соответствующими пассажами «Теогонии» Гесиода⁵⁴. Даже сама идея сведения мифологических и религиозных представлений

греков в единое целое — поэму «Теогония», безусловно, навеяна систематичными мифологическими циклами Ближнего Востока. Эта поэма беотийского поэта-жреца полна мифологем восточного происхождения. Они достаточно полно разобраны в специальной литературе, и мы ограничимся лишь указанием на вскрытое Р. Барнеттом, а вслед за ним и другими исследователями, соответствие мифа о борьбе Зевса с Ураном хетто-хурритской поэме о борьбе Кумарби с Ану, а также на сходство образа Атланта с каменным гигантом Упеллури в «Песне об Улликуми»⁵⁵.

Р. Барнетт в указанной заметке отметил возможные пути трансмиссии восточных образов в греческую мифологию — через посещавших Грецию финикийцев, греческих насельников ближневосточных факторий, через полиэтничный Крит. По мнению М. Уэста, высказанному в его комментарии к «Трудам и дням», гесиодовская традиция сформировалась в Ионии и подверглась ближневосточному влиянию посредством контактов еврейцев и кикладцев с Леванту либо через Крит. Это вполне возможные пути трансмиссии, однако, как мы видели, контакты греков с ближневосточными народами были настолько многообразны, начиная с участия их в движении «народов моря», что следует учитывать и иные возможности. Высказывавшаяся точка зрения о том, что на данном этапе наших знаний лучше воздерживаться от попыток определения точных каналов трансмиссии во времени и пространстве⁵⁶, справедлива лишь отчасти: нет смысла устанавливать время и место заимствования той или иной мифологемы, речь следует вести о переносе мифологического комплекса в целом.

Иначе говоря, этот вопрос требует специального изучения, причем следует учитывать то обстоятельство, что основную массу аналогий греческим мифам предоставляет мифология Месопотамии (многим меньше хетто-хурритских и ханаанских соответствий)⁵⁷. Поскольку у нас нет оснований говорить о прямых контактах греков с Шумером и Аккадом (по крайней мере так сейчас кажется), речь может идти о сирийско-финикийском посредстве. В микенское время трансмиссия могла осуществляться через такие центры, как Угарит, где микенский импорт значителен. Что касается более позднего времени, то очевиден хронологический сгич между возобновлением греко-восточных контактов около 800 г. и датируемой VIII в. «Теогонией», в которой мифологемы восточного происхождения уже получили «прописку» в мифологических представлениях греков, т. е. были адаптированы ими ранее составления поэмы Гесиодом (см. ниже). В таких условиях приходится думать о малоазийской локализации греческого государства Аххийява, которое могло быть расположено, как некоторые думают, на территории Киликии⁵⁸. Локализация Аххийявы здесь, на границе с семитским и хетто-хурритским миром, объяснила бы проникновение восточных мифологем в греческую религию и мифологию, но для

объяснения того обстоятельства, что ахейские религиозные и мифологические представления распространились на всех греков, придется предположить, что во II тысячелетии часть ахейцев и других греков передвинулась в Грецию из восточной Малой Азии.

Поэма Гесиода «Труды и дни» обнаруживает многочисленные точки соприкосновения с библейской традицией. М. Уэст привел в своем издании поэмы множество параллельных мест между ее афористикой и библейскими книгами Экклезиаста, премудрости Соломоновой, притч Соломоновых. Более того, на сложение этой поэмы Гесиода, отмечает Н. Ричардсон, оказала влияние библейская пророческая литература, в частности ее тенденциозность⁵⁹. Пророки обличали неправедность правителей, например близкий современник Гесиода Амос. Обращаясь к своим слушателям, Амос метал громы и молнии против безнравственности власть имущих, что навлекло на него вражду царя Иеровоама. Гесиодова басня о соловье и ястребе, замечает Н. Ричардсон, отражает ту же ситуацию — поэт указывал ею на опасность возмездия со стороны обличаемых им «дароядных» басилеев.

Существен вклад и восточных культов в формирование религиозных представлений греков. В частности, у финикийцев греки заимствовали культ Адониса. Как выяснил М. Шреттер, культ Аполлона сформировался из индоевропейских, доиндоевропейских и восточных элементов, из числа которых существенны культы шумерского Нергала и угаритско-арамейско-финикийского Решефа⁶⁰. Насколько разнообразны истоки культа Аполлона, можно видеть на примере формирования одной из его ипостасей — Дельфиния. Исследователи старого времени, безоговорочно принимавшие указание гомеровского гимна к Аполлону («так как впервые из моря туманного в виде дельфина близ корабля быстроходного я поднялся перед вами, то и молитесь мне впредь как Дельфинию» [I, 493—496], — пер. В. В. Вересаева) о связи данной эпиклесы божества с дельфином, считали Дельфиния изначальным покровителем мореходов⁶¹. М. П. Нильсон, тоже считавший Дельфиния божеством мореходов, тем не менее отметил, что сущность данной разновидности Аполлона правильно еще не разъяснена⁶². Особняком стояло мнение О. Группе, который привел существенные соображения в пользу того, что Дельфиний был восточным по происхождению божеством и его функции заключались в покровительстве растительному и морскому живому миру (Getreidegott, Fischgott)⁶³.

Прозорливая точка зрения О. Группе нашла подтверждение в исследованиях последующего времени. Сначала Р. Барнетт высказал догадку о том, что Дельфиний — это отражение имени хеттского бога плодородия Телепинуса на греческой почве⁶⁴. Затем Л. А. Гиндин развил это положение на большом конкретном материале, приведя лингвистические данные, указываю-

щие на далеко идущее тождество обоих божеств; диахронически миф о Телепинусе, согласно его исследованию, неоднократно отражался в греческой мифологии, культах и ономастике⁶⁵.

Таким образом, историческое развитие культа Дельфиния в Греции заключалось в том, что первоначально это было божество плодородия растительного и животного мира, заимствованное греками из хеттской среды где-то в микенскую эпоху. В дальнейшем на основе народно-этимологического осмысления имени Дельфиния, сопоставлявшегося с греческим словом *delphis* — «дельфин», где-то в начальных столетиях I тысячелетия функции этого божества частично сдвинулись в сферу морской стихии, что и нашло отражение в гомеровском гимне к Аполлону, который возник в ионийской среде в VII или VI вв. Первоначальная хтоническая сущность Дельфиния на греческой почве видна из того обстоятельства, что места его культа известны не только в прибрежных, но и внутренних местностях (в Кноссе, Дреросе, Афинах, Спарте). В реликтном состоянии эта функция прослеживается в историческое время в Дельфах, где Аполлон (здесь он первоначально был Дельфинием, что видно уже из названия города) почитался под эпиклесой Ситалка в качестве покровителя злаков (Paus. X, 15, 2).

Выше упоминались связи раннегреческой философии с научной мыслью Востока в области математики, астрономии, астрологии. Рационалистическая картина мира начала складываться в Греции с раннего VI в. Данная в поэмах Гомера и Гесиода мифологическая картина мира более не удовлетворяла греческое общество, уже почти два столетия имевшее письменность и достаточно обширные географические знания. Связь греков с ближневосточными странами, проникновение их в Скифию, Африку и Атлантику вплоть до Британии раздвинули границы обитаемой земли. Греческая наука, натурфилософия, сложилась в малоазийской Ионии, которая, по словам А. И. Герцена, была началом Греции и концом Азии. Анаксимандр начертал первую географическую карту, Гекатей и другие логографы собирали сведения о различных странах и народах.

Раздвижение границ ойкумены ставило более глобальные вопросы о том, что представляет собой Земля, как возникла жизнь на ней, каково ее положение в мире относительно Луны, Солнца и звезд. Частичный рациональный ответ на некоторые из этих вопросов был найден уже ближневосточными мыслителями. Например, египтяне знали, что начало всего — вещество, из которого состоят земля, вода, огонь и воздух, а также все живое, что звезды состоят из огня, что затмение Луны происходит при ее вхождении в тень Земли (Гекатей Абдерский и Манефон у Диогена Лаертского [I, 10]).

Первые греческие мыслители, согласно традиции, бывали в Египте и Вавилонии (Фалес, Пифагор, Солон и др.), где восприняли начала материалистического понимания картины мира, творчески развитые ими в их трудах. Традиция об этих поезд-

ках философов достаточно прочна и, как мы видели на примере посещения Пифагором Вавилонии, достоверна (ч. II, гл. 3). Так, известно, что Фалес измерил высоту египетских пирамид, выведя соотношение между длиной собственной тени и тени пирамиды в полдень (Hieron. apud Diog. Laert. I, 1, 27). Ферекид и Анаксимандр на основе восточных образцов ввели в Греции большой и малый гномоны, указывающие солнцестояние и равноденствие (т. е. солнечные часы, указывающие по длине тени время дня и время года [Herod. II, 109]). Даже позднее, в классическое время, посещение Египта было для философов тем же, чем для русских ученых XVIII—XIX вв. курс совершенствования в университетах Германии. Известно, например, что Платон и Евдокс несколько лет провели в Египте в общении с местными жрецами (Strabo XVII, 1, 29).

Посещение греками восточных стран сделало известными им отдельные факты ближневосточной истории⁶⁶.

Разнообразные контакты греков с левантийцами нашли отражение в лексике греческого языка, включающей семитские заимствования. Эти заимствования относятся к культурной лексике и теофорным именам. Выше уже приводились семитские заимствования в микенском греческом языке (ч. II, гл. 1). Возобновление греко-семитских контактов в IX—VIII вв. обогатило лексику греческого языка следующими культурными терминами⁶⁷. Гомеровские слова *axinē*, *pelekys* «топор» происходят из семитских обозначений того же инструмента: аккад. *hsīnu* etc., *pilakku* etc.; *barbaros* (гомер. *barbarophōnos*) «негрек, чужеземец» — из обозначения «чужеземца»: аккад. *barbaru*⁶⁸; *diskos* «блюдо, диск» — из семитского обозначения того же предмета: аккад. *dīšku* «стол, блюдо» и т. п.; *krokos* «шафран» — из семитского названия того же растения: аккад. *kurkanu* etc.; *sphelas* «табурет» — из семитского обозначения этого мебельного изделия: аккад. *šuralu*; *chlama* «плащ, накидка» (Гомер) — из еврейского *gēlōt* «плащ»; *arēnē* «четырёхколесная повозка» — из семитского 'arān «колесо»: угарит. 'arṇ, евр. *ōfān*; *agare* (гомер. 'agaraō) «любовь» — из евр. 'āhab, 'ahabā «любить, любовь»; *lukabas* — приблизительное значение «течение времени» — из семит. *pqrṭ*: евр. *pāqaf* «двигаться по кругу»; *Tedys*, имя жены Океана, восходит к угарит. *Tā(m)tu* «океан»; имя *Boreas*, вероятно, восходит к имени аккадского божества *Buriaš*. Возможным семитским заимствованием, по Дж. Хукеру, является греч. *gerhuga* «плотина, вал, мост»⁶⁹.

Слова, засвидетельствованные другими источниками архаического времени: *kurassia* «льняная туника» (Алкей) — из среднеаввил. *kibsu* «одежда», нововавил. *kibasū*; *plinthos* «кирпич» — из семитского обозначения того же изделия *libintu*: аккад. *libittu* etc.; *grups* «грифон» (Аристей у Геродота) — из семитского названия херувима *kērub*; *oreichalkos* (гомеровский гимн к Афродите, Гесиод) — тавтологический композит, где второй

компонент — греч. *chalkos* «медь», а первый представляет собой адаптацию семитского обозначения того же металла: аккад. *(w)eru* etc.

Часть приведенных слов могла быть заимствована еще в микенское время, но осталась незасвидетельствованной в дошедших до нас микенских памятниках. Отдельные обозначения предметов напоминают нам приводившиеся выше выдержки из ассирийских надписей, перечислявших взятую на Леванте и в восточной Анатолии добычу, т. е. те же произведения ближневосточного ремесла были предметом внимания и греческих купцов (одежда, мебель, лекарства и пр.).

Вместе с семитской лексикой греки в VIII в. заимствовали один из вариантов семитской письменности — финикийский алфавит⁷⁰. Таким образом, Ближний Восток дал им важнейший цивилизационный инструмент — письменность, без которой Греция не смогла бы стать фундаментом европейской цивилизации. Для чего же грекам VIII в. понадобилась письменность? Ведь теперь, в отличие от микенского времени, у них не было дворцовых хозяйств, производство в которых требовало учета. Это была не столько экономическая необходимость, сколько потребность духа молодой нации. Греки видели, что письменность давала их семитским партнерам широкие деловые и культурные возможности. В царских дворцах на Востоке велось делопроизводство, чиновники, купцы, производители сносились друг с другом по вопросам самого разного свойства посредством корреспонденции, в обществе существовала письменная литература, и оно было образованным — значит, духовно многим богаче. Письменность открывала путь массовому приобщению к достижениям цивилизации.

Суть заимствования семитского письма состояла, как известно, в том, что греки приспособили 22 знака финикийского алфавита к буквенной передаче своих 24—26 согласных и гласных звуков, добавив 5 дополнительных знаков. Многие в этом процессе заимствования письменности остаются неясным. В частности, неизвестно доподлинно, где, как и какими именно греками было произведено приспособление финикийских букв к передаче звуков греческой речи. Например, Л. Джеффери предполагала, что это могло произойти в Аль-Мине, но Б. Амерденже резонно возразил, что в этом центре не найдено ни греческих, ни финикийских памятников письменности архаического времени⁷¹. Сам он связывал введение письменности в Греции с финикийцами из Библоса, ввозившими одновременно и материал для письма — папирус, греческое обозначение которого *bublos* происходит от названия этого города⁷². Он обратил внимание на то, что Гомер упоминает канаты из этого города, а Гесиод — библосский сорт вина. В то же время Библос был одним из древнейших центров употребления финикийской письменности — в царских гробницах здесь найдены древнейшие финикийские надписи. Сообщения Геродота (V, 58) и Фукидида (I,

12. 3) о заимствовании греками письменности у финикийцев, прибывших с Кадмом в Беотию, Амерденже понимает в том смысле, что именно финикийцы из Библоса ввели до 776 г. в Беотии алфавит и папирус.

Поскольку в ряде архаических центров Греции имелись свои системы алфавита, высказывалось также предположение о том, что приспособление финикийских букв к греческому языку произошло не в одном месте, а в нескольких одновременно. По поводу этой гипотезы представляется справедливым возражение В. Рёллига, который указал, что заимствование чужого алфавита и приспособление его к другому языку технически чрезвычайно трудно и потому вряд ли стоит думать о нескольких центрах введения финикийского алфавита в Греции⁷³.

Мы кратко рассмотрели несколько аспектов значительного для истории Греции феномена — влияния ближневосточной цивилизации на формирующуюся в VIII—VI вв. греческую культуру. Приведенные данные — небольшая часть имеющихся по этой проблеме материалов, и в них, конечно, немало спорного и не вполне доказанного. Следует подчеркнуть, однако, что суть проблемы ближневосточного влияния на архаическую Грецию заключается не столько в количественной стороне, сколько в качественной — усвоенные Элладой ферменты ближневосточной цивилизации преобразовали структуру, формы и содержание культурной жизни страны. Ближневосточная цивилизация не оказала сильного воздействия на греческое ремесленное производство (за исключением керамического) в смысле увеличения вала, но на ассортимент его и эстетическое осмысление изделий повлияла заметно. Наиболее же существенным восточное влияние было в другой сфере, может быть, более важной — на умственной жизни греческого общества.

Греки архаического времени проявили завидную открытость и способность к заимствованию культурных достижений чуждых по языку, религии и обычаям народов. Они впитывали все новое в технологии производства и художественной культуре, строительстве и военном деле, религии и мифологии, языке и обычаях и т. д. и т. п., отбирая все, что было необходимо для формирования собственного культурного фундамента. Греки оказались способнейшими учениками, достойными своих многоопытных учителей, — они не довольствовались импортом изделий, идей, образцов, но творчески перерабатывали их и вводили, уже в новом качестве или виде, свойственном только им, в свой повседневный обиход. Это творческое начало греческого духа хорошо выразил Платон (Epinomis 987d): «Что бы греки ни переняли у чужеземцев, они преобразуют это так, чтобы сделать еще лучше». Эти слова любят приводить специалисты, писавшие о проблеме восточного влияния на Грецию.

Итак, греки — ученики и тем самым должники Востока. Свой долг они сполна выплатили позднее, в эллинистическое время. Имеются, однако, некоторые свидетельства того, что

греки начали оказывать обратное влияние на ближневосточное общество уже на исходе архаического времени, но, к сожалению, данная тема ориенталистами почти не разрабатывалась.

В этом плане можно привести, во-первых, упоминавшуюся попытку Л. Кинга приписать грекам постройку зданий, изображенных на рельефах из дворцов Саргона II и Ашшурбанипала (ч. II, гл. 3). Во-вторых, использование греческих наемников Вавилоном и Египтом должно было внести новые идеи в военное дело этих стран. В-третьих, в литературе высказывалось мнение, что в VI—V вв. греки оказали воздействие на социальное развитие финикийского общества. Контактам греков с левантийскими семитами в VIII в. благоприятствовало близкое политическое устройство обоих обществ — в Греции и Леванте существовала царская власть, опиравшаяся на аристократию и олигархию. Эта одинаковость эпически выразилась в схождениях между библейским и гомеровским обществами, вскрытых С. Гордоном⁷⁴. К началу VII в. греки опередили левантийцев в темпах социального развития благодаря несравнимо более широкому размаху колонизационного движения. Ввиду этого полагают, что такие преобразования в финикийском обществе, как ликвидация в ряде городов царской власти и замена ее олигархией, образование советов старейшин (ср. греческую герусию), народных собраний, до некоторой степени являются следствием воздействия греческих социальных институтов⁷⁵. В-четвертых, на исходе архаического времени греки оплатили свой долг Ирану за луристанские бронзы. Многонациональный характер персидской империи определил известную открытость ее уклада. Поэтому уже с конца VI в. в персидском искусстве прослеживаются следы греческого влияния — в архитектуре и скульптуре Пасаргад и Персеполя⁷⁶. Интересно, что в то же самое время (около 550—480) ионийская натурфилософия испытывала сильное иранское влияние⁷⁷, т. е. процесс обмена идеями был двухсторонним.

* * *

Мы проследили историю ближневосточных предприятий греков по возможности полнее, хотя одни из них были освещены подробней (греки в Киликии, Ассирия и греки), другие — в основных чертах. К сожалению, источниковедческая база проблемы греческого присутствия на Востоке в архаическое время весьма лакуарна, да и то, что есть, зачастую может быть трактовано различным образом. Надо отметить, что синтез сведений о греках архаической поры на Ближнем Востоке, предложенный вниманию читателя этой монографии, — первая не только в отечественной историографии, но и в зарубежной: до сих пор исследовались, в том числе и на монографическом уровне, лишь отдельные вопросы. Отсюда — известная спорность некоторых наших положений в трактовке того или иного материала. Но мы убеждены, что представленная читателю картина ближневосточной истории греков правильна в том, что история

эта была богатой и разнообразной по своему содержанию, что она была значительным компонентом истории архаической Греции в целом. Отдельные ее моменты, разумеется, со временем будут уточняться. Уже видно, что наиболее весом вклад археологии и мифологии. Последняя, однако, оставляет нас в недоумении в плане отмечавшегося выше хронологического сгущения.

Дело в том, что, как мы видели, греческая керамика, найденная в Леванте, дает основание думать о появлении греков здесь около 800 г. (ч. II, гл. 2). Иначе говоря, начальные контакты греков с ближневосточными народами имели место на протяжении всего VIII в. В этом же столетии, однако, возникла и «Теогония» Гесиода, указывающая всем составом своих мифологем на переработку греками и включение ими в свои религиозно-мифологические представления ближневосточных мифологических циклов, прежде всего месопотамских. Для такой адаптации необходим достаточно длинный отрезок времени, поэтому следует предположить, что контакты греков с Ближним Востоком возобновились не около 800 г., а в IX или еще в X в. На столь раннее время указывает еще одна деталь. На Востоке и в архаическое время и теперь, вплоть до Индии, греков называют «ионийцами», разумеется, по той причине, что первыми эллинами, с которыми познакомились ближневосточные народы, были ионийцы. В вавилонском их обозначении — *Iawpaia* etc. сохранился сонант *ц*, исчезнувший у самих ионийцев достаточно рано — в некоторых ионийских говорах еще в дописьменную эпоху, т. е. до VIII в. Это обстоятельство также может указывать на контакты греков с Востоком еще в X—IX вв. Археологические данные, однако, даже по наиболее «длинной» хронологии геометрических скифосов с орнаментацией из полукружий в пандан могут указывать лишь на IX в., преимущественно на вторую его половину, как на время появления греков в Леванте. Если это так, то на адаптацию греками ближневосточной мифологии приходится около столетия, чего явно недостаточно. Проще всего в таких условиях думать о микенском наследии, но это не самый оптимальный вариант, ибо отсутствуют необходимые передаточные звенья. По-видимому, начальный этап греческого присутствия на Ближнем Востоке — примерно X в. — почти целиком скрыт от нас, и лишь некоторые косвенные показания заставляют догадываться о нем.

Отмеченный парадокс ближневосточной истории греков показывает, сколь много еще скрыто от нас, и демонстрирует, что в последующей работе не следует бояться самых неожиданных гипотез. Отмечу в связи с этим, что свежая гипотеза О. Семереньи о передвижении дорийцев в Грецию не с севера Балкан, а с востока, из Малой Азии, многое могла бы объяснить⁷⁸.

Словом, архаическая Греция во многом воспринимала *ex Oriente lux*, но как это происходило, пока не совсем ясно, и нам остается повторить фундаментальное кредо Гесиода: работай и преуспеешь!

Приложение I Лелантинская война

В эту войну между соперничавшими евбейскими городами, лидерами греческого мира VIII в., Халкидой и Эретрией, были вовлечены основные экономические центры архаической Греции: на стороне первой выступали Самос, Коринф, Фессалийская лига, на стороне второй — Милет, Эгина и, возможно, Мегара. Нарративные источники об этом эпизоде раннегреческой истории позволяют отнести Лелантинскую войну как к VIII, так и к VII в. Последние исследования указывают на предпочтительность VIII в.¹

Прежде всего об этом могут свидетельствовать результаты раскопок поселения Лэфканди, расположенного на берегу Эвриппа, на дороге между Халкидой и Эретрией, ближе к последней, на краю Лелантинской равнины, яблока раздоров между обоими городами. Этот процветающий торгово-производственный центр незадолго до конца VIII в. был разрушен, и авторы раскопок уверенно связывают гибель селения с Лелантинской войной². Упомянутый Гесиодом эпизод автобиографического характера о поездке в Халкиду для участия в поэтическом состязании на похоронах местного аристократа Амфидаманта (Or. 651—657), погибшего в Лелантинской войне (Plut. Mor. 153f, подробно см. ч. I, гл. 3), служит веским доказательством в пользу датировки последней VIII в.³ Далее, изгнание эретрийцев из Керкиры Херсикратом при основании здесь коринфской колонии около 733 г. (ч. I, гл. 4) хорошо согласуется с тем обстоятельством, что коринфяне, державшие сторону Халкиды, были враждебны эретриянам⁴.

Приложение II Этимология имени Thēsēus и значение слова фет

Имена действующих в греческих мифах лиц иногда так же легендарны, как и сами сказания. Из числа множества подобных имен приведу следующие примеры. Согласно «Илиаде» (II, 212 и сл.), Ферсит был горазд поносить царей; имя его — «говорящее»: Thersitēs < tharsos (эолийское thersos) — «дерзкий». Имя беотийского поэта Hēsiodos означает, по возможной

этимологии, «поющий песнь» (см. ч. I, гл. 3). Фигурирующее в источниках имя законодателя VII в. Dракōн явным образом представляет собой не имя, а прозвище, данное афинскому законодателю за жестокость его законов: слово dракōн означает «дракон».

К числу таких «говорящих» имен относится, на мой взгляд, и имя легендарного героя Тезея, объединившего Аттику. Этимология этого имени считается неясной⁵. Между тем оно может быть объяснено представлением о Тезее как объединителе аттических демонов, что дает основание для сопоставления имени с основой the- глагола tithēmi в значении «складывать, соединять»; т. е. имя Thēseus имеет следующую структуру: Thē-s-eus. Основа the-s структурно соответствует гомеровскому слову thēs, хорошо объясненному еще Л. Дедерляйном: thēs — «фет» — это бинарная форма от thetos, как dais, dōs, penēs от daitē, dotē, penetos, и она представляет собой simplex pro composito к syn-thetos, как agōn к synagōn или stasis к diastasis⁶. Таким образом, имя Thēseus образовано из основы synthe- в бинарной и упрощенной форме с окончанием -s, т. е. thē-s — «сложенный» или «сложивший»; позднее в легендарной традиции оно было оформлено суффиксом деятеля -eus. Таким образом, Thēseus — «тот, кто сложил, соединил», «объединитель». Это означает, что Тезей — фигура вымышленная⁷.

Из сказанного следует и значение слова thēs — «фет» как производного от (sun)tithēmi в значении «заклучать соглашение», т. е. это работник, нанявшийся (или нанятый) по договору, работающий на договорной плате (см. ч. I, гл. 3, о близости статуса дмоев и фетов, там же о договорной плате дмоям).

Приложение III

Хронология основания сицилийских колоний

Абсолютная хронология и последовательность основания первых греческих городов в Сицилии зависит от опорной системы дат, содержащейся у Фукидида, в армянской и иеронимовской версиях Евсевия:

Город	Фукидид	Евсевий (армянская версия)	Евсевий ⁸ (Иероним)
Накс	ок. 734	736	740
Сиракузы	ок. 733	735	738
Леонтины	ок. 728	—	—
Катана	ок. 728	735	736
Мегара	ок. 727	—	—

Полученная выше (ч. I, гл. 4) последовательность основания этих городов предполагает следующую схему возможных абсолютных дат:

Источники опорной даты	Накс	Леонтины, Катана. Прибытие экспедиции Ламиса	Сиракузы	Мегара
Фукидид (основание Мегар ок. 727 г.)	ок. 734	ок. 728	ок. 728	ок. 727
Евсевий, армянская версия (синхронизм Сиракуз и Катаны — 735 г. То же и в cod. L. Иеронима = 736 г.)	742	735	735	734
Евсевий (у Иеронима: основание Сиракуз в 738 г.)	744	737	738	737

В схему не вошли даты, предшествующие середине VIII в. (подробное их исследование имеется в указанных работах Ж. Берара и Т. Дж. Данбэбина). В связи с высокими датами основания греческих городов остановлюсь на упоминавшейся работе Ж. Вале и Ф. Вийяра о времени основания Мегары и Сиракуз. Эти исследователи пришли к следующей последовательности основания ранних сицилийских колоний⁹:

757	Наксос
757/750	Мегаряне в Тротиле и Тапсе
750	Мегара
733	Сиракузы

При этом они отталкивались от двух пунктов: 1) протокоринфская керамика из раскапываемой ими Мегары Гиблеи ощутимо древнее протокоринфского же материала из Сиракуз¹⁰; 2) дата основания Мегары по городским локальным хроникам Сицилии приходится на 750 г. Эта дата получена следующим образом: по Диодору (XIII, 59, 4), Селинунт был основан Мегарой Гиблеей за 242 года до взятия его в 408 г. карфагенянами, что соответствует 650 г. По Фукидиду же (VI, 4, 2), Селинунт был основан 100 лет спустя после основания Мегары Гиблеи, что приходится на время около 750 г.¹¹. Вместе с тем фукидидовская дата основания Сиракуз — 733 г. представляется Ж. Вале и Ф. Вийяру твердой¹².

Хронология указанных французских ученых с некоторыми оговорками встретила сочувствие ряда исследователей¹³, но другими, напротив, была подвергнута критике (Р. Ван Комперноль, Дж. Боурдмен и др.)¹⁴. Действительно, если отталкиваться от каких-либо единичных дат основания, скажем по «Паросской хронике», то получится самая причудливая хронологическая картина. Методически правильной в таком случае оперировать системами дат Фукидида—Евсевия как связной схемой последовательных оснований, подвергая их критическому сопоставлению с данными других источников.

Что касается археологического материала, то приведенный Ж. Вале и Ф. Вийяром аргумент о большей древности протокоринфской керамики из Мегары сравнительно с сиракузским ма-

материалом не лишен субъективизма: по их же датировке он колеблется между 750—710 гг.¹⁵, что с принятием даты 733 г. для Сиракуз позволяет синхронизировать позднегеометрическую керамику из обоих центров, не поддающуюся, кстати, периодизации по четвертям столетия, в то время когда Ж. Вале и Ф. Вийяр настаивают на разнице основания городов в 24 года¹⁶. Изложенные соображения заставляют отказаться от хронологии названных ученых¹⁷.

В заключение отмечу, что синхронизация основания Сиракуз и Керкиры, чрезвычайно существенная для изложенной мною схемы, подтверждается материалами из раскопок Палеополя на Керкире: здесь была найдена позднегеометрическая керамика последней трети VIII в., соответствующая традиционной дате основания Керкиры — 733 г.¹⁸.

Введение

¹ См., к примеру: *Snodgrass A. M. The Dark Ages of Greece. Edinburg, 1971, с. 1—2.*

² *Ehrenberg V. Epochs of Greek History.— Greece and Rome. 1960, № 7, с. 105—107.*

³ *Jeffery L. H. Archaic Greece. N. Y., 1976, с. 24—28.*

⁴ Подразумеваю надпись второй половины VIII в. на так называемом кубке Нестора — скифосе восточногреческого производства, но извлеченном из погребения на греческом некрополе Питекусс (ML, 1), т. е. доставленном (с надписью или без нее) с крайнего востока на крайний запад греческого мира VIII в.

⁵ Ср.: *Боузек Я. К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э.— ВДИ. 1962, № 1, с. 107; Snodgrass A. M. The Dark Ages, с. 305 и сл.— о конце микенского мира в результате миграционного нашествия (дорийский вопрос); с. 313 и сл.— о второй волне перемен между началом XII — серединой XI в.; с. 330— о последней миграционной волне X в., затронувшей также Аттику.*

⁶ Варианты археологической периодизации XI—VIII вв. см. в сводной таблице у Я. Боузека (К истории Аттики, с. 105). Для удобства читателя приведу примерную археологическую периодизацию А. Снодграсса (*Snodgrass A. M. The Dark Ages, с. 123*): около 1050/1040 г.— начало протогеометрического стиля; около 900 г.— начало раннегеометрического стиля; около 860/840 г.— начало среднего геометрического стиля; около 770/760 г.— начало позднего геометрического стиля, окончившегося около 710/700 г.

⁷ См., к примеру: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd I, 1. Strassburg, 1924, с. 364 и сл. Bunner P. Ю. История Греции. М., 1918, с. 130—133.*

⁸ При раскопках лучшей опорой для датировки служат «чистые», или «закрытые», комплексы — ямы, колодцы, цистерны, «пазухи», печи и т. д., содержащие, как правило, единовременный материал.

⁹ *Hampf F. Die «Ilias» ist kein Geschichtsbuch.— Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Bd 7—8. Innsbruck, 1962, с. 37 и сл. Расширенный вариант этой работы см.: *Hampf F. Geschichte als kritische Wissenschaft. Bd. 2. Darmstadt, 1975, с. 51—99. Snodgrass A. M. An Historical Homeric Society?— JHS. 1974, № 94, с. 114—125.**

¹⁰ *Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; он же. Об историзме гомеровского эпоса.— ВДИ. 1984, № 4, с. 3 и сл.*

Часть I

Глава I

¹ Ссылки на фрагменты Аристотеля даются по третьему изданию В. Розе (*Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Ed. V. Rose. Lpz., 1886*).

² *Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.*

³ Она нашла законченное выражение в статье: *Latte K. Phylē.— RE. 1941, Halbbd. 39, кол. 994 и сл.*

⁴ *Roussel D. Tribu et cité. P., 1976, с. 189 и сл.*

⁵ В греческом глаголе *phuein* совместились значения «рождать» и «расти», в русском же языке эти два значения обособились, но восходят к общему

корню, см.: Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 385.

⁶ Krahe H. Die alten balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925, с. 18, 84.

⁷ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 224.

⁸ Durante M. Hylleis, Egcheleis, Illyrioi.— Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1974, № 12, с. 399—407.

⁹ О территориальных филах классического и эллинистического времени см.: Latte K. Phylē, кол. 1001 и сл.

¹⁰ Tricha Feikes <tricha «тройной» + *Feik-, из индо-евр. *цеік — «племя, клан», давшее греческое Foikos — «дом» в широком смысле вместе с домохозяевами («большая семья и ее обиталище»), Foikizein — «населять» (лат. vicus, санскр. viç — «община»). См.: Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1923, с. 986. Так же трактовали это слово Э. Френкель, М. Лойман; иначе — Я. Фришк: «потрясающие волосы» (Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief 20. Heidelberg, 1969, с. 934).

¹¹ Фрагмент содержит разъяснение не этимологии незнакомого слова, а ситуации и определено показывает, что trichaikes нужно понимать не в смысле «разделенные натрое» (как у Э. Буасака и в словаре Лиддела—Скотта—Джозуа), а «поселяющиеся (живущие) тремя частями», т. е. по трем филам, как объясняли ситуацию Etym. magn. и Etym. Gen., s. v. trichaikes. Это же значение вытекает и из сближаемых слов oikos, oikizein.

¹² О Карнеях, праздновавшихся в различных дорийских центрах, см.: Ziehen L. Sparta.— RE. Bd III. 2 A, 1929, кол. 1513—1514; Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Lpz., 1906, с. 120—124.

¹³ Соотношение фил и об в спартанской «Петре», значение термина «оба» подробно рассмотрены в: Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Prague, 1971, с. 78 и сл. Применительно к Спарте данные глоссы Геснихя подразумевают дорийские филы, изначально бывшие родо-племенными образованиями.

¹⁴ Димы — очень древний город; известно, например, что димеец Эбота был победителем шестой олимпиады 756—753 гг. (Eusebii Chron. I, p. 196 Schoene).

¹⁵ Декрет о колонии в Брее, около 446—438 гг. (ML, 49.6—8; Hyper. IV, 16—17).

¹⁶ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I. P., 1968, с. 274; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch, с. 381. Слово dêmos как обозначение аттических сельских поселков и окружающей их территории известно в источниках применительно ко времени реформы Клифена (Herod. V, 69), но оно могло употребляться в этом смысле в ионийско-аттической среде и в предшествующие века.

¹⁷ Chantraine P. Dictionnaire étymologique. T. 2. P., 1970, с. 606.

¹⁸ Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1963, с. 86, 188—189.

¹⁹ LSJ, s. v. polis, II—III. С разделом пастбищ, видимо, связаны семантические аспекты глагола πέμб — «разделять» > «пасти», «жить», «обитать».

²⁰ Понятия ethnos и phylai иногда взаимозаменяемы; ср. Трифилия — область на Пелопоннесе, населенная тремя народами — эпейцами, минийцами (аркадянами) и элейцами (Strabo VIII, 3, 3).

²¹ Ср. также Phylē — название аттического дема (Wiesner J. Phylē.— RE, Halbbd. 39. 1941, кол. 1011—1013), возможно, восходящее к обозначению территории, некогда занятой филлой, точнее, ее частью.

²² Ср. название одного из важнейших 12 городов Ахайи (бывшей пелопоннесской Ионии) Patrai, обозначающее «территорию, занятую группой фратрий» (дор. patrai — «фратрин»).

²³ Подробности см. у Дикеарха (apud St. Byz. s. v. patra). Nilsson M. P. Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951, с. 150 и сл. Согласно одной афинской надписи, род Медонтидов был фратрией, которая, стало быть, возникла на основе древнего рода (Crosby M. A Poletai Record of the Year 367/6 B. C.—Hesperia, 1941, v. 10, с. 16, СТК. 17—18: koinon fratērōn Medontidōn).

²⁴ Ф. Тёппфер (Toepffer F. Attische Genealogie. B., 1889, с. 315—316)

насчитывает 29 таких патронимических названий демов (из общего числа 148 демов и 58 известных нам родов Аттики).

²⁵ IG, I², 110.16—17; 113.8—9; 122.15 (все надписи — позднего V в. до н. э., формула реконструирована).

²⁶ Разделение полиса на 12 частей и фил у Платона основано, как известно, на пифагорейской формуле $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 \times 6 \times 7 = 5040$ — количество граждан платоновского идеального государства (Leg. 737 de), делящееся без остатка на 12. Цифра 12 (а не 8, 14, также делящиеся без остатка), выбрана потому, что делится как на четные, так и нечетные числа (ср. 746d).

²⁷ См.: Fougères G. Kōmē.— DS Dictionnaire. T. 3. P., 1900, с. 852—854; Swoboda H. Kōmē.— RE, Supplbd. 4, 1924, кол. 950.

²⁸ Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit.— Archaeologia Homerica. Bd 2, Kapitel O. Göttingen, 1969, с. 95.

²⁹ Там же, с. 36 и сл.

³⁰ Там же, с. 95 и сл.

³¹ Там же, с. 97—98.

³² Сотовая структура упоминается у Демосфена (Dem. 43, 19): у афинянина Бусела было пять сыновей, каждый из которых, женившись, получил следующую часть отцовского имущества и поселился с детьми отдельно, так что из одного ойкоса, замечает Демосфен, возникло пять ойкосов. Осевая структура поселения и поныне бытует, например, в болгарских селах Бессарабии (ныне Одесская область): к дому родителей пристраиваются по длинной оси в ряд дома обзаведшихся своей семьей потомков.

³³ Fougères G. Kōmē, с. 853.

³⁴ Там же, с. 853.

³⁵ Drerup H. Griechische Baukunst, с. 87 и сл.

³⁶ Согласно текстам табличек из Пилоса, относящимся к 1250—1200 гг., земля делилась на две категории: kekēmena, находившаяся в собственности народа, и kitēmena — принадлежавшая отдельным лицам. В деревне Rakijanija, к которой относится большинство найденных табличек, из общего количества земель $\frac{2}{3}$ принадлежало к первой категории (Lejeune M. Le récapitulatif du cadastre EP de Pylos.— Mycenaean Studies. Cambridge, 1966, с. 260—264).

³⁷ Маркс К. Критика политической экономии.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1, с. 466.

³⁸ О количестве земельных наделов в Спарте см.: Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. 2. München, 1926, с. 640.

³⁹ Ксенофонт (Xen. Lac. pol. II, 4) говорит о шести морях. Предложенная здесь интерпретация вопроса об эволюции спартанской военной организации — один из возможных вариантов (подробно об этом см.: Wade-Gery H. T. The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus VI.— Essays in Greek History. Oxf., 1958, с. 71—77).

⁴⁰ SIG, II, 2, 1828, № 3064, 3081, с. 653—654. О других точках зрения см.: Hunt D. W. S. Feudal Survivals in Ionia.— JHS, 1947 (1949), v. 67, с. 69—70.

⁴¹ См.: локридский декрет VI в.— ML, 13.

Глава 2

¹ Демы, подобные аттическим, известны в различных областях Греции, независимо от происхождения их населения — в Милете, Элиде, на Косе, Леросе, Наксосе, Калимне, Родосе (здесь κτοίπαι территориально соответствуют аттическим демам и даже частям последних) и др. (Soeffer. Dēmoi.— RE, 1905, Bd 5, кол. 34 и сл.).

² См. также: Paus. I, 38, 2—3; Mylonas G. E. Eleusis. Princeton, 1961, с. 24—29. Павсаний указывает, что Реты («Соляные озера») были границей, отделявшей владения элевсинцев от остальной Аттики (I, 38, 1). Плутарх (Thes. 24, 1) сообщает и о войнах аттических селений между собой.

³ Лепер Р. Х. Следы синойкизма двенадцати государств Аттики.— Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 248—250; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике

в VI в. до н. э. М., 1964, с. 133—147; Колобова К. М. К вопросу о возникновении афинского государства.—ВДИ. 1968, № 4, с. 49—55.

⁴ Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э. Ч. I.—ВДИ. 1967, № 2, с. 62—64, 71, 74.

⁵ Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение. Ч. II.—ВДИ. 1972, № 4, с. 16—17.

⁶ В целом в классическое время небольшие аттические демы насчитывали несколько десятков человек, а крупные — несколько сот или тысяч (*Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde*, Bd. 2, с. 964—965; *Gomme A. W. The Population of Athens in the V-th and IV-th Centuries B. C.* Oxf., 1933, с. 54 и сл.).

⁷ *Walter O. Archäologische Funde in Griechenland.*—*Archäologischer Anzeiger*, 1940, кол. 177—178. *Lauter H. Lathuresa.* Mainz, 1985, с. 26 и сл.

⁸ *Wade-Gery H. T. Eupatridai, Archons, and Areopagus.*—*Essays*, с. 88 и сл. Разумеется, под «классами» Уэйд-Гери подразумеваются профессиональные категории, а не социально-политические общности.

⁹ *Боузек Я.* К истории Аттики, с. 107—108.

¹⁰ Там же, с. 108—109.

¹¹ Там же, с. 111—112; *Snodgrass A. M. The Dark Ages*, с. 150.

¹² *Etym. magn.*, s. v. eupatridai: «эвпатридами назывались те, кто проживали в самом городе, принадлежали к царскому роду и осуществляли надзор за священнодействиями». Дефиниция Плутарха (*Thes.* 25, 2): «эвпатридам — ведать божественными делами, занимать правящие должности, толковать законы и быть истолкователями ритуалов и культов». По Дионисию Галикарнасскому, «эвпатридами называли лиц, происходящих из известных домов и состоятельных». Ср. также: *Pollux*, VIII, 111.

¹³ Например, в «Наксосской политии» Аристотель (fr. 558) сообщал, что во времена тирана Лигдамида (VI в.) большинство состоятельных людей проживало в городе, остальные расселялись по комам. О проживании аттической знати VI в. преимущественно в Афинах см.: *Зельин К. К.* Борьба политических группировок, с. 123. К хронологии ср. замечание Р. Сили: «Название „эвпатриды“ могло быть извлечено из названия наследственного правящего класса в городе Афины до объединения Аттики» (*Sealey R. Eupatridai.*—*Historia*, 1961, Bd 10, с. 513).

¹⁴ И. Олер относил переход полной власти в руки эвпатридов к 712 г. (*Oeler J. Eupatridai.*—*RE*, Halbbd. 11, 1907, кол. 1164). По Евсевию, избрание ежегодных архонтов в Афинах из числа эвпатридов приходится на 24-ю олимпиаду, т. е. 684—681 гг. (*Chron.* II, p. 84 Schoene). Привилегия эвпатридов избирать магистратов только из своей среды была ликвидирована реформами Солона.

¹⁵ *Боузек Я.* К истории Аттики, с. 112. Ср.: *Plut. Thes.* 29, 5: могилы воинов, павших в Кадмейской войне, показывают в Элевтерах, а могилы предводителей — около Элевсина.

¹⁶ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982, с. 77, 134.

¹⁷ Напротив, целиком автохтонное происхождение сословия эвпатридов предполагал К. Рёбак, согласно которому эвпатриды могли быть потомками еще микенской знати, так как в Афинах не было перемен, связанных с миграционным периодом и население оставалось стабильным (*Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica.*—*Hesperia*. 1974, v. 43, с. 487—490).

¹⁸ Кроме этого об эвпатридах известно, что у них был отдельный культ Зевса Геркия и Зевса Отчего (*Oeler J. Eupatridai*, кол. 1164). См. также: *Никитский А. В.* Драконт Евпатрид.—ИАН. 1919 (1920), с. 601—602.

¹⁹ *Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece.* Oxf., 1969, с. 401, № 2.

²⁰ *Боузек Я.* К истории Аттики, с. 112.

²¹ *Desborough R. Protoegeometric Pottery.* Oxf., 1952, с. 308—312.

²² *Боузек Я.* К истории Аттики, с. 107.

²³ *Kübler K. Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts.*—*Kerameikos*. В., 1954, Bd V, 1, с. 159 и сл.

²⁴ Там же, с. 158.

²⁵ Квартал гончаров в архаическом Коринфе располагался в полутора километрах от Храмового холма, центральной части поселения. И в Сибарисе

квартал гончаров был вынесен за территорию архаического поселения (*Guzzo P. G. Scavi a Sibari.*— PP, 1973, v. 28, с. 282 и сл.). См. также: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис, с. 31.

²⁶ Слово *Hoplêtes* в Милете V в. (Syll.³ 57) имело форму *Hoplêthes* что, по К. Ляте, представляет собой *Hoplêthes*, т. е. *plêthos* («масса, толпа») с префиксом *o-* как *o-patōr*, *o-triches* (*Latte K. Phylê*, кол. 1000). Эта этимология более предпочтительна сравнительно с традиционной, сближающей голетов с *hoplites* — «воин» (*Nilsson M. P. Cults*, с. 146—147).

²⁷ Из литературных и археологических источников нам известно около десятка ранних аттических поселений (Торик, Браврон, Элевсин, Латуреса, Афинны, Декелия и др.). Спустя два-три столетия Клисфен образовал уже 100 демов (*Herod. V*, 69). Во времена Страбона насчитывалось еще больше — 174 дема (*Strabo IX*, 1, 16).

²⁸ См.: *St. Byz. s. v. Epatriidai*, а также надписи. Ремесленный характер этих демов следует из их названий, причем Эпириды были центром клисфеновской триттии.

²⁹ Это четырехградие и в последующее время выступало самостоятельно в религиозных посольствах от афинян в Дельфы и на Делос (*Philoch. fr.* 158. *M. Syll.*³, 541, 542, конец III в.).

³⁰ Сведения о существовании древнего аттического двенадцатиградия (*Philoch. apud Strabo IX*, 1, 20) неисторичны, поскольку они просто повторяют аналогичное число ионийских городов Пелопоннеса и Малой Азии.

³¹ *Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf.*, 1952, с. 37.

³² *Snodgrass A. M. The Dark Ages*, с. 404.

³³ Там же, с. 54.

³⁴ *Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution*, с. 36. Иначе процесс политического развития Атики понимает М. Сакелларну: в начале первого тысячелетия, по его мнению, существовало государство, включавшее Атику и часть Евбеи — ионийская конфедерация, распавшаяся к середине VIII в. (*Sakellariou M. La Situation politique en Attique et en Eubée de 1100 à 700 av. J. C.*— REA, 1976—1977, № 78—79, с. 11 и сл.).

³⁵ См. подборку материалов и типологическую характеристику синоикизма в: *Kährstedt U. Synoikismos.*— RE, Halbbd. 8, 1932, кол. 1435—1445; *Moggi M. I sinecismi interstatali greci. I. Dalle origini al 338 a. C.* Pisa, 1976; *Musiölek P. Zum Begriff und zum Bedeutung des Synoikismos.*— Klio. 1981, № 63, с. 207—213; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988, с. 85 и сл.

³⁶ Обратный процесс: расселение мантинейцев по отдельным деревням вследствие разрушения их города лакедемонянами (см.: *Xen. Hell. V*, 2, 5).

³⁷ *Fougères G. Kōmē*, с. 853—854.

³⁸ Первоначально в Коринфе было три дорийские филы; введение восьми фил произошло позднее (ибо в Сиракузах, коринфской колонии, было три филы), видимо, при Кипселе (*Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxf.*, 1948, с. 55).

³⁹ Аналогичная практика имела место и на италийской почве, судя по значениям латинского *vicus* — «деревня» и «городской квартал».

⁴⁰ К соотношению полиса и комы ср.: *Thuc. III*, 101, 2; *kōmē Polis* у тийцев (локрийской народности). Свое укрепленное поселение гийцы называли Полсом; Фукидид же, которому было известно, что полисов в классическом смысле у локров не было, а имелись только неукрепленные селения (*kōmai*, 1, 5), классифицирует его в качестве комы. Ср. также: *Strabo VII*, fr. 43 — *Karteros kōmē*, т. е. природным образом укрепленное поселение.

⁴¹ Этимологически слово *polis* родственно санскр. *ṛiḡ*, литовск. *pilis*, латышск. *pils*, происходящим от индоевропейской основы **pel* — «сыпать, лить, наполнять, насыпать» (*Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern*, 1959, с. 798—799), указывающей на насыпание вала вокруг поселения.

⁴² Характеристику поселков протогеометрического и геометрического времен см. также: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис, с. 18—31; *Drerup H. Griechische Baukunst*, с. 36—56, 95—105.

⁴³ *Drerup H.* Griechische Baukunst, с. 96—97.

⁴⁴ Там же, с. 52.

⁴⁵ *Boardman J.* Greek Emporio. L., 1967, с. 4 и сл.

⁴⁶ *Cook J. M.* Old Smyrna.—BSA, 1959, v. 53—54, с. 10—22. Ср. также: *Wąsowicz A.* Zagospodarowanie przestrzenne antycznych miast greckich. Wrocław etc., 1982, с. 42 и сл.

⁴⁷ *Cadoux C. J.* Ancient Smyrna. Oxf., 1938, с. 62. Ср.: *Mimn. fr.* 12 а.

⁴⁸ Миминерм, расцвет творчества которого приходится на рубеж VII—VI вв., именовался то колофонцем, то смирнейцем, что, видимо, объясняется его принадлежностью к потомкам тех колофонян, которые захватили Смирну (*Cadoux C. J.* Ancient Smyrna, с. 82—83).

⁴⁹ Собственно, известен эпизод внутриполитической борьбы в Милете VI в. между двумя партиями, в котором не обязательно следует усматривать социальную коллизию: это могло быть столкновением внутри одной и той же социальной группы; историографию вопроса см.: *Лангева М. Ю.* Плутис и хейромаха.—Вестник ЛГУ. Сер. 2, вып. 3. Л., 1986, с. 14 и сл.

⁵⁰ *Cook J. M.* Old Smyrna, с. 19.

Глава 3

¹ *Schwartz J.* Pseudo-hésiodeia. Recherches sur la composition, la diffusion et la disparition ancienne d'oeuvres attribuées à Hésiode. P., 1960.

² *Lendle O.* Die «Pandorassage» bei Hesiod. Würzburg, 1957, с. 95—96.

³ Произведения Гесиода приводятся по изданию А. Ржаха.

⁴ *Groningen B. A.* Hésiode et Persès.—Mededelingen der Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde. Nieuwe Reeks, Deel 20, № 6. Amsterdam, 1957, с. 158.

⁵ *Bradley E. M.* On King Amphidamas' Funeral and Hesiod's Muses.—PP, 1975, v. 30, с. 288. Ранее Г. Т. Уэйд-Гери предположил, что Гесиод на состязании в Халкиде исполнил «Теогонию» (*Wade-Gery H. T.* Hesiod.—Essays in Greek History, с. 8).

⁶ *Edwards G. P.* The Language of Hesiod in its Traditional Context. Oxf., 1971, с. 195.

⁷ Статьи Ф. Дорнзайфа, А. Хойбека, А. Лески на эту тему собраны в дармштадской антологии исследований по Гесиоду—*Hesiod.* Hrsg. von E. Heitsch. Darmstadt, 1966. См. также: *Walcot P.* Hesiod and the Near East. Cardiff, 1966 и ряд статей других авторов последующего времени.

⁸ *Hesiod.* Works and Days. Ed. by M. L. West. Oxf., 1978, с. 3 и сл.; *Pellizer E.* Modelli compositive e «topoi» sapientialinelle «Opere e giorni» di Esiodo.—Studi omerici e esiodici. Roma, 1972, v. 1, с. 29 и сл. П. Уолкот пытался вывести из ближневосточной дидактической литературы земледельческий календарь «Трудов» (*Walcot P.* Hesiod and the Didactic Literature of the Near East.—REG, 1962, t. 75, с. 15 и сл.).

⁹ *Lesky A.* Geschichte der griechischen Literatur. Bern, 1957/58, с. 90. Изложение мнений об одном или разных авторах обеих поэм см.: *Solmsen F.* Hesiod and Aeschylus. Ithaca, 1949, с. 4—5. О единстве поэм см. также: *Wade-Gery H. T.* Hesiod, с. 6—7.

¹⁰ *Fick A.* Hesiods Gedichte. Göttingen, 1887, с. 60—68.

¹¹ Там же, с. 56—59, 79—82.

¹² См. о них: *Захаров А. А.* Гесиод и поэма «Труды и дни».—Сборник статей в честь С. А. Жебелева. [Б. м.], 1926, с. 135—142.

¹³ *Mazon P.* Hésiode: la composition des «Travaux et les jours».—REA, 1912, t. 14, с. 329 и сл. Его же издание поэмы: *Hésiode.* Les Travaux et les jours. P., 1914. Согласно М. Л. Уэсту, Гесиод несколько раз дописывал поэму, так что надо считать его автором всей поэмы (*West M. L.* Work and Days, с. 46).

¹⁴ *Hesiod.* Works and Days. Ed. by T. A. Sinclair. Hildesheim, 1966, с. IX—X (перепечатка лондонского издания 1932 г.).

¹⁵ См. схему выделения отдельных частей различными учеными у Николаи

(Nikolai W. Hesiods Erga. Beobachtungen zum Aufbau. Heidelberg, 1964, с. 202).

¹⁶ Wade-Gery H. T. Hesiod, с. 11—12.

¹⁷ Nikolai W. Hesiods Erga, с. 154, 184.

¹⁸ Ст. 25—26 — поговорка. По свидетельству геликонских беотийцев, поэма начинается стихами об Эриде (Paus. IX, 31, 4).

¹⁹ Следующий затем миф о Пандоре, на мой взгляд, — парафраза соответствующих стихов «Теогонии», включенная в «Труды» в развитие ст. 42—49 о каре, ниспосланной Зевсом людям за Прометеев обмен. Подлинный характер этого пассажа отстаивал Ю. Блуш, полагавший, что миф о Прометее—Пандоре служил Гесиоду средством объяснения действительности (Blusch J. Formen und Inhalt von Hesiods individuellen Denken. Bonn, 1970, с. 81 и сл.). О Ленгле (Lendle O. «Pandorassage», с. 93 и сл.) указывал на гетерогенный характер данного пассажа (ст. 72—76 — интерполяция). Следующий за рассказом о Пандоре миф о пяти золотых веках А. Фик выделял из поэмы как принадлежащий по происхождению к «Теогонии» (Fick A. Hesiods Gedichte, с. 51—55), но по Фонтенроузу (Fontenrose J. Work Justice and Hesiod's Five Ages.—CPh, 1974, v. 69, с. 1—16), этот миф объясняет причины, по которым человеку нужно трудиться.

²⁰ По М. Пюлма (Puelma M. Sanger und Konig.—Museum Helveticum. 1972, Bd 29, с. 88), притча о ястребе и соловье иллюстрирует столкновение аэда, представляющего dikē, с hybris царя, бывшего одновременно и судьей. Ст. 210—211, по Аристарху, — вставка. Сюда же относится и ст. 212 пояснительного, резюмирующего характера.

²¹ Ст. 310 отсутствует в ряде рукописей. Ст. 317—319, по Плутарху, — гомеровская цитата.

²² Сомнения в гесиодовском происхождении этого слоя пословиц и поговорок бытовали уже в древности. Например, поговорка «пусть будет твердой установленная другу плата», означавшая, что в делах с друзьями нужно твердо придерживаться данного слова (ст. 370), приписывалась мифическому деду Тезея Питфею (Plut. Thes. 3, 2—4, со ссылкой и на Аристотеля).

²³ Что собственно «Труды» начинались со ст. 383, было известно и древним (см. с. 35). Здесь вставлены ст. 406, 447, 502—503 (подробности см. в издании А. Ржаха). Ст. 504 из описания зимы — вставка в том смысле, что название беотийского месяца Букатиона заменено более известным греку ионийским Ленеоном (А. Штайц). Ст. 561—563, по Плутарху, также не принадлежат Гесиоду.

²⁴ Неаутентичность этого слоя основному ядру поэмы хорошо просматривается на примере ст. 695 и сл., содержащих наставления к женитьбе, хотя ранее в «Трудах» ясно сказано, что Перс уже имел жену и детей (ст. 399).

²⁵ А. Фик, У. Виламовиц, М. П. Нильсон, Л. Бона Квалья и многие другие считали «Дни» позднейшим добавлением. Ч. Бай (Beye Ch. R. The Rhythm of Hesiod's Works and Days.—Harvard Studies in Classical Philology, 1972, v. 76, с. 23 и сл.), напротив, пришел к выводу, что «Дни» развивают и уточняют понятия, приведенные ранее в поэме. Э. Пеллицер (Pellizer E. Per l'unita dei «Giorni».—Studi triestini di antichita in onore di L. A. Stella. Trieste, 1975, с. 169 и сл.) пришел к выводу о внутренней цельности «Дней».

²⁶ Jacoby F. Apollodors Chronik. В., 1902, с. 404. Подробности см.: Allen T. W. Homer. The Origines and Transmission. Oxf., 1924, с. 85; Waltz P. Hesiod et son poeme moral. Bordeaux, 1906, с. 38—39.

²⁷ Allen T. W. Homer, с. 85—88, 92—97; Wade-Gery H. T. Hesiod, с. 4—5, 14—16.

²⁸ Географический кругозор «Теогонии» намного шире, нежели «Трудов», тем не менее, по справедливому заключению И. Вагнера, география последних шире географии гомеровских поэм (Wagner J. J. Homer und Hesiod. Ulm, 1850, с. 81—82). В отношении географических сведений гесиодовского корпуса показательным, что Эфор (fg. 42 Jac.) относился к 3-й книге «Эой» как к землеописанию.

²⁹ Этот же эпизод рассказан в ст. 654—662 «Трудов», о чем см. с. 36 и сл.

³⁰ Евсевий (Chron. II, p. 86 Schoene. Euseb.—Hier. Chron. p. 94 Helm) приурочивал время Лесха к 30-й олимпиаде, т. е. 660—657 гг. О времени жизни Лесха см.: *Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur*. München, 1890, с. 71. Арктин жил в VIII в.—Евсевий относил его к 1-й олимпиаде (Chron. II, p. 78 Schoene), Свида — к 9-й (см.: *Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur*, с. 70).

³¹ Т. Оллен (*Allen T. W. Homer*, с. 63, 84) склонялся ко второй половине VIII в., делая упор на синхронизацию Гесиода с Арктином. То же — В. Христ (*Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur*, с. 79).

³² Эвмел упоминается Евсевием под 4-м годом 4-й олимпиады (761 г.), а по Клементу Александрийскому, он синхронизируется с основателем Сиракуз Архием (Strom. I, 144). Об основании Сиракуз около 738—733 гг. см. Приложение III.

³³ *Brentenstein Th. Hésiode et Archiloque*. Oudence, 1971, с. 29—42. Время творчества Архилоха определяется по упоминанию во фрагменте 22 (Diehl) лидийского царя Гигеса (около 680—652 гг.) и по ссылке фрагмента 74 на солнечное затмение 648 или 647 г.

³⁴ *Schmid W. Geschichte der griechischen Litteratur*. München, 1929, Bd I, с. 248—249. Иначе — *Bravo B. Les Travaux et les Jours et la cité*.— *Annali della scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Serie III*. Vol. XV, 3. Pisa, 1986 (1986), с. 707.

³⁵ *Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur*, с. 27.

³⁶ Перевод В. В. Вересаева.

³⁷ В. Вердениус (*Verdenius W. J. L'Association des idées comme principe de composition dans Homère, Hésiode, Théognis*.— *REG*, 1960, t. 73, с. 351) связывал их с происхождением из Кима только отца Гесиода. В основном, однако, в литературе преобладает мнение о беотийском (т. е. эолийском) происхождении и самого Гесиода.

³⁸ В источниках отец Гесиода называется Дием, что, вероятно, происходит из позднейшего переосмысления ст. 299 «Трудов»: *Perse, dion genos* — как бы от *Diou genos* (*Schmid W. Geschichte der griechischen Litteratur*. Bd. I, с. 249).

³⁹ Так излагают дело Т. Синклер (в своем издании поэмы — с. XXXVIII—XXXIX), а также Т. Бергк, П. Вальц, П. Мазон, У. Вилламовиц и др.

⁴⁰ *Groningen B. A. Hésiode*, с. 156—157. Традиционная точка зрения основывается на понимании *ephoieis* в качестве итеративного имперфекта (например: *Krafft F. Vergleichende Untersuchungen zu Homer und Hesiod*. Göttingen, 1963, с. 90; *West M. L. Works and Days*, с. 151).

⁴¹ *Groningen B. A. Hésiode*, с. 164—165.

⁴² Амфидамант скорее всего был не царем, а олигархом-гиппоботом: басилеем он называется не у Гесиода и не у Плутарха, а лишь в более позднем произведении *Certamen* (*Wade-Gery H. T. Hesiod*, с. 8). По Дж. Тедески (*Tedeschi G. La guerra Lelantina e la cronologia esiodica*.— *Studi triestini di antichità in onore di L. A. Stella*. Trieste, 1975, с. 158), на Евбее в архаическое время базили, возможно, составляли узкую группу внутри слоя аристократов-гиппоботов.

⁴³ Перевод В. В. Вересаева.

⁴⁴ *Poetae minores Graeci*. Ed. Th. Gaisford. Oxf., 1820, v. 4, с. 6.

⁴⁵ Как, например, Ф. Хиллер, Т. Синклер (*Hiller von Gaertringen F. Amphidamas*.— *RE*, 1894, Bd 1, кол. 1899—1900; *Sinclair T. A. Works and Days*, с. 68).

⁴⁶ *Allen T. W. Homer*, с. 84.

⁴⁷ *Minton W. W. Homer's Invocation of the Muses: Traditional Patterns*.— *TAPA*, 1960, № 91, с. 292—309.

⁴⁸ *Bradley E. M. On King Amphidamas' Funeral*, с. 289.

⁴⁹ *Tedeschi G. La guerra Lelantina*, с. 149 и сл.

⁵⁰ *Nikolaï W. Hesiods Erga*, с. 189.

⁵¹ *Krafft F. Vergleichende Untersuchungen*, с. 163 и сл. Об общих элементах гесиодовской и гомеровской мифологии см. также: *Burn A. R. The World of Hesiod*. N. Y., 1937, с. 43 и сл. Сказанное, конечно, не означает, что Гесиод действительно состязался с Гомером, которого различные поздние авторы

выдавали за историческую личность (например, у Прокла он фокеец, сын Эвфрона). Соперником Гесиода мог быть Лесх (по мнению У. Виламовица) или любой другой ранний эпический поэт (ср.: *Sinclair T. A. Works and Days*, с. XLII).

⁵² Они собраны Т. Синклером (*Works and Days*, с. XXXIX—XLV).

⁵³ ИАН, 1928, с. 156—157.

⁵⁴ *Wade-Gery H. T. Hesiod*, с. 6—7. Предполагается даже, что «Труды» были записаны Гесиодом, а не сложены устно (*Pucci P. Hesiod and the Language of Poetry*. Baltimore—London, 1977, с. 138 и сл.).

⁵⁵ Т. Беррес (*Berres Th. Die Segnungen der Gerechtigkeit. Eine chronologische Studie zu Odyssee und Hesiods Erga*.—*Hermes*, 1975, Bd 103, с. 257 и сл.), сравнив Ор. 225—247 и Od. 19, 107—114, пришел к выводу о хронологическом приоритете «Трудов» (так же как и «Теогонии») перед «Одиссеей» (*Он же. Das zeitliche Verhältnis von Theogonie und Odyssee*.—*Hermes*, 1975, Bd 103, с. 129 и сл.).

⁵⁶ См. сравнение полиса «Одиссеи» с гесиодовским в статье: *Nussbaum G. Labour and Status in the Works and Days*.—*CQ*, 1960, v. 10, с. 214—215.

⁵⁷ Ср. Paus. IX, 25, 1: «Хотя фиванцы и говорят, что они были первыми людьми, в стране которых вырос виноград, но в подтверждение этого мнения они ничего не могут привести» (пер. С. П. Кондратьева).

⁵⁸ Видимо, к римской эпохе земля здесь истощилась, чему и обязано сообщение Страбона о плохой почве Аскры (IX, 2, 35).

⁵⁹ С Феспиями полис Гесиода связывали также Т. Бергк, П. Вальц, У. Виламовиц, Эрн. Виль и др.

⁶⁰ Во времена персидских войн Феспии были сравнительно большим городом: в битве при Фермопилах они выставили один из самых крупных отрядов — 700 человек (*Herod. VII, 202*). В этой битве феспийцы проявили большое мужество. Они оказались единственными из эллинов, оставшимися со спартанским царем Леонидом и погибшими вместе с ним (*Herod. VII, 222*). Из-за потери такой крупной воинской силы феспийцы открыли доступ в город новым гражданам (*Herod. VIII, 75*). Еще 1800 феспийцев без тяжелого вооружения принимали участие в битве при Платеях (*Herod. IX, 29*).

⁶¹ Цифры в круглых скобках без указания произведения имеют в виду соответствующие строки первоначального текста поэмы «Труды», а в квадратных скобках — ее интерполированные части.

⁶² В ст. 29 слово *agorês* может иметь также значение «речи в (народном) собрании» (*Bravo B. Les Travaux*, с. 719—723), что уже само по себе предполагает наличие в городе места для собраний граждан.

⁶³ *Nussbaum G. Labour*, с. 218. Об идеологии труда см.: *Descat R. L'acte et l'effort. Un idéologie du travail en Grèce ancienne (8-ème—5-ème siècle av. J.-C.)*.—*Annales littéraires de l'Université de Besançon*, 339. Besançon—Lille, 1986.

⁶⁴ Наиболее концентрированно представление о гесиодовском крестьянине-бедняке выражено у Эд. Вила: *Will Ed. Aux origines du régime foncier grec*.—*REA*, 1957, t. 79, с. 18—21.

⁶⁵ Например, по А. А. Захарову (Гесиод, с. 132), этот земледелец — мелкий собственник, скопидом.

⁶⁶ Например, Я. А. Ленцман (*Ленцман Я. А. Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции*.—*ВДИ*. 1954, № 4, с. 61).

⁶⁷ Например, Ч. Старр (*Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece*. N. Y., 1977, с. 126).

⁶⁸ Ср. аналогию из позднейшего времени (*Aristoph. Acharn. 873* и сл.): беотийцы привозят свою продукцию на продажу в Аттику.

⁶⁹ Неурожаи и их следствие — голод — были часты в Беотии (см.: *Лурье С. Я. Беотийский союз*.—*ЖМНП*. 1914. № 1, с. 5).

⁷⁰ В пословице негомогенного характера упоминается также гончар [25].

⁷¹ *Will Ed. Aux origines*, с. 12—21.

⁷² *Will Ern. Hésiode: crise agraire? Ou recul de l'aristocratie?* — *REG*, 1965, t. 78, с. 542—550.

⁷³ Предшествующая специальная литература, в основном на языках стран

народной демократии, приведена в статье: *Ленцман Я. А. Послегомеровский эпос*, с. 55.

⁷⁴ Лишь многим позднее, у Каллимаха (fr. 263 Pf.) *kalia* означает «дом» и эквивалентно слову *εραῖον* — «небольшое поместье».

⁷⁵ Этот пассаж содержит более логичное развитие действия в перестановке У. Виламовица, помещавшего ст. 606—608 между ст. 601 и 602, т. е. последовательность стихов у него такая: 601, 606, 607, 608, 602, 603.

⁷⁶ Эту мысль вскользь высказал уже Н. И. Новосадский: *дμοи* — это рабочие, свободные граждане, нанмававшиеся за условленную плату (*Новосадский Н. И. Реализм Гесиода*, с. 159).

⁷⁷ Еще раз этот фет упоминается как *απέγ* (559), которому зимой следует увеличить рацион продовольствия.

⁷⁸ *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции*. М., 1963, с. 238—239.

⁷⁹ В «Илиаде» они не упоминаются (стих II. XIX, 333, упоминающий *дмоев*, — дублет Od. VII, 225).

⁸⁰ Во времена Солона стоимость вола приравнивалась к стоимости пяти овец, пяти медимнов зерна [или 5 драхм] (Plut. Sol. 23, 2—4).

⁸¹ Выражение *thēta i'oiikon poiēisthai* (602) иногда понимается не в смысле «раздобудься бездомным фетом», а как «выставить фета из дома, расчитать его». Помимо резонного соображения А. Гау о том, что понимание *oiikon poiēisthai* в смысле «расчитать» — насилие над греческим языком, существуют указания Т. Синклера на то, что после жатвы необходимо держать эконома для надзора за хозяйством, и его примеры для *poiēisthai* в значении «раздобыть себе» (*Sinclair T. A. Works and Days*, ad. 602). См. также соображения М. Уэста, что на время отсутствия хозяина по торговым делам после жатвы (663 и сл.) для наблюдения за хозяйством необходим был эконом (*West M. L. Works and Days*, с. 310). Главным основанием для недоумения по поводу найма фета и служанки после окончания полевого сезона было традиционное понимание *дмоев* как рабов, которые, естественно, оставались в доме и должны были продолжать работать в домашнем хозяйстве. Мой вывод о наемном характере труда *дмоев*, ограничивавшемся полевым сезоном, представляет вполне оправданную нужду зажиточного хозяйства в экономе и служанке на зимний период.

⁸² Из восьми упоминаний *дмоев* шесть раз употребляется множественное число и два раза (метафора «дмой Афины» и подросток-дмой [430—470]) в единственном. Множественное число при наличии двойственного числа в поэме указывает, что количество *дмоев* было от трех и выше.

⁸³ Так, жители одной из беотийских областей Оропа совсем не занимались земледелием, а были в массе своей фетами или мелочными торговцами (*Лурье С. Я. Беотийский союз*, с. 51).

⁸⁴ Обычно *thetikos* здесь понимают как «относящийся к деторождению» (например, LSJ, s. v., II), но такое значение — *haxax eigetepon*, реконструируемое через связь с однокоренным прилагательным *thetos* — «усыновленный».

⁸⁵ *Лурье С. Я. Беотийский союз*, с. 10.

⁸⁶ *Историографию вопроса см.: Шишова И. А. Реформы Филолая*. — ВДИ. 1970, № 4, с. 65 и сл.

⁸⁷ Ael. V. h. II, 7. «Весьма справедливый и человечный фиванский закон запрещает отцу семейства подкидывать ребенка или бросать его на произвол судьбы в пустынной местности, обрекая на верную смерть. Если отец ребенка (безразлично, мальчика или девочки) до крайности беден, он должен, едва новорожденный появится на свет, в пеленках передать его властям. Те в свою очередь отдадут младенца тому, кто предложит за него меньшую цену, и заключат с ним соглашение, что этот человек будет кормить младенца, а когда он вырастет, в награду за заботы сделает своим рабом или рабыней» (перевод С. В. Поляковой).

⁸⁸ *Wade-Gery H. T. Hesiod*, с. 5.

⁸⁹ Там же, с. 12.

⁹⁰ Фрагменты Солона приводятся по изданию Э. Днля.

⁹¹ Так следует понимать *hoi tēnde dikēn ethelouisi dikassai* (39): судьи могут принять дело к разбору или отвести его.

⁹² Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1930, v. 1, с. 44—45.

⁹³ Ст. 34—35 — «Тебе уже не удастся во второй раз так поступить: мы уже рассудили наш спор праведным судом, благим от Зевса» — указывают на перспективную невозможность попытки Перса каким-то обходным путем добиться нового постановления. Как заметили Р. Боннер и Г. Смит (Bonner R. J., Smith G. Administration of Justice, v. 1, с. 46—48), если бы постановления суда не были обязательными, выглядело бы странно, что считавший всех судей взяточниками Гесиод решился на их арбитраж в споре с братом.

⁹⁴ Sinclair T. A. Works and Days, ad l. c.; West M. L. Works and Days, с. 211—212.

⁹⁵ Gagarin M. «Dike» in the «Works and Days». — CPh, 1973, v. 68, с. 81 и сл., 94.

⁹⁶ Оно само по себе образует отдельный гимн, негомогенный по составу. См.: Minton W. W. The Proem-Hymn of Hesiods' Theogony. — ГАРФ, 1970, 101, с. 357.

⁹⁷ Это не очень убедительно утверждал Б. Гронинген (Groningen B. A. Hésiode, с. 166). Вряд ли можно согласиться и с вытекающим отсюда предположением голландского ученого о возрастании социального ранга аэдов во времена Гесиода сравнительно с гомеровскими певцами.

⁹⁸ Гесиод и Перс принадлежали к верхнему слою общества; см.: Bravo B. Les Travaux, с. 738 и сл.

⁹⁹ Whibley L. Greek Oligarchies, Their Character, and Organisation. London, 1896, с. 112—113.

¹⁰⁰ Дословно: «можешь умереть старым».

¹⁰¹ В ст. 376: *moungenēs de pais eiē* над последним словом в ряде рукописей стоит *sōzei*. Надо думать, что это поговорка (перефразированная в тех рукописях, которые дали чтение *eiē*), звучавшая так: *moungenēs de pais sōzei patrōion oikon* — «единственный сын — сохраняет отцовский дом» (Sinclair T. A. Works and Days, ad 377).

¹⁰² Имперфект *erhoreis* в сочетании с аористом выражает попытку в прошлом — с такой грамматической конструкцией временных отношений *edassametha* — *erhoreis* ср.: *elthōn oun ereithon autous kai hous ereisa toutous echōn: erogeomēn* — «придя, я пытался убедить их, и кого убедил, с теми выступил в поход» (Хеп. Суг., V, 5, 22). Здесь при аористе *elthōn* (как при *edassametha* у Гесиода) имперфект *ereithon* выражает попытку (как *erhoreis* у Гесиода), успех которой и выражен последующим аористом *ereisa*. Наличие имперфекта, а не аориста в рассматриваемой строке поэмы указывает на безуспешность попытки Перса унести принадлежащую ему по суду долю. (Другие примеры с подобным имперфектом *de sonatu* см.: Нидерле Г. Грамматика греческого языка. Ч. II. Синтаксис. М., 1880, с. 171.)

¹⁰³ Bonner R. J., Smith G. Administration of Justice, I, с. 67.

¹⁰⁴ Cary M. in: The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1960, v. III, с. 609.

¹⁰⁵ Это беотийская форма слова *dēmouchos* от *dēmos* — «земля» и *echō* — «владею». Значение *dēmos* как «земля», а не «народ» явствует, например, из обращения Эдипа к хору колонцев как *andres tēsde dēmouchoi chthonos* (Soph. OC, 1348, ср. также 1087).

Глава 4

¹ Отдельные материалы из этой и следующей глав опубликованы в работе: Яйленко В. П. Архаическая Греция. — Античная Греция. М., 1983, т. 1, с. 128 и сл.

² Об историографии колонизации см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э., М., 1982, с. 4 и сл.

³ Raum und Bevölkerung in der Weltgeschichte. Bd. 1. Würzburg, 1956, с. 191, 241.

⁴ Raum und Bevölkerung in der Weltgeschichte. Bd. 2. Würzburg, 1956, с. 217, 294. В результате первой мировой войны площадь Греции увеличи-

дась вдвое — до 132 тыс. кв. км, а население возросло до 5,017 млн. человек.

⁵ *Kayser B.* Nouvelles données sur l'émigration grecque.— *Population*. 1964, t. 19, с. 725.

⁶ *Маркс К.* Критика политической экономии.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1, с. 474.

⁷ Там же, с. 485.

⁸ Там же, с. 478.

⁹ Ср.: там же, с. 483—484. См. об этом также: *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960, с. 60—61.

¹⁰ *Маркс К.* Критика политической экономии, с. 483.

¹¹ *Попов В. Д.* Экономика Греции. М., 1962, с. 34, 42.

¹² В Аттике уже во времена Солона под пахотные земли сводились пожитые лесом или кустарником массивы (Sol. fr. 1, 47—48).

¹³ *Попов В. Д.* Экономика Греции, с. 38.

¹⁴ *Myres J. L.* Geographical History in Greek Lands. Oxf., 1953, с. 173—174.

¹⁵ Так считал уже У. Ньюмен (*Newman W. L.* The Politics of Aristotle. Oxf., 1887, v. 2, с. 381).

¹⁶ Уложение первой трети V в. о навпактских колонистах (ML, 20. 16—19, 35—37). См.: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация, с. 108.

¹⁷ О немногих колонизационных предприятиях беотян см.: *Asheri D.* On the «Holy Family» of Astakos.— *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens*. Bd. 1. Leiden, 1978, с. 96. Что касается Аттики, то Солон (fr. 24, 8—12) говорит об эмигрантах оттуда, но это были проданные за долги (prathentes) и переселенцы, ставшие метеками, как можно заключить из того, что они «блуждали по многим местам» (pollachēi plapōteuous), а не колонистами — держателями земельных наделов. Кратковременный захват Сигея Афинами во второй половине VII в. был не колонизационным, а политико-экономическим актом, связанным с необходимостью обеспечения Аттики хлебом.

¹⁸ ML, 49. 40—42; *Яйленко В. П.* Греческая колонизация, с. 212.

¹⁹ Например: *Will Ed.* Aux origines du régime foncier grec.— *REA*, 1957, t. 79, с. 21.

²⁰ *Bérard J.* L'expansion, с. 60.

²¹ Например: там же, с. 61—62.

²² *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxf., 1948, с. 29—30. Аналогичное предание связывалось и с основанием Локр Эпизефирских (Arist. fr. 547).

²³ *Bérard J.* L'expansion, с. 17—18.

²⁴ *Boardman J.* The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973², с. 33—34; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966, с. 162—165.

²⁵ Подробно см.: *Доманский Я. В.* О характере ранних миграционных движений в античном мире.— *Археологический сборник Госэрмитажа*. Л., 1972, № 14, с. 33—34.

²⁶ Приведенные материалы почерпнуты из: *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 22—32.

²⁷ Исторический ход колонизационного процесса хорошо описан в работах: *Glötz G.* Histoire grecque. Т. 1. P., 1925, с. 153 и сл.; *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques...; *Mossé C.* La colonisation dans l'antiquité. P., 1970. На русском языке можно отметить очерки С. А. Жебелева в «Истории древней Греции». Т. 1. М., 1936 и «Древней Греции». М., 1956, с. 111 и сл. Лучшее, что было написано по древнегреческой колонизации, — это синопсис археологического материала в: *Boardman J.* The Greeks Overseas.

²⁸ Различия обеих версий подробно исследованы в: *Vallet G., Villard F.* Dates de fondation de Mégara Hyblaea et de Syracuse.— *VCH*, 1952, t. 76, с. 312 и сл.

²⁹ *Dunbabin T. J.* The Western Greeks, с. 13 и сл.; *Bérard J.* La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. P., 1957, с. 69 и сл.

³⁰ *Vallet G., Villard F.* Dates, с. 288 и сл.

³¹ Я не рассматриваю здесь вопрос об основании Занклы. Дата армянской версии Евсевия — 757 г. — относится к основанию на месте будущей Занклы

пиратского порта (*Bérard J. La colonisation*, с. 96). Основание Занклы как города колонистами из Халкиды и Кумы во главе с Кратеменом и Пернересом имело место позднее (Thuc. VI, 4, 5), по Ж. Вале — около 734 г. — времени основания Сиракуз (*Vallet G. Rhégion et Zancle. P.*, 1958, с. 56).

³² *Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 167—168. Об изгнании сикулов из Накса греческими колонистами сообщает Диодор (XIV, 88, 1).

³³ Археологические материалы по Леонтинам и Катане излагаются по: *Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 168.

³⁴ *Bérard J. La colonisation*, с. 86.

³⁵ Там же, с. 85.

³⁶ Ср.: «Евбея в Сицилии, колония сицилийских халкидян» (Strabo X, 1, 15). В другом месте (VI, 2, 6) Страбон указывает, что небольшой городок на Сицилии Евбея был основан жителями Леонтия.

³⁷ Так называет его и Конон (fr. 1, XX Jac.); у Свиды Феокл накосец или эрегриец (s. v. elegeinein) и в *Etym. magn.*, s. v. elegeinein. Эти материалы собрал Ж. Берар (*Bérard J. La colonisation*, с. 77). Традиция об афинском участии в колонизации Накса — позднего происхождения. См.: там же, с. 78—79.

³⁸ *Hellap. fr. 82 Jac.* В пользу этой версии выступают Рауль-Рошетт, Г. Кан, Т. Дж. Данбэбин, Р. Ван Комперполь и др., против — Ж. Берар (см. мою рецензию на книгу: *Lacroix L. Monnaies et colonisation dans l'Occident grec. Bruxelles*, 1965. — ВДИ. 1968, № 2, с. 201—202).

³⁹ Эта хронология основывается на указании Фукидида на то, что Мегара была разрушена Гелоном через 245 лет после своего основания (VI, 4, 2), а произошло это между 484 г. (год прихода Гелона к власти) и зимой 481/480 г., когда Геродот говорит о Мегаре как об уже завоеванном городе, причем наиболее вероятной датой считается 483 г. (*Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 435) или 482 г. (*Bérard J. La colonisation*, с. 89). Остальные даты получены на основе указаний Фукидида (Антиоха) о промежутках между основаниями городов.

⁴⁰ Далее у Страбона следует легендарного характера рассказ со ссылкой на Эфора о том, что до отплытия Архий прибыл в Дельфы спросить оракул в одно время с основателем Кротона Мискеллом.

⁴¹ Вместо *apiontas* в рукописи. См.: *Bérard J. La colonisation*, с. 117, примеч. 1.

⁴² САН, 1960, в. III, с. 528—529; *Dunbabin T. J. The Early History of Corinth*. — *JHS*, 1948, в. 68, с. 63—64. Об этом же свидетельствует присутствие значительного количества аргосской керамики в коринфско-мегарской Перахоре. См.: *Salmon J. The Heraeum at Perachora and the Early History of Corinth and Megara*. — *BSA*, 1972, в. 67, с. 179 и сл. Аргосцы принимали участие в основании мегарцами и Византия (*Невская В. П. Византий. М.*, 1953, с. 17—18).

⁴³ *Pind. 6, 4—6*: Агесий из рода Иамидов — синоикист (*synoikistēr*) Сиракуз. Родоначальник Иамид происходил из Аркадии (*Bérard J. La colonisation*, с. 126).

⁴⁴ *Bérard J. La colonisation*, с. 118—119.

⁴⁵ Например: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 94 (см. с. 113 и сл.).

⁴⁶ Материалы собрал Ж. Берар (*Bérard J. La colonisation*, с. 119).

⁴⁷ *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 18—19.

⁴⁸ В Кастеллуччо, бывшем сикульском поселении близ Сиракуз, найдена еврейская керамика VIII в. (*Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 171), что может указывать на интерес к этой местности, проявлявшийся еще до дорийцев, — скорее халкидянами сицилийских городов, нежели непосредственно еврейскими центрами.

⁴⁹ Интересно, что на мысе Зефирин найдены остатки еврейской керамики, что при наличии эрегрийцев на Керкире до коринфской колонизации острова свидетельствует о приоритете еврейцев в освоении пути из Греции в Италию и Сицилию.

⁵⁰ *Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 3—4, 39—41.

⁵¹ *Kayser B. Margeriti (Epire). L'échec d'une colonisation spontanée*. — *Etudes rurales*, 1963, t. 11, с. 65 и сл.

⁵³ ML, 20. 35—37. См.: Яйленко В. П. Греческая колонизация, с. 108.

⁵³ Asheri D. La popolazione di Imera nel V secolo a. C.—Rivista di filologia, 1973, v. 101, с. 464.

⁵⁴ Athen. IV, 167d — выдержка из Деметрия Скепсийского, заимствованного, в свою очередь, рассказ у Архилоха (fr. 145 Bergk). Детальный историко-филологический анализ фрагмента см.: Asheri D. Il caso di Aithiops: regola o eccezione? — PP, 1974, v. 29, с. 233—234.

⁵⁵ И Эд. Виль, полагающий, что земля могла отчуждаться (см. с. 43 и сл.), и Д. Ашеру, считающий, что наследственные наделы были неотчуждаемы, правы в своих положениях. Дело в том, что у греков различались земельные участки вообще и так называемые наследственные клеры, т. е. благоприобретенные и наследственные участки. Поэтому у лакедемонян, например, согласно Аристотелю (fr. 611. 12. Pol. II, 6, 10), считалось зазорным продавать землю (т. е. продажа все-таки была возможна, как правильно заключает Эд. Виль), но наследственные клеры нельзя было продавать ни в коем случае. Поскольку Эфиоп променял свой первоначальный, т. е. наследственный для его потомков клер, Д. Ашеру прав в своем заключении о неотчуждаемости наследственных клеров в архаической Греции.

⁵⁶ Meyer Ed. Kleine Schriften. Halle, 1910, с. 224.

⁵⁷ Asheri D. Osservazioni sulle origini dell' urbanistica Ippodamea.— Rivista storica italiana. 1975, v. 87, с. 7.

⁵⁸ Hanfmann G. M. A. From Croesus to Cantsantine. Ann Arbor, 1975, с. 7.

⁵⁹ Asheri D. Osservazioni..., с. 8; Wąsowicz A. Zagospodarowanie przestępne antycznych miast greckich. Wrocław etc., 1982, passim.

⁶⁰ См. обсуждение этого вопроса у: Asheri D. Osservazioni..., с. 10—13.

⁶¹ Boardman J. Evidence for the Dating of Greek Settlements in Cyrenaica.— BSA, 1966, v. 61, с. 149—156.

⁶² Vallet G. La Cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident.— La città e il suo territorio.— Atti del VII convegno di studi sulla Magna Grecia. Napoli, 1968, с. 100—101.

⁶³ Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987; Яйленко В. П. Архаическая Греция, с. 136 и сл.

⁶⁴ Vallet G. La Cité..., с. 110. То же в: Фролов Э. Д. Гаморы и киллирии.— ВДИ. 1982, № 1, с. 31.

⁶⁵ Шишова И. А. О статусе пенестов.— ВДИ. 1975, № 3, с. 39 и сл.

⁶⁶ Ср.: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 151—153; Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— Археологический сборник Госэсрмитажа. Л., 1961, т. 2, с. 28 и сл.; Русяева А. С., Скржинская М. В. Ольвийский полис и каллипиды.— ВДИ. 1979, № 4, с. 25 и сл.; Отрешко В. М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, 1, с. 27 и сл.

⁶⁷ Syll.³ 4.8. Theopompi fr. 122 Jac., ср. Thuc. VIII, 40, 2. Forrest W. G. The Inscriptions of South-East Chios.— BSA, 1963, v. 58, с. 54; Westermann W. L. Sklaverei.— RE, Supplbd. VI, 1935, кол. 898—901.

⁶⁸ Weiler I. Greek and Non-Greek World in the Archaic Period.— Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1968, v. 9, с. 21 и сл.

⁶⁹ La Genière J. de. La Colonisation grecque en Italie méridionale et en Sicilie et l'acculturation des non-grecs.— RA, 1978, с. 257—276; Graham A. J. Commercial Interchanges between Greeks and Natives.— The Ancient World. 1984, № 10, с. 3—10.

⁷⁰ Boardman J. The Greeks Overseas, с. 186—187.

⁷¹ Sjöquist E. Sicily and the Greeks. Ann Arbor, 1973, с. 23 и сл., 35.

⁷² Boardman J. The Greeks Overseas, с. 188.

⁷³ Guzzo P. G. Scavi a Sibari.— PP, 1973, № 28, с. 299—300.

⁷⁴ Материал опубликован лишь частично; см.: Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г.— Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977, с. 40—44; Русяева А. С. Культовые предметы с поселения Бейкуш близ о-ва Березань.— Археология, 1971, т. 2, с. 22—28 (на укр. языке) и работы других авторов.

⁷⁶ Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988, с. 29 и сл., 107 и сл. Замечу, что лепная керамика негреческих типов

на Березани и в других поселениях Северного Причерноморья, относящаяся к первым десятилетиям их существования, могла быть принесена в греческие поселения туземками: переселенцы обычно отправлялись без женщин (ср. Herod. I, 146), и поскольку основную их массу составляли молодые люди, то они брали себе жен на новом месте из окрестной туземной среды. См.: *Graham A. J. Religion, Women and Greek Colonisation.—Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica. Atti, II, 1980—1981. Roma, 1984, с. 293—314.*

Глава 5

¹ Полную сводку работ послевоенного времени о греческом полисе см.: *Chevallier R. Cité et territoire.—Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. II. 1, B., 1974, с. 667 и сл.; Pečirka J. Problem der Erforschung der frühen griechischen Polis.—Klio, 1987, № 2, с. 351 и сл. См. также: Андреев Ю. В. Начальные этапы становления греческого полиса.—Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 3—17; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988; L'origini dello stato nella Grecia antica. Roma, 1975; Origini e sviluppo della città. Milano, 1978; Luce J. V. The Polis in Homer an Hesiod. Dublin, 1978; Berger P. A. Herrschaftsform Stadt: eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. München, 1983; Welwei K. W. Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart etc., 1983.*

² *Martin R. La Notion d'Etat dans la Grèce antique.—L'Information historique. 1954, № 16, с. 169—174.*

³ О коммуникационных факторах см.: *Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 18 и сл., 160 и сл.*

⁴ *Austin M., Vidal-Naquet P. Economies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1972, с. 65.*

⁵ См. также: *Jeffery L. H. Archaic Greece. N. Y., 1976, с. 230.*

⁶ *Kayser B. La Carte de la distribution géographique de la population grecque en 1961.—Annales Economies Sociétés Civilisations, 1965, t. 20, с. 307.* Здесь же приведена численность населенных пунктов свыше 20 000 человек: Афины — 1 852 709, Салоники — 378 444, Патры — 102 244, Гераклион — 69 983, Волсс — 67 424, Ларисса — 55 391, Кавалла — 44 517, Кания — 44 005, Каламе — 40 331, Серры — 40 063, Янина — 34 997, Катерини — 32 973, Агринион — 30 670, Хиос — 28 755, Комотины — 28 355, Трикала — 27 876, Родос — 27 393, Корфу — 26 991, Ксанги — 26 377, Верия — 25 765, Митилена — 25 758, Халкида — 24 745, Кардица — 23 708, Эгион — 22 698, Козани — 21 537, Ламия — 21 509, Пиргос — 20 558.

⁷ Доли процента округлены, поэтому общий знаменатель несколько выше 100% (102,3).

⁸ *Martin R. La Notion, с. 171.*

⁹ *Giuliano A. Urbanistica delle città greche. Milano, 1966, с. 192—197.*

¹⁰ Конечно, нет никаких оснований полагаться на сообщения о 300 тыс. населения Сибариса и 100—130 тыс. Кротона у Диодора (XII, 9, 2), Страбона (VI, 1, 10; 13), Юстина (XX, 3, 4), поскольку, говоря о крупных архаических городах, античные историки руководствовались не статистикой, а субъективной оценкой, что и определяло разницу в их информации: к примеру, Псевдо-Скимн (341) называет Сибарис стотысячным, а не трехсоттысячным.

¹¹ *Ehrenberg V. Polis and Imperium. Zürich—Stuttgart, 1965, с. 93.*

¹² Подробнее о раннем Коринфе см. фундаментальную работу: *Will Ed. Korinthiaka. P., 1955. О Мегаре см.: Legon R. P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 В. С. Ithaca, L., 1981, материалы которого изложены ниже. См. также: Новикова Т. Ф. Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке—ВДИ. 1965, 4, с. 112 и сл.; Ботвинник М. Н. Из древнейшей истории Мегар.—Ученые записки ЛГУ. Л., 1958, № 251, с. 21 и сл.*

¹³ Эти точки зрения сопоставил К. Рёбак (*Roebuck S. Some Aspects of Urbanisation in Corinth.—Hesperia, 1972, v. 61, с. 96—97.*)

¹⁴ О монархии см.: *Brommer F. Attische Könige.—Mélanges E. Langlotz. Bonn, 1957, с. 152—164; Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings.—Historia. 1961, № 10, с. 129—138; Quiller B. The Dynamics of the Homeric So-*

ciety.— *Symbola Osloenses*. 1981, № 56, с. 109 и сл.; *Drews R. Basileus. The Evidence for Kingship in Geometric Greece*. New Haven—London, 1983.

¹⁵ Подробней о монархиях ионийских городов см.: *Лангева М. Ю.* Политическое развитие ионийских греческих поселений XI—IX вв. до н. э.— Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск. 1984, с. 17—22.

¹⁶ *Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution*. Oxf., 1952, с. 43.

¹⁷ *Gschnitzer F. Prytanen*.— *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft*. 1974, № 18, с. 75—88.

¹⁸ *Chantraine P. Dictionnaire étymologique*, t. 3, с. 944; *Heubeck A. Praegresca*. Erlangen, 1961, с. 67—68.

¹⁹ Пример перемещения термина — перенос его из Коринфа в колонии Сиракузы, Эпидамы и Аполлонию.

²⁰ *Whibley L. Greek Olygarchies*. L., 1896, с. 68—71.

²¹ *Starr Ch. G. A History of the Ancient World*. N. Y., 1965, с. 209.

²² Herod. II, 135. Если даже его ремарка «нет нужды приписывать ей большое состояние» является вставкой, она все равно выражает мнение, идущее из древности.

²³ *Лалин В. В., Карышковский П. О.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г.— Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979, с. 105.

²⁴ *Guzzo P. G. Scavi a Sibari*, с. 286, 302.

²⁵ Фрагменты Архилоха приводятся по изданию Э. Дилиа, а отсутствующие в нем — по четвертому изданию Т. Бергка.

²⁶ *Coak J. M. The Greeks in Ionia and the East*. L., 1962, с. 95—96.

²⁷ По общему движению цен эта керамика стояла еще меньше, чем в классическое время, когда, к примеру, шесть больших расписных кратеров стоили в совокупности 4 драхмы или по 4 оболы каждый. По Аристофану, отличный лекиф стоил обол. См.: *Hackl R. Merkantile Inschriften auf attischen Vasen*.— *Münchener archaologische Studien*. München, 1909, с. 98; *Lang M. Numerical Notation on Greek Vases*.— *Hesperia*. 1956, v. 25, с. 14—15; *Jongkess J. H. On Price Inscriptions on Greek Vases*.— *Mnemosyne*. 1951, v. 4, с. 258—266.

²⁸ Подробней см.: *Weil R. Aristotle et l'histoire*. P., 1960, с. 340 и сл.

²⁹ О разных видах аристократии см.: *Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society*. Plymouth, 1977, с. 39 и сл.

³⁰ Фрагменты далее приводятся по изданию Э. Дилиа. См. также о демосе: *Spachn P. Mittelschicht und Polisbildung*. Frankfurt a. M. etc., 1977; *Bockisch G. Die Rolle der Volksmassen bei der Entstehung der frühen Polis*.— *Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen*. B., 1975, с. 87 и сл.

³¹ *Ferrara G. Solone ed i capi del popolo*.— *PP*, 1954, v. 9, с. 335—336.

³² *Donlan W. Changes and Shifts in the Meaning of Demos in the Literature of the Archaic Period*.— *PP*, 1970, v. 25, с. 387.

³³ *Fugna Ch. Tyrtaeus and the Cult of Heroes*.— *GRBS*, 1981, № 22, с. 215—226.

³⁴ *Gerlack J. Aner agathos*. München, 1932, с. 16 и сл.

³⁵ Подробней об Архилохе см.: *Jarcho V. Noch einmal zur sozialen Position des Archilochos*.— *Klio*. 1982, № 64, с. 313 и сл. Напомним, что фрагменты Архилоха приводятся по изданию Дилиа.

³⁶ Т. е. воинственного, воинственной, ср.: *Hesych. s. v. skylanis: hē polemikē* (интерпретация Дж. Хаксли).

³⁷ См. лемму к указанному месту в издании К. Циглера, а также в: *Oliva P. Sparta and her Social Problems*. Prague, 1971, с. 72—75.

³⁸ Подробный обзор литературы см. в: *Oliva P. Sparta*, с. 71 и сл.

³⁹ Как раз Спарта — нетипичный для Греции полис, о чем см.: *Cartledge P. The Peculiar Position of Sparta in the Development of the Greek City-State*.— *Proceedings of Royal Irish Academy*. 1980, № 6, с. 91 и сл.

⁴⁰ Подробней об архаических Сиракузах см.: *Соколов Ф. Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865; *Фролов Э. Д.* Гаморы и киллирии.— *ВДИ*. 1982. № 1; *он же.* Рождение греческого полиса, с. 178 и сл.; *Holm A. Geschichte Siziliens im Altertum*. Bd. 1.

Лpz., 1871; *Freeman E. A. History of Sicily*. V. 1—2. Oxf., 1891; *Pais E. Storia della Sicilia e della Magna Grecia*. V. 1. Torino, 1894; *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus*. Prag, 1929; *Schenk A. Trinakria*. München, 1963; *Finley M. Storia della Sicilia antica*. Romä, 1975.

⁴¹ См. краткий очерк в: *Boardman J. The Greek Overseas*, с. 171—173.

⁴² *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 93—94.

⁴³ См.: *Доватур А. И. Политика и политики Аристотеля*. М.—Л., 1965, с. 260—261.

⁴⁴ К этому интересно добавить, что в VII в. часть местных сиракузских ваз расписывалась, как кажется, аргосским мастером (*Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 173).

⁴⁵ Например, Гиппий, Поллукс и Элиан (V. h. XII, 31). Большой этимологик (s. v. *Biblios oinos*) и «Линдийская хроника» (§ 31) называют его тираном, что противоречит более ранней традиции.

⁴⁶ *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus*, с. 43 и сл.

⁴⁷ *Bisolt G. Die Korinthischen Prytanen*.—*Hermes*. 1893, Bd. 28, с. 318.

⁴⁸ *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus*, с. 46—47; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 55—56.

⁴⁹ См. обсуждение этой дефиниции Диодора в: *Will Ed. Korinthiaka*, с. 299—301.

⁵⁰ Как Ламис, вождь переселившихся в Сицилию мегарян, и как Фукл, правивший сначала Наксом, а затем Леонтинами (об ойкистах см.: *Graham J. Colony and Mother-City*, с. 29 и сл.). Власть Архия не была наследственной, поскольку нам известно, что у него были две дочери, родившиеся в Сицилии,—Ортигия и Сиракуса (*Plut. Mor. 773b*). Плутарх же сообщает, что Архий погиб в Сиракузах от руки своего очередного возлюбленного Телефа.

⁵¹ *Thuc. I. 24, 1*: Эпидамн «основали керкиряне, ойкистом же был Фалий, сын Эратоклида, по происхождению коринфянин, из числа потомков Геракла, приглашенный из метрополии, согласно древнему обычаю. В основании приняли участие также некоторые коринфяне и выходцы из прочих дорийских центров»,—картина, весьма близкая основанию Сиракуз. (По Евсевию, Эпидамн был основан в 626—625 гг. [*Chron. II, p. 88—89 Schoene*].)

⁵² По Тимею (*Lex. Plat. s. v. геοποροί*), гаморы—это клерухи, т. е. владельцы земельных участков (*Wickert. Syrakusai*.—*RE, Halbbd. 8, 1932*, кол. 1481).

⁵³ Подробнее см.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 414; *Фролов Э. Д. Гаморы*, с. 39—40.

⁵⁴ *Яйленко В. П. Греческая колонизация Средиземноморья...* Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 29; *Фролов Э. Д. Гаморы*, с. 30.

⁵⁵ Возможно и иное понимание этого выражения—«законодательные власти».

⁵⁶ *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 57; ср.: *Фролов Э. Д. Гаморы*, с. 38.

⁵⁷ *Соколов Ф. Ф. Критические исследования*, с. 203.

⁵⁸ *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus*, с. 48—49.

⁵⁹ Формально под этим выражением можно подразумевать и лиц, вообще стоящих вне гражданства, но Аристотель приводит этот эпизод в ряду примеров, иллюстрирующих его мысль о перемене политического устройства из-за неурядиц частного свойства, повлекших за собой раздор в среде знатных граждан (*κυρίοι, γνῶριμοί* [*Pol. V, 3, 1—4*]), но ни в коей мере среди лиц, стоящих вне гражданства.

⁶⁰ Ср.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 57—58; *Фролов Э. Д. Гаморы*, с. 38—39.

⁶¹ *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 61.

⁶² Там же, с. 58—60; *Boardman J. The Greeks Overseas*, с. 171: святилище Афины могло быть одной из древнейших построек колонистов, но о храме нам ничего не известно до раннего VI в.

⁶³ См.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*, с. 400.

⁶⁴ Подробно итоги рассмотрения проблемы сложения греческого полиса подведены в разделе «Несколько общих аспектов проблемы становления полиса» в работе: *Яйленко В. П. Арханческая Греция*, с. 165—193.

¹ Подробный очерк историографии проблемы см.: *Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947, с. 3 и сл.*

² *Müller K. O. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Göttingen, 1825, с. 146 и сл.*

³ Краткую историографию проблемы взаимосвязи восточного и греческого искусства в искусствоведении XIX в. см. в кн.: *Фармаковский Б. В. Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока. СПб., 1909. с. 62—64.*

⁴ *Beloch J. Die Phoeniker am Aegaeischen Meer.—Rheinisches Museum, Bd. 49, 1894, с. 111 и сл.*

⁵ *Creuzer G. F. Deutsche Schriften. Abt. I. Symbolik und Mythologie der alten Völker besonders der Griechen. Bd. 2, 4. Leipzig—Darmstadt, 1840, 1843.*

⁶ Ср., к примеру: *Dummler F. Adonis.—RE, I, 1894, кол. 390. См. об этой тенденции в кн.: Astour M. Hellenosemitica. Leiden, 1965, с. XIII.*

⁷ *Lewy H. Die semitischen Fremdwörter in Griechischen. В., 1895; Zimmermann H. Akkadische Fremdwörter als Beweis für babylonischen Kultureinfluss. Lpz., 1917. Лингвисты довоенного времени Э. Швицер, А. Дебруннер, А. Мейе отрицали сопоставления Х. Леви и Х. Циммерна во многом не без оснований и сводили вопрос лишь к нескольким заимствованиям из семитских языков греческим. В послевоенное время исследованиями Э. Массон, О. Семереньи, Б. Амерденже и др. были скорректированы как гиперкритицизм, так и недостаточная аргументированность подбора Х. Леви и Х. Циммерна: доказанные признаются около полусотни лексических заимствований, см.: *Masson E. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. P., 1967; Szemerényi O. The Origins of the Greek Lexicon: ex oriente lux.—JHS, 1974, № 94, с. 144 и сл.**

⁸ *Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. 1—2. München, 1906; Lagrange M. J. Études sur les religions sémitiques. P., 1905; Picard Ch. Ephèse et Claros. P., 1922; Hogarth D. G. Ionia and the East. Oxf., 1909; Poulsen F. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Lpz.—В., 1912; Karro G. Orient and Hellas in archaischer Zeit.—Athenische Mitteilungen, 45, 1920 (non vidi); Ramsay W. M. Asiatic Elements in Greek Civilization. N. Y., 1922; Müller V. Frühe Plastik in Griechenland und Vorderasien. Augsburg, 1929.*

⁹ *Фармаковский Б. В. Греческое архаическое искусство, с. 2.*

¹⁰ Там же, с. 97. Б. В. Фармаковский был инициатором перевода упомянутой книги Д. Хогарта на русский язык: *Хогарт. Иония и Восток. Пг., 1914.*

¹¹ Работы названных исследователей указаны ниже.

¹² *Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. (Остров Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951. с. 198 и сл. (Ей же принадлежит статья о ранней истории Фив и присутствии там финикийцев: Находки цилиндров-печатей в Фивах и спор о Кадме.—ВДИ. 1970, 2, с. 111 и сл.) Борухович В. Г. Греки в Египте. Автореф. канд. дис. Л., 1966; он же. Гомер и Египет.—Иноземна филология. Львів, 1966, вип. 9, с. 11—17; он же. Ахейская колонизация Кипра.—Проблемы античной государственности. Л., 1982, с. 4—20 (ему же принадлежит ряд статей в Ученых записках Горьковского университета); *Строгачевский В. М. Взаимоотношения Спарты с Лидией и Египтом в VII—VI вв. до н. э.—Проблемы античной истории и культуры. Т. I. Ер., 1979, с. 274—279.**

¹³ *Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке. М.—Л., 1953; он же. «Море» и «мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи.—Древний мир. М., 1962, с. 513—519; он же. «Обильно орошаемый Египет» у Гомера.—ВДИ. 1954, № 2, с. 149—151; он же. Из области древнейших египтизмов греческого языка.—Палестинский сборник. 1958, № 3, с. 29 и сл.*

¹⁴ *Казанский Н. Н. Древние греко-анатолийские языковые связи на территории Малой Азии: памфилийский диалект древнегреческого языка. Автореф. канд. дис. М., 1980. Ср.: он же. Перга.—Лингвистические исследования 1978 г. Синтаксис и морфология языков различных типов. М., 1978, с. 84—87 и другие статьи.*

¹⁵ *Савельев Ю. А.* О кипрской монументальной скульптуре VII в. до н. э.— ВДИ. 1964, № 3, с. 107—114; *он же.* Дворец в Вуни на Кипре.— ВДИ. 1965, № 2, с. 79—86; *он же.* Кипрская керамика конца II — первой половины I тыс. до н. э.— СА. 1965, № 4, с. 27—39; *он же.* Кипрские сосуды из коллекции ГМИИ.— Культура античного мира. М., 1966, с. 224—227; *он же.* Культура Кипра конца II и первой половины I тысячелетия до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1966.

¹⁶ *Борисковская С. П.* К вопросу об арханческой вазописи Кипра.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 74—77.

¹⁷ *Петрова Э. Б.* Античный Кипр. Автореф. канд. дис. Казань, 1975; *она же.* История архаического Кипра по данным письменных источников.— Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. История. Педагогика. Казань, 1977, с. 12—19; *она же.* К вопросу о характере государственного устройства на древнем Кипре.— Проблемы античной истории и культуры. Т. I, с. 227—233.

¹⁸ *Блаватский В. Д.* Античный мир и древний Восток.— XIII международный конгресс исторических наук. Доклады. М., 1970.

¹⁹ *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966; *она же.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

²⁰ *Тюменев А. И.* Передний Восток и античность.— Вопросы истории, 1957, № 6, с. 50—70; *Андреев Ю. В.* Античный полис и восточные города-государства.— Проблемы античной истории и культуры. I. с. 32—38 (см. также: Античный полис. Л., 1979, с. 8—27).

²¹ *Никулина Н. М.* О взаимосвязях древнегреческого и древневосточного искусства.— Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978, с. 28—44.

²² *Согомонов А. Ю.* Великая греческая колонизация в новом освещении «Кембриджской античной истории».— ВДИ. 1984, № 3, с. 158—168; *он же.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики.— ВДИ. 1985, № 1, с. 8—25.

²³ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985; *Шифман И. Ш.* Из истории финикийской торговли в Греции во второй половине II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э.— Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963, с. 88 и сл.

²⁴ Этот тезис, развиваемый в западной литературе (Л. Пальмер и др.), встретил возражения со стороны С. Я. Лурье и А. И. Тюменева, хотя в целом они признавали сильное влияние Востока на микенскую Грецию (см.: *Лурье С. Я.* Микенские надписи и древний Восток.— Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963, с. 169—180; *Тюменев А. И.* Восток и Микены.— Вопросы истории. 1959, № 12, с. 24—32).

²⁵ *Forrer E.* Für die Griechen in den Boghazköi-Inschriften.— Kleinasiatische Forschungen. Bd. 1. Hft. 2. В., 1929; *Sommier F.* Die Ahhijava-Urkunden.— Abhandlungen der bayerischen Akademie der Wiss. N. F. 6. München, 1932; *он же.* Die Ahhijava-Frage und Sprachwissenschaft.— Там же. N. F. 9, 1934; *Dussaud R.* Prélydiens, Hittites et Achéens. P., 1953; *Garstang J., Gurney O. R.* The Geography of the Hittite Empire. L., 1959; *Steiner G.* Die Ahhijava-Frage heute.— Saeculum. № 15, с. 365 и сл.; *Röllig W.* Griechen.— Reallexikon der Assyriologie. Bd. III, Lfg. 9. В.—N. Y., 1971, с. 643—644; *Борухович В. Г.* Ахейцы в Малой Азии.— ВДИ. 1964, № 3, с. 91—106.

²⁶ *Stubbings F. H.* The Mycenaean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951, с. 107; Acts of the Archaeological Symposium: The Mycenaean in the Eastern Mediterranean, Nicosie, 1973 (статьи В. Хэнки, П. Рийса, Ж.-К. Куртуа, Г. Кадогана, Р. С. Меррилиз).

²⁷ The Mycenaean in the Eastern Mediterranean (статьи С. Худа, К. Николау, К. Спиридакиса, Ф. Г. Майера. В. Р. Десборо).

²⁸ См. к примеру: *Immerwahr S. A.* Mycenaean Trade and Colonisation.— Archaeology. 1960. № 13, с. 12; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция, с. 162.

²⁹ *Albright W. F.* Some Oriental Glosses on the Homeric Problem.— AJA, 1950, № 54, с. 165. Поскольку слово *byblos* обозначает и «папирус», греки познакомились с этим предметом для письма еще в микенское время, а не в VIII в., одновременно с заимствованием финикийского алфавита, как пола-

гает Б. Амерденже (*Hemmerdinger B.* Wolf, Homère et le papyrus.— Archiv für Papyrusforschung, 1968, XVII, 2, с. 187—188).

³⁰ *Hemmerdinger B.* Trois notes.— REG, 1966, № 79, с. 700. с отсылками к: *Zimmern H.* Akkadische Fremdwörter, с. 37, 39, 53, 55—60. См. также: *Лупье С. Я.* Микенские надписи и древний Восток, с. 169 и сл.

³¹ *Astour M. C.* The Origin of the Terms «Canaan», «Phoenician», and the «Purple».— JNES, 1965, № 24, с. 346—350.

³² См. карту в: *Hankey V.* Mycenaean Pottery in the Middle East.— BSA, 1967, № 62. с. 109.

³³ См., к примеру: *Macalister R. A.* The Philistines: Their History and Civilization. L., 1913, с. 24; *Hölbl H.* Die historischen Aussagen der Ägyptischen Seevölkerinschriften.— GAL, с. 121 и сл.

³⁴ *Donadoni S.* I testi egiziani sui «popoli del mare».— RSI, 1965, № 77, с. 302—303. А. Нибби относит наиболее раннее свидетельство о нападении «народов моря» ко времени около 1230 г.: *Nibbi A.* The Sea Peoples and Egypt. Park Ridge (New Jersey), 1975, с. 102 и сл.

³⁵ *Donadoni S.* I testi egiziani, с. 310; *Lehman G. A.* Zum Auftreten von «Seevölker»-Gruppen im östlichen Mittelmeerraum — eine Zwischenbilanz.— GAL, с. 92 и сл.

³⁶ См., к примеру: *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägais bis ins 7. Jahrh. v. Chr. Darmstadt, 1979, с. 133 и сл. Библиографию вопроса см.: *Barnett R. D.* The Sea Peoples.— САН, II, 2³, 1971, с. 968—972.

³⁷ В частности, П. Креймер указал на ряд названий иллирийского происхождения, близких этнониму филистимлян, например Palaistinê — область Эпира, а Дж. Бонфанте дал иллирийские этимологии ряда филистимских имен и слов. См.: *Kretschmer P.* Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten.— Glotta. 1943, № 30, с. 152—154; *Bonfante G.* Who were the Philistines? — AJA, 1946, № 50, с. 251—262. Гипотеза о связи «народов моря» с носителями культуры полей погребальных урн, атрибутируемой иллирийцам и фригийцам (*Kimmitig W.* Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur.— Studien aus Alteuropa. Bd I. Köln—Graz, 1964, с. 220 и сл.), привлекательна тем, что объединяет появление иллирийцев (мессапы, япиги) на Апеннингах и в Восточном Средиземноморье (филистимляне), однако в археологическом отношении аргументирована она недостаточно (см.: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1974, с. 65—66), что, впрочем, не исключает дальнейших поисков прародины «народов моря» в северобалканском и северопричерноморском ареалах. См.: *Sandars N. K.* The Sea People Warriors of the Ancient Mediterranean. L., 1978; *Черняков И. Т.* Связи сабастиновских племен северо-западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем.— Северное Причерноморье. Киев, 1984, с. 34—42. Ср., однако, аргументы А. Нибби, считающей, что так называемые «народы моря» — это соседнее с Египтом население (*Nibbi A.* The Sea Peoples: Some Problems Concerning Historical Method.— Terra antiqua Balcanica. Vol. 2. Serdica, 1985, с. 310 и сл.).

³⁸ *Wainwright G. A.* A Teukrian at Salamis.— JHS, 1963, № 83, с. 146—151.

³⁹ *Wainwright G. A.* The Teresh, the Etruscans and Asia Minor.— AS, 1959, № 9, с. 197—213.

⁴⁰ Археологическая характеристика Ашдода излагается нами по материалу: *Kenyon K.* Archaeology in the Holy Land. L., 1979. с. 217.

⁴¹ *Dothan T.* Some Aspects of the Appearance of the Sea Peoples and Philistines in Canaan.— CAL, с. 100—103; *он же.* Philistine Material Culture and Its Mycenaean Affinities.— The Mycenaean in the Eastern Mediterranean, с. 187, и сл.; *Hankey V.* Late Mycenaean Pottery at Beth-Shan.— AJA, 1966, № 70, с. 169—170; *он же.* Mycenaean Pottery in the Middle East, с. 146; *Baramki D. C.* The Impact of the Mycenaean on Ancient Phoenicia.— The Mycenaean in the Eastern Mediterranean, с. 193 и сл.

⁴² *Waldbaum J. C.* Philistine Tombs at Tell Fara and their Aegean Prototypes.— AJA, 1966, № 70, с. 331—340.

⁴³ *Rahitjen B. D.* Philistine and Hebrew Amphictyonies.— JNES, 1965, № 24, с. 100—104.

⁴⁴ *Olmstead A. T.* History of Palestine and Syria to the Macedonian Conquest. N. Y.— L., 1931, с. 257.

¹⁵ См. подробнее: *Helck W. Die Beziehungen Ägyptens*, с. 137.

⁴⁵ Материалы о Кефтиу см.: *Vercoutter J. Essai sur les relations entre Égyptiens et Préhellènes*. P., 1954, с. 88 и сл.

⁷ Подробней о проблеме Кафтор-Кефтиу см.: *Weippert M. Kreta*.— *Realexikon der Assyriologie*. Bd. 6, Lfg. 3—4. В.— N. Y., 1981, с. 225—230. По предположению Г. Херма, этникон противника Давида-Голиафа *Kereter* означает, что он был критским ахейцем (*Herm G. Die Phönizier*. Düsseldorf—Wien, 1973, с. 76—78).

⁴⁶ Подробней см.: *Wainwright G. A. Asiatic Keftiou*.— *AJA*, 1952, № 56, с. 196 и сл.; *он же*. *Saphtor*—*Cappadocia*.— *Vetus Testamentum*. 1956, № 6, с. 199 и сл.; *он же*. *Some Early Philistine History*.— Там же. 1959, № 9, с. 73—84; *Yamauchi E. M. Greece and Babylon*. Grand Rapids, 1967, с. 43. По мнению Уэйнрайта, Кафтор — родина филистимлян — располагалась в Киликии Трахее. Этот народ вторгся на Левант и, отраженный около 1162 г. Рамзесом III, поселился на палестинском побережье. В Киликии филистимляне не были аборигенами — они пришли из Иллирии через Троаду; по происхождению это иллирийские дарданцы.

⁴⁹ *Wainwright G. A. Asiatic Keftiou*, с. 200. Из остатков языка филистимлян, неоднократно интерпретировавшихся (см., к примеру: *Macalister R. A. The Philistines*, с. 79—81; *Bonfante G. Who were the Philistines*, с. 251 и сл.), наиболее надежна связь филистимского обозначения правителя *šerēn* с индоевропейской малоазийской лексемой, давшей греч. *tyrannos* (о котором см.: *Heubeck A. Praegresca*. Erlangen, 1961, с. 68—70).

⁵⁰ В его памфилийском варианте присутствуют также эолзмы и северо-западные доризмы. См.: *Казанский Н. Н. Древние греко-анатолийские языковые связи*, с. 4.

⁵¹ О гипахейцах см.: *Kretschmer P. Die Hypachäer*.— *Glotta*. 1933, № 21, с. 213—257. Согласно И. Леви, название *Kilikia* произошло из названия *Hilakka* (*Levy I. Hypachaioi*.— *Mélanges E. Boisacq*. T. 2. Bruxelles, 1938, с. 117—125).

⁵² *Mitford T. B., Masson O. The Cypriot Syllabary*.— *САН*, III, 3², с. 75; *Buck C. D. The Greek Dialects*. Chicago, 1968, с. 27.

⁵³ О последнем см.: *Goetze A. Cilicians*.— *JCS*, 1962, № 16, с. 48 и сл. М. Эстур полагает, что в Киликии проживало и какое-то северосемитское население (*Astour M. Hellenosemitica*, с. 53).

⁵⁴ *Muchholz H. G., Karageorghis V. Altägäis und Altkypros*. Lpz., 1972, с. 137—138; *Catling H. W. Cyprus in the Late Bronze Age*.— *САН*, II, 2³, 1975, с. 207—209; *Fortin M. Fondation des villes grecques à Chipre: légendes et découvertes archéologiques*.— *Mélanges d'études anciennes offerts à M. Lebel*. Quebec, 1980, с. 25 и сл.

⁵⁵ *Dikaïos P. Enkomi*. Mainz, 1969—1971, Bd. 1—2.

⁵⁶ См., к примеру: *Cassola F. Problemi di preistoria e protoistoria greca*.— *RSI*, 1965, № 77, с. 347.

⁵⁷ *Huxley G. Crete and the Luwians*. Oxf., 1961, с. 55 и сл.; *Gordon C. H. The Mediterranean Factor in the Old Testament*.— *Supplements to Vetus Testamentum*. 1963, № 9, с. 21; *Astour M. Hellenosemitica*, с. 47; *Vaux R. de. La Phénicie et les peuples de la Mer*.— *Mélanges offerts à M. Dunand*. Beyrouth, 1969, с. 478.

⁵⁸ *Knudtson J. A. Die El-Amarna-Tafeln*. Lfg. 7. Lpz., 1908, с. 623—627. Еще два свидетельства, указывающие на локализацию Дануна в Киликии, привлек М. Эстур (*Astour M. Hellenosemitica*, с. 32—36).

⁵⁹ *Laroche E. Études sur les hiéroglyphes hittites*. 6. Adana et les Danoupiens.— *Syria*. 1958, № 35, с. 268—269. Правда, высказывалась мысль о связи названия города Adanawa с греческим этнонимом Danaoi (*Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*. М., 1958, с. 173), но в таком случае, как любезно указала мне Л. С. Баюн, остается необъясненным начальное а, которое не может быть, вопреки В. Георгиеву, протетическим, поскольку оно возникает в хетто-лувийских языках только перед консонантной группой. Мнение Э. Лароша поддержал, к примеру, Ф. Брон (*Bron F. Recherches sur les inscriptions phéniciennes de Karatepe*. Genève—Paris, 1979, с. 169 и сл.), но оспорил М. Эстур (*Astour M. Hellenosemitica*, с. 10—14).

⁶⁰ Goetze A. Cilicians, с. 52.

⁶¹ Luckenbill D. D. Jadan and Javan.—Zeitschrift für Assyriologie. 1913, № 28, с. 95—96; он же.—ARAB. 2, § 709; Albright W. F. Some Oriental Glosses, с. 171—172.

⁶² Понимание X. Винклером (*Winckler H.* Assyrer und Griechen. Altorientalische Forschungen. IV. Lpz., 1896, с. 367—368) этого Ia'nagi в качестве эквивалента греч. Ἰονική — «Ионийская (земля)» или «ионийцы» невозможно по той же причине, что и в случае с этимологией В. Ф. Олбрайта — греч. Ἰαῶν (nikē) etc. дало бы форму *Iaw-, тем более что в кипрском диалекте интервокальный сонант (дигамма) сохранялся до конца I тысячелетия.

⁶³ Güterbock H. The Hittite Conquest of Cyprus Reconsidered.—JNES, 1967, № 26, с. 73—81.

⁶⁴ Laroche E. Adana et les Danouniens, с. 272—274.

⁶⁵ По этому поводу М. Эстур заметил, что с таким же основанием можно считать французов обитателями не Франции, а островков около ее атлантического побережья. Сам М. Эстур полагал, что в рамессидском тексте подразумеваются Крит, Родос, Эгейские острова etc. (*Astour M.* Hellenosemitica, с. 11).

⁶⁶ С множественным числом «острова Dnp» Рамзесовой надписи ср. ветхозаветное обозначение Кипра множественным числом Kittim. Заметьте и близость этого названия Кипра библейскому обозначению хеттов Chittim, что также указывает на связь названия острова с анатолийским этнонимом переселенцев (см. с. 192).

⁶⁷ Указания на источники см.: *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, с. 955.

⁶⁸ Keilschrifturkunden aus Boghazköi. T. XIV. B., 1926, 1 rev. 75; *Otten H.* Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes. Wiesbaden, 1969.

⁶⁹ *Barnett R. D.* Moppos.—JHS, 1953, № 73, с. 140—143. Эту идентификацию поддержали Ф. Кассола, Ф. Хоуинк те Кате, Н. Хэммонд, Дж. Хаксли.

⁷⁰ Э. Ларош полагал, что здесь имеет место случайное сходство имен (*Laroche E.* Adana et les Danouniens, с. 274—275). Ф. Брон считал, что известных нам Мопсов, связанных с Лидией, Памфилией, Киликией, Фессалией, трудно соединить в один образ, тем более что имя это упоминается также в кносской и пилосской табличках (*Bron F.* Recherches, с. 173 и сл.). М. Эстур полагал, что Мокс-Мопс — имя восточноанатолийского божества, воспринятое микенскими греками, в мифологии которых образ расщепился на несколько ипостасей (*Astour M.* Hellenosemitica, с. 53—57).

⁷¹ Дж. Ханфманн отмечал в этой связи естественность передвижения Мопса и его людей из Клароса в Памфилию и Киликию, где он основал правящую династию (*Hanfmann G. M. A.* Lydiaca.—Harvard Studies in Classical Philology. 1968, № 63, с. 74—75). Каллисфен (apud Strabo XIV, 4, 1) приводил местное киликийское предание о том, что троянские киликийцы частью состояли из беженцев, прибывших из Фиванской области в Беотии. Этим преданием, как видно, и связывается беотийский Мопс с киликийским. Пришедшие в Памфилию и Киликию беотийцы привнесли сюда такие топонимы метрополии, как Гирия, Фива, Лирнесс. Вождем части этих переселенцев и считался Мопс. Другими предводителями памфилийских ахейцев считались Амфилох и Калхант (*Herod.* VII, 91).

⁷² Дж. Ханфманн связывал это сообщение не с палестинским Аскалоном, а с озером Кола в Лидии, около Сард, где было святилище Артемиды (*Hanfmann G. M. A.* Lydiaca, с. 73). Однако такая локализация невозможна: Атаргатис — это греческое наименование Астарты сирийской, ипостаси греческой Афродиты, а не Артемиды, и в Аскалоне действительно существовал культ Астарты. В рассказе Ксанфа Мопс стал лидийским героем потому, что его Кларосское святилище было расположено в Лидии.

⁷³ Литература приведена в упомянутой статье Дж. Ханфманна (с. 85).

⁷⁴ *Bounni A., Lagarce E. et J. Saliby N.* Rapport préliminaire sur la deuxième campagne de fouilles (1976) à Ibn Hani (Syrie).—Syria. 1976, № 53, с. 282. Заключение Ф. Принца о том, что сага о Тевкре как основателе кипрского Саламина является продуктом местного патриотизма, связывавшего тевкров с троянцами, в целом резонно (*Prinz F.* Gründungsmythen und Sagenchronologie.

Мünchen, 1979, с. 56 и сл.), но приведенные выше данные о переселении части южноанатолийского населения на Кипр позволяют усматривать историческую основу саги о саламинском Тевкре, о чем см. также: *Wainwright G. A.* A Teucrian at Salamis, с. 146 и сл.

⁷⁵ Подробно об этом см. доклады Кельнского коллоквиума 1979 г.: *Phönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982; Blazquez J. M.* Los fenicios en la península ibérica.— *Historia de España* (Protohistoria). Madrid, 1983, с. 277 и сл.

⁷⁶ Подробней см.: *Ильинская Л. С.* Финикийцы в Сицилии.— ВДИ, 1987, № 1, с. 41 и сл.

⁷⁷ *Liver J.* The Chronology of Tyre at the Beginning of the First Millenium B. C.— *IEJ*, 1953, № 3, с. 119.

⁷⁸ *Masson O., Szyzner M.* Recherches sur les phéniciennes à Chypre. Genève—Paris, 1972, с. 13 и сл.

⁷⁹ О финикийцах в Эгее см.: *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens, с. 158 и сл.; *Coldstream J. N.* Greeks and Phoenicians in the Aegean.— *Phönizier im Westen*, с. 261—272, а также материалы дискуссии — там же, с. 272—275; *Herm G.* Die Phönizier. Düsseldorf — Wien, 1973, гл. 12. *Шуфман И. Ш.* Из истории финикийской торговли в Греции во второй половине II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э.— Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.— Л., 1963, с. 90 и сл.

⁸⁰ *Boardman J.* The Khaniala Tekke Tombs, II.— *BSA*, 1967, № 62, с. 63.

⁸¹ *Coldstream J. N.* Greeks and Phoenicians, с. 268—269.

⁸² Один из аргосцев, павших в сражении со спартамцами при Танагре около 458 г., носил имя Phoinix — «Финикиец» (*Jeffery L. A.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969, с. 406, № 30).

⁸³ О финикийском происхождении культа Афродиты Урании см.: *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. V. 2. Oxf., 1896, с. 629 и сл. Интересно, что на Кифере была найдена посвятельная надпись вавилонского царя Нарамсина, правившего около 1950 г. См.: *Weidner E.* The Inscription from Kythera.— *JHS*, 1939, № 59, с. 137—138.

⁸⁴ *Graham A. J.* The Foundation of Thasos.— *BSA*, 1978, № 73, с. 83 и сл.

⁸⁵ См.: *Hemmerdinger B.* Trois notes, с. 703.

⁸⁶ *Колобова К. М.* Находки цилиндров-печатей, с. 111 и сл.; *Hemmerdinger B.* Trois notes, с. 698 и сл.; *Edwards R. B.* Kadmos the Phoenician. A Study in Greek Legends and the Mycenaean Age. Amsterdam, 1979. Ch. 6; *Bunnens G.* L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles, 1979, с. 15 и сл.

⁸⁷ См. о них: *Muhly J. D.* Homer and the Phoenicians.— *Berytus*. 1970, № 19, с. 19 и сл.; *Bunnens G.* L'expansion phénicienne, с. 92—99.

Глава 2

¹ *Morrison J. S., Williams R. T.* Greek Oared Ships: 900—332 B. C. Cambridge, 1968; *Westerberg K.* Cypriote Ships from the Bronze Age to 500 B. C. Göteborg, 1983.

² *Snodgrass A. M.* The Dark Ages of Greeks. An Archaeological Survey of the XI to the VIII Centuries B. C. Edinburg, 1971, с. 113—114; *Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1977, с. 93.

³ *Snodgrass A. M.* Dark Ages, с. 115; *Braun T. F. R. G.* The Greeks in the Near East.— *САН*, III, Pt. 3^a. Cambridge, 1982, с. 8—9.

⁴ *Coldstream J. N.* Geometric Greece, с. 93—94; *Boardman J.* The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1972, с. 43; *Popham M., Pollard A. M., Hatcher H.* Euboean Export to Al Mina, Cyprus, and Crete: a Reassessment.— *BSA*, 1983, № 78, с. 281 и сл. О раннем греческом импорте в Леванте см. также: *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта.— ВДИ. 1985, № 1, с. 8 и сл.

⁵ *Woolley L. A.* Forgotten Kingdom. L., 1959, с. 153—164 (ср. русский перевод научно-популярной версии: *Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986, с. 146 и сл.); *он же.* Excavations at Al Mina.— *JHS*, 1938, № 58, с. 9—22; *он же.* The Date of Al Mina.— *JHS*, 1948, № 68, с. 148.

⁶ *Robertson M.* The Excavations at Al Mina, Suedia. IV. The Early Greek.

Vases.— JHS, 1940, № 60, с. 21. С. Вейнберг отмечал отсутствие греческой керамики в Израиле, Иудее, Сирии после установления здесь вавилонского господства Навуходоносором в 586 г. (*Weinberg S. S. Post-Exilic Palestine — an Archaeological Report.*— Proceedings of the Israel Academy of Sciences. Vol. IV, 5, 1969. Jerusalem, 1971, с. 97). Таким образом, конец V слоя Аль-Мины предположительно может быть датирован временем около 586 г.

⁷ Boardman J. The Greeks Overseas, с. 38.

⁸ Smith S. The Greek Trade at Al Mina.— Antiquaries Journal. 1942, № 22, с. 94.

⁹ Taylor J. du Plat. The Cypriot and Syrian Pottery from Al Mina. Syria.— Iraq, 1959, № 21, с. 91—92.

¹⁰ Gjerstad E. The Stratification at Al Mina (Syria) and Its Chronological Evidence.— Acta archaeologica, 1974, v. 45, с. 107 и сл.

¹¹ Boardman J. The Greeks Overseas, с. 43.

¹² Там же, с. 39 и сл.

¹³ Coldstream J. N. Geometric Greece, с. 93—94.

¹⁴ Popham M., Hatcher H., Pollard A. M. Al Mina and Euboea.— BSA, 1980, № 75, с. 151 и сл.

¹⁵ Popham M., Hatcher H., Pollard A. M. Euboean Export to Al Mina, с. 289—290.

¹⁶ Boardman J. The Greeks Overseas, с. 48—49.

¹⁷ Courbin P. Ras el Bassit, Al Mina et Tell Sukas.— RA, 1974, с. 178;

Braun T. F. R. G. The Greeks in the Near East, с. 10.

¹⁸ Courbin P. Bassit.— Les annales archéologiques arabes syriennes, 33, 1983, № 2, с. 119 и сл.

¹⁹ Bounni A., Lagarce J. et E. Saliby N. Rapport préliminaire sur la première (deuxième, troisième) campagne de fouilles (1975, 1976, 1977) à Ibn Hanî (Syrie).— Syria, 1976, № 53, с. 233 и сл.; 1978, № 55, с. 280—286; 1979, № 56, с. 217 и сл.

²⁰ Rijs P. J. Griechen in Phönizien.— Phönizier im Westen. Mainz, 1982, с. 251.

²¹ Rijs P. J. The First Greeks in Phoenicia and Their Settlement at Sukas.— Ugaritica. 1969, № 6, с. 435—450; *он же.* Sukas I. The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine. København, 1970; *он же.* The Graeco-Phoenician Sanctuary at the Southern Harbour. Sukas VI. København, 1979.

²² О местной керамике см.: Buhl M.-L. The Near Eastern Pottery.— Sukas. VII. København, 1983.

²³ Об этих материалах см.: Ploug G. The Aegean, Corinthian, and Eastern Greek Pottery and Terracotas.— Sukas, II. København, 1974.

²⁴ Это следующие граффити: 1) на фрагменте стенки родосского сосуда первой половины VI в.: ΔΑ. 2) на фрагменте черепицы ретроградно: ΚΑΙ (по характеру письма — ранний VI в.). 3) на фрагменте черепицы: буква Κ (IV в.). 4) на стенке местного сосуда: Ηαλιο ήμι[ι] (= аттическое 'Ηλι ο ήμι, — «я принадлежу Гелию». Первая половина VI в. 5) на фрагменте вонийского кубка середины VI в.: Μοσιόβ. Личное имя владельца, видимо, Μοσιός в родительном падеже либо, скорее, местное имя, поскольку ро элидируется в группе ΡΣΤ, а не ΡΣ. 6) на пряслице, сделанном из местной глины, тип которого бытовал в Греции в VIII—VI вв.: Πεσαφό ές ήμι — «я принадлежу Песакоре». По характеру письма надпись может быть датирована временем около 600 г. (Граффити даны по: Sukas, I, fig. 25, 26e, 27c, 28, 53, с. 60, 61, 68, 69, 78, 158.)

²⁵ Ср.: Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969, с. 345 и сл.

²⁶ Тексты об основании Фаселиды собраны в кн.: Prinz F. Gründungsmythen und Sagenchronologie. München, 1979, с. 383—384.

²⁷ Ю. Белох полагал, что основание более близкой к Родосу Фаселиды могло иметь место ранее основания Гелы в Сицилии (*Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I. V.—Lpz.*, 1926, с. 235).

²⁸ См. о них, к примеру, заметки А. Ф. Деянова (псевдоним И. М. Дьяконова) и Г. Ноймана в кн.: Тайны древних письмен. М., 1976, с. 328—334.

О ранней Сиде см.: *Mansel A. M. Die Ruinen von Side. B., 1963, с. 3; Blumenthal E. Die altgriechische Siedlungskolonisation im Mittelmeerraum unter besonderer Berücksichtigung der Südküste Kleinasiens. Tübingen, 1963, с. 122 и сл.*

²⁹ Ф. Кассола полагал на этом основании, что Сиде была основана в микенское время (*Cassola F. Sull'origine di Side in Pamfilia.— PP, 1954, № 9, с. 41—45*).

³⁰ *Mansel A. M. Berichte über Ausgrabungen und Untersuchungen in Pamphilien.— Archaeologischer Anzeiger, 1956 с. 109 и сл.*

³¹ О возможном существовании Перги, как и Сиде, в микенское время см.: *Казанский Н. Н. Перга.— Лингвистические исследования 1978 г. М., 1978, с. 86.*

³² *Bossert H. Die phönizisch-hethitischen Bilinguen. III.— Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen, 1950. № 1, с. 285; Bean G. E. Turkey's Southern Shore. L., 1968, с. 24; Helck W. Die Beziehungen Ägyptens, с. 138; Казанский Н. Н. Древние греко-анатолийские языковые связи. Автореф. канд. дис. М., 1980, с. 3.*

³³ *Astour M. C. Hellenosemitica, с. 37 и сл.; Meyer E. Geschichte des Altertums. Bd. I, 2. Stuttgart, 1964, с. 720 и сл.*

³⁴ *Bilabel F. Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920, с. 155.*

³⁵ Страбон упоминает Мопсуестию в ряду с Александрией, Никоподем, Мириандром и Росом, селевкидскими городами (XIV, 5, 19). Мопсуестия отождествляется с современным Мисисом. Ср.: *Ruge W. Mopsu(h)estia. Mopsukrepe.— RE, XVI, 1, 1933, кол. 245, 250.*

³⁶ *Hesych., s. v. Lake: rakē, Krētes.*

³⁷ *Müller K. O. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Göttingen, 1825, с. 138—140. Основание Фаселиды приписывалось и самому Мопсу.*

³⁸ *FGH, III, 29. 1. Еще одна традиция называет Лакия аргосцем.*

³⁹ *Bean G. E. Turkey's Southern Shore, с. 24.*

⁴⁰ Хр. Блинкенберг в комментарии к указанному параграфу хроники (Lindos. B., 1941, Bd 2, кол. 177—178) отмечал неясность личности этого Амфилоха. Он привел мнение М. Оло, что это тот же легендарный вождь аргосцев, который считался основателем киликийских колоний и почитался в Камире на Родосе; Блинкенберг также сослался в связи с этим на употребление родосцами героических имен в качестве антропонимов.

⁴¹ *Beloch K. J. Griechische Geschichte, Bd. 1, с. 236; Ruge. Soloi.— RE. 1927, Halbbd. 15, кол. 936.*

⁴² *Ruge. Mallos.— RE, 1928, Halbbd. 27, кол. 916.*

⁴³ Материалы из Тарса излагаются по кн.: *Excavation at Gözlu Kule, Tarsus. Vol. 3. The Iron Age. Princeton, 1963, с. 19—20, 154—160. Описание архитектурных остатков и стратиграфия даны Х. Голдман, анализ керамики — Дж. Ханфманном. Установленная ими датировка слоев не вполне удовлетворила Дж. Боурдмена, который предложил свои уточнения, оговорив, однако, их кабинетный характер (*Boardman J. Tarsus, Al Mina and Greek Chronology.— JHS, 1965, № 85, с. 5—15*).*

⁴⁴ Материалы о Тарсе см. также в кн.: *Erzen A. Tarsus kilavuzu. Istanbul, 1943; Porada E. A Lyre Player from Tarsus and his Relations.— ANE, с. 185—211; Hanfmann G. M. A. On Some Eastern Greek Wares Found at Tarsus.— ANE, с. 165—184; French E. A Reassessment of the Mycenaean Pottery at Tarsus.— AS. 1975, № 25, с. 53—75; Chuvin P. Apollon du trident et les dieux de Tarse.— Journal des savants, 1981, с. 305 и сл.*

⁴⁵ *Boardman J. The Greeks Overseas, с. 45.*

⁴⁶ *Bing J. D. Tarsus: a Forgotten Colony of Lindos.— JNES. 1971, № 30, с. 102—104.*

⁴⁷ *ARAB, 1, § 583.*

⁴⁸ Ввиду совпадения даты Евсевия и похода Салманасара данное сообщение лучше относить к Салманасару, хотя оно явно переключается с сообщениями о возобновлении Тарса и Анхиала при Сарданапале (= Синаххерибе) в начале VII в. (см. с. 179 и сл.).

⁴⁹ *Bing J. D. Tarsus, с. 104 и сл. К. Рёбак писал о проживании в Мерсине греческих резидентов, т. е. склонялся к мысли о том, что тут была греческая фактория (*Roebuck S. Ionian Trade and Colonisation. N. Y., 1959, с. 64*).*

⁵⁰ Эту предположительную идентификацию А. Эрцена (*Erzen A. Kilikien*

bis zum Ende der Perserherrschaft. Лпз., 1949, non vidi) поддержали В. Хельк: (*Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens, с. 231) и Дж. Бинг (*Bing J. D.* Tarsus, с. 104).

⁵¹ *Garstang J.* Early Greek Settlements.— Prehistoric Mersin. Oxf., 1953, с. 253.

⁵² *Barnett R. D.* The Greek Pottery (Mersin).— Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool, 1940, № 26, с. 98—100 (общая характеристика), с. 100—130 (каталог). Общая характеристика перепечатана в кн.: Prehistoric Mersin, с. 253—255.

⁵³ *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonisation, с. 64.

⁵⁴ *Rijs P. J.* Griechen in Phönizien, с. 252—253. Уже микенский импорт шел в Левант через Родос и Кипр (*Stabblings F. H.* The Mусенаean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951, с. 102 и сл.). Родосский материал VIII в. из Аль-Мины и Ибн-Хани противоречит мнению Дж. Бинга о возможности основания родосских колоний только в промежутке между 705—696 гг., когда Киликия отпала от Ассирии (*Bing J. D.* Tarsus, с. 100).

⁵⁵ *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonisation, с. 65.

⁵⁶ *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Bd. 3. Stuttgart, 1954, с. 424.

⁵⁷ *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens, с. 190 и сл.; *Римшинойдер М.* От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977, с. 56 и сл.

⁵⁸ *Hirschfeld.* Argos.— RE, 1895, № 3, кол. 789.

⁵⁹ *Rijs P. J.* Griechen in Phönizien, с. 253—254.

⁶⁰ *Graham A. J.* The Colonial Expansion of Greece.— САН, III, 3³, с. 93.

⁶¹ *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта.— ВДИ. 1984, № 3, с. 24—25.

⁶² Там же, с. 24.

⁶³ О полисом статусе Аль-Мины, Тель-Сукаса, Навкратиса мимоходом высказался Ю. Г. Виноградов — без аргументации, без понимания терминологии (названные центры отнесены к числу апоийки!), присоединивший к ним такие разные центры, как Адрия, Спина и Массалия (*Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье.— Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 386). Навкратис стал полисом не ранее времени персидского господства в Египте, скорее всего в эллинистическую эпоху (см. с. 203).

⁶⁴ *Rijs P. J.* Griechen in Phönizien, с. 249—250.

⁶⁵ Ср. также сведения о вооруженной борьбе греческих колонистов с кариийцами (*Herod.* I, 146, *Strabo.* XIV, 2, 27).

⁶⁶ *Goetze A.* Cilicians.— JCS, 1962, № 16, с. 48, 52.

⁶⁷ ANET, с. 277 (согласно анналам, первый год правления).

⁶⁸ *Postgate J. N.* Assyrian Texts and Fragments.— Iraq. 1973, № 35, с. 30.

⁶⁹ *Blumenthal E.* Die altgriechische Siedlungskolonisation. с. 129 и сл.

⁷⁰ *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 252.

⁷¹ *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 42; *Bing J. D.* Tarsus, с. 107—108.

⁷² ARAB, I, § 583.

⁷³ *Albright W. F.* Cilicia and Babylonia under the Chaldaean Kings.— BASOR, 1959, № 120, с. 24.

⁷⁴ ANET, с. 275—278.

⁷⁵ *Braun T. F. R. G.* The Greeks in the Near East, с. 12.

⁷⁶ ANET, с. 276.

⁷⁷ Там же, с. 283.

⁷⁸ О восточных бронзовых изделиях архаического времени, найденных в Герайоне, см.: *Janzen U.* Ägyptischen und orientalischen Bronzen aus dem Heraion von Samos. Bonn, 1972. Здесь же найдены ближневосточные изделия из слоновой кости (*Freyer-Schauenburg B.* Elfenbeine aus dem samischen Heraion. В., 1968), кипрская керамика и статуэтки. Все это поступало с Кипра и самосских колоний в Киликию, а также из левантйских портов. По заключению У. Янтцена (с. 88) восточные вещи импортировались на Самос, в Герайон, начиная с последней четверти VIII в. Кстати сказать, десятую часть тартессийской прибыли Колей и его спутники затратили на изготовление посвященного Гере бронзового сосуда типа аргосского кратера, краяны которого были украшены головками грифонов, т. е. ориентализирующего стиля.

⁷⁹ *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 45. Дальнейшие соображения см.:

Bravo B. Le commerce des céréales chez les grecs de l'époque archaïque.— Trade and Famine in Classical Antiquity. Cambridge, 1983, с. 17. О торговцах см.: *Bravo B.* Commerce et noblesse en Grèce archaïque.— Dialogues d'histoire ancienne. P., 1984, № 10, с. 99 и сл. О керамике см.: *Согомонов А. Ю.* Субпротогеометрическая керамика на Востоке.— СА. 1988, № 3, с. 37 и сл.

⁸⁰ *Boardman J.* Greek Potters at Al Mina? — AS, 1959, № 9, с. 163—169.

Глава 3

¹ *Albright W. F.* Some Oriental Glosses on Homeric Problem.— AJA, 1950, № 54, с. 171.

² См., к примеру: *Gressman H.* Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament. Bd. I, B.— Lpz., 1926, с. 442; *Olmstead A. T. E.* History of Assyria. N. Y.—L., 1923, с. 184. Последние издатели этой надписи Х. Доннер и В. Рёллиг приняли новую точку зрения: *Donner H., Röllig W.* Kanaanische und aramäische Inschriften. Bd. 2. Wiesbaden, 1964, с. 33.

³ *Saggs H. W. F.* The Nimrud Letters, 1952. Part VI.— Iraq. 1963, № 25, с. 77.

⁴ *Braun T. F. R. G.* The Greeks in the Near East.— САИ, III, 3², 1982, с. 15.

⁵ *Röllig W.* Griechen.— Reallexikon der Assyriologie. Bd. III, Lfg. 9. N. Y., 1971, с. 645.

⁶ Подробнее о политической ситуации VIII в. в Северной Сирии см.: *Rijs P. J.* Griechen in Phönizien, с. 255; *Oded B.* Phoenician Cities and the Assyrian Empire in the Time of Tiglath-Pileser III.— ZDMG, 1974, № 90, с. 42 и сл.; *Гельцер М. Л.* Заметки по истории Финикии VIII в. до н. э.— Палестинский сборник. 1958, № 3, с. 58 и сл.

⁷ Были завоеваны прибрежные города Сианну, Симира, Усну, Кашпуну, Арка, включенные в провинцию Симира (*Oded B.* Phoenician Cities, с. 42—43; *Гельцер М. Л.* Заметки, с. 59).

⁸ Подробнее об этом см.: *Гельцер М. Л.* Заметки, с. 63 и сл.

⁹ Ассирийцы называли хеттами как население восточной Анатолии, так и семитов Сирии и Палестины.

¹⁰ ANET, с. 286 (перевод ассирийских текстов Л. Оппенгейма).

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 285.

¹³ *Hubšu*, особая социальная группа. Так же обозначен, к примеру, узурпатор трона в Хамате Иаубиди, восставший против Саргона (Парадная надпись, 33).

¹⁴ Так в переводе, данном в: Documents from Old Testament Times. Ed. by D. W. Thomas. L., 1958, с. 61.

¹⁵ ANET, с. 287.

¹⁶ Там же, с. 284; Documents from Old Testament, с. 60.

¹⁷ ARAB, 2, § 194.

¹⁸ *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II of Assur.— JCS, 1958, № 12, с. 92—93.

¹⁹ Там же, с. 79. А. Олмстед именует туртану Ашурискаданин (*Olmstead A. T. E.* History of Palestine and Syria to the Macedonian Conquest. N. Y.—L., 1931, с. 469).

²⁰ *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II, с. 80, примеч. 217. Ср.: *Tallquist K.* Assyrian Personal Names. Helsingfors, 1914, с. 91.

²¹ *Röllig W.* Griechen, с. 644—645.

²² К альтернатиции *wim* ср. в одной из надписей *Iawnaa-Iamnaa* в вавилонской версии (*Albright W. F.* Some Oriental Glosses, с. 171). Греческое прилагательное *Ioanios*, впервые засвидетельствованное у Эсхила, означает «житель Ионии» или «житель Аттики», т. е. «ионец» или «афинянин» (к последнему значению ср. древний оракул, использованный Солоном [Plut. Sol. 10, 6, LSJ, s. v. *Ioanes*]). Поскольку первыми греками, посещавшими Левант, были еврейцы и афиняне (см. с. 136—137), их этникон и стал общим обозначением греков.

²³ Не в таком ли плане следует понимать упоминание в письме Курди-Ашшурламура народа категории *zakkû*?

²⁴ *Olmstead A. T. E.* History of Assyria, c. 218; *Burn A. R.* The Lyric Age of Greece. L., 1973, c. 49.

²⁵ *Olmstead A. T. E.* History of Palestine, c. 469.

²⁶ ANET, c. 284.

²⁷ *Olmstead A. T. E.* History of Assyria, c. 226.

²⁸ *Gadd C. J.* Inscribed Prisms of Sargon II from Nimrud.—Iraq. 1954, № 16, c. 199—200.

²⁹ *Winckler H.* Griechen und Assyrer.—Altorientalische Forschungen. Bd. IV, Lpz., 1896, c. 364.

³⁰ *Winckler H.* Griechen und Assyrer, c. 365.

³¹ Там же, c. 364; *Bilabel F.* Geschichte Vorderasiens und Aegyptens vom 16—11 Jhd. v. Chr. Heidelberg, 1927, c. 401.

³² *Olmstead A. T. E.* History of Assyria, c. 226—227.

³³ *King L. W.* Sennacherib and the Ionians.—JHS, 1910, № 30, c. 331; *Hall H. R.* The Ancient History of the Near East. L., 1952, c. 486.

³⁴ *Nasier P.* L'Asie Mineure et l'Assyrie aux VIIIe et VIIe siècles av. J.-C. d'après les Annales des Rois assyriens. Louvain, 1938, c. 53, 59.

³⁵ *Röllig W.* Griechen, c. 644—645.

³⁶ До него Х. Винклер пришел к выводу, что на Куэ нападали не киприоты, а греки с других (Эгейских) островов (*Winckler H.* Griechen und Assyrer, c. 368—369).

³⁷ *Winckler H.* Griechen und Assyrer, c. 364.

³⁸ ARAB, 2. § 80.

³⁹ *Pastgate J. H.* Assyrian Texts and Fragments. 5. Sargon's Letter Referring to Midas.—Iraq. 1973, № 35, c. 27, 32—33; *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II, c. 96.

⁴⁰ *Winckler H.* Griechen und Assyrer, c. 369. Были отобраны два захваченных Мидасом города Куэ, а в Хилакку назначен наместник (*Gadd C. J.* Inscribed Prisms of Sargon II, c. 183—184).

⁴¹ *King L. W.* Sennacherib and the Ionians, c. 333; *Olmstead A. T. E.* History of Assyria, c. 227—228.

⁴² Согласно Хорсабадским анналам, отсюда, в частности, поступала древесина для строительства дворца (*Weissbach F. H.* Zu den Inschriften der Säule im Palaste Sargon's II von Assyrien.—ZDMG, 1918, № 72, c. 183).

⁴³ *Турчаев Б. А.* История древнего Востока. Т. 2. Л., 1936, c. 49.

⁴⁴ *Heidel A.* The Octagonal Sennacherib Prism in the Iraq Museum.—Sumer. 1953, № 9, c. 147—151. Параллельный текст содержит призма чикагского Восточного института: *Luckenbill D. D.* The Annals of Sennacherib. Chicago, 1924, c. 61—62.

⁴⁵ *Luckenbill D. D.* The Annals of Sennacherib, c. 97, 106, 119, 131—132.

⁴⁶ *Olmstead A. T. E.* History of Assyria, c. 311—312.

⁴⁷ Приведенные схождения указывают, что Берос пользовался в данном случае ассирийским или вавилонским источником, вопреки мнению Х. Винклера, считавшего, что таковые были ему недоступны (*Winckler H.* Griechen und Assyrer, c. 361). На основании этой же посылки Винклер полагал, что Берос спутал Синаххериба с Саргоном II, так что приведенные сообщения фрагментов Абиденца—Бероса подразумевают столкновения греков с Саргоном, а не Синаххерибом (там же, c. 369). Надписи Саргона, однако, не дают схождений с фрагментами Абиденца—Бероса, каковые, как мы видели, имеются с анналами Синаххериба.

⁴⁸ Это снимает утверждение В. Рёллига о том, что поход Синаххериба был направлен против ионийских пиратов Киликии (*Röllig W.* Griechen, c. 645).

⁴⁹ *Bilabel F.* Geschichte Vorderasiens, c. 403.

⁵⁰ Apud. Strabo XIV, 5, 9, пер. Г. А. Стратановского.

⁵¹ Это и служит основанием для атрибуции данного пассажа Аристобулу. В византийское время это сообщение Аристобула ошибочно приписывалось Каллисфену (Свида, Фотий), а филологией прошлого столетия даже возводилось к Гекатею, что восприняли писавшие об этом пассаже Э. Мейер и Х. Винклер, полемизировавшие по поводу иконографии упоминаемой в нем статуи ца-

ря (Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 1. Halle, 1892, с. 203 и сл.; Bd. 2. 1899, с. 541 и сл.; Winckler H. Griechen und Assyrer, с. 370).

⁵² Ср. в надписи на плите Неби Юнуса: «Людей Хилакку, которые обитают в горах, я убивал мечом, их города я разрушил, опустошил, сжег их огнем» (Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib, с. 86).

⁵³ Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib, с. 95, 104; Heidel A. The Octagonal Sennacherib Prism, с. 155.

⁵⁴ ARAB, 2, § 391; Olmstead A. T. E. History of Assyria, с. 335.

⁵⁵ Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib, с. 119. Гора Аман простирается от Киликии до Мелитены и Евфрата (Strabo XI, 12, 2).

⁵⁶ 'Αθηναίης; вместо 'Αθηναίων читали К. О. Мюллер, Ф. Якоби. Б. Нибур предлагал читать «храм вавилонян», Х. Винклер — «храм анхиальцев», И. Карст — «храм Анаит». Чтение «храм Афины» — наименее насильственное исправление текста и потому наиболее приемлемое. О постройке этого храма см. также: King L. W. Sennacherib and the Ionians, с. 332—334.

⁵⁷ Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib, с. 68—69, 77: К этому событию относятся слова Исайи (23, 12): «Вставай, иди в Киттим (Кипр), но и там тебе не будет покоя».

⁵⁸ Olmstead A. T. E. History of Assyria, с. 290.

⁵⁹ Bing J. D. Tarsus: a Forgotten Colony of Lindos.—JNES, 1971, № 30, с. 102.

⁶⁰ Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib, с. 73—76.

⁶¹ Вавилонское княжество Меродах Баладана.

⁶² Город на Тигре южнее Багдада.

⁶³ Он соединяет Тигр и Евфрат.

⁶⁴ Подразумевается, что данный, вероятно, командующим эскадрой совет расположить лагерь в более удобном месте не был принят царем во внимание.

⁶⁵ Borger R. Die Inschriften Asarhaddons Königs von Assyrien. Graz, 1956, с. 86; Röllig W. Griechen, с. 645; ultu^{mat} Ia-da-na^{mat} Ia-man-a-di^{mat} Tar-si-si.

⁶⁶ ANET, с. 290 (комментарий Л. Оппенгейма).

⁶⁷ ARAB, 2, с. 274; Tadmor H. The Campaigns of Sargon II, с. 80, примеч. 217.

⁶⁸ Saggs H. W. F. The Nimrud Letters. 1952, Pt. VI, с. 78.

⁶⁹ Röllig W. Griechen, с. 645; Unter^{mat} Jaman ist hier wohl das Küstengebiet der ionischen Kolonien zu verstehen.

⁷⁰ ANET, с. 291; ARAB, 2, § 690. Надпись относится к концу правления Асархаддона, поскольку его преемник Ашшурбанипал (668—633 гг.) в своей надписи на цилиндре С (ARAB, 2, § 876) перечисляет тех же кипрских и сиро-палестинских царей, за одним исключением.

⁷¹ Об идентификации имен и названий см.: Oberhammer E. Die Insel Cypern. München, 1903, с. 12 и сл.; Hill G. H. A History of Cyprus. V. 1. Cambridge, 1972, с. 107; Olmstead A. T. E. History of Assyria, с. 369. Город Sillu^{na} обычно идентифицируется с Солами, но последний фигурирует ниже, поэтому принимаю отождествление с Саламином, предложенное Р. К. Томпсоном.

⁷² Lehman-Haupt C. F. Zu Buzanta.—Klio, 1934, № 27, с. 340; он же. Armenien Einst und Jetzt. Bd. I. В., 1910, с. 408. Ср.: Streck L.—RE. SpIbD. 1, 1903, кол. 253, 256. Бузанта — прежнее название Тигранокерта, упоминаемое уронженем последнего, армянским историком Фавстом Бузандом. Евсейев (Chron. р. 35 Schoene) упоминает, со ссылкой на Абиденца, о смерти Синаххериба в городе Byzantinōn, под которым следует подразумевать киликийскую Бузанту.

⁷³ ANET, с. 290—291.

⁷⁴ King L. W. Sennacherib and the Ionians, с. 333—334.

⁷⁵ Johns C. H. W. Assyrian Doomsday Book, or Liber sensualis. Lpz., 1901, с. 61. Tadmor H. The Campaigns of Sargon II, с. 80, примеч. 217.

⁷⁶ Bing J. D. Tarsus, с. 107—108.

⁷⁷ Характеристику строительной деятельности вавилонских царей см.: Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. 2, с. 91—95.

⁷⁸ Johns C. H. W. Assyrian Doomsday Book, с. 61, кол. II, 3—5.

⁷⁹ Tadmor H. The Campaigns of Sargon II, с. 80, примеч. 217.

⁸⁰ Braun T. F. R. G. The Greeks in the Near East, с. 17.

⁸¹ Об усыновлении рабов в Вавилоне см.: Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. М., 1974, с. 256 и сл.

⁸² Ср., к примеру, надпись на Стамбульской стеле (кол. 9, стк. 31 и сл.): «2850 пленных воинов страны Хумее (=Хилакку)... я подарил Белу, Набу и Нергалу, момм богам, стоящим на моей стороне, в хорошем состоянии для службы в качестве носильщиков кирпича» (Albright W. F. Cilicia and Babylonia under the Chaldaean Kings.—BASOR, 1950, № 120, с. 23). Из Куэ вавилонские цари вывозили также железо, строительный лес и пр. В списке фигурируют также поставки из ^{ma}. Piriindu — горной Киликии.

⁸³ Weidner E. F. Joachim, König von Juda, in babylonischen Keilschrifttexten.—Mélanges syriens offerts à R. Dussaud. P., 1939, t. 2, с. 932—933; Röllig W. Griechen, с. 645.

⁸⁴ ANET, с. 308 (№ 28 186, реверс, II, 13—18). 1 сила=0,84 л.

⁸⁵ Дж. Бинг полагал, что эти «ионийцы» — киликийские греки (Bing J. D. Tarsus, с. 104).

⁸⁶ Eisler W. Kleinasiatisches.—ZDMG, 1940, № 94, с. 206 (документ предахеменидского времени из Берлинской коллекции); Dougherty R. Records from Ereh, Time of Nabonidus. New Haven, 1920, № 168 (коллекция Йельского университета, надпись датирована 6-м годом правления Набониды — 550 г.).

⁸⁷ Fr. 50 Snell. Strabo XIII, 2, 3. Вавилонский царский локоть — около 40 см.

⁸⁸ Edmonds J. M. Lyra Graeca. V. I. L., 1934, с. 405, примеч. 2.

⁸⁹ Fr. B. 16 P.—L.; Burn A. R. The Lyric Age of Greece. L., 1973, с. 244.

Примерное восстановление содержания этого отрывка см.: Quinn J. D. Alkaeus 48 (B 16) and the Fall of Ascalon.—BASOR, 1961, № 164, с. 19—20.

⁹⁰ Burn A. R. The Lyric Age of Greece, с. 243.

⁹¹ ВДИ. 1985, № 2, с. 126—127.

⁹² Müller C. Fragmenta historicorum Graecorum. T. 3. P., 1843, с. 239—240.

⁹³ Röllig W. Griechen, с. 646.

⁹⁴ Waerden B. L. van der. The Birth of Astronomy. Leiden, 1974, с. 120—122; Pingree D. Mesopotamian Astronomy and Astral Omens in Other Civilizations.—Mesopotamien und seine Nachbarn. Bd. 2. B., 1982, с. 616.

⁹⁵ Diog. Laert. I, 1, 24, пер. М. Л. Гаспарова.

⁹⁶ Pingree D. Mesopotamian Astronomy, с. 616.

⁹⁷ Neugebauer O. The Exact Sciences in Antiquity. Providence, 1957, с. 151.

⁹⁸ Waerden B. L., van der. Science Awakening. Leiden, 1974, с. 83 и сл.;

Bezold C., Boll F., Gundel W. Stern Glaube und Sterndeutung. Lpz.—B., 1926, с. 15 и сл. Правда, О. Нойгебауэр указывал на различия в характере греческой и вавилонской астрологии — первая индивидуальна, вторая же больше обслуживала запросы коллективного характера (Neugebauer O. The Exact Sciences, с. 170), но М. Нильссон привел примеры одинакового характера той и другой (Nilsson M. P. Die babylonische Grundlage der griechischen Astrologie.—Eranos. 1958, № 56, с. 1 и сл.).

⁹⁹ Grottanelli C. Aesop in Babylon.—Mesopotamien und seine Nachbarn, Bd 2, с. 555 и сл. М. Римшнейдер (От Олимпии до Ниневии, с. 116 и сл.) отмечала параллели между повестью об Ахикаре и поэмой Гесиода «Труды и дни».

¹⁰⁰ Kuhrt A. Assyrian and Babylonian Traditions in Classical Authors: a Critical Synthesis.—Mesopotamien und seine Nachbarn. Bd. 2, с. 539 и сл.

¹⁰¹ Более того, предполагается, что благодаря расширению границ Вавилонского царства до Аравии сюда могли проникать греческие вещи, такие, как спартанская статуэтка середины VI в., найденная в южной Аравии (Segall B. The Arts and King Nabonidus.—AJA, 1955, № 59, с. 315—318). В VI в. здесь уже существовали греческие колонии — см.: Шифман И. Ш. Эллино-восточные этюды. I.—Проблемы античного источниковедения. М.—Л., 1986, с. 175—180.

¹⁰² Momigliano A. Fattori orientali della storiografia ebraica postestlica e della storiografia greca.—RSI, 1965, № 77, с. 462.

¹⁰³ Подробнее см.: Bilabel F. Geschichte Vorderasiens, с. 231 и сл.; Leh-

man-Haupt C. F. Zur Erwähnung der Ionier in altorientalischen Quellen. 2. Ja-
van und die Völkertafel.—Klio. 1934, № 27, с. 286 и сл.

¹⁰⁴ *Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947, с. 116.

¹⁰⁵ *Jos. Phlav. Ant. Jud. I, 127:* Тарсом в древности называлась Киликия. Фигурирующая в литературе идентификация Таршиша с иберийским Тартес-сом невозможна потому, что там не было греков, т. е. Тартесс не был «сыном Явана». Проблема идентификации Таршиша кажется излишне запутанной в историографии; см. о ней: *Simons J. J.* The Geographical and Topographical Texts of the Old Testament. Leiden, 1959, § 251.

¹⁰⁶ *Simons J. J.* Geographical and Topographical Texts, § 73; *Cavaignac E.* Alashia—Élise.—Journal asiatique, 1959, № 247, с. 297 и сл.; *Février J.-G.* Alashia—Élise.—Journal asiatique. 1960, № 248, с. 259.

¹⁰⁷ К сожалению, мне оказалась недоступной статья: *Gabrini G.* Tarso e Gen. 10, 4.—Bibbia e Oriente. Genova, 1965, с. 13—19.

¹⁰⁸ *Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente, с. 116; *Simons J. J.* The Geo-
graphical and Topographical Texts, § 213.

¹⁰⁹ Что под Деданом здесь лучше понимать не аравийскую область, а Родос — Dodanim, см.: *Simons J. J.* Geographical and Topographical Texts, § 213.

¹¹⁰ *Hill G. H.* A History of Cyprus, V. I, с. 97, примеч. 2.

¹¹¹ *Kretschmer P.* Der Name der Lykier und andere kleinasiatische Völker-
namen.—Kleinasiatische Forschungen, Bd. I, Hft. 1, с. 27 и сл. (non vidi);
Гиндин Л. А. Гом. ΚΗΤΕΙΟΙ в конкретно-исторической интерпретации.—Сла-
вянское и балканское языкознание. М., 1983, с. 32.

¹¹² *Jos. Phlav. Ant. Jud. I, 128;* некий Хетим (т. е. хуррито-лувийцы юго-
восточной Анатолии, о которых шла речь на с. 127), «овладел островом Cheti-
та, ныне называемый Кипром, и по нему евреи называют всякие острова и
приморские местности». Ср.: *Simons J. J.* Geographical and Topographical Texts,
§ 141 ter.

¹¹³ *Wiseman D. J.* Chronicles of Chaldaean Kings. L., 1956, с. 39—42.

¹¹⁴ Упоминается анонимным периплом и средневековым актом (*Pape W.,
Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1884,
Bd. 2, с. 1204).

¹¹⁵ *Naveh J.* The Excavations at Meşad Hashavyahu.—IEJ, 1962, № 12,
с. 89—99; *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 45; *Согомонов А. Ю.* Греки-
наемники на доэллинистическом Леванте.—X авторско-читательская конферен-
ция «Вестника древней истории» АН СССР. Тезисы докладов. М., 1987, с. 27.

¹¹⁶ *Naveh J.* Seventh Century Hebrew Letter.—IEJ, 1960, № 10, с. 129—
139; *он же.* More Hebrew Inscriptions from Meşad Hashavyahu.—IEJ, 1962,
№ 12, с. 27—32.

¹¹⁷ *Strange J.* The Inheritance Dan.—Studia theologica. № 20, 1966,
с. 135—136.

¹¹⁸ *Rijs P. J.* Griechen in Phönizien, с. 251—254.

Глава 4

¹ О связях древнейшей Греции и Египта см.: *Helck W.* Die Beziehungen
Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jh. v. Chr. Darmstadt, 1979,
passim; *Morenz S.* Die Begegnung Europas mit Aegypten. B., 1968, с. 52—78;
Kantor H. The Aegean and the Orient in the Second Millenium B. C.—AJA,
1947, № 51, с. 3 и сл.; *Smith W. S.* Interconnections in the Ancient Near East.
New Haven, 1965; *Schachermeyr F.* Ägäis und Orient. Wien, 1967; *Nilsson M. P.*
Oriental Import in Minoan and Mycenaean Greece.—Archiv orientální. 1949,
№ 17, с. 210—212; *Борухович В. Г.* Территория Эллады и Египет в древнейший
период (III — середина II тыс. до н. э.).—Ученые записки Горьковского уни-
верситета. 1965, вып. 67, с. 3—25.

² *Борухович В. Г.* Ахейцы и морские народы, напавшие на Египет в кон-
це XIII — начале XII в. до н. э.—Ученые записки Горьковского университета.
1965, вып. 67, с. 26 и сл.

³ *Борухович В. Г.* Гомер и Египет.—Іноземна філологія. Вип. 9. Львів,
1966, с. 13—16.

⁴ ARAB, 2, с. 292 и сл.; ANET, с. 294 и сл. Ср., однако: *Соловьева С. С.* Из истории лидийско-египетских отношений.— Древняя Анатолия. М., 1985, с. 243 и сл.

⁵ *Соловьева С. С.* Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией.— Древний Восток. Т. I. М., 1975, с. 258.

⁶ Характеристику найденного материала см.: *Mallet D.* Les Premiers établissements des grecs en Egypte. P., 1893, с. 54 и сл.; *Cook R. M.* Amasis and the Greeks in Egypt.— JHS, 1937, № 57, с. 229.

⁷ *Hall H. R.* The Ancient History of the Near East. L., 1952, с. 528.

⁸ По мнению Ф. Кинитца, промежуток в 29 лет подразумевает осаду Ашдода в 654 и 625 гг. (*Kienitz F.* Geschichte Ägyptens. В., 1953, с. 17).

⁹ Отчеты о всех четырех годах раскопок см.: *Naukratis. Pt. 1—2.* L., 1886, 1888 (*W. M. Flinders Petrie, E. A. Gardner et alii*); *Hogarth D. G.* Excavations at Naukratis.— BSA, 1898—1899, № 5, с. 26—97; *он же.* Naukratis, 1903.— JHS, 1905, № 25, с. 105—136.

¹⁰ См. библиографию в кн.: *Bernand A.* Le Delta égyptien. Т. 2. Le Caire, 1970, с. 575 и сл.; см. также: *Mallet D.* Les Premiers établissements des grecs en Egypte...; *Smith E. M.* Naukratis, a Chapter in the History of the Hellenization of Egypt.— Journal of the Society of Oriental Research, 1926, № 10, с. 119—206; *Kees H.* Naukratis.— RE, 1935, XVI, № 2, кол. 1954—1964; *Cook R. M.* Amasis and the Greeks in Egypt.— JHS, 1937, № 57, с. 227—237; *Bissing F. W. von.* Naukratis.— BSA (alexandria), 1951, № 39, с. 33—83 (non vidi); *Prinz H.* Funde aus Naukratis. Lpz., 1908; *Boardman J.* The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973², с. 110—151.

¹¹ Описание объектов см.: *Bernand A.* Le Delta. Т. 2, с. 817 и сл.; *Mallet D.* Les Premiers établissements, с. 175 и сл.; *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 116 и сл.

¹² *Naukratis. Pt. 1*, с. 2; *Pt. 2*, с. 70 и сл.; *Mallet D.* Les Premiers établissements, с. 172; *Cook R. M.* Amasis and the Greeks, с. 228.

¹³ *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 119 и сл.

¹⁴ *Bernand A.* Le Delta. Т. 2, с. 770.

¹⁵ Подробности см.: *Kees H.* Naukratis, кол. 1960.

¹⁶ К. Рёбак указывал на отправление в V в. Коринфом в свою колонию Потидею магистратов-эпидемиургов (*Roebuck C.* The Organisation of Naukratis.— CPh, 1951, № 46, с. 216). Однако эта параллель некорректна — это факт уникальный, объясняемый по-разному (см.: *Graham A. J.* Colony and Mother-City in Ancient Greece. Chicago, 1983, с. 136—137), но в любом случае связанный с двойственным положением Потидеи — коринфской колонии и в то же время члена Афинской лиги, противника Коринфа.

¹⁷ По мысли К. Рёбака, это произошло еще в VI в. Его единственный, по существу, аргумент состоит в том, что уже в VI в. греческую общину Навкратиса, по словам Геродота (II, 178), объединял храм Элленион (*Roebuck C.* The Organisation of Naukratis, с. 212 и сл.). Геродот, однако, говорит только о культовом объединении, а не политическом, и этого аргумента недостаточно, а других свидетельств о полисном статусе Навкратиса нет. Отмечу, что в одном граффито восстанавливается этникон [Najukra[ti]tēs] (*Bernand A.* Le Delta. Т. 2, с. 708), который мог бы служить указанием на полисный статус города (датировка фрагмента не дана Бернаном). Однако, во-первых, восстановление очень предположительно, во-вторых, ср. сохранившийся в абидосском Мемнионе автограф греческого наемника: «Тимарх дафнант», датированный V в., этникон которого не может служить указанием на полисный статус Дафн в V в., поскольку известно, что греческие солдаты этого укрепления составляли только часть размещавшегося здесь персидского гарнизона.

¹⁸ *Gjerstad E.* Naukratis Again.— Acta archaeologica. 1959, № 30, с. 147 и сл. Храм Аполлона несколько раз перестраивался в том же VI в.

¹⁹ *Bernand A.* Le Delta. Т. 2, с. 704.

²⁰ Carchemish. V. 2. L., 1921, с. 125.

²¹ ML, 7; *Bernand A., Masson O.* Les inscriptions grecques d'Abou-Simbel.— REG, 1957, № 70, с. 1 и сл.

²² Подробней об этом походе см.: *Sauneron S., Yoyotte J.* La Campagne

nubiennne de Psammétique II et sa signification historique.— Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1952, № 50, с. 157—207.

²³ ML, с. 13.

²⁴ Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969, с. 355.

²⁵ Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. 2. Л., 1936, с. 105—106.

²⁶ Там же, с. 106.

²⁷ Winckler H. Pittakos? — Altorientalische Forschungen. Bd. VI. Lpz., 1897, с. 511; ANET, с. 308.

²⁸ Winckler H. Pittakos, с. 513.

²⁹ Simons J. J. The Geographical and Topographical Texts of the Old Testament. Leiden, 1959, §198.

³⁰ Boardman J. The Greeks Overseas, с. 134 и сл.

³¹ Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece, с. 355, 415.

Заклучение

¹ Amandry P. Objets orientaux en Grèce et en Italie aux VIIIe et VIIe siècles av. J.-C.— Syria. 1958, № 35, с. 103—109. См. также: Barnett R. D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece.— ANE, с. 226 и сл.; Dunbabin T. J. The Greeks and Their Eastern Neighbours. L., 1957; Helck W. Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jh. v. Chr. Darmstadt, 1979, с. 209 и сл.

² Краткую и емкую характеристику восточного импорта в архаической Греции см.: Herrmann H. V. Hellas.— Reallexikon der Assyriologie. Bd. 4. B.— N. Y., 1972—1975, с. 303—311; он же. Kreta.— Там же. Bd. 6, Lfg. 3—4, 1981, с. 236—240.

³ Приведенные примеры взяты из кн.: Culican W. The First Merchant Ventures. N.-Y., 1966, с. 89—90.

⁴ Higgins R. A. Early Greek Jewellery.— BSA, 1969, № 64, с. 143 и сл. Ср.: Maxwell-Hyslop R. Western Asiatic Jewellery, с. 3000—612 B. C. L., 1974.

⁵ Jantzen Ü. Ägyptische und orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos. Bonn, 1972; Heilmeyer W. D. Frühe olympische Tonfiguren. B., 1972; он же. Frühe olympische Bronzefiguren: die Tiermotive. B., 1979.

⁶ Barnett R. D. Early Greek and Oriental Ivories.— JHS, 1948, № 68, с. 1—25; он же. A Catalogue of the Nimrud Ivories. L., 1957.

⁷ Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. København, 1926; Jacobsthal P. Greek Pins and Their Connections with Europe and Asia. Oxf., 1956.

⁸ Boardman J. The Greek Overseas, с. 35; Hopper R. J. The Early Greeks. L., 1976, с. 105.

⁹ Buchner G. Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pitekoussai auf der Insel Ischia und dem nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8. Jhs. v. Chr.— Die Phönizier im Westen. Mainz, 1982, с. 277—289, а также с. 298—306.

¹⁰ Amandry P. Chaudrons à protomes de taureau en Orient et en Grèce.— ANE, с. 239 и сл.; Herrmann H.-V. Die Kessel der orientalisierenden Zeit. Bd. I—II. B., 1966, 1979; он же. Urartu und Griechenland.— JDAI, 1966, № 81, с. 79 и сл.; он же. Frühgriechischen Pferdeschmuck vom Luristanipus.— JDAI, 1968, № 83, с. 1 и сл.; Liepmann U. Fragmente eines Dreifusses aus Zypern in New York und Berlin.— JDAI, 1968, № 83, с. 39 и сл.; Maass M. Die geometrischen Dreifüsse von Olympia. B., 1978; Helck W. Beziehungen Ägyptens, с. 224—225.

¹¹ Postgate J. N. Assyrian Texts and Fragments. 5.— Iraq. 1973, № 35, с. 28.

¹² Отсюда и зависимость греческих весовых мер архаической поры от финикийских (см.: Parise N. F. Unità ponderali orientali in Occidente.— Il commercio greco nel Tirreno in età arcaica. Salerno, 1981 [non vid]).

¹³ Coldstream J. N. Geometric Greece. L., 1977, с. 358.

¹⁴ Kunze E. Kretische Bronzereliefs. Stuttgart, 1931.

¹⁵ Boardman J. The Cretan Collection in Oxford. The Dictaeon Cave and Iron Age Crete. Oxf., 1961, с. 134 и сл.

¹⁶ Laffineur R. L'Orfèvrerie rhodienne orientalisante. P., 1978 (недоступна, излагаю по рецензии E. Goring; JHS, 1980, № 100, с. 287).

¹⁷ *Coldstream J. N.* Geometric Greece, с. 363.

¹⁸ *Barnett R. D.* Syrian Vase.— Syria, 1957, № 34, с. 243 и сл.

¹⁹ *Buchholz H.-G.* Die östliche Herkunft eines griechisch-geometrisch Gefäßdetails.— JDAI, 1968, № 83, с. 58 и сл.

²⁰ См., к примеру: *L'Expansion phénicienne. Carthage. P.*, 1976, с. 92: роспись сосудов XI—IX вв. из Карайе около Сидона и из Халде около Бейрута. Подобная финикийская роспись была одним из импульсов возникновения ориентализирующего греческого стиля.

²¹ Ср.: *Karageorghis V.* Ancient Civilization of Cyprus. N. Y., 1969, рис. 104—106, 109—110.

²² *Boardman J.* The Greeks Overseas, с. 3.

²³ *Kardara Chr.* On Mainland and Rhodian Workshops Shortly before 600 B. C.— AJA, 1955, № 59, с. 49—54.

²⁴ Подробней об историографии вопроса см.: *Копейкина Л. В.* Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточно-ионийской Греции.— ВДИ, 1975, № 1, с. 103 и сл.

²⁵ В нашу задачу не входит характеристика ориентализирующего стиля, поскольку она имеется в отечественной литературе. См., к примеру: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 79 и сл.; *Копейкина Л. В.* Ориентализирующий стиль, с. 105 и сл.; *Борисовская С. П.* К вопросу об ориентализирующем стиле в искусстве архаического Коринфа.— ВДИ, 1968, № 3, с. 105 и сл.

²⁶ *Coldstream J. N.* Geometric Greece, с. 358. В докладе о финикийцах в Эгее, прочитанном на Кельнском симпозиуме, Колдстрим признавал восточное влияние более глубоким. *Culican W.* The First merchant Ventures. N. Y., 1966, с. 94. См. также материалы Стокгольмского коллоквиума о Греции VIII в.: *The Greek Renaissance of the Eight Century B. C.: Tradition and Innovation.* Stockholm, 1983.

²⁷ *Shiloh Y.* Elements in the Development of Town Planning in the Israelite City.— IEJ, 1978, № 28, с. 36 и сл.

²⁸ *Shiloh Y.* New Proto-Aeolic Capitals Found in Israel.— BASOR, 1976, № 222, с. 67—77; *Rahmani L. Y.* A Votive Stele with Proto-Aeolic Capital.— IEJ, 1982, № 32, с. 199—202.

²⁹ *Boardman J.* Chian and Early Ionic Architecture.— Antiquaries Journal, 1959, № 39, с. 215—216.

³⁰ К сожалению, мне недоступна работа: *Betancourt Ph.* The Aeolic Style in Architecture. Princeton, 1977.

³¹ *Puchstein O.* Das ionische Kapitell. B., 1887; *он же.* Die ionische Säule als klassisches Bauglied orientalischer Herkunft. Lpz., 1907. Ф. Лушан полагал, что для греческой ионийской капители природным образцом служила ближневосточная финикийская пальма: *Luschan F. von.* Entstehung und Herkunft der ionischen Säule. Lpz., 1912, с. 42.

³² *Crowfoot J. W., Kenyon K. M., Sukenik E. L.* The Buildings at Samaria. L., 1942, с. 13—15; *Bossert H.* Altisrien. Tübingen, 1951, рис. 1012, 1014.

³³ Ср.: *Theodorescu D.* Le chapiteau ionic grec. Genève, 1980 (non vidi).

³⁴ О портике бит-хилани см.: *Meissner B., Rost P.* Noch einmal das bit-hillâni und die assyrische Säule. Lpz., 1893, с. 14. М. Рнмшнейдер отметила, что в поэме Гомера дворец Алкиноя (Одиссея) списан с киликийского бит-хилани (*Римшнейдер М.* От Олимпии до Ниневии, с. 72 и сл.).

³⁵ Они нашли отражение в ряде работ, в частности: *Müller V.* Frühe Plastik in Griechenland und Vorderasien. Augsburg, 1929; *Richter G. M. A.* Kouroi. N. Y., 1942; *Eadem.* Archaic Greek Art against Its Historical Background. N. Y., 1949; *Eadem.* Korai. L., 1968.

³⁶ *Ridgway B. S.* The Archaic Style in Greek Sculpture. Princeton, 1977, с. 17.

³⁷ *Anthes R.* Affinity and Difference between Egyptian and Greek Sculpture and Thought in the Seventh and Sixth Centuries B. C.— Proceedings of American Philological Society, 1963, № 107, с. 60—81; *Boardman J.* Greek Sculpture. The Archaic Period. L., 1978; *он же.* Preclassical: from Crete to Archaic Greece. Harmondsworth etc., 1978.

³⁸ *Ridgway B. S.* The Archaic Style, гл. 2.

³⁹ *Rimшнейдер М.* От Олимпии до Ниневии, с. 40.

⁴⁰ *Murray O.* Early Greece. Brighton, 1980, с. 80.

⁴¹ *Fehr B.* Orientalische und griechische Gelage. Bonn, 1971; *Dentzer J. M.* Aux origines de l'iconographie du banquet couché.— RA, 1971 с. 215 и сл.; *Chuvin P.* Manger assis, manger couché.— L'Histoire. 1986, № 85, с. 67—68.

⁴² *Wirth H.* Homer and Babylon. Freiburg, 1921; *Dornseiff F.* Antike und alter Orient. Lpz., 1959; *Lesky A.* Hethitische Texte und griechischen Mythos.— Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. 1950, № 87, с. 137—159; *он же.* Zum hethitischen und griechischen Mythos.— Eranos, 1954, № 52, с. 8—17; *Barnett R. D.* The Epic of Kumarbi and the Theogony of Hesiod.— JHS, 1945, № 65, с. 100—101; *Dussaud R.* Les Antécédents orientaux à la Théogonie d'Hésiode.— Mélanges H. Crégoire. T. 1. Bruxelles, 1949, с. 227—231; *Dirlmeier F.* Homerisches Epos und Orient.— Rheinisches Museum, 1955, № 98, с. 18—37.

⁴³ *Gordon C. H.* Before the Bible. The Common Background of Greek and Hebrew Civilizations. L., 1962; *он же.* Introduction to Old Testament Times. Ventnor, 1953, с. 89—99; *Astour M. C.* Hellenosemitica. Leiden, 1965, passim; *Walcot P.* Hesiod and the Ancient Near East. Gardiff, 1966, passim; *Helck W.* Beziehungen Ägyptens, с. 235 и сл.; *Hesiod.* Theogony. Ed. M. L. West. Oxf., 1966; *Hesiod.* Works and Days. Ed. M. L. West. Oxf., 1978; *Burckert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge (Mass.), 1972; *он же.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, 1979; *он же.* Götterspiel und Götterburleske in altorientalischen und griechischen Mythen.— Eranos (Jahrbuch), 1982, № 60, с. 335—367.

⁴⁴ *Astour M. C.* Hellenosemitica, passim. Названный автор, однако, как отмечалось в литературе, излишне увлекся в выявлении семитских истоков ряда греческих мифологем.

⁴⁵ *Wirth H.* Homer and Babylon, passim; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. N. Y., 1958, с. 64 и сл.; *Herm G.* Die Phoenizier, гл. 12.

⁴⁶ *Gordon C. H.* Before the Bible, с. 227—228.

⁴⁷ *Burckert W.* Oriental Myth and Literature in the Iliad.— The Greek Renaissance of the Eight Century B. C., с. 51—56.

⁴⁸ *Carpenter Rh.* Argeiphontes: a Suggestion.— AJA, 54, 1950, с. 181—182.

⁴⁹ *Kirk G. S.* Myth, its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures. Berkeley — Los Angeles, 1970, с. 162 и сл.

⁵⁰ *Oberhuber K.* Der Kyklop Polyphem in altorientalischer Sicht.— Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1974, № 12, с. 147—153.

⁵¹ *Knox M.* Polyphemos and his Near-Eastern Relations.— JHS, 1979, № 99, с. 164—165.

⁵² *Poljakov Th.* A Phoenician Ancestor of the Cyclops.— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1983, № 53, с. 95—98.

⁵³ Ср. тезисы его доклада: *Иванов Вяч. Вс.* Античное переосмысление древневосточных мифов.— Балканы в контексте Средиземноморья. Проблема реконструкции языка и культуры. М., 1986, с. 21 и сл.

⁵⁴ *Walcot P.* Hesiod and the Near East, с. 103.

⁵⁵ *Barnett R. D.* The Epic of Kumarbi and the Theogony of Hesiod.— JHS, 1945, № 65, с. 100—101; *Dussaud R.* Les Antécédents orientaux, с. 227—231.

⁵⁶ *Richardson N. J.* [Notice on:] *Hesiod.* Works and Days. Ed. M. L. West.— JHS, 1979, № 99, с. 169.

⁵⁷ *Kirk G. S.* Myth, с. 233.

⁵⁸ По сообщению Вяч. Вс. Иванова, Ахайа фигурирует в каппадокийских табличках рубежа III—II тысячелетия.

⁵⁹ *Richardson N. J.* [Notice], с. 169.

⁶⁰ *Schretter M.* Alter Orient und Hellas. Innsbruck, 1974.

⁶¹ *Roscher's* Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 1, Lpz., 1884, с. 429; *Jessen, RE*, Halbbd. 8, 1901, кол. 2515; *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. V. 4 Oxf., 1907, с. 145—148; *Wiegand Th.* Milet. Bd. III, 1. B., 1914, с. 407.

⁶² *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, 1955, с. 554—555; И. И. Толстой (ЖМНП, 1904, январь, с. 12) отмечал бли-

зость ипостасей Аполлона Дельфиния и Врача по внутреннему их содержанию бога-целителя.

⁶³ Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. 2 München, 1906, с. 1228—1229.

⁶⁴ Barnett R. D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece.—ANE, с. 219.

⁶⁵ Гиндин Л. А. Отражение мифа о поединке в гомеровских гимнах.— Античная балканистика. Ч. 2. Предварительные материалы. М., 1975, с. 58 и сл.

⁶⁶ Drews R. The Greek Accounts of Eastern History. Wash., 1973; Соловьева С. С. Память об Ассирии в трудах античных и раннесредневековых авторов.— Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 42 и сл.

⁶⁷ Hemmerdinger B. Trois notes.—REG, 1966, № 79, с. 700; Szemerényi O. The Origins of the Greek Lexicon.—JHS, 1974, № 94, с. 148—152. Оба труда с частичными отсылками к кн.: Zimmermann H. Akkadische Fremdwörter als Beweis für babylonischen Kultureinfluss. Lpz., 1917, с. 12, 33, 34, 47, 56—57 и др.

⁶⁸ Если только это не бродячая звукоподражательная лексема.

⁶⁹ Hooker J. T. Gephyra: a Semitic Loan-Word? — Festschrift for O. Szemerényi. Amsterdam, 1979, с. 387 и сл.

⁷⁰ См. об этом, в частности: Bauer H. Der Ursprung des Alphabets. Lpz., 1937; Driver G. R. Semitic Wrighting. L., 1948; Das Alphabet. Entstehung und Entwicklung der griechischen Schrift. Darmstadt, 1968; Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969, Introduction.

⁷¹ Hemmerdinger B. Trois notes, с. 702. Мы видели, что и на Тель-Сукасе они не старше VI в. (с. 255).

⁷² Hemmerdinger B. Wolf, Homère et le papyrus.— Archiv für Papyrusforschung, 1968, № XVII, 2, с. 187 и сл.; он же. Trois notes, с. 702—703.

⁷³ См. его выступление в дискуссии на Кельнском симпозиуме по докладу Дж. Колдстрима: Phönizier im Westen, с. 273.

⁷⁴ Gordon C. H. Before the Bible, с. 240 и сл.

⁷⁵ Harden D. The Phoenicians. L., 1962, с. 79

⁷⁶ Boardman J. Chian and Early Ionic Architecture, с. 216—217; Richter G. M. A. Greeks in Persia.—AJA, 1946, № 50, с. 15 и сл.; Roaf M., Boardman J. A Greek Painting at Persepolis.—JHS, 1980, № 100, с. 204—206.

⁷⁷ West M. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxf., 1971.

⁷⁸ Szemerényi O. The Origin of the Name of the Dorians.—Clossologia. Athens, 1983, № 1, с. 73—82. См. также: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тб., 1984, с. 900 и сл.

Приложения

¹ Jeffery L. H. Archaic Greece. L., 1978, с. 64—67. Ср.: Donlan W. Archilochus, Strabo and the Lelantine War.—TAPA, 1970, № 101, с. 131 и сл.; Townsend K. Der Lelantinische Krieg — ein Mythos? — Klio, 1987, № 2, с. 499 и сл.

² Popham M. R., Sackett L. H. Excavations at Lefkandi, Euboea. L., 1968, с. 3—4, 33, 35.

³ Подробности см.: Tedeschi G. La guerra Lelantea e la cronologia esiodea.— Studi triestini di antichità in onore di L. A. Stella. Trieste, 1975, с. 158 и сл.; Lambert S. D. A Thucydidean Scholium on the «Lelantine War».—JHS, 1982, № 102, с. 216—220.

⁴ Детали см.: Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. P., 1957, с. 125.

⁵ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Т. 2. P., 1970, с. 436. Объяснение А. Карнуа, сводящее это имя к предполагаемой основе, лишено реальной лексической базы (Carney A. Dictionnaire étymologique de la mythologie gréco-romaine. Louvain, 1957, с. 199—200). К сожалению, мне недоступна работа П. Рамат с соображениями об этимологии имени Тезея в кн.: VII Congresso internazionale di scienze onomastiche. Atti e memorie. V. 3. Firenze, 1961, с. 268—271.

⁶ Döderlein L. Homerisches glossarium. Bd. 3. Erlangen, 1858, с. 350.

⁷ Предание о Тезее как объединителе Аттики является частью предания

о нем как освободителе отечества, возникшего на третьей, последней фазе формирования легенды, приходящегося на V в., см.: *Dugas Ch. L'évolution de la légende de Thésée.*— REG, 1943, № 56, с. 24.

⁸ Рукописи дают различающиеся даты: для Накса 740, 739, для Сиракуз 738, 737, 736 гг. (Euseb.— Hier., р. 89 Helm). Полный обзор литературной традиции см.: *Miller M. The Sicilian Colonisation Dates.* Albany, 1970.

⁹ *Vallet G., Villard F. Dates de fondation de Mégara Hyblaea et de Syracuse.*— BCH, 1952, № 76, с. 325.

¹⁰ Там же, с. 344.

¹¹ Там же, с. 318.

¹² Там же, с. 299.

¹³ М. Пираино, А. Шенк Штауфенберг, Э. Сьоквист (см.: *Sjöquist E. Sicily and the Greeks.* Ann Arbor, 1973, с. 17—18, 75).

¹⁴ *Van Compernelle R. A propos des dates de fondation de Selinounte et de Syracuse.*— Bulletin de l'Institut historique belge de Rome. 1953, т. 28, с. 165 и сл. (non vidi); *Boardman J. The Greeks Overseas.* Harmondsworth, 1973, с. 173.

¹⁵ *Mégara Hyblaea.* Т. 2. Р., 1964, с. 15 и сл.

¹⁶ Это признает, например, Э. Сьоквист (*Sjöquist E. Sicily and the Greeks*, с. 17).

¹⁷ Дж. Боурдмен (*Boardman J. The Greek Overseas*, с. 173) указывает, что стремление перевернуть традиционную последовательность основания Сиракуз и Мегары, исходя из наличия небольшого количества сосудов разных типов, сомнительно. Положение Мегары в неудобной местности говорит само за себя (у Мегары не было своей хорошей гавани, она лежала на побережье у небольшого плато, которым и ограничивалась вначале хора города).

¹⁸ *Hammond N. G. L. Epirus.* Oxf., 1967, с. 414; Ср.: *Miller M. The Sicilian Colonisation Dates*, с. 192—193.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИАН — Известия Российской Академии наук
 СА — Советская археология
 AJA — American Journal of Archaeology
 ANE — The Aegean and the Near East. Studies presented to H. Goldman. Locust Valley (N. Y.), 1956
 ANET — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Ed. by J. B. Pritchard. Princeton, 1955
 ARAB — *Luckenbill D. D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Vol. 1—2. Chicago, 1926—1927
 AS — Anatolian Studies
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BSA — Annual of the British School at Athens
 CAH — Cambridge Ancient History.
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
 CPh — Classical Philology
 CQ — Classical Quarterly
 DS Diction- — *Daremberg Ch., Saglio M. E.* Dictionnaire des antiquités grec-
 naire ques et romaines
 FGH — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil I—
 III. Berlin — Leiden, 1923 и сл.
 GAL — Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark
 Ages» vom 12. bis zum 9. Jh.v.Chr. Wien, 1983
 GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies
 IEJ — Israel Exploration Journal
 JDAI — Jahrbuch der Deutschen archäologischen Instituts
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JNES — Journal of Near East Studies
 LSJ — *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon
 ML — *Meiggs D., Lewis M.* A Selection of Greek Historical Inscriptions.
 Oxf., 1969
 PP — Parola del Passato
 RA — Revue archéologique
 RE — Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REA — Revue des études anciennes
 REG — Revue des études grecques
 RSI — Rivista storica italiana
 Syll.³ — *Dittenberger D. et alii.* Sylloge inscriptionum Graecarum. Lpz.,
 1915—1924, v. 1—4.
 TAPA — Transactions of American Philological Association
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

Введение	3
Часть I	
Социально-политическое развитие архаической Греции	9
Глава 1. Поселенческая практика раннеархаической эпохи	9
Филы	9
Освоение территории филами	10
Демы, комы	12
Глава 2. Протополис	17
От комы к протополису: социально-политическое развитие поселка раннеархаического времени	17
Материальная характеристика протополиса	24
Глава 3. Гесиодовский век	29
Поэма «Труды и дни» как исторический источник	29
Биография Гесиода	33
Гесиодовский полис — Феспии	37
Общая характеристика гесиодовского полиса	39
Экономика гесиодовского полиса: труд и хозяйство	40
Земельный строй и социальные отношения	43
Право и суд	53
Политический строй	58
Некоторые итоги и перспективы	60
Глава 4. Древнегреческая колонизация	62
Этиология феномена	62
Исторический аспект колонизационного процесса	71
Внутреннее развитие колонизационного процесса (некоторые физико-экономические аспекты становления колоний)	79
Глава 5. Возникновение и становление полиса	90
Сущность полиса	90
Географический и демографический аспекты возникновения полиса: традиционное распределение населения в Греции	91
Хронология феномена	94
Коринф и Мегара	95
От монархии к полису	99
Материальный уровень и характер общества эпохи возникновения и становления полиса	100
Демос и возникновение полиса	105
Социально-политическое развитие архаических Сиракуз	112
Часть II	
Связи архаической Греции с Ближним Востоком	119
Глава 1. Историография и предыстория вопроса	119
Греки и Ближний Восток в конце II тысячелетия	22
Финикийцы и Эгеида в X—IX вв.	32

Глава 2. Греческие фактории и колонии Восточного Средиземноморья	136
Возобновление греческого присутствия на Ближнем Востоке в IX—VIII вв.	136
Древнегреческие фактории в Сирии и Финикии — Аль-Мига, Тель-Сукас	138
Греческая колонизация Памфилии и Киликии	150
Характер и цели освоения греками юго-восточной Анатолии и Леванта	160
Глава 3. Греки в ассирийской, вавилонской и библейской традициях	167
Ассирия и греки	167
Нововавилонское царство и греки	188
Библейская традиция о греках	192
Глава 4. Греки в Египте	197
Заключение. Роль ближневосточной цивилизации в формировании культуры архаической Греции	210
Приложения	228
I. Лелантинская война	228
II. Этимология имени Thēseus и значение слова фет	228
III. Хронология основания сицилийских колоний	229
Примечания	232
Список сокращений	269